Проф. Евгеній Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Выпускъ IV.

П. Я. Чаадаевъ. М. Н. Катковъ. М. Г. Павловъ. І. Шадъ. М. А. Максимовичъ. А. Д. Галаховъ. Н. Д. Курляндцевъ. Л. Г. Якобъ. Ѳ. Ѳ. Чановъ. М. Н. Протопоповъ и др.

Цѣна 1 рубль 70 коп.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1901.

пр. № 186 руб.

Проф. Евгеній Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Выпускъ IV.

П. Я. Чаадаевъ. М. Н. Катковъ. М. Г. Павловъ. І. Шадъ. М. А. Максимовичъ. А. Д. Галаховъ. Н. Д. Курляндцевъ. Л. Г. Якобъ. Ѳ. Ѳ. Чановъ. М. Н. Протопоповъ и др.

Цѣна 1 рубль 70 коп.

Печать Библіотеки.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Просм. 19
Проф. Зо
В.4160
Бив

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

206458

По мѣрѣ силъ и средствъ авторъ трудится надъ продолженіемъ своего скромнаго, „чернорабочаго“ труда. Сочувственные отзывы критики и читателей даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что ожиданія автора оправдались, и что его опыты по собиранію матеріаловъ и монографической обработкѣ ихъ оказываются въ той или другой степени небезполезными, признаются достойными вниманія, могутъ такъ или иначе пригодиться будущему историку русской мысли, который представитъ всеобъемлющую картину развитія цивилизаціи въ Россіи....

Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать свою признательность всѣмъ, кто содѣйствовалъ достиженію моихъ ученыхъ плановъ, въ особенности же: извѣстному мѣстному библіографу *Н. Я. Агафонову*, хранителю музея отечествовѣденія при Казанскомъ университетѣ *П. В. Траубенбергу*, библіотекарю Казанской духовной академіи *Ѳ. И. Троицкому*, и помощнику библіотекаря Юрьевскаго университета *Э. А. Шульцу*.

Авторъ.

7. 5. 1900.
Казань.

Не успѣвъ составить подробнаго указателя именъ къ моимъ монографіямъ, для облегченія отыскиванія предлагаю предварительный списокъ лицъ, біографіямъ и трудамъ коихъ посвящены тѣ или иныя мѣста въ моихъ книгахъ. „Философія въ Россіи“, т. I: *А. А. Козловъ* (о немъ же въ моихъ сочиненіяхъ: „О понятіи бытія“ и „Рецензія на V вып. „Своего Слова“) и *Г. Тейхмюллеръ* (о немъ же въ книгахъ: „О понятіи искусства“ и „Безсмертіе души“). „Философія въ Россіи“, т. II: *Д. В. Веневитиновъ*, *І. Шадъ*, *И. Ѳ. Гриневичъ*, *Д. М. Велланскій*, *М. Г. Павловъ*, *Н. И. Розановъ*. „Философія въ Россіи“, т. III: *Д. М. Велланскій*, *А. Н. Радищевъ*.

„Литература и просвѣщеніе въ Россіи“, т. I: *Д. В. Веневитиновъ*, *В. С. Печеринъ*, *В. Ф. Г.* и *А. И. Кранихфельды*, *В. М. Котельницкій*.

Къ этому присоединяются еще мои: „Этическія воззрѣнія графа *Л. Н. Толстого* и философская ихъ критика“, „Философскій элементъ въ сочиненіяхъ *В. Г. Бѣлинскаго*“ и „Философія и литература“, т. I (о *Н. А. Добролюбовѣ*).

Въ печатающійся II т. „Литературы и просвѣщенія“ и V т. „Философіи въ Россіи“ войдутъ, между прочимъ, извѣстія о слѣдующихъ лицахъ: *Ѳ. И. Буслаевъ*, *И. И. Давыдовъ*, *Ѳ. В. Булгаринъ*, *Н. А. Ивановъ*, *Д. М. Велланскій*, *П. М. и И. М. Терновскіе*, *А. И. Райковскій*, *А. П. Владимірскій*, *М. К. Павловскій*, *С. И. Любимовъ*, *Ф. Х. Рейнгардтъ*, *А. М. Брянцевъ* и др.

Е. А. Б.

Оглавленіе.

Стран.

I) Шеллингъ и Чаадаевъ. 1

II) Ученики М. Г. Павлова (М. А. Максимовичъ, А. Д. Галаховъ и др.) 18

Прибавленіе: Н. Д. Курляндцевъ 93

III) Іоаннъ Шадъ, его товарищи и преемники по каѳедрѣ . . 99

— — Л. Г. Якобъ 126

— — Ѳ. Ѳ. Чановъ. . . . 154

— — М. Н. Протопоповъ. . 158

— — П. И. Лебедевъ . . . 162

— — В. И. Добротворскій. . 165

IV) М. Н. Катковъ на каѳедрѣ 169

Приложенія.

I. О Павловѣ 228

II. Объ Якобѣ 244

III. О Катковѣ 247

IV. Объ Иннокентіи Борисовѣ 255

V. О Галаховѣ 263

Поправки и дополненія.

Ко II тому сего сочиненія „Философія въ Россіи“, стр. 111 и 213: Спеціалисты Желѣзновъ, Ильенковъ, Ходецкій и Кочетовъ были подготовлены не Павловымъ.

Ко II-му же тому, стр. 96: Оттиски рѣчи *А. А. Козлова* на кончину *П. И. Аландскаго* извлечены изъ газеты „Кіевлянинъ“ за 1883 г., № 135.

Къ сему IV тому, стр. 24: О Павловѣ Погодинъ въ 1835 г. бесѣдовалъ не съ С. С. Уваровымъ, а съ вновь назначеннымъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгановымъ.

О Якобѣ см. еще у *С. С. Гогоцкаго*, Философскій лексиконъ, т. IV, 2, стр. 306.

Къ стр. 212, 217 и 254: Если С. П. Шевыревъ и лишилъ Каткова предназначавшейся ему каѳедры педагогики, за то онъ же ходатайствовалъ за Каткова, чтобы того оставили при трудахъ по составленію исторіи университета съ повышеніемъ въ и. д. экстраорд. проф., и ему же (если вѣрить самому Шевыреву) Катковъ былъ обязанъ мѣстомъ редактора

„Московскихъ Вѣдомостей“: „Катковъ“, пишетъ онъ Погодину, „могъ отвѣчать мнѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ или въ „Современникѣ“, но какъ же позволить Каткову употреблять противъ меня орудіемъ „Московскія Вѣдомости“, *которыя онъ черезъ меня же имѣетъ*, какъ сказалъ мнѣ это самъ попечитель“ (В. А. Назимовъ)?—Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. XI, стр. 301.

Къ стр. 252—253. Погодинъ очень высоко цѣнилъ М. Н. Каткова, какъ филолога: его имя онъ ставитъ между „достойныхъ служителей науки, и замѣтьте, спеціалистовъ, которые доказали уже свою любовь, свое искусство, свои познанія по части отечественной филологіи“.... (То же, т. XI, стр. 218).

Параллельное мѣсто вылазкѣ Каткова объ уменьшительныхъ именахъ (ниже, стр. 247—248) находится въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго Гоголю: „страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: *Ваньками, Васьками, Степками, Палашками*“..... Гоголь, напротивъ, не видѣлъ ничего дурного въ этихъ кличкахъ: въ своемъ *разорванномъ* и не посланномъ отвѣтѣ Бѣлинскому онъ пишетъ: „Не стыдно ли Вамъ въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть *порабощеніе*? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ“.

По свидѣтельству Т. И. Филиппова, Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ 18 лѣтъ въ 1842 г. „поступилъ въ Московскій университетъ на матем. фак. по отд. естеств. наукъ, но скоро почти совсѣмъ покинулъ занятія обязательными для него предметами и съ юношескою страстію предался изученію философской системы Гегеля. Изъ всѣхъ частей этой системы Э. съ особеннымъ усердіемъ изучалъ феноменологію духа

и эстетику ....Онъ оставался подъ безусловнымъ владычествомъ Гегеля до появленія на каѳедрѣ философіи М. Н. Каткова, котораго лекціи онъ посѣщалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.... *Подъ вліяніемъ чтеній и частыхъ личныхъ бесѣдъ* съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ.... онъ *обратился къ изученію психологіи* Бенеке, точный и строгій методъ которой имѣлъ на его умъ весьма благотворное вліяніе" (Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. XI, стр. 84—85).

Къ 154—157 стр.

Г. С., опровергая „Автобіографію" Ник. Никиф. Мурзакевича, помѣстилъ „Бабичевъ и Чановъ. Замѣтки къ запискамъ Мурзакевича" въ „Русской Старинѣ" за 1887 г. (18-й годъ изд.), т. 55, сент., стр. 497—498; онъ полагаетъ (и вполнѣ *неправильно*): ...„Свѣдѣнія Мурзакевича не вполнѣ согласны съ истиною, въ особенности въ отношеніи Чанова..... представляемъ.... *положительныя* служебныя данныя этихъ лицъ, извлеченныя изъ формулярныхъ ихъ списковъ".... „Чановъ (498) *не служилъ* по Харьковской губерніи, но провелъ службу по Ярославской губерніи.... 8 іюня 1814 г. избранъ дѣйств. членомъ и секретаремъ Общ. люб. русск. словесности при Демид. училищѣ. Испр. должн. директора училищъ въ 1821 и 1822 гг. Уволенъ отъ должностей по прошенію 16 апр. 1826 г.; 28 іюня того же года опред. столоначальн. департ. иностран. исповѣд., откуда перешелъ на должность сов. Петербург. губ. правленія 13 іюля 1827 г. и занималъ ее по 23 апр. 1830 г., *когда переведенъ въ Ришельевскій лицей*".

Это очевидная ошибка, ибо Ѳ. Ѳ. Чановъ былъ опредѣленъ въ Одесскій лицей не въ 1830 г., а „5 августа 1834 г. изъ *профессоровъ Харьковскаго* университета" (Михневичъ, стр. 65).

I.

Шеллингъ и Чаадаевъ.

Имя П. Я. Чаадаева, безспорно, знаменуетъ собою цѣлую эпоху, или, по крайней мѣрѣ, поворотный пунктъ въ развитіи русской мысли въ XIX вѣкѣ. Его „Письмо“ было какбы могучимъ утесомъ или скалою, раздвоившею русло потока. О Чаадаевѣ говорятъ не мало; но нельзя не признаться, что для выясненія генезиса этой своеобразной доктрины, равно и для освѣщенія самой личности ея автора, сдѣлано пока еще очень мало. Мнѣнія Чаадаева сложились подъ весьма разнообразными вліяніями. Но эти вліянія еще не указаны, не перечислены, не оцѣнены.....

Къ числу научныхъ авторитетовъ, вліяніе которыхъ несомнѣнно сказалось на образованіи мнѣній Чаадаева, необходимо отнести славнаго философа Шеллинга. И Чаадаевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежитъ къ сонму русскихъ шеллинговцевъ. Вліяніе Шеллинга на Чаадаева было двойное: и личное, и черезъ сочиненія.

По выходѣ въ отставку Чаадаевъ весной 1821 г. предпринялъ заграничное путешествіе, длившееся 5 лѣтъ [1]). „Въ

---

[1]) Михаилъ *Лонгиновъ*, «Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ», стр. 138 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 г., т. 42, ноябрь, ст. 4.

путешествіи своемъ Чаадаевъ знакомился съ умственною жизнію Европы на дѣлѣ, изучивъ ее до этого времени въ твореніяхъ лучшихъ ея представителей. Онъ провѣрялъ свои познанія опытомъ, наблюденіемъ нравовъ и учрежденій, личными сношеніями съ передовыми людьми науки, литературы и церкви.... бесѣдовалъ съ учеными и мыслителями въ ихъ тихихъ кабинетахъ, внушая новымъ знакомцамъ дружбу къ себѣ и искреннее уваженіе къ своему уму, познаніямъ, убѣжденіямъ. Связи эти сохранилъ онъ навсегда и потомъ изъ Россіи переписывался съ заграничными знакомцами, между прочимъ съ славнымъ Шеллингомъ“ [1]).

Съ Шеллингомъ Чаадаевъ сошелся въ Карлсбадѣ въ 1825 г., когда Чаадаеву было 32 г. Онъ вошелъ въ довѣренность мыслителя, и тотъ сообщалъ ему свои мысли, даже такія, которыя еще не были имъ опубликованы въ печатныхъ сочиненіяхъ. Какъ разъ въ это именно время въ Шеллингѣ совершался его великій переломъ, и онъ обдумывалъ свою „философію откровенія“.

Шеллингъ не въ первый разъ уже встрѣчался съ молодыми русскими, жаждавшими философскаго просвѣщенія. Еще въ началѣ столѣтія онъ встрѣтился съ Д. М. Велланскимъ, наиболѣе жаркимъ своимъ русскимъ послѣдователемъ, „обратилъ вниманіе на его воспріимчивый умъ“ и самъ поощрялъ его къ философскимъ занятіямъ [2]).

Знакомство и сношенія съ Шеллингомъ поднимали Чаадаева даже въ глазахъ тѣхъ, кто не особенно внимательно относился къ философіи, какъ напр., А. С. Пушкина. При свиданіяхъ съ Погодинымъ въ Москвѣ въ 1828 г. Пушкинъ сообщаетъ ему объ отношеніяхъ Чаадаева и Шеллинга, и Михаилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 139.

[2]) Философія въ Россіи, т. II, стр. 86.

Петровичъ, отдававшій тогда дань общему увлеченію Шеллингомъ, заноситъ въ свой „Дневникъ“ подъ 23 дек. 1828 г. „Мысль завести переписку съ Чаадаевымъ, о знакомствѣ котораго съ Шеллингомъ разсказывалъ Пушкинъ“ [1]).

Такъ одно уже знакомство со знаменитымъ мыслителемъ, одна уже хотя бы простая прикосновенность къ нему придавала въ то время человѣку интересъ въ глазахъ увлекающихся почитателей Шеллинга.

Когда черезъ 7 лѣтъ послѣ этого знакомства Чаадаевъ, находясь уже въ Россіи, узналъ отъ Тургенева, встрѣтившагося тогда съ Шеллингомъ, что тотъ уже читаетъ лекціи по своей новой, видоизмѣненной философіи, Чаадаевъ загорѣлся любознательностію и просилъ философа сообщить ему подробности новой системы. Шеллингъ отвѣчалъ ему—и такимъ образомъ завязалась между ними любопытная переписка, на которую, къ сожалѣнію, еще совсѣмъ не обращали вниманія.....

Напечатано всего 2 письма (на франц. языкѣ) Чаадаева къ Шеллингу въ качествѣ приложеній къ цитированной статьѣ М. Лонгинова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1862 г., т. 42, стр. 157—160 (I письмо стр. 157—158 и II стр. 159—160). Второе письмо помѣщено также кн. Гагаринымъ въ его изданіи Oeuvres choisies Чаадаева, Paris, 1862, стр. 203—206, но представляетъ тамъ разночтенія.

Обратимся теперь къ этимъ письмамъ, въ высшей степени любопытнымъ и важнымъ для характеристики личности Чаадаева и для выясненія генезиса его воззрѣнія. Мы приводимъ ихъ въ нашемъ собственномъ переводѣ, ставя рядомъ съ переводомъ въ скобкахъ нѣкоторыя подлинныя выраженія, наиболѣе характерныя или не поддающіяся точной передачѣ по русски.

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II, стр. 258 и 415.

I.

1832 г. Москва.

М. Г.

Не знаю, помните ли Вы молодого человѣка русской національности, котораго Вы видѣли въ Карлсбадѣ въ 1825 г. Онъ имѣлъ преимущество (avantage) часто бесѣдовать съ Вами о философскихъ предметахъ, и Вы оказали ему честь сказать ему, будто Вы находите удовлетвореніе въ томъ, что сообщаете ему свои мысли. Вы говорили ему, между прочимъ, что относительно нѣсколькихъ пунктовъ Вы видоизмѣнили свои идеи, и Вы совѣтовали ему подождать появленія новаго сочиненія (которымъ Вы тогда были заняты), чтобы ознакомиться съ Вашею философіею. Это сочиненіе не появилось, а тотъ молодой человѣкъ былъ—я. Въ ожиданіи, М. Г., я перечиталъ всѣ Ваши сочиненія. Сказать Вамъ, что по Вашимъ слѣдамъ (traces) я поднялся до тѣхъ высотъ, на которыя такимъ прекраснымъ полетомъ (élan) вознесъ Васъ Вашъ геній—это было бы, можетъ быть, съ моей стороны, самонадѣянностью (présomption); мнѣ помнится, Вы находили, что *Кузенъ* не совсѣмъ Васъ понялъ; а для меня, человѣка неизвѣстнаго въ европейскомъ мірѣ, было бы неосмотрительно изъявлять притязаніе превзойти (aller en avant) столь великую литературную извѣстность (renommée); но мнѣ будетъ, думаю, позволено высказать Вамъ, что изученіе Вашихъ сочиненій открыло мнѣ новый міръ, что при свѣтѣ Вашего духа я въ области мысли прозрѣлъ пространства, которыя были всецѣло скрыты для меня, что это изученіе было для меня источникомъ плодотворныхъ и восхитительныхъ размышленій; мнѣ будетъ позволено сказать Вамъ еще, что при слѣдованіи за Вами въ Вашихъ возвышенныхъ (sublimes) путяхъ мнѣ часто случалось достигать другихъ мѣстъ, чѣмъ тѣ, въ которыя

пришли Вы. Теперь я узнаю отъ одного друга, который въ послѣднее время провелъ нѣсколько дней около Васъ, что Вы преподаете *философію откровенія*. Этотъ публичный курсъ, Вами читаемый нынѣ, М. Г., какъ я предполагаю (présume), есть именно развитіе той мысли, которая прорастала (germait) въ Вашемъ духѣ, когда я видѣлъ Васъ въ Карлсбадѣ. Я не знаю, какова можетъ быть та доктрина, которую Вы нынѣ излагаете въ своей аудиторіи, хотя, увѣряю Васъ, я, думалось мнѣ часто, предчувствовалъ, что изъ Вашей системы должна когда-нибудь истечь религіозная философія; но я не могу Вамъ высказать, сколь счастливъ я былъ, узнавъ, что наиглубочайшій мыслитель нашего времени дошелъ до этой великой идеи слить (fusion) воедино философію съ религіею. Съ перваго момента, когда начиналъ я философствовать, эта идея явилась мнѣ, какъ огонь маяка (fanal?) и цѣль всей моей умственной работы. Весь интересъ моего существованія, вся любознательность моего разума оказались поглощенными этою единственною идеею; и по мѣрѣ того, какъ я подвигался въ размышленіи впередъ, я увѣрялся, что здѣсь же и величайшій интересъ человѣчества. Всякая новая мысль, какая въ моей головѣ группировалась съ этою первой мыслію, казалась мнѣ камнемъ, который я приносилъ для построенія храма, гдѣ нѣкогда всѣ люди должны будутъ соединиться, чтобы тамъ—въ совершенномъ познаніи—покланяться очевидному Богу. Затерянный въ интеллектуальныхъ пустыняхъ (solitudes) моей страны, я долгое время считалъ себя единственнымъ, кто изнуряется этимъ трудомъ (labeur), или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что у меня разсѣяно по землѣ мало сотрудниковъ; потомъ я открылъ, что весь мыслящій міръ шелъ по тому же направленію; и то былъ для меня великій день, когда я сдѣлалъ это открытіе. Но въ то же время я былъ пораженъ необходимостью въ высокомъ индивидуальномъ разумѣ, въ великомъ изолированномъ дѣятелѣ (agent), созданномъ на то, чтобы указывать дорогу

(guider) всѣмъ разумамъ, всѣмъ дѣятельнымъ силамъ (agens) массы. Съ этихъ поръ я естественно сталъ думать о Васъ. Этотъ человѣкъ, говорилъ я себѣ, столь высоко поставленъ въ моральной сферѣ міра, это—человѣкъ, которому родъ человѣческій обязанъ въ большой части вторичнымъ открытіемъ (retrouvé) своихъ первыхъ и святыхъ интуицій; возможно ли, чтобы новый свѣтъ, который, навѣрное, скоро просвѣтитъ всѣхъ насъ, не засвѣтился (luire) его очамъ во всемъ своемъ блескѣ ранѣе, нежели онъ явится глазамъ всего міра? Онъ согласовалъ уже столько разнородныхъ (divergents) элементовъ человѣческой мысли: не согласуетъ ли онъ также религіозный элементъ съ элементомъ философскимъ, которые уже соприкасаются? Наконецъ, въ моихъ внутреннихъ (intimes) пожеланіяхъ (voeux) прогресса и совершенствованія Вамъ предназначалъ я совершить великій переворотъ, къ которому, по моему мнѣнію, стремится новый разумъ; и вотъ говорятъ мнѣ, что Ваше краснорѣчивое слово проповѣдуетъ (prêche) уже не земную, а небесную науку; и вотъ мои пожеланія, мое предчувствіе нѣкоторымъ образомъ, оказывается, осуществились!

Сначала, М. Г., я хотѣлъ только написать Вамъ, чтобы поблагодарить. Но въ сей часъ я не могу уже противиться желанію узнать кое-что объ этомъ новомъ видѣ (face) Вашей системы; будетъ ли чрезмѣрнымъ требованіемъ (безъ всякаго другого права [titre] на эту благосклонность, кромѣ моей страсти къ успѣху человѣческаго разума и моего качества—гражданина страны, весьма сильно [grandement] нуждающейся въ просвѣщеніи) просить Васъ сообщить нѣсколько данныхъ объ общихъ основахъ (bases) или объ главной идеѣ Вашего нынѣшняго ученія? Ибо, какъ Вашъ голосъ ни могущественъ, М. Г., онъ не раздается (retentit) до нашихъ широтъ; мы слишкомъ далеко отъ Васъ, М. Г.; мы принадлежимъ къ другой солнечной системѣ; свѣтоносный лучъ, исходящій отъ какой-либо звѣзды Вашего міра, долженъ проходить громадный путь, прежде чѣмъ придетъ въ нашъ міръ, и часто теряется въ этомъ переходѣ (trajet).

Если г. *Тургеневъ*, другъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, стоитъ всегда въ отношеніяхъ съ Вами, то, онъ могъ бы, быть можетъ, сказать Вамъ, что мои занятія и мои труды дѣлаютъ меня достойнымъ Вашего общенія (commerce). Однако въ этотъ моментъ я не хочу говорить Вамъ о своихъ собственныхъ идеяхъ, или представлять Вашему авторитету то, что я также называю своею системой; я знаю, что, если на этотъ разъ я и могу на что-либо разсчитывать, то это единственно на тотъ интересъ, какой Вы сами могли бы найти, вводя въ Вашу философію не одного меня, но чрезъ мое посредство цѣлое молодое поколѣніе, бѣдное настоящимъ, но богатое будущимъ, столь же жадное къ просвѣщенію, сколь мало оно имѣетъ средствъ удовлетворять свой пылъ (ardeur) къ ученію, и коего великое предназначеніе (les grandes destinées) не можетъ быть безразлично для мудреца, стремящагося объять всеобщую судьбу всякой вещи. Я очень желаю, М. Г., не ошибиться въ моемъ предвидѣніи въ этотъ разъ, какъ въ другой: но что бы ни случилось, я никогда не перестану ни удивляться Вамъ, ни сохранять воспоминаніе о тѣхъ нѣсколькихъ часахъ, въ которые я наслаждался Вашею бесѣдою.

Благоволите, М. Г., принять увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Шеллингъ отвѣчалъ Чаадаеву въ сентябрѣ 1833 года.

Отвѣтъ Шеллинга Чаадаеву составилъ собою, очевидно, своего рода событіе. Чаадаевъ, которому, какъ извѣстно, тщеславіе совсѣмъ не было чуждо, давалъ это письмо Шеллинга читать своимъ друзьямъ и даже, вѣроятно, снимать съ него копіи. Подобныя копіи гуляли по рукамъ, и наконецъ одна изъ нихъ попала въ совершенно не подходящія руки, именно къ извѣстному тогда зубоскалу и пересмѣшнику Осипу Ив. Сенковскому, который и не замедлилъ воспользоваться для своихъ цѣлей этимъ драго-

цѣннымъ письмомъ, сдѣлавъ его предметомъ своихъ шуточекъ. Такимъ образомъ тщеславіе Чаадаева понесло нѣкоторую кару въ видѣ профанированія обращеннаго къ нему письма. Изъ выдержекъ, приводимыхъ Сенковскимъ, мы можемъ ознакомиться съ важнѣйшими идеями Шеллингова отвѣта на запросы Чаадаева. Вотъ что сообщаетъ Сенковскій:

„Шеллингъ, который у насъ еще такъ сильно дѣйствуетъ на нѣкоторые умы, почти совершенно забытъ въ Германіи. Извѣстно, что онъ измѣнилъ свою Философію, и многіе не безъ основанія думаютъ, что къ этому неожиданному поступку подстрекнуло его огорченіе, причиненное упадкомъ его славы, и необходимость опять обратить на себя взоры. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ возбудить этимъ, если не прежній восторгъ, по крайней мѣрѣ, любопытство ученой и учащейся Германіи, которая теперь ожидаетъ отъ него обѣщанной „Системы Положительной Философіи“. Мы имѣемъ передъ глазами письмо его, писанное въ Москву къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ въ сентябрѣ прошлаго года, и съ удовольствіемъ *сообщили бы его вполнѣ* нашимъ читателямъ, если бъ умозрительное мечтательство какого бы то ни было человѣка считали важнымъ дѣломъ для человѣчества. Когда пройдемъ мыслію весь рядъ философскихъ системъ, въ которыя люди вѣрили, и которыми они восхищались, въ истинѣ которыхъ были убѣждены, и надъ которыми теперь смѣются; когда подумаемъ, что всю прошлую зиму Шеллингъ съ ѣдкою и презрительною улыбкою перебиралъ въ Мюнхенѣ ученія своихъ предшественниковъ, и черезъ десять лѣтъ съ той же каѳедры другой философъ такъ же пріятно будетъ забавляться на ихъ счетъ и вмѣстѣ насчетъ системы его, великаго Шеллинга, у насъ почти не достаетъ силы серіозно говорить объ этихъ вещахъ, которыхъ впрочемъ не отвергаемъ необходимости: надо же тѣшить людскіе умы чѣмъ-нибудь,—не той, то другою системою, не тѣмъ, то другимъ умозрѣніемъ! Глядя на

предметъ съ этой утилитарной точки, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ письма, въ которомъ Шеллингъ старается оправдать свое философское отступничество и дать понятіе о сочиняемомъ имъ ученіи, о своемъ gegenwärtigen Standpunct. „Я уже оканчиваю“, говоритъ онъ, „трудъ, начатый очень давно, слѣдствіемъ котораго будетъ *новый умственный міръ, до сихъ поръ неприступный для философіи*.... Это не помыслъ жалкій и тощій—одного человѣка, но общій духъ времени, который возжелалъ *проявиться въ насъ и черезъ насъ*“.

Почтенный профессоръ изъясняется немножко вдохновеннымъ слогомъ! „Собственно, я не оставляю прежняго пути, но продолжаю его; также, не отказался отъ прежнихъ средствъ, но ищу употребить ихъ высшимъ образомъ; словомъ, стремлюсь не отрынуть прежнія мои пріобрѣтенія въ области ума, но воспарить выше и распространить ихъ предѣлы. Философія Откровенія составляетъ не цѣлое, но послѣднюю часть всей моей Философіи. Система тѣмъ различается отъ всѣхъ прежнихъ, что содержитъ въ себѣ философію, которая дѣйствительно можетъ до того достигнуть, не противодѣйствуя христіанству, ни Философіи вообще: „hoc opus, hic labor erat“. Далѣе Шеллингъ утверждаетъ, что, придерживаясь по возможности прежняго своего образа изслѣдованія, онъ старается преодолѣть нынѣшній раціонализмъ,—философскій, не богословскій,—но не хочетъ впадать въ сентиментальность, изувѣрство или мистицизмъ: онъ имѣетъ въ предметѣ дѣйствовать на всеобщее и вѣчное убѣжденіе и утвердить свое ученіе *навсегда*. Блаженъ, кто въ состояніи тѣшиться подобными надеждами!“ [1])

Такое неуважительное отношеніе къ Шеллингу вызвало, разумѣется, неудовольствіе всѣхъ русскихъ шеллинговцевъ, и

---

[1]) Библіотека для чтенія, за 1834 г., т. III, мартъ и апрѣль, VII, Смѣсь, Германія ученая и литературная (о Шеллингѣ стр. 113—115), стр. 114—115.

прежде всѣхъ, маститаго ихъ старѣйшины, Д. М. Велланскаго, который въ своемъ письмѣ къ единомышленнику своему, московскому профессору М. Г. Павлову (отъ 29 мая 1834 г. изъ Петербурга) пишетъ:

„Оригинальные примѣры весьма полезны для ученаго образованія; и безъ оныхъ врожденный геній остается навсегда въ состояніи зародыша. Таковыхъ геніевъ, какъ вездѣ, такъ и у насъ находится множество; но положеніе ихъ достойно сожалѣнія! Они суетятся и безпокоятся, какъ рѣзвыя, несмышленныя дѣти, оставленныя на ихъ произволъ, безъ всякаго за ними присмотра. Вся наша литература наполнена дѣтскими игрушками, которыя однако выдаются за важныя и поучительныя произведенія просвѣщеннаго времени! Не довольствуясь своими фарсами, они берутъ матеріялы изъ сцены чуждаго имъ міра, шутятъ и смѣются надъ тѣмъ, чего вовсе не понимаютъ, а именно надъ Философіею Шеллинга. Такъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ Германскій философъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ, будто измѣнилъ онъ свою Философію и всѣми силами старается возстановить упадшую свою славу!! Таковой сарказмъ подтверждается ссылкою на письмо Шеллинга, писанное къ кому то въ Москву, хотя изъ приведенныхъ извлеченій письма явствуетъ противное сказанному въ сарказмѣ“ [1]).

---

[1]) Философія въ Россіи, т. II, ст. VII. Письма Д. М. Велланскаго, стр. 226—227, письмо № VII.

Свою переписку съ Шеллингомъ Чаадаевъ возобновляетъ черезъ довольно долгій промежутокъ времени—чрезъ 8 или 9 лѣтъ послѣ отвѣта Шеллинга: въ 1841 или 1842 г. Онъ пользуется для этого случаемъ принести свои поздравленія Шеллингу по поводу новаго его тріумфа, назначенія его въ преемники Гегелю —на берлинскую каѳедру философіи. Чаадаевъ въ этомъ письмѣ по прежнему выражаетъ свою увѣренность въ важномъ значеніи философіи Шеллинга для міра вообще и для Россіи въ особенности.

II.

1842 г. Москва, 20 мая (по Лонгинову).

(У Гагарина: 15 апрѣля 1841 или 1842 г.).

М. Г.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вы оказали честь написать мнѣ, много чего произошло въ философскомъ мірѣ, но изо всего этого меня всего живѣе интересовало видѣть Ваше появленіе на новой сценѣ (théâtre), куда призвалъ Васъ владыка, другъ генія. Какъ только узналъ я о Вашемъ прибытіи въ Берлинъ, я испыталъ желаніе обратить (adresser) къ Вамъ свои благопожеланія успѣха Вашимъ ученіямъ въ этомъ центрѣ нѣмецкой науки; различныя обстоятельства, не зависящія отъ моей воли, воспрепятствовали мнѣ удовлетворить его: теперь мнѣ остается только поздравить Васъ съ Вашимъ тріумфомъ. Я не имѣю

самонадѣянности вѣрить, чтобы мои привѣтствія (compliments) могли Васъ безконечно тронуть, и если бы у меня не было сказать Вамъ чего-либо другого, то я, быть можетъ, и удержался бы отъ того, чтобы писать Вамъ; но я не могъ сопротивляться охотѣ сообщить Вамъ о мощномъ интересѣ, который связывается для насъ съ Вашимъ теперешнимъ преподаваніемъ, а равно и о глубокихъ симпатіяхъ, которыми небольшая группа нашихъ философскихъ умовъ привѣтствовала Ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ Вашего славнаго пути.

Вамъ небезъизвѣстно, безъ сомнѣнія, что умозрительная философія еще съ давняго времени проникла къ намъ, что значительная часть нашей молодежи, жадная до новаго просвѣщенія, поспѣшила пріобщиться этой совершенной (toute faite) мудрости, которой разнообразныя формулы представляютъ нетерпѣливому неофиту драгоцѣнное преимущество, освобождая его отъ мучительнаго (laborieuse) размышленія,—мудрости, горделивыя замашки (allures hautaines) которой такъ нравятся юношескимъ умамъ: но вы, вѣроятно, не знаете того, что мы теперь находимся посреди особаго рода интеллектуальнаго кризиса, предназначеннаго произвести необычайное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи, что мы стали добычею реакціи національной, страстной, фанатической, ученой—естественное послѣдствіе экзотическихъ тенденцій, подъ властію которыхъ (sous l'empire des quelles) мы жили слишкомъ долго; эта реакція, однако, въ своей узкой исключительности стремится не къ меньшей цѣли, какъ радикальная перестройка идеи страны, таковой, какъ она создалась,—не въ силу насильственнаго вліянія какого-либо соціальнаго катаклисма, (что̀ могло бы нѣсколько узаконить этотъ насильственное [violent] возвращеніе къ прошлому), но совершенно просто въ силу естественнаго хода дѣлъ, вслѣдствіе непогрѣшимой логики вѣковъ, и особенно въ силу самаго характера націи. Итакъ, философія, низвергнуть которую съ престола (detrôner) Вы пришли въ Берлинъ, вво́дясь

и у насъ, связываясь съ ходячими у насъ идеями, соединяясь съ духомъ, надъ нами нынѣ господствующимъ, угрожала намъ вполнѣ извратить наше народное чувство, т. е. тотъ принципъ, скрытый у каждаго народа въ глубинѣ его сердца, который составляетъ его сознаніе (conscience),—способъ, какимъ онъ себя понимаетъ и ведетъ себя на пути, указанномъ ему (assigné) въ общемъ постановленіи вселенной. Чудесная (prodigieuse) эластичность этой философіи, которая пригодна (se prête) ко всѣмъ возможнымъ приложеніямъ, создавала между насъ самыя причудливыя мечты (imaginations les plus bizarres) относительно нашей роли въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судьбахъ; ея фаталистическая логика, которая почти подавляетъ свободную волю, все въ ней устанавливая на свой образецъ, которая повсюду находитъ неумолимую необходимость, должна была, обращаясь на наше прошлое, свести всю нашу исторію на ретроспективную утопію, на высокомѣрную (arrogante) апоѳеозу русскаго народа; ея система вселенскаго примиренія съ помощью совершенно новаго хронологическаго пріема (procédé), занимательнаго (piquant échantillon) образчика нашихъ философскихъ способностей (capacités), приводила насъ къ вѣрѣ, будто, предвосхищая ходъ человѣчества, мы посреди насъ уже осуществили ея честолюбивыя (ambitieuses) теоріи; наконецъ она могла бы, можетъ быть, лишить насъ самаго прекраснаго наслѣдія нашихъ отцевъ, этой стыдливости (pudeur de l'intelligence) разумѣнія, этого воздержанія мысли (tempérance de la pensée): ея культъ съ сильною печатью созерцанія и аскетисма проникъ ихъ бытіе. Судите же сами, были ли для всѣхъ тѣхъ изъ насъ, кто серьезно любитъ свою страну, Вы желаннымъ (le bien venu) въ очагѣ той философіи, вліяніе которой могло стать для насъ столь пагубнымъ (funeste)! И не думайте, что я преувеличиваю это вліяніе! Есть моменты въ жизни народовъ, когда всякая новая доктрина, какова бы она ни была, постоянно окажется облеченною въ необычайное могущество по при-

чинѣ необычайнаго движенія умовъ, характеризующаго эти эпохи. Итакъ, надобно признаться, жаръ, съ которымъ у насъ суетятся (on s'agite) на поверхности общества, чтобы разыскать какую то (je ne sais quelle) потерянную національность,—невѣроятенъ. Шарятъ (on fouille) во всѣхъ уголкахъ исторіи страны; переправляютъ исторію всѣхъ народовъ міра, имъ опредѣляютъ (inflige) происхожденіе, общее съ привиллегированною расою, славянской расою, смотря по ихъ большей или меньшей заслугѣ; сдвигаютъ всю кору съ земного шара, чтобы открыть тамъ права (titres) новаго народа Божія; и пока (tandis que) эта мятежная національность ускользаетъ отъ всего этого тщетнаго труда, выдѣлываютъ (fabrique) новую, которую имѣютъ притязаніе навязать странѣ; она, впрочемъ, совершенно безразлична къ лихорадочному изступленію этой безбородой науки. Но лихорадки распространяются, и если бы ученіе о непосредственномъ явленіи абсолютнаго Духа въ человѣчествѣ вообще и каждомъ изъ его членовъ въ частности—продолжало царить въ Вашей ученой метрополіи, то мы увидѣли бы, я въ томъ увѣренъ, какъ весь нашъ литературный міръ скоро обратился бы къ этой системѣ, courtisan obséquieux человѣческаго разума, очаровательному льстецу (flatteur charmant) всѣхъ его претензій. Вы знаете, въ дѣлѣ философіи мы еще въ началѣ пути (notre point de départ); и важно знать, отдадимся ли мы порядку идей, вызывающему (provoquant) до высшей степени всѣ роды личныхъ пристрастій или, вѣрные той дорогѣ, какой шли до сего дня, мы будемъ продолжать слѣдовать по путямъ того религіознаго смиренія (humilité), той скромности духа, которыя во всѣ времена были отличительною чертою нашего національнаго характера и, наконецъ (en dernier lieu), плодоноснымъ принципомъ нашего особеннаго (singulier) развитія. Продолжайте же, М. Г., торжествовать надъ гордою философіею, которая претендовала вытѣснить Вашу. Вы видите, судьбы великаго народа нѣкоторымъ образомъ зависятъ отъ успѣха Вашей системы. О если бы мы могли нѣкогда увидѣть созрѣвающими посреди

насъ всѣ плоды истинной философіи и быть Вамъ за это обязанными!

Это любопытное письмо Чаадаева къ своему философскому другу и ментору достаточно показываетъ, съ какимъ почтеніемъ относился онъ къ Шеллингу. На его верховный судъ и осужденіе ставитъ онъ новую философію, пустившую корни и въ Россіи въ видѣ „славянофильства“, представители котораго, впрочемъ, имѣли много точекъ соприкосновенія и съ ученіемъ Шеллинга. Надобно полагать, что Шеллинга и пристрастіе къ нему Чаадаева имѣлъ въ виду Д. В. Давыдовъ, съ гусарскою рѣзкостью говоря о поведеніи Чаадаева во время исторіи съ „Философическимъ письмомъ“: „это просто гадко; но что смѣшно—это *скорбь* его о томъ, что̀ *скажутъ* о признаніи его умалишеннымъ *знаменитые* его друзья и ученые: Ballanche, Lamené (sic), Guizot, и *какіе-то нѣмецкіе шустера* (!!)—*метафизики*“! [1]). Чаадаевъ, видно, не скрывалъ своей боязни потерять уваженіе Шеллинга и прочихъ лично знакомыхъ ему европейскихъ свѣтилъ.

То же письмо является очень важнымъ памятникомъ и въ другомъ отношеніи: какъ матеріалъ для выясненія еще не рѣшеннаго окончательно вопроса объ отношеніяхъ Чаадаева къ славянофильству и его представителямъ. Онъ, повидимому, жестоко ратуетъ *противъ* нихъ; но не было ли у него личныхъ къ нимъ симпатій и даже нѣкоторыхъ *общихъ* мыслей? Въ качествѣ справки мы позволимъ привести здѣсь нѣсколько парал-

---

[1]) Сочиненія, изд. IV—1860 г., ч. III, стр. 142. Приложенія, II. Переписка, 1. Письмо къ А. С. Пушкину (1833—1835 г.) безъ означенія года, 23 ноября, Москва.

лельныхъ мѣстъ изъ двухъ писемъ П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому, писанныхъ нѣсколько лѣтъ позже.

„Мы искони были люди *смирные* и *умы смиренные*. Такъ воспитала насъ наша церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величіемъ, *своимъ* значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе *избраннѣйшихъ* умовъ нашихъ именно къ тому клонится,..... Пути наши *не тѣ*, по которымъ идутъ *другіе* народы. Мы, конечно, достигнемъ всего того, изъ чего они бьются, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что *безумно намъ величаться предъ старшими* братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ..... Не повѣрите, до какой степени *личности* людей въ нашемъ краю измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись *этой народной гордынею*, невѣдомой отцамъ нашимъ“ [1]).

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу и тоже по поводу „Переписки Гоголя“ Чаадаевъ замѣчаетъ:

.....„Гордость ему привита его друзьями. Но знаете ли Вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что *намъ въ Москвѣ* сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени.... Этихъ поклонниковъ я знаю коротко; *я ихъ люблю и уважаю*: они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно—во что бы то ни стало —*возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами* въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII, гл. LXVIII, стр. 588. Письмо писано въ апрѣлѣ 1847 г.

въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то *наставниками* народовъ. Вотъ и нашелся на первой случай такой маленькій наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса... а онъ... имъ повѣрилъ“..... [1]).

Когда полиція въ 1852 г., составляя оффиціальный списокъ славянофиловъ (какъ людей, опасныхъ для правительства), внесла туда и Чаадаева, наравнѣ съ Аксаковыми и Кирѣевскими, къ негодованію и смѣху лицъ, понимавшихъ дѣло (какъ, напр., того же кн. Вяземскаго) [2]), то она, конечно, не руководилась какими-либо философскими анализами сходственности ихъ ученій. Но будущій историкъ литературы, несомнѣнно, натолкнется на весьма любопытныя и неожиданныя сближенія.... даже и въ частномъ случаѣ—одинаковыхъ и у Чаадаева, и у славянофиловъ симпатій къ Шеллингу.

---

[1]) Письмо П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому отъ 29 апрѣля 1848 г.—въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г., стр. 1084—1085, или стр. 337 въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. (VI годъ), т. VI, кн. 11, ноябрь, «Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева». I. Письма (I—XV), письмо IX.

[2]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, стр. 134 —по «Старой записной книжкѣ» Вяземскаго.

II.

Ученики М. Г. Павлова.

Дѣятельность профессора Московскаго университета Михаила Григорьевича Павлова имѣла четыре стороны: Павловъ работалъ и вліялъ, какъ ученый, какъ журналистъ, какъ практикъ-агрономъ, и какъ преподаватель.

Первая сторона его дѣятельности была изображена въ единственной существующей о М. Г. Павловѣ монографіи, вошедшей въ нашу книгу „Философія въ Россіи“, т. II, стр. 106—219. Тамъ же мы собрали всѣ имѣющіяся извѣстія о его жизни. Научные его взгляды были нами сопоставлены въ *систематическомъ* видѣ: мысли, разбросанныя въ различныхъ трудахъ и статьяхъ, мы изложили въ порядкѣ логическаго нисхожденія отъ вопросовъ самыхъ общихъ (гносеологическихъ) до спеціальныхъ натурфилософскихъ теорій и гипотезъ.

Вторую—не менѣе важную сторону дѣятельности М. Г. Павлова: литературную, критическую и журнальную—мы предоставляемъ вниманію и трудолюбію нашихъ спеціалистовъ-словесниковъ.

Спеціалистамъ же надлежитъ и составить обозрѣніе агрономической дѣятельности М. Г. Павлова.

Въ настоящемъ этюдѣ, являющемся естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ нашей первой монографіи, мы на-

мѣрены разобрать четвертую сторону дѣятельности М. Г. Павлова—педагогическую.

Павловъ былъ любимый и вліятельный учитель. Его вліяніе простиралось за предѣлы его аудиторіи. Слово его пробуждало къ литературной дѣятельности многихъ,—и всѣ почти виднѣйшіе дѣятели русской цивилизаціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ сидѣли у ногъ Павлова, внимая его поученію. Мы соберемъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ его учениковъ о его преподаваніи. Затѣмъ покажемъ, какъ его вліяніе отозвалось въ первыхъ опытахъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, ушедшихъ потомъ очень далеко отъ натурфилософіи своего учителя, но воззванныхъ къ перу, къ самостоятельному изложенію мыслей проповѣдью Павлова.

„*Усиленное стремленіе* московскаго юношества къ *болѣе серьезному образованію* ведетъ свое начало, по моему мнѣнію, съ двадцатыхъ годовъ, *когда проф. М. Г. Павловъ* по возвращеніи изъ заграницы открылъ свои лекціи сельскаго хозяйства и минералогіи. Онъ первый далъ студентамъ понятіе о господствовавшей въ то время философіи *Шеллинга* или точнѣе о примѣненіи этой философіи къ естествовѣдѣнію однимъ изъ его послѣдователей—*Океномъ*. Новизна взлядовъ, *мастерство* ихъ *изложенія* въ логическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ сильно дѣйствовали на слушателей и, кромѣ того, привлекали въ университетъ постороннюю любознательную молодежь изъ наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ высшаго московскаго общества. Между этими юношами, поступавшими на службу преимущественно въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ и поэтому прозванными „архивными“, особенно, выдавался кн. *В. Ѳ. Одоевскій* своею любовью къ высшему знанію, къ такъ наз. трансцендентальной философіи. Онъ устроилъ у себя въ домѣ философское общество, которое посѣщалось его товарищами по службѣ и по образу мыслей, а въ 1824 г. издавалъ сборникъ „Мнемозину“ для ознакомленія читателей *съ философіею Шеллинга*“ [1]).

Герой двухъ печальныхъ студенческихъ исторій того

---

[1]) *Галаховъ*, Сороковые годы, стр. 127, гл. I въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г., т. 47, январь, ст. V.

времени „Маловской“ и „Сунгуровской“, *Я. И. Костенецкій* съ особеннымъ уваженіемъ говоритъ о Павловѣ [1]) и ставитъ воспоминаніе о немъ на первомъ планѣ, прежде всѣхъ другихъ своихъ учителей:

„Въ первый годъ, кромѣ лекцій своего факультета (юридическаго), я посѣщалъ постоянно лекціи физики профессора *Павлова*— не по обязанности, а добровольно. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ. Физику онъ читалъ по системѣ Шеллинга. Онъ имѣлъ *удивительный даръ* излагать лекцію *ясно*, въ *высшей степени логично*, *безъ* всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ *фразъ*, но *просто* и *вразумительно* до невѣроятности. Каждая его лекція *запечатлѣвалась твердо* въ памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть,— такъ *послѣдовательно* истекала одна мысль изъ другой. Я слушалъ Павлова *три* года, не пропуская ни *одной* его лекціи, которыя всѣ были у меня записаны, хотя это былъ предметъ математическаго факультета, и *этимъ лекціямъ* я *впервые* былъ *обязанъ* не столько физическими свѣдѣніями, какъ *вообще философскими* идеями, почти *началомъ* моего умственнаго развитія. До поступленія въ университетъ въ гимназіи всѣ науки преподавались намъ чисто механически: мы затверживали только факты, объ идеяхъ и помину не было, и когда я прослушалъ *первую лекцію Павлова*, то я былъ необыкновенно пораженъ: какъ будто какая то *завѣса спала* съ ума моего, и въ головѣ моей *засіялъ* новый свѣтъ. Передо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ на науки..... однимъ словомъ, въ первый разъ пробудилось мое мышленіе, и я увидѣлъ раскрывшуюся передо мною перспективу философскихъ понятій, которая такъ понравилась моему юному уму. Да, я всегда буду обязанъ Павлову за мое умственное пробужденіе“!

---

[1]) *Я. И. Костенецкій*, Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. II, стр. 229—230 въ «Русскомъ Архивѣ», г. 25-й, за 1887 г., книга первая, февраль, ст. 4.

„Сельское хозяйство читалъ проф. М. Г. Павловъ. Онъ предпосылалъ своей наукѣ изложеніе гипотезъ объ образованіи міровъ. Эти мысли были совершенно новы для студентовъ и *конечно ихъ очень интересовали.* Затѣмъ онъ переходилъ къ нашей планетѣ, сообщалъ геологическія объясненія и потомъ уже обращался къ изученію почвы въ ея разнообразіи по разнымъ мѣстностямъ, говорилъ о лучшихъ способахъ для удобренія почвы и производительности хлѣбныхъ растеній, осуждая нашу старую трехпольную систему и указывая выгоды отъ системы плодоперемѣнной. Павловъ, *имѣя всестороннія твердыя знанія, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова,* и *лекціи его посѣщались студентами съ большою охотой* [1]).

Тотъ же благодарный ученикъ Павлова—*А. Д. Галаховъ* замѣчаетъ еще слѣдующее (по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія Н. П. Барсукова „Жизнь и труды Погодина“—въ статьѣ „Михаилъ Петровичъ Погодинъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1889 г., августъ, т. 203, ст. VII, стр. 128—145):

„Любознательность Погодина, независимо отъ врожденной къ тому наклонности, усиливалась и современными явленіями въ сферахъ научной и литературной. Вступленіе его въ университетъ (1818 г.) небольшимъ промежутвомъ отдѣляется отъ возвращенія изъ Германіи М. Г. Павлова (1820 г.), посланнаго туда университетскимъ начальствомъ для усовершенствованія въ естественной исторіи и сельскомъ хозяйствѣ, и занявшаго каѳедру послѣдняго предмета, а также минералогіи. Онъ первый познакомилъ москвичей съ философіей Шеллинга, или вѣрнѣе, послѣдователя его Окена, приложившаго начала этой философіи къ естествознанію. Лекціи его, отличавшіяся *уди-*

---

[1]) *М. Назимовъ*, Въ провинціи и въ Москвѣ съ 1812 по 1823 годъ, стр. 143—144. «Русскій Вѣстникъ», т. 124, за 1876 г., іюль, ст. 2. О сельско-хозяйственныхъ лекціяхъ Павлова см. у насъ въ книгѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 109, 114, 119—121, 213

вительною логичностью и блистательнымъ, одушевленнымъ изложеніемъ, привлекали въ аудиторію не только его слушателей, студентовъ математическаго факультета, вмѣстѣ со студентами другихъ факультетовъ, но и многихъ постороннихъ лицъ. Въ каждой лекціи ярко выступала совмѣстная работа ума и воображенія, почему каждая представляла двоякое достоинство: многозначительность содержанія и художественность выраженія. Эти качества особенно отразились въ статьѣ: „О способахъ изслѣдованія природы (умозрительномъ и эмпирическомъ)". Преимущество отдается умозрѣнію, но и опыту предоставляется подобающая честь; совокупное ихъ дѣйствіе считается необходимымъ условіемъ для отысканія истины. При всемъ желаніи, невозможно было молодежи знакомиться съ трансцедентализмомъ Шеллинга" (въ источникѣ; стр. 133—134).

Пользуясь тѣмъ же интереснымъ трудомъ Н. П. Барсукова, мы можемъ до извѣстной степени возстановить картину отношеній къ Павлову Погодина, показывающую, какъ тепло относится къ Павлову нашъ замѣчательный историкъ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ *М. А. Максимовичу*, своему пріятелю (и тоже вѣрному ученику Павлова), Погодинъ замѣчаетъ о прошлыхъ годахъ:

...„Встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только что воротился изъ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ ошеломлены мы были его полюсами, его *непобѣдимыми* силлогизмами! Твои „Размышленіе о природѣ" и диссертація „О системахъ растительнаго царства" вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ „Основаніи Зоологіи" *Щуровскаго*; мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для „Историческихъ Афоризмовъ" [1]).

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, II т., гл. XV, стр. 96.

Погодинъ уже по окончаніи курса въ университетѣ посѣщалъ лекціи М. Г. Павлова (т. I, стр. 144). Кстати сказать, его же публичные курсы посѣщали *братья Кирѣевскіе* (т. II, стр. 103). Лекціи Павлова, по выраженію Погодина, *гремѣвшія въ университетѣ* (т. II, стр. 69), производили на Погодина большое впечатлѣніе; онъ ведетъ о нихъ бесѣды, напр. съ *Рахмановымъ* (т. I, стр. 149—150, 338—въ „Дневникѣ“ подъ 9 марта 1822 г., а 13 декабря 1821 г.—т. I, стр. 146 и 338), предается мечтаніямъ: если бы онъ былъ богатъ, то „открылъ бы—публичные курсы.... Павловъ читалъ бы физику“. Увлекаясь Шеллингомъ (благодаря Павлову), Погодинъ хочетъ познакомиться съ Чаадаевымъ (см. выше, стр. 3) и пишетъ „Историческіе афоризмы“. Лично же отъ Павлова Погодинъ научился еще одному: „Берегите пуще всего идею университета (гласитъ Павловъ), смотрите, чтобы она не пострадала“. (т. II, стр. 153). Хотя между Погодинымъ и Павловымъ потомъ разгорѣлась журнальная вражда (между „Атенеемъ“ и „Московскимъ Вѣстникомъ“—Дневникъ отъ 24 апрѣля и 30 сентября 1828 г., т. II, стр. 178, 288 и 416), но Павловъ хлопоталъ о профессурѣ Погодина (т. IV, стр. 133). Въ свою очередь Погодинъ защищалъ Павлова, когда его преслѣдовалъ попечитель князь С. М. Голицинъ (т. IV, стр. 210) и сообщилъ о томъ Уварову (т. IV, стр. 211). Проѣзжая заграницу, Погодинъ въ 1835 г. въ Петербургѣ говорилъ съ Уваровымъ и, восхваляя „*логическую* способность Павлова и *пользу* ея для факультета“, однако, „сказалъ, что ему недостаетъ по общему мнѣнію—опытныхъ знаній“ [1]) (т. IV, стр. 309). Встрѣтясь заграницею съ Океномъ, Погодинъ сообщилъ ему о Павловѣ, „привезшемъ его ученіе о природѣ въ Московскій университетъ“, какъ о распространителѣ его ученія, „который произвелъ тогда *всеобщій восторгъ* между

[1]) Ср. «Философія въ Россіи» т. II, стр. 204.

студентами“ (т. V, стр. 315). Шевыревъ писалъ Погодину изъ Флоренціи (т. V, стр. 372): „Жаль его! Онъ всетаки намъ сочувствовалъ“ По смерти Павлова—3-го апрѣля 1840 г.—Погодинъ неоднократно вспоминаетъ эту утрату, напр., стоя передъ портретомъ покойнаго, висящимъ въ домѣ М. А. Максимовича.... (т. VII, стр. 12 и 13).

Лучшая характеристика значенія Павлова для московскаго университета и московскаго общества сдѣлана его слушателемъ *А. И. Герценомъ*.

„Учились ли мы при всемъ этомъ чему-нибудь, могли ли научиться? Полагаю, что „да“. Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло —поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно, это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ [1]).

Германская [2]) философія была привита Московскому университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 г. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“

Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, но за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шел-

---

[1]) Герценъ, Сочиненія, т. VI, стр. 145, «Былое и думы», т. I, ч. I. глава VI.

[2]) Сочиненія, т. VII, «Былое и думы», т. I, ч. IV, глава XXV, стр. 119—120.

линга и Окена съ *такою пластическою ясностью*, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натурфилософъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шелъ, или по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя стѣны, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ русскомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ—Станкевичъ".

„Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія" [1]).

Дополненіемъ къ приведеннымъ характеристикамъ могутъ служить воспоминанія другихъ учениковъ Павлова.

„Года за 3—4 до моего поступленія въ университетъ", говоритъ *А. Д. Галаховъ* (*Сто одинъ*) [2]), „онъ обновился свѣжими силами. Кромѣ *Перевощикова* и *Щепкина*, о которыхъ я уже говорилъ, другими представителями этого обновленія были *И. И. Давыдовъ*, проф. латинской словесности, и *М. Г. Павловъ*, проф. сельскаго хозяйства и минералогіи. Двое послѣднихъ въ мое время пользовались такимъ же сочувствіемъ студентовъ, какимъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ пользовались *Грановскій и Кудрявцевъ*. Особенно Павловъ, какъ болѣе даровитый и самостоятельный, привлекалъ на свои лекціи слу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) Ср. выше его же воспоминанія (стр. 20, 22—23).

шателей со всѣхъ факультетовъ. Переполненная аудиторія съ напряженнымъ вниманіемъ и въ тишинѣ слѣдила за изложеніемъ его взглядовъ на природу и способы изслѣдованія, которые предпосылалъ онъ, какъ вступленіе въ курсъ агрономіи. Но *любовь къ нему молодежи равнялась недружелюбію многихъ профессоровъ*, смотрѣвшихъ на него косо, тѣмъ болѣе, что Павловъ, столько же самостоятельный по мнѣніямъ, сколько и по характеру, не ограничивался преподавательскимъ вліяніемъ, но входилъ болѣе и болѣе въ силу при управленіи общими университетскими дѣлами. Онъ хотѣлъ имѣть равноправный голосъ и въ совѣтѣ, и въ факультетѣ, чего и добился, благодаря своей настойчивости. Зная себѣ цѣну, и обладая значительнымъ самолюбіемъ, онъ, разумѣется, не скрывалъ своего пренебреженія ни къ обветшалымъ ученымъ, ни еще болѣе къ тѣмъ, которые и никогда не были учеными [1]).

Пальма первенства по интересу преподаваемаго, безспорно, принадлежала Павлову. Когда онъ занималъ свое мѣсто, полная тишина водворялась въ аудиторіи, несмотря на многочисленность студентовъ, стекавшихся изъ разныхъ факультетовъ, и уже ничѣмъ не нарушалась въ теченіе цѣлаго часа. Каждый съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за мыслями профессора въ прекрасно-научномъ ихъ изложеніи. Но однимъ изложеніемъ, какъ бы оно ни было хорошо, нельзя объяснить ни успѣха лекцій, ни сочувственнаго воспріятія ихъ студентами. Причина того, и другого лежала какъ въ самомъ предметѣ преподаванія, такъ и въ отношеніи къ нему преподавателя. Павловъ... предъ курсомъ сельскаго хозяйства прочелъ нѣсколько лекцій о природѣ, о способахъ ея изслѣдованія и о естествознаніи вообще, какъ наукѣ о природѣ, слѣдуя воз-

---

[1]) Сто-одинъ (А. Д. Галаховъ). Время высшаго образованія. Университетъ (1822—1826). Изъ записокъ человѣка, IV, стр. 191—192 въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 126-й за 1876 г., ноябрь, ст. V.

зрѣніямъ извѣстнаго натурфилософа Окена, приложившаго философію Шеллинга къ естественной исторіи. Онъ былъ *самый талантливый истолкователь* этого ученія, которое своею новизной и другими качествами не могло не поразить молодые умы и ретивую ихъ любознательность. Оно пришлось намъ по вкусу тѣмъ болѣе, что большинство профессоровъ и нашего, и другихъ факультетовъ держались совершенно противоположнаго направленія, стояли, какъ тогда говорилось, на эмпиріи, сообщая знанія, добытыя наблюденіемъ и опытомъ, но ничѣмъ ихъ не освѣщая: ни общими выводами изъ многоразличныхъ фактовъ, ни идеей, дающею имъ значеніе, ни основнымъ началомъ, отъ котораго поступаетъ въ своихъ трудахъ естествоиспытатель. Лекціи такихъ эмпириковъ тяготили насъ, потому что ничѣмъ не возбуждали умственной способности, не указывали ей ни точки исхода, ни конечныхъ результатовъ. И вдругъ—среди такого затишья, такой вялости и застоя раздается голосъ молодого профессора, зовущій насъ къ другому направленію въ наукѣ—умозрительному, доказывающій его преимущества предъ направленіемъ эмпирическимъ. Кто хочетъ познакомиться съ сущностью его взглядовъ, равно какъ *съ ясностью, точностью и образцовою логичностью его изложенія*, тому совѣтую прочесть двѣ статьи его: „О способахъ изслѣдованія природы“ и „Введеніе въ физику“, опредѣляющее ея мѣсто среди естественныхъ наукъ [1]). Сущность первой статьи была намъ уже объяснена на лекціи.... Насколько Павловъ своими лекціями выигрывалъ въ *расположеніи* къ себѣ *слушателей*, настолько же *товарищи* его относились къ нему съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нерасположеніемъ, которое объясняется не одною jalousie du métier, но и дру-

[1]) См. ихъ изложеніе въ нашемъ трудѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 138—148, 158—172.

гими причинами, напр., *рѣзкостью сужденій* Павлова и *горделивостью*, происходившею отъ *сознанія* своего *умственнаго превосходства*. Нужно ли говорить, что мы безусловно становились на сторону любимаго профессора,—и всѣхъ недоброжелателей его взглядовъ называли „старичками - младенцами острова Панхаи“ [1]), служителями эмпиризма, который песчинки (т. е. факты) прикладываетъ къ песчинкамъ—безъ основанія, даже безъ связи, могущей скрѣпить ихъ. Увлеченные Океномъ и Шеллингомъ, насколько крупицы ихъ ученія падали со стола профессорскаго, получили отъ товарищей названіе шеллингіанцевъ; несогласные съ ними сторонники Двигубскаго—названіе эмпириковъ. Между ними часто завязывались споры до начала лекцій и въ промежуткахъ между ними. У первыхъ, независимо отъ того, что̀ имъ сообщалось въ стѣнахъ университета, были въ ходу двѣ книги: „Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ“ *Велланскаго* и „Исторія философскихъ системъ“ *Галича*. Для непосредственнаго же знакомства съ нѣмецкою философіею тогдашняго періода не имѣлось у насъ средствъ: никто изъ насъ, математиковъ, въ то время не зналъ нѣмецкаго языка.

Теперь при отсутствіи всякихъ юношескихъ увлеченій я могу объективно относиться къ лекціямъ Павлова, указать выгоды и невыгоды ихъ вліянія на молодые умы, выставить результаты, къ которымъ онѣ привели насъ. Начну съ того, что пристрастіе студентовъ къ профессору вытекало изъ ихъ искренней любознательности. А при такомъ добромъ источникѣ, каково безкорыстное стремленіе къ наукѣ, весьма естественно было ожидать и добрыхъ послѣдствій. *Главная невыгода* состояла въ усвоенномъ нами *пренебреженіи факти-*

---

[1]) Терминъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ его аллегоріи (въ «Мнемозинѣ», ч. I, ст. I. «Старики или островъ Панхаи», стр. 1—12).

ческимъ изученіемъ предмета, съ одной стороны, и *гордомъ довольствѣ началами и выводами*, съ другой,—довольствѣ, не только граничащемъ съ лѣностью, но часто и переходившемъ *въ лѣность*, въ охоту *убѣгать* отъ копотливой работы, отъ чернаго труда. Обобщеніе возможно не иначе, какъ при знаніи частностей. Начала и выводы имѣютъ высокую цѣну, когда они проведены черезъ факты и оправданы фактами; въ противномъ случаѣ они образуютъ нѣчто безсодержательное, способное удовлетворять *поверхностный дилеттантизмъ* или *тѣшить* празднолюбіе любопытнаго сибарита [1]). Едва ли кто повѣритъ мнѣ, что на лекціяхъ минералогіи мы восхищались классификаціей царства ископаемаго, которая образовала изящно-стройную систему, укладывавшую виды и роды въ опредѣленныя мѣста. Мы очень хорошо знали, что минералы дѣлятся на 4 класса — ни больше, ни меньше, такъ какъ каждый классъ образовался подъ преимущественнымъ вліяніемъ одной изъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ, а этихъ силъ 4: свѣтъ съ теплотой, электричество, магнитизмъ и гальванизмъ. На экзаменѣ изъ этого предмета ректоръ съ своей точки зрѣнія пришелъ въ ужасъ: „зачѣмъ это знать имъ (студентамъ)? и кому это извѣстно, кромѣ самого Творца?“ Павловъ былъ не такой человѣкъ, который выслушалъ бы замѣчаніе безъ отвѣта,—а за отвѣтомъ онъ не ходилъ въ карманъ. Послѣднее слово, конечно, осталось за нимъ. А между тѣмъ, дѣйствительно, въ теченіе всего курса мы не посѣщали минералогическаго кабинета и не видали ни одного камня.

Несомнѣнная выгода лекцій Павлова заключалась въ *дисциплинѣ ума*, въ направленіи его къ началамъ науки и основнымъ ея законамъ, истекающимъ изъ этихъ началъ, къ отысканію существеннаго, къ подчиненію частностей общему,

---

[1]) Ср. ниже (у Розанова) стр. 34. Галаховъ излагаетъ слова Павлова невѣрно.

къ *системѣ*, созидаемой на основныхъ признакахъ предмета, къ *ясности*, *точности* и *логической послѣдовательности* въ изложеніи,—короче, ко всему тому, безъ чего нѣтъ и быть не можетъ раціональнаго знанія, науки въ истинномъ смыслѣ этого слова. Вотъ что привлекало насъ на лекціи Павлова, что было нами выслушиваемо *съ жаркимъ любопытствомъ* и многими воспринято на благую потребу въ дальнѣйшемъ самообразованіи. По моему крайнему убѣжденію, при вычетѣ невыгодъ, сколько бы ихъ ни оказалось, изъ этой выгоды—пусть она будетъ единственная—въ результатѣ выходитъ такой цѣнный остатокъ, за который имя Павлова возбуждало и до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ *живое чувство уваженія и благодарности*. Нечего и говорить, что знаніе какой бы ни было науки—вещь очень хорошая. Но оно, какъ и всякое знаніе, легко забывается или часто не находитъ никакого употребленія. Если я и теперь могу быть порядочнымъ преподавателемъ элементарной математики, то этою возможностью я одолженъ педагогической практикѣ, на которую натолкнула меня необходимость искать средства къ жизни. Но если товарищи мои, находившіеся въ иномъ положеніи, никогда не имѣли надобности рѣшать уравненія даже 1 степени или измѣрять углы и треугольники, то слѣдуетъ ли отсюда, что лекціи алгебры и геометріи пропали для нихъ даромъ, что они напрасно учились этимъ наукамъ? Нѣтъ, при нихъ навсегда осталось то, чѣмъ и забытое легко возобновляется въ памяти, и неизвѣстное удобно узнается. Раціональный методъ въ изложеніи математическихъ истинъ, постепенность въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, строгая точность доказательствъ ....вотъ тѣ полновѣсныя пріобрѣтенія, которыми нашъ курсъ былъ одолженъ *Перевощикову* и *Щепкину*. Въ концѣ концовъ нельзя не согласиться съ мыслію Павлова, выраженною въ предисловіи къ его „Основаніямъ физики“,—что главная польза наукъ—развитіе, образованіе умственной способности, при помощи котораго не трудно добыть и мно-

гознаніе, тогда какъ однимъ многознаніемъ никогда не добудешь умственной развитости“ [1]).

Даже и позднѣе, когда въ аудиторіяхъ Московскаго университета выступали блестящіе ораторы, то ихъ сравнивали ни съ кѣмъ инымъ, кромѣ Павлова:

„Надеждинъ въ продолженіе часа пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ—такъ ясно и красиво, какъ *одинъ только Павловъ* умѣлъ въ своихъ писанныхъ, округленныхъ лекціяхъ излагать намъ глубокомысленныя, но темнословныя теоріи нѣмецкихъ геніевъ“ [2]).

Студитскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ говорятъ: „Слушателей заинтересовывала *необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова.* Каждое выраженіе его зато отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соотвѣтствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющейся, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть, и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, *мало принесшія*

---

[1]) Тамъ же, стр. 195—199. Указанное мнѣніе Павлова заключается не въ предисловіи, а въ VIII главѣ «Введенія» въ «Физику»: оно изложено у насъ въ трудѣ «Философія въ Россіи», т. II, стр. 171—172. Ср. наши замѣчанія на стр. 212—214. Ср. выше, стр. 21—мнѣніе Я. И. Костенецкаго.

[2]) М. Максимовичъ, «Воспоминаніе о Надеждинѣ» (стр. 223—234) въ «ученно-литературномъ» журналѣ «Московитянинъ» за 1856, т. I, № 3, іюнь, стр. 226.

намъ пользы въ самой наукѣ, послужили однако же для насъ путеводною нитью въ другихъ отношеніяхъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого то особеннаго критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе".

То же говоритъ другой ученикъ Павлова, проф. *Линовскій*: „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое ихъ изложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и, наконецъ, умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей [1])".

„Случалось, что значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже въ скромную залу физико-математическаго и наполняла ее биткомъ. Это было при лекціяхъ М. Г. Павлова, читавшаго сперва физику, потомъ теорію сельскаго хозяйства, и въ обоихъ случаяхъ распространявшаго границы своихъ предметовъ до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго созерцанія..... Мы имѣемъ свидѣтельство о сущности его преподаванія, благодаря книгѣ, изданной профессоромъ въ 1833 г., „Основаніе (sic) физики": хотя учебная книга, въ обязанность которой вмѣняется сжатость и строгая система, разумѣется, не можетъ передать всѣхъ развитій и поясненій, къ какимъ способно вообще живое слово человѣка" [2]).

---

[1]) *Колюпановъ*, Біографія А. И. Кошелева, т. I. 1, стр. 475—476. Ярославъ Альбертовичъ Линовскій былъ испр. д. экстраордин. проф. сельскаго хозяйства съ 1844—1846 г. въ Московскомъ университетѣ. О немъ см. «Біографическій словарь Импер. Московскаго унив.», т. I, стр. 458—462 и у Ѳ. И. Буслаева, I, «Эпизоды изъ исторіи Московскаго унив.» въ «Починѣ» на 1896 г., стр. 2—5 (не вошло въ отд. изданіе). Линовскій 28-ти лѣтъ былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ слугою (по отцу братомъ).

[2]) *Анненковъ*, Н. В. Станкевичъ. Біографія, стр. 35, 36.

Впрочемъ, была и другая сторона модели Николай Розановъ, ученикъ и горячій поклонникъ шеллинговца Велланскаго, замѣчаетъ о лекціяхъ Павлова:

„Идеи [1]) натуральной школы не столько просвѣщали мало подготовленныхъ молодыхъ людей, сколько сбивали ихъ съ толку. Идеализируя предметы наукъ безъ подготовки въ естествознаніи, молодежь самодовольствовалась мечтами воображенія, думая, что достигла вершины знаній [2])... не имѣя понятія объ естественныхъ наукахъ, бредили нѣмецкою философіей, ко всему прилагая ея положенія и фразерствуя [3])“.....

Ксенофонтъ Полевой, увлеченный отчасти общимъ потокомъ шеллинговства, такъ разсказываетъ исторію Павлова:

„Въ Москвѣ узнали, что есть философія не только французская..... Вотъ какъ произошло это.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ, путешествовавшихъ заграницею для усовершенствованія себя въ наукахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ занять профессорскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ, былъ нѣкто М. Г. Павловъ, человѣкъ съ *умомъ необыкновеннымъ* (замѣтимъ, что Павловъ былъ конкуррентомъ—по „Атенею“—съ „Московскимъ Телеграфомъ“, полемизировалъ съ Полевыми, и припомнимъ, что Ксенофонтъ Полевой въ общемъ чрезвычайно строгъ въ своихъ отзывахъ о людяхъ и скупъ на похвалы). Онъ готовился быть проф. сельскаго хозяйства, но, кажется, живши заграницею, больше занимался естествознаніемъ, познакомился въ Германіи съ

---

[1]) Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125. (Русскій Вѣстникъ, 1867 г. т. 72).

[2]) См. выше—слова А. Д. Галахова, стр. 29—30.

[3]) О Розановѣ см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 244—255.

натуральною философіею Шеллинга и Окена, вывезъ въ Москву нѣсколько ихъ сочиненій, нѣсколько тетрадокъ, гдѣ были записаны ихъ лекціи, и вскорѣ обратилъ на себя любознательное вниманіе молодыхъ людей *и отчаянную ненависть старыхъ ученыхъ* [1]). Извѣстно, что философія Шеллинга даетъ взглядъ на міръ и всѣ отрасли знанія, совершенно противоположный взгляду опытнаго знанія, доведеннаго бездарными людьми до эмпиризма. Тетрадки и книги Павлова не только распространялись между молодежью, но и приняты были ею съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ. Многіе студенты университета принялись изучать Шеллинга, Окена и ихъ послѣдователей. Подъ вліяніемъ этого новаго ученія начали являться статьи даже въ самомъ „Вѣстникѣ Европы“ [2]).

---

[1]) Ср. выше, у Галахова, стр. 27 и 23, а также у самого Павлова («Философія въ Россіи». т. II, стр. 211).

[2]) Записки, ч. I, гл. V, стр. 85, 86. Статьи Давыдова и Надеждина.

Замѣтимъ, что Павловъ не любилъ дѣлиться своею мыслію (въ бесѣдѣ) и сообщалъ ее только въ ученой формѣ лекціи,.... „неохотно отвѣчалъ на пытливые разспросы (Станкевича) и старался скорѣе уклониться отъ нихъ, чѣмъ дать имъ посильное удовлетвореніе; Станкевичъ, какъ и всѣ другіе, долженъ былъ ограничиться его преподаваніемъ и объясненіемъ“ [1]). Анненковъ, біографъ Станкевича, ставитъ это обстоятельство Павлову какъ бы въ вину; на нашъ взглядъ, именно этимъ Павловъ выгодно отличается отъ прочихъ тогдашнихъ (да и теперешнихъ) русскихъ любителей философіи, трактовавшихъ ее въ безконечныхъ разговорахъ, да спорахъ, изъ которыхъ ничего не выходило, кромѣ развѣ личныхъ размолвокъ и недоразумѣній. Павловъ любилъ сообщать философскую истину не въ будничномъ антуражѣ,— но въ подобающемъ мѣстѣ, въ приличное время, при соотвѣтствующей обстановкѣ и возвышенномъ настроеніи. Это и показываетъ, что Павловъ серьезно, почти благоговѣйно смотрѣлъ на философію и, избѣгая ее профанировать въ несистематическихъ разговорахъ, считалъ возможнымъ излагать ее лишь въ строго-научныхъ рамкахъ лекціи, или статьи,—и на этихъ общихъ поприщахъ, болѣе вліятельныхъ и результатныхъ, неутомимо и съ большимъ успѣхомъ трудился на пользу философской пропаганды.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 111.

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что Павлова подчасъ несправедливо ославляютъ метафизикомъ, не имѣвшимъ опытныхъ знаній [1]), и ни во что ихъ не ставившимъ: при этомъ почти всегда считаютъ его *только* перелагателемъ или такъ сказать переводчикомъ Окена. Это не совсѣмъ правда. Павловъ обладалъ очень сильною и самобытною головою, въ которой водилось немало мыслей и собственнаго изобрѣтенія; что же касается Окена, то и къ нему Павловъ относился *критически*: онъ иногда отвергалъ его теоріи, опровергая ихъ именно за то, что онѣ несогласны съ „опытностью“. Въ доказательство приведемъ изложеніе одного капитальнаго мѣста изъ его „Физики“, посвященнаго опроверженію Океновой теоріи свѣта:

Опроверженіе теоріи Окена.

Теорія свѣта Окена, объемля свой предметъ вполнѣ, и будучи частью полной системы, объемлющей цѣлую природу, превосходитъ въ ученомъ отношеніи всѣ доселѣ извѣстныя теоріи. Это—великое торжество ума. Но одна правильность въ построеніи системы не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ за ея вѣрность. Система можетъ быть истинною только тогда, когда самое начало истинно; а вывести систему можно послѣдовательно изъ каждаго начала. Нѣтъ сомнѣнія, что всему частному началомъ должно быть нѣчто общее. Природа, какъ совокупность частныхъ, должна имѣть свое общее. Въ чемъ же именно состоитъ это общее сѣмя всего частнаго? Въ эѳирѣ, или въ чемъ-либо другомъ? Вотъ распутіе, на которомъ легко ошибиться въ выборѣ. Окенъ принимаетъ эѳиръ. Но это начало можетъ считаться вѣрнымъ только, пока выводимыя изъ него слѣдствія *не противорѣчатъ опытности;* въ про-

[1]) См. выше, стр. 24 (слова Погодина) и во II т. «Философія въ Россіи», стр. 193—212 (полемику съ Лепцемъ).

тивномъ случаѣ, и оно само, и основанная на немъ система должны рушиться.

Павловъ признаётъ теорію Окена неудовлетворительною, какъ допускающую противорѣчіе опытности.

Тьма, по Окену, есть ничто,—покой эѳира. Внѣ цвѣтного изображенія за призмою начинается тьма; слѣдовательно, тамъ не должно быть никакого дѣйствія свѣта. А на дѣлѣ замѣчается внѣ цвѣтного изображенія (со стороны луча краснаго) —наибольшая теплота и (со стороны фіолетоваго) наибольшее химическое дѣйствіе. Если свѣтъ есть эѳиръ напряженный, а теплота—эѳиръ движущійся вслѣдствіе напряженія, то теплота должна быть видимымъ спутникомъ свѣта, и наоборотъ, гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ не должно быть теплоты. А на опытѣ: свѣтъ, пока не теряетъ линейности, не грѣетъ, т. е. не сопровождается теплотою; переставая же быть свѣтомъ, т. е. причиною видимости, онъ превращается въ теплоту. Итакъ теплота бываетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта. Цвѣтъ, по Окену, есть смѣшеніе тьмы со свѣтомъ. Но тьма вѣдь есть ничто (по его мнѣнію), а свѣтъ—нѣчто: какже ничто, смѣшиваясь съ нѣчто, производитъ что то среднее, т. е. цвѣтъ? Это несообразимо [1]).

Нельзя не пожалѣть, что никто изъ многочисленныхъ учениковъ Павлова не потрудился составить его подробной біографіи. Въ книгѣ „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 13 іюня 1840 г.“, М., въ отдѣлѣ „Некрологіи“, стр. 16—20, III —мы находимъ некрологъ М. Г. Павлова, составленный его

[1]) Стр. 211—213 (I-го изданія) или 216—219 (§ 16 II-го изданія).

ученикомъ К. Рулье. На стр. 18 примѣчаніе 6-е гласитъ: „Мы слышали, что одинъ изъ кандидатовъ университета готовитъ *подробный разборъ ученыхъ трудовъ* покойнаго профессора“. Но это, повидимому, осталось лишь въ области pia desideria. Некрологъ Рулье вошелъ со вставками, пропусками и передѣлками во II ч. „Біографическаго Словаря профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета“, М. 1855 (стр. 183—199), гдѣ составляетъ стр. 183—190. Статью Рулье дополняли и передѣлывали ученики же Павлова *Щуровскій* и *Калиновскій*, помѣстившіе тамъ конспекты лекцій Павлова [1]). Статья Рулье изъ „Біографическаго Словаря“ (именно стр. 183—191) была перепечатана въ книгѣ „*Русскіе люди*. Жизнеописаніе соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы“ въ 2 ч. Изд. *М. О. Вольфа*. СПБ и М. 1866, ч. II, стр. 207—214, съ нѣкоторыми дополненіями (напр., 213-я стр. 6 строкъ снизу).

Библіографія сочиненій Павлова еще не приведена въ извѣстность. Опытъ этого рода находится въ моемъ сочиненіи „Философія въ Россіи“, т. II, стр. 122—124.

---

[1]) Философія въ Россіи, т. II, стр. 106—107 и 119—122.

Мы намѣрены теперь показать вліяніе Павлова, сказавшееся въ духѣ первоначальной дѣятельности нашихъ двухъ извѣстныхъ филологовъ М. А. Максимовича и А. Д. Галахова; для этой цѣли мы изложимъ относящіеся сюда первые ихъ труды.

Михаилъ Александровичъ *Максимовичъ* (1804—1873), натуралистъ, историкъ и филологъ, „маленькій хохликъ“ (по выраженію Погодина, см. Барсуковъ, т. I, стр. 62), племянникъ знаменитаго въ Москвѣ классика-филолога Романа Ѳеодоровича *Тимковскаго*, служилъ въ двухъ университетахъ профессоромъ: сначала въ Москвѣ—по каѳедрѣ ботаники (до 1834 г.), а потомъ по открытіи Кіевскаго университета—въ Кіевѣ,—по каѳедрѣ русской словесности (и до 1835 г. вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ). Въ 1841 г. онъ бросилъ профессуру вообще (хотя въ 1843—1845 г. опять читалъ лекціи) О немъ см. *Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи, т. III, гл. I, стр. 15—37, Юбилей Максимовича, Кіевъ, 1872, и статьи С. Пономарева въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, т. CLVII за 1871 г., октябрь, отд. 2, стр. 175—249 и въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882—84 г. Ср., кромѣ того, „Біографическіе словари“ профессоровъ Московскаго (т. II, стр. 1—22) и Кіевскаго (стр. 379—397) университетовъ. Статья въ Московскомъ словарѣ—автобіографія, но съ значительными передѣлками С. П. Шевырева [1]).

Статья въ Кіевскомъ Словарѣ принадлежитъ перу А. И. Соболевскаго. Труды Максимовича перечислены въ Московскомъ Словарѣ на стр. 15—21, въ Кіевскомъ на стр. 387—397. Ср. еще у Пыпина на стр. 16 прим. Сочиненія Максимовича въ 3-хъ томахъ изданы въ Кіевѣ 1876—1880 г.

„Въ Москвѣ главнымъ дѣломъ Максимовича было *Естествознаніе*, которому *неотлучною спутницею и вѣрною неизмѣнною помощницей* была *Философія*; а въ Кіевѣ онъ преданъ былъ Словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ Исторіи, которая подъ конецъ взяла верхъ“ (М. Б. Сл. стр. 21).

[1]) Ср. у С. Пономарева (въ «Журналѣ» стр. 176 прим. 1).

Максимовичъ неоднократно упоминается по различнымъ случаямъ въ трудѣ Барсукова „Жизнь и труды Погодина“. *Ксенофонтъ Полевой* такъ характеризуетъ его:

...„Максимовичъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но взамѣнъ всего онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать, и такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ (да и не могъ читать), *но слушалъ сужденія и объясненія проф. Павлова* и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполнѣ воспользовался правиломъ древней мудрости: „Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ собираетъ“ [1])... При всемъ наружномъ простодушіи онъ отличался необыкновенною разсудительностью, умомъ проницательнымъ“...

О своихъ отношеніяхъ къ Павлову Максимовичъ разсказываетъ такъ:

„Звѣздою физико-математическаго отдѣленія въ университетѣ заблестѣлъ тогда прибывшій изъ-за границы профессоръ минералогіи и сельскаго хозяйства Павловъ. Его лекціи о природѣ—въ духѣ натуральной философіи, *строго логическія и художественно округленныя, питали новою* жизнію молодые умы студентовъ“ [2]).

„Былъ тогда обычай, что кончающіе курсъ студенты подавали разсужденія возможно большему числу профессоровъ своего отдѣленія. Максимовичъ подалъ.... профессору *Павлову прежде всѣхъ* сочиненіе о *системѣ* растительнаго царства. Павловъ былъ *вполнѣ доволенъ* сочиненіемъ, какъ „*первымъ* плодомъ *его* ученія о природѣ“. Но проф. *Двигубскій* выразилъ неудовольствіе за *излишество философскаго* элемента въ диссертаціи. Ректоръ *Антонскій* былъ того же мнѣнія. Статья

---

[1]) Ксенофонтъ Полевой, Записки, ч. I, гл. VII, стр. 131.

[2]) Біографическій Словарь Императорскаго Московскаго Университета, т. II, стр. 4.

съ нѣкоторыми измѣненіями была тогда же напечатана въ „*Новомъ Магазинѣ*“ въ маѣ 1823 г. [1]).

Максимовичъ взялся написать зоологію по руководству *Океновой* Натуральной исторіи и его же „Эскиза“, изданнаго въ Парижѣ и *подареннаго* ему проф. *Павловымъ*....

„Главныя основанія Зоологіи“ уже были изданы подъ цензурою проф. Павлова въ маѣ 1824 г.“ [2]).

Измѣненія въ статьѣ Максимовича, напечатанной у Двигубскаго въ „Новомъ магазинѣ“ заключались, повидимому, въ томъ, что изъ нея повыкурили „философскій духъ“. Приступаемъ къ изложенію ея. Статья помѣщена въ журналѣ „Новый Магазинъ“ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ, издаваемый Иваномъ *Двигубскимъ*, Часть II, № I. Девизъ: Multa fiunt eadem, sed aliter. Москва. 1823 г. Въ Университетской типографіи. Цензурное разрѣшеніе: Москва, Мая 7. 1823 г. Антона Прокоповича-Антонскаго, ст. I, стр. 3—22.

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6. А. Г-жа Е. Некрасова увѣряетъ, что Максимовичъ написалъ «Зоологію», «которая о б р а т и л а н а с е б я в н и м а н і е многихъ.... между прочимъ.... и тогдашняго любимаго профессора университета, М. Г. Павлова, проповѣдника философіи Шеллинга, х о т я(!) самъ онъ преподавалъ такія науки, какъ физика и сельское хозяйство». (Сѣверный Вѣстникъ, годъ VII, 1892 г., февраль, № 2, отдѣлъ I, ст. IX. «Писатели для народа изъ интеллигенціи. Очеркъ I. Князь В. Ѳ. Одоевскій (стр. 155—182) стр. 162)! Впрочемъ, это, повидимому, есть вольная перефразировка тоже не совсѣмъ точныхъ словъ С. Пономарева («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», часть CLVII, годъ 1871, октябрь, отд. 2, «Михаилъ Александровичъ Максимовичъ», (стр. 179) о «Зоологіи»: «Это была первая книга Максимовича, доставившая ему вниманіе ученаго міра, *дружбу М. Г. Павлова* и сближеніе съ литературнымъ міромъ». Дружба Павлова и его вниманіе были Максимовичемъ пріобрѣтены, какъ видимъ, гораздо раньше.

О системѣ растительнаго царства.

(Изложеніе статьи М. А. Максимовича).

Произведенія природы столь разнообразны и многочисленны, что познавать ихъ безъ *системы*, безъ „аріадниной нити“ (по выраженію Линнея) значило бы блуждать въ лабиринтѣ. Система укажетъ, гдѣ чего искать, и куда что помѣщать; она бываетъ *искусственная* (когда за основаніе принимается какая-либо одна часть тѣла произвольно) или *естественная*, когда основывается на многихъ частяхъ [1]). Наилучшая изъ искусственныхъ системъ растительнаго царства—Линнеева система *брачная* (s. sexuale), основанная на плодотворныхъ частяхъ. Хотя она послужила къ великимъ открытіямъ, но на ней нельзя останавливаться желающему не одного только поверхностнаго изслѣдованія растеній. Самое усиліе ботаниковъ (*Тунберга*, *Вильденова*, *Лиліенблада*, *Суккова*, *Ришара*, *Тратгиника* и др.) доказываетъ ея несовершенство. Искусственныя системы вообще не даютъ существеннаго познанія; онѣ даже отдаляютъ отъ истинной цѣли: въ одинъ классъ въ нихъ совмѣщаются совсѣмъ несходныя растенія, и по разнымъ классамъ размѣщаются растенія одного семейства. Всѣ такія системы основаны на *наружныхъ* частяхъ растеній, и притомъ на *одной* изъ нихъ. Избранная часть можетъ или сильно

---

[1]) Стр. 4.

различествовать, или ея можетъ вовсе не доставать (напр., тычинки). Истинное познаніе получается черезъ *физіологическое* [1]) познаніе каждой части. А по одной наружности предметы представляются односторонними. И Линнеева система могла держаться такъ долго только потому, что она—не чисто искусственная, а благодаря своимъ отступленіямъ отъ принципа—отчасти и натуральная. Линней самъ признавалъ естественную систему—цѣлью ботаники. *Декандоль* правъ, защищая естественную систему, разсматривающую отношенія *всѣхъ* частей.

Естественную систему принимали: *Магноль*, *Бернаръ Жюсье* (Jussieu), *Адансонъ* и *Антонъ Жюсье*. Теперь эта система принята лучшими ботаниками: *Декандолемъ*, *Бантамъ*, *Броуномъ* и др. Но ихъ системы суть только историческое описаніе растеній: ихъ достоинство только въ томъ, что сходныя растенія будутъ находится вмѣстѣ; но сколько же остается растеній [2]) т. н. incertae sedis—по недостаточному познанію настоящаго сродства между растеніями и семействами!

Обыкновенная естественная система представляетъ—отрывки настоящей [3]). Показать наружное,—положимъ, и внутреннее строеніе растеній—и сходныя изъ нихъ соединить вмѣстѣ—не есть еще конецъ ботаники. Естественная система, представивъ растительное царство, не какъ ряды, но какъ *сферы* (имѣющія центры и радіусы), должна показать отношенія между растеніями и семействами, и какъ всѣ они образовались по одинаковой *аналогіи* (*Фрисъ*, шведскій ботаникъ, первый счастливо *соединилъ умозрѣніе съ опытностію* [4]). Система должна представить *физіологически*, показать значеніе каждой части, изобразить развитіе цѣлаго раст. царства. То-

---

[1]) Стр. 5.

[2]) Максимовичъ пишетъ «растѣнія».

[3]) Стр. 9.

[4]) Стр. 10.

гда система представитъ намъ растительное царство въ такомъ видѣ, въ какомъ оно есть въ самой природѣ: это будетъ finis botanices.

„Таковая система есть дѣло великаго ума и обширныхъ свѣденій; и *Кизеръ* [1]) первый, а болѣе *Окенъ*, сей великій писатель и философъ-натуралистъ, положили уже глубокія ея основанія. Совершится же сія система во всѣхъ ея подробностяхъ еще не скоро,—когда многіе *Фрисы* рѣшатся ее обработывать".

Затѣмъ (стр. 11—22) Максимовичъ переходитъ къ изложенію основныхъ началъ системы и къ ея начертанію.

Анатомія растеній научаетъ насъ, что всѣ части растенія состоятъ либо изъ *клѣтчатки* (tela cellulosa), либо изъ *спиралей* (vasa spiralia); всѣ сосуды, находимые въ составѣ растеній, суть измѣненія тѣхъ или другихъ.

Растеніе въ началѣ есть слизистый пузырекъ, подвергающійся дѣйствію (преимущественно) земли и воздуха; черезъ образованіе и присоединеніе новыхъ пузырьковъ (изъ коихъ пузырьки, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію воздуха, растягиваются въ трубочки) растеніе изъ сферической формы превращается въ *линейную*, укрѣпляясь однимъ концомъ въ землю, а другимъ— вверхъ, выходя на поверхность и подвергаясь тамъ дѣйствію свѣта (перпендикулярное направленіе). Соединеніе пузырьковъ составляетъ *клѣтчатку*, которая есть первоначальная и главная основа растеній; въ ней совершаются всѣ органическіе процессы.

Спирали суть волокна или тесьмы (по *Линку* и др.), плотныя (т. е. не наполненныя ни влагою, ни воздухомъ): *подобно* нервамъ въ животныхъ, онѣ производятъ въ растеніяхъ

---

[1]) О Кизерѣ см. «Философія въ Россіи», т. III, стр. 16—19.

движеніе и возбуждаемость органическихъ процессовъ. Спиральная система есть вторичная и происходитъ отъ дѣйствія свѣта на клѣтчатку. Поэтому спиральная система имѣетъ *высшее* значеніе, нежели клѣтчатая; выше стоятъ и всѣ тѣ части и растенія [1]), гдѣ спиралей болѣе. Корень, скрытый отъ свѣта, состоитъ почти изъ одной клѣтчатки, какъ и цѣлый классъ низшихъ растеній, а тычинки—почти изъ однихъ спиралей; въ листьяхъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ въ вѣтвяхъ и стволѣ.

Существенныхъ органовъ въ растеніи только три: *корень*, *стволъ* и *листъ*. *Цвѣтъ* не есть особый органъ, а только представленіе прочихъ въ высшемъ значеніи.

Корень есть пищеварительный органъ въ растеніи и *соотвѣтствуетъ* желудку въ животномъ; онъ превращаетъ окружающую его питательную матерію въ слизь. Это—органъ *земной*: въ землю, какъ въ настоящую среду свою, онъ всегда углубляется.

Стволъ—что̀ сосудистая система животныхъ—органъ питанія: въ немъ совершается процессъ образовательный (движеніе соковъ, образованіе сахарнаго вещества, всасываніе и отдѣленіе и т. д.).

Листъ (какъ легкое у животныхъ) есть органъ дыханія; въ листахъ же совершается окисленіе соковъ, отдѣленіе водотвора и угольной кислоты и т. д.

Цвѣтъ [2]) не есть особый органъ: въ немъ повторились (но въ высшемъ значеніи) тѣ же органы; системы здѣсь содѣлались особенными органами: спиральная—въ цвѣтѣ, а клѣтчатая въ *плодѣ*; *тычинка* представила спираль, а *пестикъ*—

---

[1]) Стр. 13.

[2]) Стр. 14.

клѣтчатку. Цвѣтъ есть какбы особое растеніе, зависящее отъ дѣйствія солнца. *Цвѣтныя оболочки* (perigonium)—въ цвѣтѣ листъ; чашечка (calyx)=прилистникамъ (stipulae) и не есть существенная часть въ цвѣтѣ, какъ и прилистники въ растеніи; *вѣнчикъ* соотвѣтствуетъ листамъ, *коронка* (coronula)=*прицвѣтникамъ* (bracteae) и тоже не существенна.

Зародышъ (germen s. ovarium) есть начало будущаго плода: въ немъ должны повториться стволъ и корень. *Сѣменникъ* (pericarpium) представляетъ стволъ—составомъ (клѣтчатка и спирали) и процессомъ броженія (кислота и сахаръ—продукты). *Сѣмя* изображаетъ корень—составомъ (клѣтчатка одна) и образованіемъ алкалическихъ продуктовъ (мука, масло и т. д.). Сѣмя существуетъ и въ самыхъ низшихъ растеніяхъ, у которыхъ нѣтъ ни цвѣта, ни другихъ отдѣльныхъ органовъ.

Раздѣленіе и обособленіе системъ достигается въ *тычинкѣ* (развив. изъ цвѣтка) и *пестикѣ* (изъ плода) [1]). Въ тычинкахъ спираль приходитъ въ первоначальную форму произведеніемъ плодотворной пыли (pollen). И пестикъ, клѣтчатый органъ высшаго значенія, имѣетъ слизь на верхушкѣ.

Тычинка и пестикъ суть, такъ сказать, *животные* органы въ растеніи, одинаковаго и высочайшаго, но противоположнаго образованія и значенія. Тычинка—высшаго значенія: она относится къ пестику, какъ цвѣтъ къ плоду, какъ мущина къ женщинѣ, творящее или дѣйствующее къ творимому.

Слѣдствіе этой противоположности есть *оплодотвореніе*, оживленіе еще бездѣйственнаго зародыша. Развитіе его въ плодъ есть отдѣленіе сѣменника отъ сѣмени. Плодъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ это отдѣленіе явственнѣе и сложнѣе. Созрѣніемъ сѣмени довершается окончательное развитіе растеній. Сѣменемъ сохраняются породы: здѣсь растенія прихо-

---

[1]) Стр. 16.

дятъ въ первоначальную форму и оттуда же должны опять возникать.

Цѣлое растительное царство надо представить себѣ, какъ развитіе одного особаго (individuum), какъ одно великое совершенное растеніе и постепенное его развитіе. Тогда мы поймемъ, что каждое растеніе есть частное представленіе преимущественнаго образованія и усовершенствованія какой-либо части. Цѣлыя группы выражаютъ постепенное усовершенствованіе органовъ,—и во всѣхъ растеніяхъ всѣ органы равно совершенны.

Послѣ опредѣленія значенія каждой части растенія Максимовичъ переходитъ къ разсмотрѣнію періодовъ ихъ развитія. Таковыхъ три:

1) *Прозябеніе* (germinatio)—первоначальное развитіе сѣмени; еще не образуется органовъ;

2) *Произрастаніе* (propagatio)—развитіе корня, ствола и листа;

3) *Плодотвореніе* (fructificatio)—развитіе цвѣта и плода.

Все растительное царство надобно расположить сообразно этимъ періодамъ развитія [1]).

Прозябеніе представляютъ *грибы* (plantae mycetoideae); въ нихъ еще не образовался ни одинъ органъ.

Второй классъ составляютъ растенія, представляющія собою—*корень*. Они состоятъ изъ одной клѣтчатки; ни ствола, ни листьевъ не образовалось еще.

Растенія *третьяго* класса—*стволовыя*: у нихъ есть корень и стволъ, но листья несовершенныя (съ параллельными, а не съ сѣтчатыми жилками).

---

[1]) Стр. 17.

Далѣе слѣдуютъ растенія: *листовыя, съменныя, съменниковыя и вѣнчиковыя.*

Плодъ есть соединеніе всѣхъ частей растенія, а потому послѣдній классъ—*плодовыя* растенія, у конхъ плодъ совершеннѣе.

Дальнѣйшее подраздѣленіе на порядки, семейства и пр. должно основываться на этихъ же началахъ, такъ что всегда будетъ 4 раздѣленія: *корневыя, стволовыя, листовыя, цвѣтовыя,* —или въ высшихъ классахъ: *съменныя, съменниковыя, вѣнчиковыя и плодовыя.*

Таблица на стр. 19 представляетъ отличительные признаки 8 классовъ растеній.

Растительное царство заключаетъ:

1. A. *Грибы.* B. Растенія.

a) Клѣтчатыя. b) Спирально-волокнистыя.

2. *Корневыя.* b.

α) Односѣменодольныя. *β*) Двусѣменодольныя.

3. *Стволовыя.* *β*.

Безлепестныя.	Лепестныя.
4. *Листовыя.*	(*Цвѣтовыя*).

5. *Съменныя.*
6. *Съменниковыя.*
7. *Вѣнчиковыя.*
8. *Плодовыя.*

Подробное дѣленіе на порядки излагается на стр. 19—22.

Что касается грибовъ (прим. стр. 19—20), то, хотя и они—прозябаемыя (ибо они прикрѣплены къ землѣ и не имѣютъ произвольнаго движенія), но въ нихъ столько *особеннаго*, что *Нейсъ*, *Оконъ*, *Фрисъ* отдѣляютъ ихъ въ особую статью. Существуя же, какъ растенія, грибы преизобилуютъ азотомъ и ближе всѣхъ растеній подходятъ къ животнымъ; посему ихъ можно назвать (по примѣру *Велланскаго*, стр. 412 „Біолог. описанія природы“) *растительно-животными* (Phytozoa), какъ полипы суть—*животнорастенія* (Zoophyta). Впрочемъ, эта часть ботаники кажется Максимовичу еще не совсѣмъ обработанною и требующею дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Естественная система (теорію составленія таковой см. въ *превосходныхъ* сочиненіяхъ *Декандоля*, *Фриса* и, *особенно*, *Окена*) должна основываться на этихъ истинныхъ началахъ: по нимъ можно дать надлежащее мѣсто каждому растенію и *основательно* показать, какое растеніе совершеннѣе другого. Съ этой точки зрѣнія, „ботаника не будетъ уже болѣе казаться наукою сухою; ибо—какое наслажденіе видѣть передъ собою развитіе цѣлаго царства, какбы одного растенія—видѣть и удивляться силѣ Всемогущаго! Какое поприще для ума, стремящагося познать причины и значеніе вещей, и законы ихъ дѣйствій!“ [1]).

---

[1]) Стр. 20.

Эта статья Максимовича не прошла незамѣченною въ литературѣ и критикѣ. Такъ, напр., на нее указывалъ въ „Сынѣ Отечества“ кн. В. Ѳ. Одоевскій [1]).

Что же касается содержанія ея, то вліяніе Павлова, а черезъ него и Окена (несомнѣнно, что въ первые годы своего преподаванія Павловъ болѣе излагалъ теорію Окена, чѣмъ собственныя) сказывается замѣтно.

Специфическое вліяніе Павлова мы усматриваемъ, напр., въ предпочтеніи Фриса (см. выше, стр. 44, 45, 50), за то, что онъ соединилъ умозрѣніе съ опытомъ. Ср. во II томѣ „Философіи въ

---

[1]) «Сынъ Отечества», историческій, политическій и литературный журналъ, издаваемый Николаемъ Гречемъ (съ девизомъ: Verba animi proferre et vitam impendere vero. Juvenal. IV), часть девяносто пятая, СПБ. Въ типографіи Издателя. 1824, № XXXI (2 августа), III. Современная русская библіографія. Новыя книги. 1824. Естественная исторія. 81. Стр. 227—230. («Главныя Основанія Зоологіи или Науки о животныхъ, изданныя Михаиломъ Максимовичемъ. Книга первая. М. 1824, въ тип. А. Семена, въ 8. 12, 72 стр.)». По замѣчанію редакціи это «краткое извѣстіе»—изъ Москвы. Рецензія подписана XI XIV. III XII. XV V, т. е. Кн. Вл. Од. «Молодой Авторъ сей книги уже нѣкоторымъ образомъ извѣстенъ читателямъ»; особенно замѣчательна была его статья въ Новомъ Магазинѣ и т. д. «О системѣ растительнаго царства», въ которой весьма основательно показавъ превосходство Естественной системы надъ Искуственными, онъ излагаетъ свою собственную теорію Фитологіи (Ботаники): должно признаться, что сія статья по своему духу видимо отличается отъ другихъ статей, печатаемыхъ въ семъ Журналѣ» (стр. 227).

Россіи", стр. 147, гдѣ приводится слѣдующее мнѣніе Павлова (изъ „Мнемозины"): „и умозрительное познаніе, и эмпирическое, какъ одностороннее, каждое по отдѣльности—неполно". „Система" же растеній, составленная М. А. Максимовичемъ,— „первый плодъ (выше, стр. 41) ученія Павлова о природѣ"— оказывается простымъ сколкомъ съ ученія Окена, какъ мы можемъ судить по другой книжкѣ того же Максимовича „О системахъ растительнаго царства", гдѣ ученіе Окена изображается на стр. 53—65 (замѣтимъ, кстати, что о своей „системѣ" Максимовичъ въ этой второй исторической работѣ совсѣмъ не упоминаетъ). Главнѣйшія мысли мы всѣ встрѣчаемъ у Окена: „Та самая жизнь, которая развивается въ органы растительные, образуетъ и цѣлыя растенія: каждое растеніе есть не иное что, какъ отдѣльное или особое образованіе одного, либо совмѣстно многихъ органовъ" (стр. 53)... „Какъ органъ есть часть цѣлаго растенія, такъ каждое особое растеніе есть часть цѣлаго царства, которое можно представлять себѣ однимъ великимъ растеніемъ, коего части образовались отдѣльными, особыми тѣлами" (стр. 54)...

„Цѣль системы: показать значеніе растеній въ царствѣ, разрѣшить вопросъ: какими отдѣленіями царства выражается какой органъ".... „Сей способъ воззрѣнія на царство растеній, какъ на единое древо растительной жизни, конечно, составляетъ его (Окена) главную заслугу"...

Въ природѣ виденъ ходъ отъ нисшаго къ высшему, совершеннѣйшему,—отъ единства и простоты къ сложности и многообразію".... Система должна, начавъ съ нисшихъ растеній... и преслѣдуя ихъ, восходить къ высшимъ....

„Общій существенный характеръ (стр. 55) служитъ соединеніемъ растеній въ одно цѣлое; частные характеры сіе цѣлое раздѣляютъ на части и частямъ симъ даютъ опять цѣлость степени второй, третьей и т. д.".

Расписаніе степеней и таблицы на стр. 56—61 показываютъ заимствованіе Максимовича отъ Окена (черезъ Павлова). I степень—ткань: 1) клѣтчатка, 2) междуклѣтники, 3) завитки или спиральные сосуды. Сіи части, соединяясь, образуютъ органы. II степень. Станъ—органы ращенія или питанія: 1) корень—органъ пищеварительный (перевѣсъ клѣтчатки), 2) стволъ—органъ движенія соковъ (перевѣсъ междуклѣтниковъ), и 3) листъ—органъ дыханія (перевѣсъ завитковъ). III степень—цвѣтъ: 1) сѣмя—повтореніе корня, 2) сѣменникъ—повтореніе стебля (сюда принадлежитъ и пестикъ) и 3) вѣнчикъ (съ чашечкою и тычинкою)—повтореніе листа. IV степень—плодъ—соединеніе всѣхъ трехъ частей листа. Классовъ у Окена (стр. 58—59)—не 8, какъ у Максимовича, а 10, но эта разница объясняется тѣмъ, что въ I степени—растеніяхъ тканевыхъ Оконъ считаетъ не одинъ, а три класса грибовъ: 1) клѣтчатковыя, 2) междуклѣтниковыя и 3) завитковыя. II степень—растенія становыя имѣютъ 4 класса: 4) корневыя (у Максимовича 2 кл.), 5) стеблевыя (у Мак-ча—3 кл.), кл. 6) листовыя (у М-ча—кл. 4). III степень—растенія цвѣтовыя: кл. 7) сѣменныя (у М-ча—5 кл.), 8) сѣменниковыя (у М-ча—кл. 6) 9) вѣнчиковыя (у М-ча—кл. 7). IV степень—растенія плодовыя—кл. 10) плодовыя (у М-ча кл. 8).

Такимъ образомъ получается полное соотвѣтствіе классовъ у Окена и Максимовича.

Отсюда видимъ мы, что мнѣніе С. Пономарева (стр. 179): „въ статьѣ („О системѣ“ etc) излагалась *собственная* теорія ботаники (!), основанная на сущности каждаго растенія“ совершенно не основано на фактахъ. Впрочемъ, и это мнѣніе заимствовано изъ отзыва кн. В. Ѳ. Одоевскаго (см. выше, стр. 51, прим.).

Это любопытное сличеніе показываетъ намъ, съ одной стороны, насколько вѣрно и точно излагалъ Окена М. Г. Павловъ, въ первые годы своего преподаванія въ Московскомъ

университетѣ еще не отваживавшійся на критику Окена (какъ онъ дѣлалъ позднѣе по отношенію къ его же физикѣ см. выше, стр. 37 и 38); съ другой стороны, мы видимъ, насколько мѣтко уловилъ и усвоилъ себѣ идеи Окена Максимовичъ, не читавшій самъ нѣмецкихъ натур-философовъ въ подлинникѣ (см. выше, стр. 41), а принужденный знакомиться съ ними лишь въ устной ихъ передачѣ на лекціяхъ Павлова. Позднѣе въ историческомъ своемъ сочиненіи Максимовичъ вторично изложилъ идеи Окена—уже по подлиннику—по журналу „Изидѣ“ (стр. 55—56), Naturgeschichte u Esquisse d' Anatomie, de Physiologie et d'Histoire naturelle самого Окена, [1])—и изложилъ уже критически. Но пора намъ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ второмъ его трудѣ.

---

[1]) Эти книги были ему подарены самимъ М. Г. Павловымъ (см. выше, стр. 42).

Изложенную статью М. А. Максимовича не слѣдуетъ смѣшивать съ его же позднѣйшимъ сочиненіемъ (магистерскою диссертаціею подъ сходнымъ заглавіемъ) „О системахъ растительнаго царства“, носящемъ строго *историческій* характеръ. Этотъ трудъ показываетъ въ Максимовичѣ хорошаго знатока исторіи своей науки—ботаники. Онъ перечиталъ всѣхъ авторитетовъ въ подлинникахъ и приводитъ ихъ мнѣнія въ обширныхъ латинскихъ цитатахъ (подъ строкою). Въ предисловіи авторъ говоритъ слѣдующее:

„Соединеніе въ одно органическое цѣлое растеній называется *системою растительнаго царства*. Ее различаютъ на *естественную* и *искуственную*, хотя послѣдняя собственно не можетъ называться системою, ибо ея цѣль состоитъ только въ легчайшемъ способѣ опредѣленія растеній.

Основаніемъ *искуственной* системы можетъ служить одинъ какой-либо признакъ [1]), избранный по произволу, отъ котораго (?) зависятъ и произведенія природы; но естественная система созидается на началахъ необходимыхъ, выведенныхъ изъ полнаго познанія растеній.

Система *искуственная* допускаетъ произвольныя измѣненія, и завися отъ назначеннаго признака, можетъ измѣняться сама до безконечности. *Естественная* система не до-

---

[1]) См. выше, стр. 43.

пускаетъ такихъ произвольныхъ измѣненій: ея измѣненіе состоитъ въ полнѣйшемъ только развитіи.

Искуственная система удовлетворяетъ начальной потребности разума; естественная—составляетъ главную и послѣднюю цѣль его изысканій, къ которой онъ такъ постоянно стремится и мало по малу приближается. Но поелику всѣхъ растеній открыть не можно, и разумъ нашъ цѣлой природы обнять не въ состояніи; то и Естественная Наука есть задача безконечная,—системы совершенной и постоянной—не дождемся.

Предметъ сего разсужденія состоитъ въ критико-историческомъ показаніи развитія системы растительнаго царства. Я раздѣляю оное на три періода: къ *первому* отношу начала системы вообще и системы искуственныя, кои ограничиваются познаніемъ только породъ и родовъ; ко *второму*—составленіе родовъ въ естественные порядки или семейства; къ *третьему*—составленіе семействъ въ классы и стремленіе создать цѣлую систему".

Представимъ описаніе книги:

О системахъ растительнаго царства. Разсужденіе для полученія степени Магистра Физико-Математическихъ Наукъ сочиненное *Михаиломъ Максимовичемъ*. Москва. Въ университетской типографіи. 1827. Малая 8°. На обор. тит.— девизъ:

Filum Ariadneum Botanices est Systema, sine quo chaos est regnum vegetabile.—

Ordines Naturales valent de natura plantarum. Artificiales in diagnosi plantarum.—

Methodus Naturalis ultimus est finis Botanices. *Linné.*

Съ дозволенія Университетскаго Совѣта, по одобренію Отдѣленія Физико-Математическихъ Наукъ. Іюня 9 дня 1827 года.

Секретарь Совѣта Орд. Профессоръ и Кавалеръ Павелъ Щепкинъ. Тит. + 2 ненум. стр. предисловія (курсивомъ, безъ заглавія) + текста 1—79 стр. + „Положенія“ 2 ненум. (всего положеній 11). Періодъ I-й. Отъ Цизальпина до Линнея. Начало системы. Система искуственная (стр. 1—19); Періодъ II. Отъ Линнея до Жюсье. Изысканіе естественныхъ свойствъ растеній (стр. 20—41). Линней—стр. 21, Жюсье—стр. 28; Періодъ III (стр. 42—79): Пирамъ Декандоль—стр. 44, Система Окена—стр. 53, Кассель—стр. 65, Илія Фрисъ—стр. 71.

Что касается сужденій Максимовича, то всего точнѣе насъ ознакомятъ съ ними нѣкоторыя выдержки.

О Линнеѣ (стр. 22): „Генія, пролагающаго новый путь, не всегда должно судить по тому, что онъ сдѣлалъ: онъ познается и въ намѣреніяхъ, и въ начинаніяхъ“ (стр. 24). „Ботаническіе признаки не для того составлять должно, чтобы составить родъ, классъ, но потому что сіи находятся въ природѣ: сродство предшествуетъ признаку. Потому Линней.... хотѣлъ дать признаки существенные (essentiales), а они и доселѣ еще не познаны у многихъ семействъ!“

Объ свѣтилѣ шеллинговой натурфилософіи въ ея примѣненіи къ естествовѣдѣнію—Окенѣ: „Окенъ не столько старался представить природу въ своей системѣ, сколько хотѣлъ въ природѣ показать свою систему: вотъ и причина, почему въ Ботаникѣ *не имѣло большаго успѣха* его систематическое расположеніе растеній. Умозрѣніе истинное должно согласоваться съ природою; система растеній Окена, какъ и самъ онъ сознается, есть только начальный опытъ; но его воззрѣніе на растительное царство... имѣетъ много истиннаго, придаетъ системѣ новый свѣтъ и можетъ произвести успѣхъ дѣйствительный“... (стр. 64—65). „Въ системѣ животныхъ онъ былъ гораздо удачнѣе“ (стр. 63).

Всего благосклоннѣе сужденіе Максимовича о Фрисѣ (ср. выше. стр. 44 и 51): ...„здѣсь вижу я образецъ систематическаго обозрѣнія, какого еще доселѣ не встрѣчалъ въ Ботаникѣ: раздѣленія у него не случайныя, не на формѣ кажущейся основаны, но необходимыя, выведенныя изъ дѣйствительной сущности самой жизни. Здѣсь, такъ сказать, примиряются всѣ особенные способы воззрѣнія, кои, составляя особенность вышеизложенныхъ системъ, дѣлали ихъ болѣе или менѣе односторонними. Здѣсь видишь изображеніе природы, по которому подумаешь, *что она сама иногда вѣщала устами Фриса*; и духъ, утомленный долгимъ плаваніемъ по морю системъ, гдѣ семейства растеній встрѣчались ему нерѣдко, какъ обнаженныя скалы и невоздѣланные острова, волнами сомнѣній окруженные, здѣсь впервые отдыхаетъ на брегѣ твердой земли, гдѣ начинается только владѣніе Флоры“ (стр. 75) ....„Я совсѣмъ не такъ ослѣпленъ Фрисомъ, чтобы его назвать *свѣтиломъ Ботаники*; но вижу въ немъ только блистательную зарю, выводящую за собою ясный день истинной системы! Ясный ли будетъ день? Справедливы ли мои примѣты? Это покажетъ время“.... (стр. 79).

Изъ русскихъ ученыхъ упоминается лишь (стр. 18): „*Двигубскій* составилъ подобный (какъ *Лестибудоа* для Бельгической и *Дюбоа* для Орлеанской) аналитическій методъ для опредѣленія растеній Московской Флоры, который вскорѣ будетъ отпечатанъ“.

Изъ „положеній“ отмѣтимъ слѣдующія, носящія болѣе или менѣе философскій характеръ:

1) Собственная цѣль Естествознанія состоитъ въ томъ, чтобы частныя, опытныя свѣденія о природѣ привести къ одному всеобщему началу и соединить въ одну систему.

2) Мы знаемъ природу a posteriori.

3) Въ системѣ, кромѣ *сродства* (affinitas), должно еще наблюдать и *сходство* (analogia).

5) Первоначальное раздѣленіе земныхъ тѣлъ не на формѣ основывается, но выводится физіологически.

10) Въ природѣ вездѣ двойство: свѣтъ безъ двойства являться не можетъ.

11) Изъ того, что електричествомъ и свѣтомъ возбуждается магнитизмъ, не слѣдуетъ, что они суть одно и то же.

Обратимся къ другому ученику Павлова—*Алексѣю Дмитріевичу Галахову*, воспоминанія котораго мы уже цитировали въ этой статьѣ не разъ. А. Д. Галаховъ извѣстенъ всей читающей и учащейся Россіи, какъ составитель „Христоматій", „Исторіи русской литературы" (пространной и краткой—класснаго учебника) и т. д. Онъ родился въ 1807 г., по окончаніи курса (1822—1826) въ Московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету былъ стипендіатомъ, затѣмъ помощникомъ инспектора студентовъ, преподавателемъ при сиротскомъ институтѣ, съ 1856 г. состоялъ профессоромъ русской словесности при академіи генеральнаго штаба въ Петербургѣ, а съ 1865 г.—78 имѣлъ каѳедру того же предмета въ историко-филологическаго института. Его воспоминанія и автобіографическіе очерки, полные интересныхъ сообщеній, печатались въ разныхъ журналахъ, както: „Отечественныя Записки" за 1847 г., т. 45, отд. I. словесность, стр. 300—312 (посвящено П. Н. Кудрявцеву) и „второй отрывокъ" —тамъ же, за 1848 г., т. 57, отд. I, стр, 218—226. Подпись: Сто—одинъ. Эпиграфъ „Человѣкъ онъ былъ" („Гамлетъ") и „Русскій Вѣстникъ" за 1875, ноябрь, т. 120, ст. II. Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ (изъ записокъ человѣка) Сто одного, стр. 62—82; за 1876 г. т. 123, май, ст. III, стр. 97—118. „Первые годы жизни до поступленія въ школу" (изъ записокъ человѣка)—за подписью „сто—одинъ"; за тотъ же годъ, т. 125, октябрь, ст. VIII, стр. 810—831—„Время школьнаго ученія". Уѣздное училище и гимназія (1816—1822); т. 126, ноябрь, ст. V. Время высшаго образованія, университетъ (1822—1826), г. IV, стр. 182—208; за 1877 г. т. 132., ноябрь, ст. III. Отъ окончанія университетскаго курса до начала педагогическихъ занятій (1826—1832), стр. 74—93; за 1889 г. т. 203, августъ, ст. VII, стр. 133—136 „Михаилъ Петровичъ Погодинъ" (по поводу сочиненія Н. П. Барсукова.

Воспоминанія Галахова печатались также въ „Русской Старинѣ“ и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за разные годы. Некрологъ его, составленный. Л. Майковымъ,—въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, ч. 284, за 1892 г. декабрь, Совр. лѣтопись, ст. IV, стр. 124—133.

Галаховъ началъ писать очень рано. Еще на актѣ Рязанской гимназіи въ 1822 г. при окончаніи имъ курса раздавали въ печатномъ видѣ прочитанную Галаховымъ рѣчь „Объ истинной славѣ“ [1]). По спеціальнымъ предметамъ онъ помѣщалъ переводныя статьи въ „Новомъ Магазинѣ“ Двигубскаго. Подъ вліяніемъ лекцій Павлова у него тоже развился вкусъ къ философіи, и плодомъ этихъ увлеченій явилась его статья „Четыре возраста естественной исторіи“, повторяющая, правда, много мнѣній учителя, но и показывающая, что А. Д. Галаховъ сумѣлъ хорошо переварить усвоенное и скомбинировать мысли Павлова въ самостоятельномъ примѣненіи ихъ къ исторіи науки. Статью свою Галаховъ пристроилъ въ „Московскій Вѣстникъ“ Погодина, который, какъ мы видѣли (стр. 3 и 24—25 выше), увлекался и Шеллингомъ, и Павловымъ и охотно далъ мѣсто статьѣ, пропагандировавшей то же направленіе. Объ этомъ самъ Галаховъ разсказываетъ такъ:

„Съ такимъ общедоступнымъ человѣкомъ, какъ Погодинъ, я познакомился въ первый годъ издававшагося имъ „Московскаго Вѣстника“ (1827). Я отъявился къ нему съ небольшой статейкой подъ названіемъ „Четыре возраста естественной исторіи“, чуждой содержанія, т. е. научнаго интереса, но написанной недурнымъ стилемъ *подъ вліяніемъ* такъ называвшейся „*павловщины*“, т. е. лекцій *М. Г. Павлова*, любимаго проф. въ физико-математ. факультетѣ“ [2]).

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, т. 125, стр. 829.

[2]) Галаховъ, «Сороковые годы», стр. 397 въ «Ист. В.» за 1892 г., т. 47, февраль, ст. V.

Четыре возраста естественной исторіи.

(Изложеніе статьи, которая помѣщена въ журналѣ „Московскій Вѣстникъ“. Журналъ, издаваемый М. Погодинымъ. Часть пятая за 1827 г., № XVII, Науки, Естественная Исторія. „Четыре возраста Естественной Исторіи“, стр. 40—58, неподписано, но въ оглавленіи подпись: №).

Историческій обзоръ всякой науки, подобно жизни всего человѣчества и каждаго человѣка, можетъ быть представленъ въ извѣстномъ числѣ возрастовъ. Познавательныя стремленія человѣка не сразу разверзали сокровищницу всего познаваемаго. Первыя свѣдѣнія о какомъ-либо предметѣ (во времена отдаленныя) необходимо должны носить на себѣ печать *младенчества*.

Потомъ, когда человѣкъ, утомленный безчисленностью предметовъ, сталъ различать ихъ и пріобрѣтенныя свѣдѣнія распредѣлять на отрасли (науки), тогда успѣхи мышленія стали больше и достигли *юношескаго* возраста: предметъ и цѣль изслѣдованія стали понятнѣе и яснѣе.

Не ограничиваясь только этимъ пріобрѣтеніемъ свѣденій, человѣкъ стремится утвердить всѣ отрасли знанія на одномъ основаніи и представить ихъ въ цѣломъ, систематическомъ видѣ.

На предѣлахъ юношества расцвѣтаетъ сильное, зрѣлое *мужество*. Науки получаютъ самостоятельность и вѣрнымъ путемъ идутъ къ совершенствованію.

Когда человѣкъ, какбы достигнувъ цѣли изслѣдованій, въ нихъ самихъ обрѣтаетъ и высшее наслажденіе, и сладостную награду трудамъ, тогда наступаетъ *старость*.

Въ каждой отрасли знанія всего важнѣе:

1) сущность предмета,

2) цѣль изслѣдованія,

3) способъ для достиженія цѣли. [1])

Всякому наблюдателю при разсматриваніи предмета представляются три вопроса: Что̀ я познаю? Для чего я познаю? Какимъ образомъ долженъ я познавать? Наука имѣетъ твердое и должное основаніе, если разсмотрѣны изъ надлежащей точки зрѣнія эти три вопроса; иначе въ ней не будетъ единства начала и согласія въ частяхъ, не будетъ ничего, кромѣ собранія выводовъ, по большей части, невѣрныхъ. Да и откуда ждать успѣховъ, если мы не знаемъ ни предмета, ни цѣли, ни пользы и важности изслѣдованія?

Поэтому представить историческій ходъ естественной исторіи (какъ и прочихъ наукъ) есть то же, что̀ разрѣшить слѣдующій вопросъ: *на какой степени развитія въ каждомъ возрастѣ находились мнѣнія о предметѣ и цѣли ея изслѣдованій и о способѣ производить сіи изслѣдованія?* [2])

Врожденное побужденіе къ познанію устремляется сначала на предметы, насъ окружающіе и постигаемые чувствами (т. е. нераздѣльные съ физическимъ бытіемъ), на планету, обитаемую человѣкомъ, съ участью которой сопряжена и его участь Дивное смѣшеніе земныхъ существъ и непрерывность явленій природы поразили мысль и возвели ее на первую ступень развитія. Главною цѣлью является схватить какъ можно болѣе

---

[1]) Стр. 41.

[2]) Стр. 42.

различныхъ впечатлѣній: вниманіе не останавливается ни на чемъ преимущественно. „Младенецъ съ радостію беретъ каждую игрушку и мгновенно бросаетъ ее, увидя новую, блестящую“.

Предметъ первой дѣятельности человѣка была *природа*. Все, что блистало красотой и величіемъ, поражая его чувства, сливалось въ одно цѣлое. Юный властелинъ земли довольствовался удивленіемъ. Таковъ періодъ *младенчества*. Понятія человѣка за сіе время равнялись понятіямъ *нашихъ простолюдимовъ*: онъ ограничивался простымъ воззрѣніемъ на все видимое. Науки еще не созданы, различія предметовъ не подмѣчены, свѣденія не раздробляются на отрасли.

Вскорѣ юный и пылкій человѣкъ съ новыми силами устремился наблюдать природу [1]) и увидѣлъ, что, несмотря на удивительное разнообразіе, она сохраняетъ единство и порядокъ, и все сотворенное (отъ полипа до человѣка) смыкается въ неразрывный кругъ. Обширность планеты-земли и разнообразіе тѣлъ, ее составляющихъ, приводятъ къ раздѣленію послѣднихъ на разряды. Тогда то естественная исторія въ первый разъ появилась подъ именемъ науки о трехъ царствахъ природы: минеральномъ, растительномъ и животномъ. *Аристотель* и *Плиній*—представители *юношества* ест. исторіи. Геній Аристотеля былъ выше его вѣка; мы не можемъ оцѣнить его познанія: не всѣ его сочиненія дошли до насъ.

Въ писаніяхъ древнихъ натуралистовъ находимъ много невѣроятностей и басенъ. Цвѣтущее воображеніе приписывало твореніямъ свойства, не имѣющіяся у нихъ, и порождало новыя существа. Тогда обнаружилась наклонность къ чудесному, свойственная пылкому возрасту юношества.

Невозможно опредѣлить цѣли изслѣдованія природы въ

---

[1]) Стр. 44.

этотъ періодъ: было ли то—врачеваніе болѣзней, или удовлетвореніе житейскихъ потребностей? Божественное чувство и стремленіе познавать, неоспоримо, проявляется во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, поставляя главною цѣлью—пріобрѣтеніе истины.

При научномъ разсмотрѣніи существъ (въ трехъ царствахъ природы) возникаетъ вопросъ, что̀ важнѣе: „изслѣдованіе ли наружнаго и внутренняго вида существъ, или объясненіе ихъ жизни?“ Свѣдѣнія естественныя были перемѣшаны и разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ. Надобно было собрать ихъ и подвести подъ общія правила, а роды существъ представить въ системѣ. Предпріятіе трудное; но безсмертный *Линней* имѣлъ и силы, и терпѣніе.

Сей великій мужъ появился на закатѣ юношества ест. исторіи. Онъ началъ съ изслѣдованія признаковъ трехъ царствъ природы и кончилъ раздѣленіемъ ихъ на классы, порядки и т. д. Его система (съ прибавленіями и перемѣнами) еще и теперь (въ 1827 г.) въ большомъ употребленіи [1]).

Направленіе Линнея вызвало много трудовъ. Частыя открытія заставляли систематиковъ производить поправки, отъ чего это стройное зданіе системы искажалось. Нѣкоторые, какъ краснорѣчивый *Бюффонъ*, обладавшій обширнымъ умомъ и пламенною фантазіею, уклонялись отъ общаго теченія и возставали противъ принципа постепенности и „сближенія породъ“: онъ хотѣлъ ограничиться однимъ только изученіемъ разнообразія. Но его мнѣніе, несмотря на заманчивость, не произвело большого впечатлѣнія.

Умъ человѣческій всегда и во всемъ стремится къ единству и старается къ нему привести все многоразличіе видимаго.

Ест. исторія въ юношескомъ возрастѣ была наукою о свойствахъ твореній. Сей же періодъ знаменуется стремленіемъ

---

[1]) Стр. 47.

къ приведенію оныхъ въ систему, чтобы быть въ состояніи всякое неизвѣстное животное или растеніе сразу отнести къ какому-либо классу, порядку и т. д. и дать ему наименованіе.

Натуралисты выставили множество системъ. Каждый систематикъ почелъ себя въ правѣ принимать за основаніе раздѣленія такой признакъ, какой ему заблагоразсудится [1]). Иногда оставляли старыя системы только для того, чтобы создать свои новыя: дробили установленные разряды, выдумывали новыя имена для нихъ. Одинъ и тотъ же видъ получалъ разныя названія. Огромныя классификаціи только затрудняютъ изученіе наукъ естественныхъ [2]).

Способъ разсматриванія трехъ царствъ природы отъ Линнея до нашихъ временъ должно назвать *аналитическимъ*, за основаніе котораго принимается *наблюденіе*. Въ физіологіи растеній и животныхъ поступаютъ такимъ же образомъ: отдѣльно наблюдаютъ явленія ихъ жизни—и объясненія оныхъ стараются привести подъ общія правила, словомъ, создать теорію. Но различіе точекъ зрѣнія приводитъ къ созданію другъ другу противорѣчащихъ системъ, не утвержденныхъ ни на какомъ основаніи.

Почитая настоящій ходъ ест. исторіи неизмѣняемымъ, утверждали, что успѣхи оной возведены до nec plus ultra. Но любитель истины съ огорченіемъ взиралъ на заблужденія, на ничтожность занятій этихъ испытателей природы,—занятій, не дающихъ пищи уму и не возносящихъ духа къ источнику истины. Нужно было направить научныя стремленія къ болѣе возвышенной цѣли „и полное развитіе оной озарить свѣтомъ немерцаемымъ: сей желанный свѣтъ возсіялъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія“.

---

[1]) Ср. такой же отзывъ выше у Максимовича, стр. 55. Очевидно, что источникъ обоихъ отзывовъ одинаковъ—лекціи Павлова.

[2]) Стр. 50.

Въ трехъ царствахъ природы мы повсюду встрѣчаемъ единство и постепенность; явленіе жизни представляетъ согласіе и неизмѣняемость: какимъ образомъ появились въ системахъ натуралистовъ—безпорядокъ и смѣшеніе, а въ теоріяхъ физіологическихъ—противорѣчіе? Какъ рѣшить этотъ вопросъ [1])?

Основаніе каждой науки (ср. выше, стр. 63) должно полагать въ строгомъ разборѣ сущности ея предмета, цѣли изслѣдованій и способа производства ихъ; отъ этого разбора зависитъ и совершенство науки. Мнѣнія испытателей природы принимаются за аксіомы. „Но мы возьмемъ смѣлость доказывать противное“: положимъ, что предметъ ест. исторіи еще не разсмотрѣнъ съ надлежащею точностью, что цѣль ея неизвѣстна, и способъ изслѣдованія (т. е. методъ) не открытъ. Каковъ будетъ результатъ нашего предположенія?

Опредѣлить предметъ ест. исторіи значитъ показать его мѣсто въ природѣ. Но часть нельзя постигнуть безъ цѣлаго. Рѣшеніе нашего вопроса нераздѣльно съ общимъ взглядомъ на все доступное умственному созерцанію и чувствамъ. Богъ, природа и человѣкъ—вотъ предметъ познавательныхъ стремленій человѣка [2]). Слѣдовательно, *науки, какъ вѣрные списки познаваемаго*, должны быть троякаго рода. Тѣла, составляющія нашу планету (какъ часть вселенной) двояки: одни (минералы, растенія и животныя) представляютъ въ единствѣ многообразіе, другія—нѣтъ. Итакъ, *естественная исторія* есть *наука о тѣлахъ планеты нашей, въ которыхъ замѣчается многоразличіе* [3]). Теперь можно опредѣлить мѣсто ест. исторіи въ

---

[1]) Ср. такіе же отзывы и мнѣнія самого Павлова: «Философія въ Россіи», т. II, стр. 140 и 141 (въ «Мнемозинѣ»), 131, 134, 158, 167, 211. Наука есть списокъ предмета; предметъ одинъ,—и вѣрный списокъ тоже долженъ быть одинъ.

[2]) Ср. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 135 («Общій чертежъ наукъ»). Ср. тамъ же стр. 138 и 159 о «Творцѣ и твореніи» и о двоякомъ значеніи слова «природа».

[3]) Стр. 53. Ср. опредѣленіе «натуральной Исторіи» у Павлова (въ «Физикѣ»): «Философія въ Россіи», т. II, стр. 159.

общемъ ряду человѣческихъ знаній: она не сливается съ другими науками, но замыкается въ точныхъ предѣлахъ.

Послѣ разсмотрѣнія предмета опредѣлимъ цѣль усилій и изслѣдованій. Читая и перечитывая авторовъ по естеств. ист., мы „болѣе всего удивляемся маловажности цѣли“, для которой назначаются эти труды. Неужели одно исчисленіе признаковъ растеній или животныхъ можетъ удовлетворить человѣка и ограничить врожденное чувство, которое, подобно яркому пламени, горитъ въ глубинѣ души?

Я выучилъ всѣ названія существъ, знаю, гдѣ живутъ и питаются, чѣмъ отличаются и въ чемъ сходствуютъ растенія и животныя, легко и скоро опредѣляю неизвѣстную породу и т. д. „Но что же изъ сего выходитъ? Что наконецъ узналъ я?“ Одно и то же существо названо однимъ натуралистомъ такъ, а другимъ иначе, наружный видъ такой то, а внутренній такой то, прежде оно относилось къ такому то классу, а теперь къ другому—*и больше ничего.* Неужели къ этому должны стремиться всѣ усилія моего ума? Нѣтъ! Онѣ стремятся къ цѣли возвышенной. Но къ какой именно?

Отметать совершенно пользу эмпирическихъ свѣдѣній столь же безразсудно, какъ и признавать ихъ главными, единственными. Зданіе строится по плану архитектора, но для выполненія необходимы особенные работники. „Жаль только, что въ сихъ эмпирическихъ свѣдѣніяхъ полагаютъ начало и конецъ науки“. Тѣла нашей планеты (предметъ ест. исторіи) могутъ быть разсматриваемы двоякимъ образомъ: въ состояніи *покоя* или *бытія* и въ состояніи *движенія* или *дѣйствія* [1]). Въ I случаѣ онѣ кажутся мертвыми, не дѣйствующими, во II онѣ—живы, дѣятельны, и измѣняются всегда, и пребываютъ неизмѣнными.

---

[1]) О «бытіи» и «дѣйствіи» ср. «Философія въ Россіи», т. II. стр. 122. Черезъ всю «Физику» Павлова проведено различіе познанія предмета въ его «явленіи» и въ «сущности» (см. тамъ же, стр. 163, 151—157, 168—170).

Что предлежитъ при изслѣдованіи трехъ царствъ природы въ состояніи покоя? Должно *составить систему*, т. е. найти такую точку зрѣнія, изъ которой можно бы обозрѣть сразу и сходства, и различія. Для этого необходимо преслѣдовать постепенное развитіе тѣлъ неорудныхъ и органическихъ, выводя сіе развитіе изъ высшаго, всеобъемлющаго начала. Только такая система будетъ вѣрнымъ спискомъ порядка и единства существъ, ибо начала, на коихъ она утверждается, постоянны и незыблемы [1]).

Разсматривая существа въ состояніи дѣйствія, наблюдатель все многоразличіе явленій жизни ихъ (т. е. минераловъ, растеній и животныхъ) сводитъ на *идеи*; а изъ отдѣльныхъ идей *составляютъ общую физіологическую теорію*, которая должна легко и вѣрно примѣняться къ объясненію жизненныхъ явленій. Съ водвореніемъ истиннаго познанія предмета и цѣли ест. исторіи разсѣялся мракъ заблужденій, доселѣ ее покрывавшій, и наука, получивъ должное направленіе, быстрыми шагами пошла къ совершенству. Увидѣвъ недостатокъ эмпирическихъ свѣдѣній, мы уже не обращаемъ главнаго вниманія на простое описаніе тѣлъ (это *легкое* дѣло взгляда), но стараемся (какъ говоритъ одинъ любитель истины) *постигнуть смыслъ сихъ пламенныхъ буквъ, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ и величіи Творца* [2]).

Что касается способовъ изслѣдованія трехъ царствъ, то лучшимъ будетъ тотъ, который служитъ къ вѣрнѣйшему и скорѣйшему достиженію цѣли. Способъ эмпирическій (аналитическій), состоящій въ наблюденіи, первенствуетъ [3]); но съ принятіемъ его—откроется ли *внутренняя*, *идеальная* сторона

---

[1]) Ср. выше (стр. 44) замѣчанія объ естественной системѣ, какъ системѣ развитія и притомъ на физіологической основѣ.

[2]) Этотъ «любитель истины», повидимому, Павловъ. Ср. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 147.

[3]) Стр. 57.

явленій, видна ли станетъ степень развитія, на какой каждое существо находится, извѣстны ли будутъ значеніе и необходимость его въ общемъ составѣ вселенныя? Постигнемъ ли то, что̀ не подлежитъ ни наблюденіямъ, ни опытамъ, что̀ проявляется онымъ составомъ [1])? Конечно, *нѣтъ*! Опыты касаются лишь наружной (чувственной) формы тѣлъ, а не восходятъ къ *началамъ*, которыя служатъ основаніемъ всякаго знанія. Другой же способъ въ противоположность первому называется умозрительнымъ или синтетическимъ:—*превосходство его очевидно*; но не имѣя повѣрки выводамъ, мы блуждали бы въ ихъ лабиринтѣ и сомнѣвались бы въ точности оныхъ: сію повѣрку и доставляютъ эмпирическія свѣдѣнія. Слѣдовательно, ни тотъ, ни другой способъ, взятый отдѣльно, не можетъ удовлетворить вполнѣ требованіямъ ума. Только соединеніе обоихъ (идентитизмъ) доставитъ истинное познаніе предмета [2]).

Таковы результаты *новѣйшихъ* изысканій, глубокихъ и *сладостныхъ*: въ нихъ свѣтлѣютъ успѣхи мыслящей способности. Еще и теперь они находятся въ борьбѣ съ закоренѣлостью сильныхъ и древнихъ предразсудковъ, но справедливость разсѣетъ сіи *порожденія невѣжества*: святая истина возникаетъ на развалинахъ ложныхъ мнѣній! Естественная исторія уже получила твердое основаніе: достаточно разсмотрѣны и цѣль, и способъ изслѣдованія. Остается теперь развить сіи начала еще съ большею строгостію и точностію, производить изслѣдованія съ математическою послѣдовательностію, всѣ результаты сей науки представить въ цѣломъ, систематическомъ видѣ и возложить на нее печать совершен-

---

[1]) Ср. у Павлова (изъ «Мнемозины»): «Философія въ Россіи», т. II, стр. 143—о способѣ аналитическомъ или емпирическомъ, и о томъ, что идеальное не подлежитъ опытамъ.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 147.

ства. „Еще нѣтъ совершителя, но мы ждемъ его съ радостію; да грядетъ скорѣе пріять на главу свою вѣнецъ благодарности!“ [1]).

---

[1]) Стр. 58.

Изложенныя статьи Максимовича и Галахова хорошо показываютъ, какъ неотразимо-мощно вліялъ Павловъ на умы своихъ молодыхъ слушателей, какъ произнесенныя имъ съ каѳедры рѣчи внѣдрялись въ душу и сердце вѣрныхъ и благодарныхъ учениковъ и побуждали послѣднихъ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе отзывчивыхъ изъ нихъ давать просторъ дальнѣйшему самобытному развитію тѣхъ же основныхъ идей. Два будущіе извѣстные филолога,—тогда еще естественники, дали этимъ идеямъ Павлова (и пропагандируемаго тогда имъ Окена), которыя они скомбинировали, литературное выраженіе: именно Павловъ первый побудилъ ихъ къ первымъ опытамъ идейнаго творчества.

Указанныя статьи имѣютъ еще одно важное значеніе. Павловъ былъ университетскимъ преподавателемъ около 20 лѣтъ и въ теченіе почти такого же періода времени печаталъ философскія статьи (начиная со статьи „О способахъ изслѣдованія природы“—въ „Мнемозинѣ“—до „Общаго чертежа наукъ“ въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1839 г.). Несомнѣнно, что многія свои мысли—и притомъ наиболѣе оригинальныя—онъ излагалъ устно на лекціяхъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ видѣ статей въ литературной формѣ. Статьи Максимовича (1822 г.) и Галахова (1827 г.), содержа въ себѣ повтореніе тѣхъ или другихъ доктринъ Павлова, даютъ намъ нѣкоторую возможность установить хронологію въ исторіи развитія воззрѣній самого Павлова, позволяютъ констатировать хотя бы

приблизительно, до какого года и какія доктрины излагались на лекціяхъ почтеннаго учителя обоихъ авторовъ.

Такъ въ статьѣ Максимовича мы ощущительно воспринимаемъ вліяніе Окена и нѣкоторыхъ идей Павлова, высказанныхъ имъ самимъ черезъ 2 года въ „Мнемозинѣ“: произвольность признаковъ, на которыхъ основываютъ естествоиспытатели свои системы (выше, стр. 55 и 66) и необходимость при изслѣдованіи природы—соединять умозрѣніе съ опытомъ. Статья Галахова показываетъ отчасти тѣ же воззрѣнія, отчасти же предлагаетъ другія, тоже любимыя идеи Павлова, высказанныя имъ самимъ—въ философской формѣ значительно *позднѣе*, лишь спустя 10—12 лѣтъ (въ „Физикѣ“, въ „Общемъ чертежѣ наукъ“ и—въ посмертномъ конспектѣ по минералогіи): естественныя науки, какъ списки съ природы, бросающееся въ глаза разнообразіе системъ, противоположность ихъ единообразію природы (выше, стр. 67), Богъ, природа и человѣкъ, какъ единственные предметы научнаго познанія (выше стр. 67), различіе вещей въ бытіи и дѣйствіи (выше стр. 68). Мы видимъ изъ этихъ фактовъ, что М. Г. Павловъ (избѣгавшій философскихъ преній и разглагольствованій), какъ безкорыстный сѣятель истины, щедрою рукою разсыпалъ свое добро съ каѳедры, и не только не сердился, но даже радовался, когда его же собственныя мысли находили у другихъ обработку и приносили *плодъ*, какъ это было со статьею М. А. Максимовича (см. выше стр. 41).

Не менѣе (если еще не болѣе) интереса, чѣмъ статьи М. А. Максимовича и А. Д. Галахова, представляетъ статья ученика Павлова, подписанная *—й—нъ* и помѣщенная подъ заглавіемъ „Общій очеркъ природы по теоріи профессора Павлова“ въ журналѣ „Телескопъ“, журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ. Часть XXXIV. Nosce te ipsum! Москва, Въ типографіи С. Селивановскаго. 1836 г. Цензурное разрѣшеніе А. Болдырева. 3 августа 1836 г., стр. 63—80. Издатель снабдилъ эту замѣчательную статью слѣдующимъ примѣчаніемъ къ заглавію на стр. 63:

„Помѣщаемъ эту статью, какъ пріятное доказательство, что книги, составляемыя съ мыслію, возбуждаютъ мыслительность и тѣмъ содѣйствуютъ распространенію и укрѣпленію истиннаго просвѣщенія. *Изд.*“

Нашимъ соображеніямъ по поводу ея мы предпошлемъ детальное изложеніе, причемъ мѣста и мысли, заимствованныя у Павлова, поскольку это можно опредѣлить при сличеніи съ подлинными сочиненіями общаго учителя, мы будемъ, какъ и прежде, отмѣчать въ примѣчаніяхъ,—отсылая ко II тому нашего сочиненія „Философія въ Россіи“, гдѣ изложены взгляды Павлова подробно.

Общій очеркъ природы

по теоріи проф. Павлова.

Тѣло есть взаимное ограниченіе міровыхъ силъ: разширительной (*свѣта*) и сжимательной (*тяжести*) въ пространствѣ [1]). Ограниченіе бываетъ троякое: съ преобладаніемъ свѣта, равное, и съ преобладаніемъ тяжести [2]), почему и тѣла—троякаго рода: *твердыя, жидкія и воздухообразныя.* Въ первыхъ преизобилуетъ тяжесть; во вторыхъ свѣтъ и тяжесть въ равновѣсіи; въ третьихъ преобладаетъ свѣтъ. Въ тѣлахъ между этими двумя силами происходитъ безпрестанная борьба съ цѣлью уничтожить другъ-друга! борьба эта есть *жизнь* [3]).

Жизнь состоитъ въ безпрерывномъ разрушеніи и возобновленіи вещественнаго состава съ цѣлію поддержать бытіе организма (какъ согласны всѣ физіологи); но это—однѣ только явленія, коими обнаруживается жизнь; между тѣмъ сущность жизни совершенно неизвѣстна.

Явленія жизни не во всѣхъ тѣлахъ имѣютъ мѣсто: вотъ причина раздѣленія тѣлъ на *живыя* и *мертвыя.* Раздѣленіе это не имѣетъ другого основанія, кромѣ видимости, а наши чувства несовершенны! Что̀ даетъ опредѣленную форму минераламъ, что̀ отливаетъ ихъ всегда одинаковымъ образомъ? Что̀

---

[1]) Ср. у Павлова («Философія въ Россіи т. II) стр. 173 и 180—опредѣленіе вещества (тѣла), стр. 176—о свѣтѣ и тяжести, стр. 178—вещество, какъ соединеніе свѣта и тяжести.

[2]) Ср. у Павлова (тамъ же) стр. 185—о тройственности ограниченія: земля, вода и воздухъ, какъ составныя части планеты нашей.

[3]) Стр. 64.

хранитъ постоянно ихъ химическій составъ? Какъ назвать этого дѣйствователя? Въ минералѣ преизбыточествуетъ матерія, но есть и сила; матерія или тяжесть стремится слить вселенную въ одну точку, сила стремится разширить эту точку и наполнить ею вселенную [1]). Онѣ безпрерывно враждуютъ между собой; и эта вражда даетъ опредѣленный видъ, форму, цвѣтъ и составъ минераламъ: эта борьба есть жизнь минераловъ—*жизнь тѣлъ твердыхъ*.

Что сохраняетъ непреложный и всегда постоянный составъ воды изъ одной части кислорода и двухъ водорода? Отчего зависитъ стремленіе ея возвратиться изъ состоянія твердаго и воздухообразнаго въ капельное? Та же борьба, противодѣйствіе свѣта и тяжести, матеріи и силы—та же *жизнь*. Уменьшеніе температуры даетъ перевѣсъ силѣ сжимательной, и вотъ происходитъ твердое тѣло—ледъ; усиленіе ея заставляетъ свѣтъ выйдти изъ обыкновеннаго ограниченія тяжести, имѣете тѣло воздухообразное—паръ; уничтожьте насильственное угнетеніе матеріи или силы, получите опять прежнюю жидкость.

Что заставляетъ атмосферный воздухъ сохранять свою общую одинаковую пропорцію, несмотря на различные газы и кислоты, стремящіяся разрушить составъ его? Что заставляетъ его стремиться въ безпредѣльность и всегда оставаться близь земли? Та же борьба свѣта и тяжести, та же *жизнь общая, основная* (vita universa fundamentalis), свойственная всѣмъ тѣламъ безъ исключенія [2]).

Какими явленіями обнаруживаетъ себя эта жизнь общая, основная?

---

[1]) Авторъ называетъ въ статьѣ тяжесть—матеріею, а свѣтъ—силою.

[2]) Ср. замѣчанія Павлова (тамъ же), стр. 190, прим. 1—о производимости воздуха.

Земля есть огромнѣйшее изъ плотныхъ тѣлъ (подлежащихъ нашему изслѣдованію: совершенной плотности нѣтъ и быть не можетъ, она только относительная), изъ жидкихъ—вода, изъ воздухообразныхъ—атмосфера. Онѣ поддерживаютъ бытіе или сами собою, или своими произведеніями, и могутъ быть наблюдаемы всегда, вездѣ и всѣми. Поверхность земли измѣняется безпрестанно: горы уменьшаются въ объемѣ и совершенно исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются иногда равнины, иногда пропасти и озера; на моряхъ являются острова, гдѣ ихъ прежде не было. Отчего же происходятъ эти перемѣны? Неужели это игра случая? Нѣтъ—это борьба основныхъ силъ; ихъ бездѣйствіе есть мертвенность. Въ землѣ преобладаетъ тяжесть; свѣтъ, стремясь сбросить съ себя ея оковы, достигаетъ того отчасти: вотъ раскаленная лава хлещетъ изъ отверстій горъ: „огонь есть вещество въ производимости“ [1]). Но по естественному закону, по самой натурѣ силъ, послѣ сильнѣйшаго напряженія дѣлается ослабленіе; сжимательная сила беретъ перевѣсъ надъ расширительною; и вотъ исчезаютъ горы, являются долины, пропасти: это жизнь твердаго тѣла земли. Взглянемъ на воду. Намъ извѣстно, что моря убываютъ въ своемъ объемѣ; на мѣстахъ низкихъ, гдѣ прежде не было, появляется вода; рѣки превращаются въ ручьи, болота исчезаютъ: и это зависитъ также отъ борьбы основныхъ силъ, отъ жизни жидкости. Перемѣны воздушныя или явленія жизни тѣлъ воздухообразныхъ суть вѣтры, частая перемѣна слоя атмосферы надъ землею, безпрестанное колебаніе этого огромнаго тѣла—воздушныя явленія. Еще яснѣе эта борьба основныхъ силъ выражается *магнетизмомъ*, *электричествомъ* и *электромагнетизмомъ*, то-есть *гальванизмомъ* или *химизмомъ*. Земля есть магнитъ огромнѣйшаго размѣра: ма-

---

[1]) См. это опредѣленіе у Павлова, на стр. 178.

гнетизмъ есть проявленіе міровой силы тяжести въ веществѣ, или, выражаясь физіологически, причина *самосохраненія*. Въ водѣ происходитъ безпрерывное созиданіе и разрушеніе подъ вліяніемъ электро-магнетизма, изъ которыхъ первое стремится все разрушить—раствореніе (solutio), второе все соединить—соединеніе (congregatio). Всегдашній соленый вкусъ морской воды, возвышеніе и пониженіе поверхности моря суть слѣдствія электро-магнетизма [1]). Воздухъ, гдѣ сила расширительная преобладаетъ надъ сжимательною, всегда наэлектризованъ; всѣ воздушныя явленія, гдѣ эта сила стремится перейдти въ первообразъ, въ свѣтъ,— бурны, ужасны, огненны, мгновенны, разрушительны; борьба основныхъ силъ—*жизнь воздуха.*

Итакъ наша планета [2]) есть живое тѣло, состоящее изъ началъ, въ коихъ обнаруживается жизнь, есть тѣло, живущее жизнію всеобщею, первоначальною: изъ нея получаетъ начало жизнь вторичная (vita secundaria), родовая и видовая (generalis et specialis). Всѣ тѣла, составляющія планету, живутъ; жизнь ихъ обнаруживается разрушеніемъ и возобновленіемъ состава: это зависитъ отъ борьбы основныхъ силъ; безъ нея имѣлось бы мертвое тѣло (corpus mortuum), какихъ мы не знаемъ [3]).

Въ матеріи находится способность, зависящая отъ ея жизни, принимать извѣстныя формы: эта способность возрастаетъ по мѣрѣ различнаго соединенія разнообразной матеріи. Формы простыя, соединяясь между собой, составляютъ системы; совокупность системъ производитъ органы; соединеніе органовъ—организмы; слѣд. въ матеріи есть способность „*организоваться*“ (facultas organisationis). По несправедливо-

---

[1]) У Павлова стр. 187 и 189.

[2]) У Павлова стр. 190.

[3]) Стр. 69.

му мнѣнію прежнихъ физіологовъ, эта способность принадлежитъ не всякой матеріи, а только избранной, „животворной“. Въ тѣлахъ организованныхъ найдено весьма много элементовъ или веществъ первоначальныхъ; немного осталось не найденныхъ; и это безъ сомнѣнія зависитъ отъ недостатка средствъ органической химіи, равно какъ и отъ малаго количества этихъ элементовъ въ организмахъ. Способность организоваться имѣютъ всѣ тѣла, но только не въ равной степени; степень эта сообразна плотности матеріи. Начала твердыя и жидкія, состоящія изъ воздухообразныхъ, составляютъ организмъ. Извѣстно изъ наблюденій, что чѣмъ болѣе въ матеріи плотности, тѣмъ менѣе жизненности, или, что̀ все одно, жизнь обнаруживается не такъ ясно. Такъ мы видимъ въ тѣлахъ плотныхъ вообще—только *самосохраненіе*; въ тѣлахъ плотныхъ организованныхъ—*самосохраненіе*, *питаніе* и *потомственность*; въ тѣлахъ организованныхъ менѣе плотныхъ—*самосохраненіе*, *плототвореніе*, *потомственность* и *чувствительность*: три степени жизни, изъ которыхъ самосохраненіе должно быть названо жизнію *минеральною* (vita vegetabilis), чувствительность собственно *животною* (vita animalis). Плототвореніе есть необходимое условіе самосохраненія въ тѣлахъ организованныхъ. Посмотримъ теперь, чѣмъ обнаруживается каждая степень жизни и какое имѣетъ отношеніе къ электричеству и магнетизму, или къ міровымъ дѣйствователямъ: свѣту и тяжести [1]).

Силы по всемощному слову „да будетъ!“ ограничились, произвели вещество и безпрерывною своею борьбою составили жизнь его [2]). Стремленіе слить, удерживаемое напряженіемъ разрушить, дало опредѣленный видъ нашей планетѣ и составляетъ ея самосохраненіе.

---

[1]) Стр. 70.

[2]) У Павлова стр. 179—180.

Въ минералахъ есть вообще одна только способность самосохраненія; по анализамъ—въ нихъ нѣтъ ни матеріи капельной, ни воздухообразной, одна твердая. Отъ различнаго соединенія первоначальной матеріи происходитъ различіе минераловъ; различіе же первоначальной матеріи зависитъ отъ различнаго соединенія въ ней основныхъ силъ. Минералы растутъ; это ращеніе есть накопленіе (aggregatio): частицы матеріи, накладываясь постепенно однѣ на другія, увеличиваютъ первообразъ кристалла; это можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ доставать матеріи для его образованія; жизнь минераловъ обнаруживается *ращеніемъ*. Увеличеніе объятности зависитъ отъ силы разширительной—электричества; самосохраненіе и плотность отъ силы сжимательной—магнетизма. Существованіе въ пространствѣ—форма, во времени—плотность; способность принимать опредѣленную форму—начало организаціи; первая степень жизни—ращеніе, самосохраненіе. Раздробите твердый минералъ: вы измѣните его форму, величину,—но самосохраненіе останется; вы не уничтожите его жизни. Разложите воду, вы перемѣните ея форму и объятность, но не уничтожите ея жизни; она останется въ составныхъ элементахъ: кислородѣ и водородѣ; жизнь ея только разъединилась. Форма зависитъ отъ плотности вещества: воздухообразныя ея не имѣютъ; жидкія всѣ имѣютъ, и притомъ капельную; форма твердыхъ тѣлъ многоразлична, по большой части удлиненная, угловатая.

Соединеніе твердой матеріи съ жидкою даетъ смѣси большую способность организоваться: мы видимъ это въ растеніяхъ и животныхъ. Въ растеніяхъ плотныя части количествомъ своимъ превышаютъ жидкія; въ нихъ мы видимъ вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ формъ. Форма минераловъ удлиненная, жидкостей—шарообразная, растеній—цилиндрическая [1]).

---

[1]) Стр. 72.

Тяжесть выражается магнетизмомъ, свѣтъ электричествомъ, совокупность ихъ электро-магнетизмомъ, химизмомъ [1]). Жизнь растенія обнаруживается рожденіемъ, самосохраненіемъ и потомственностью. Первоначальное рожденіе должно находиться въ немъ, какъ въ матеріи, соединенной въ организмъ; самосохраненіе—какъ въ матеріи твердой, по причинѣ общей жизни матеріи. Самосохраненіе обнаруживается питаніемъ, сохраненіе вида потомственностью; въ матеріи, организованной съ преобладаніемъ плотности, должно заключаться болѣе магнетизма, нежели въ тѣлахъ организованныхъ, менѣе плотныхъ. Магнетизмъ при химическихъ дѣйствіяхъ есть сила соединительная, электричество—разрушительная. Разширительная сила „свѣтъ“, или ограниченіе его въ веществѣ, „электричество“, по причинѣ плотности матеріи находится въ растеніяхъ не въ большемъ количествѣ; она стремится разрушить, а разрушеніе не соотвѣтствуетъ возобновленію, пріобрѣтенію: отсюда огромный ростъ растеній и чрезвычайная ихъ производимость. Соки, пріобрѣтаемые растеніемъ, получаютъ ихъ жизненныя свойства, т. е. способность организоваться въ формы этого растенія; по преизбытку въ нихъ силы разширительной они устремляются къ наружи и вверхъ. Одна часть ихъ превращается въ тѣло растеній, другая образуетъ на растеніи какбы совершенно отдѣльное тѣло, „цвѣтъ“ [2]), и такимъ образомъ служитъ для сохраненія вида. Но эти соки только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ служатъ къ образованію органовъ производимости растеній; въ противномъ случаѣ они обращаются въ сосудахъ растеній, заключая сами въ себѣ всѣ условія производимости. Вотъ почему растенія могутъ быть распложаемы помощію отпрысковъ или дичковъ, кромѣ распложенія ихъ помощію сѣмянъ. И отсюда видно, что,

[1]) Ср. у Павлова стр. 182—184 «Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ».

[2]) Ср. выше у Максимовича (стр 47): «Цвѣтъ есть какбы особое растеніе».

чѣмъ плотнѣе матерія, тѣмъ меньше въ ней жизнедѣятельности, и что увеличиваніе жизненныхъ дѣйствій зависитъ отъ меньшей ея плотности и большей сложности. Также ясно видно, что магнетизмъ и электричество, выраженія основныхъ силъ, дѣйствуютъ въ растеніяхъ, и что взаимное ограниченіе ихъ съ преобладаніемъ перваго выражается рожденіемъ, существованіемъ и потомственностью [1]). Рожденіе первоначальное зависитъ отъ общей жизни матеріи при началѣ организаціи; самосохраненіе—отъ силы сжимательной, тяжести, магнетизма: потомственность—отъ той же силы, въ большемъ ея ограниченіи свѣтомъ, электричествомъ. Въ растеніяхъ находится электричество; имъ нельзя отказать въ чувствительности (иныя ясно показываютъ ее); но фито-анатомикамъ угодно въ своемъ воображеніи пріискивать особые органы, которые, будучи прилагаемы къ привиллегированнымъ растеніямъ, объясняютъ въ нихъ эту способность очень просто. Растеніямъ не припи сываютъ чувствительности, потому что способъ выраженія ея не подводится подъ формулы проявленія ея въ животныхъ.

Законъ природы неизмѣненъ. Животныя суть не что иное, какъ соединеніе вещества съ преобладаніемъ жидкихъ частей. Онѣ съ перваго взгляда показываютъ жизнь ясно, а форма проявленія ихъ жизни приспособлена къ растеніямъ. Жизнь животныхъ обнаруживается рожденіемъ, самосохраненіемъ, потомственностью и чувствительностью. Самосохраненіе должно находиться въ нихъ, какъ въ матеріи: рожденіе первоначальное—по причинѣ ограниченія основныхъ силъ и борьбы ихъ въ матеріи организованной; потомственность—какъ въ организмѣ; чувствительность—какъ въ матеріи организованной съ преобладаніемъ электричества.

Форма животныхъ, равно какъ и растеній, зависитъ отъ

---

[1]) Стр. 74.

участія плотной и жидкой матеріи въ ея произведеніи. Здѣсь жидкая матерія имѣетъ перевѣсъ; она силится дать животнымъ свою первообразную форму—шаръ; форма животныхъ вся состоитъ изъ фигуръ, стремящихся перейти въ шаръ [1]). Такъ голова у совершеннѣйшаго животнаго, человѣка,—очень близко подходитъ къ шару; туловище есть тоже фигура, происходящая отъ шара, какъ будто эллипсисъ изъ двухъ различной величины полушарій, сердце—конусообразной формы; фигура легкихъ зависитъ также отъ преизбытка въ нихъ матеріи жидкой; конечности, какъ и у растеній, имѣютъ форму коническую, но съ болѣе сближающимися поверхностями. Форма кровеносныхъ и пасочныхъ сосудовъ, по большей части, коническая; форма сосудовъ, служащихъ для отдѣленія влагъ, по большей части, подходитъ къ шарообразной, или эллиптической болѣе или менѣе правильной: железа клубовидныя, печень, селезенка, почки и т. п. Пріятелища, въ которыхъ заключаются жидкости, представляютъ также родъ шаровъ: глазъ, мочевой пузырь и проч. Форма костей, какъ вещества съ преобладаніемъ плотности, подобна, по большей части, стволамъ растеній, цилиндрическая, даже угловатая. Окончаніе конечностей у птицъ имѣетъ форму угловатую, заостренную; по причинѣ преизбытка въ нихъ твердаго вещества онѣ имѣютъ менѣе жизненности.

По существу самой матеріи въ растеніяхъ должно преобладать свойство, зависящее отъ магнетизма,—въ животныхъ же отъ электричества.

Плототвореніе, какъ отправленіе организма, не зависящее отъ химизма, по причинѣ малаго количества началъ плотныхъ у животныхъ—менѣе, чѣмъ у растеній. Что плототвореніе есть *животно-химическое* дѣйствіе организма, въ томъ никто

---

[1]) Стр. 76.

не сомнѣвается; здѣсь слово „животное“ вмѣшалось потому, что проявленіе этого дѣйствія въ матеріи организованной и менѣе организованной, или какъ говорятъ, неорганизованной, различно. Пріобрѣтаемое организмомъ вещество разносится по всему тѣлу сосудами, и получая въ немъ свойство организоваться въ формы животнаго, обращается въ плоть его; въ животныхъ преизбыточествуетъ матерія жидкая, въ совокупности обѣихъ матерій „свѣтъ“; поэтому вещество здѣсь истребляется скорѣе, нежели у растеній. Вотъ причина того, что человѣкъ и животныя высшей организаціи не могутъ жить долгое время безъ пищи и теряютъ свою самобытность, тогда какъ растенія цѣлую зиму удерживаютъ въ себѣ способность самосохраненія [1]).

Бо́льшая часть пріобрѣтаемой животными матеріи идетъ на возобновленіе безпрестанно разрушающагося организма; чтобы не лишить организмъ способности потомственнаго произвожденія, другая часть, обработанная еще болѣе, отлагается въ особыя пріятелища и, сохраняясь отъ разрушенія, служитъ для потомственности.

Вотъ почему животныя высшей организаціи распложаются только извѣстнымъ образомъ. Каждый органъ имѣетъ особенную жизнь; совокупность жизни органовъ составляетъ жизнь организма. Въ костяхъ преизобилуетъ плотность, электромагнетизмъ съ преобладаніемъ послѣдняго; онѣ получаютъ питаніе плотное; во влагахъ—электро-магнетизмъ съ преобладаніемъ перваго: онѣ получаютъ питаніе жидкое, среднее.

Чувствительность есть сила разрушительная, разширительная. Удалите животное отъ дѣятелей, возбуждающихъ чувствительность, и животное начнетъ тучнѣть и пріобрѣтать

---

[1]) Стр. 78.

матеріи для своего организма больше, нежели сколько ея будетъ истребляться: жизнь его будетъ жизнь растенія.

Итакъ міровыя силы *свѣтъ* и *тяжесть*—въ веществѣ простомъ выражаются *электричествомъ*, *магнетизмомъ и гальванизмомъ*, то-есть *электро-магнетизмомъ*, *химизмомъ*: въ веществѣ организованномъ—*самосохраненіемъ*, *потомственностью и чувствительностью*; низшая степень чувствительности, свойственная всякому органу отдѣльно, есть *возбуждаемость*, отъ которой зависитъ *самодвижимость*. Ограниченіе свѣта и тяжести даетъ веществу форму, борьба ихъ—общую жизнь, соединеніе различной матеріи—способность организоваться. Вещественное проявленіе невещественныхъ силъ въ организмахъ обнаруживается такъ: *магнетизмъ—самосохраненіемъ*, *плототвореніемъ*; *электро-магнетизмъ—потомственностью*, *электричество—чувствительностью*.

Вотъ три степени проявленія жизни [1]). Посему животное есть не что иное, какъ то же вещество планеты организованное. Постепенность организаціи вполнѣ подтверждаетъ эту теорію. Ясно, что человѣкъ, какъ и всѣ животныя, имѣетъ одну общую съ ними жизнь: это *жизнь животная*. Человѣкъ есть животное совершеннѣйшее; но въ немъ находится жизнь другая, болѣе важная—*жизнь духовная*. Всемогущій, сотворивъ міръ, окончивъ человѣкомъ все созданное на землѣ, хотѣлъ, чтобы на ней находилось существо, могущее постигать и самого себя, и Творца въ твореніи, влилъ въ него дыханіе, и „*бысть человѣкъ въ душу живу*“. Вотъ двойственность человѣческой жизни! Духовная сторона человѣка имѣетъ тѣснѣйшую связь съ вещественною, которою она управляетъ въ нормальномъ состояніи помощію нервныхъ нитей, состоящихъ подъ вліяніемъ воли. И наоборотъ, впечатлѣнія, принимаемыя вещественною

---

[1]) Стр. 80.

природою, отражаются въ дѣйствіяхъ стороны духовной. Вотъ причина, по которой замѣтна та же тройственность душевныхъ способностей, которыя суть: *память*, *умъ*, *воображеніе!*

Физика, наука о силахъ природы [1]), какъ мы уже не разъ указывали [2]), не была обработана Павловымъ вполнѣ. Эта наука раздѣляется, по его мысли, на три части, ибо и силы природы—трехъ родовъ [3]): I) силы общія или *міровыя*, II) силы частныя или *планетныя* и III) силы *органическія*. Поэтому соотвѣтствующими частями науки объ нихъ будутъ: I) *физика общая* (о силахъ міровыхъ), II) *физика частная* (о силахъ планетныхъ) и III) *физика органическая*. Вышли въ свѣтъ, какъ извѣстно, лишь двѣ части „Физики“ Павлова (I часть въ двухъ изданіяхъ), т. е. физика общая [4]) (теорія двухъ основныхъ силъ—свѣта, тяжести—и вещества) и физика частная (теорія силъ планетныхъ невещественныхъ [5]), т. е. электричества, магнитизма и галванизма, теорія силъ планетныхъ вещественныхъ [6]), т. е. воздуха, земли и воды, и теорія планетнаго процесса [7]).

Излагая теорію силъ планетныхъ вещественныхъ и „досказывая“ о планетныхъ же силахъ „невещественныхъ“ [8]),

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 161.
[2]) Тамъ же, напр., стр. 170 и 187.
[3]) Тамъ же, стр. 167.
[4]) Изложена тамъ же, стр. 173—180.
[5]) См. тамъ же, стр. 182—184.
[6]) См. тамъ же, стр. 185—187.
[7]) Тамъ же, стр. 188—190.
[8]) См. тамъ же, стр. 187.

Павловъ замѣчаетъ, что образованіемъ стихій земныхъ и, преимущественно, земли—потемнѣніе свѣта доведено до крайности. Въ дальнѣйшемъ же развитіи природы видно ея усиліе отвлечься отъ вещества, и первою ступенью такого отвлеченія являются электричество, магнитизмъ и галванизмъ: явленіе ихъ въ составѣ природы знаменуетъ возвратный шагъ природы и ея порывъ изъ глубины паденія проторгнуться къ свѣту.

„*Остальное* о природѣ *отвлекающейся* должна сказать *органическая физика*“.

Отъ этой органической физики уцѣлѣлъ лишь ея планъ въ „Общей схемѣ физики“ [1]). Третья часть физики должна была трактовать о *силахъ органическихъ*, т. е. о тѣхъ средствахъ дѣйствующей природы, которыми она пользуется въ произведеніи органическихъ явленій: таковы органическіе процессы: 1) растительный, 2) животный и 3) міровый. Вслѣдствіе этого третья часть физики (какъ и двѣ первыя) симметрично троится: I. отдѣленіе органической физики имѣетъ предметомъ растительный процессъ [1) въ явленіи и 2) его теорія], II. отдѣленіе—животный процессъ [1) въ явленіи и 2) теорія жив. процесса] и III. отд.—міровый процессъ [1) міровый процессъ въ явленіи и 2) теорія міроваго процесса].

Эта третья часть физики не вышла въ свѣтъ въ обработанномъ видѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній, не осталась ли она въ бумагахъ покойнаго въ видѣ рукописи. Вѣдь и первыя двѣ части были изданы не въ началѣ литературно-научной карьеры Павлова, а подготовлялись долго и исподволь въ видѣ отдѣльныхъ главъ и статей въ разныхъ журналахъ. Въ цѣломъ же видѣ вышли: I томъ „Физики“ въ 1833 г., и II томъ (равно и II изданіе I тома)—въ 1836 г.; а лекціи началъ М. Г. Павловъ читать съ 1820 г. Имѣя въ виду эту осто-

---

[1]) «Философія въ Россіи»; т. II, стр. 170.

рожную медлительность работы М. Г. Павлова, можно думать, что онъ сдѣлалъ кое-какіе, по крайней мѣрѣ, черновые наброски самой любопытной части физики, части третьей— объ органическихъ силахъ.

Наши опыты надъ сличеніемъ (см. выше, стр. 51—54 и 72—73) статей Максимовича и Галахова съ сочиненіями самого Павлова доказали то весьма важное обстоятельство, что Павловъ излагалъ свои любимыя идеи задолго раньше того, какъ предавалъ ихъ тисненію,—устно, на лекціяхъ, и что эти идеи, еще не обнародованныя самимъ учителемъ—какъ это случалось и съ Шеллингомъ,—подхватывались, такъ сказать, на лету его бдительными учениками, которые уже отъ себя эти идеи обработывали и пускали въ ходъ.... Такъ какъ (ср. выше, стр. 32) лекціи Павлова были, повидимому, если не всегда, то часто—*писанныя* (т. е. Павловъ считывалъ ихъ съ тетради), то предположеніе о наброскахъ органической физики получаетъ еще болѣе вѣсу. Павловъ же, несомнѣнно, касался, да и долженъ былъ касаться вопросовъ органической физики,— на своихъ лекціяхъ, если не физики, то—сельскаго хозяйства. Такъ, если мы обратимся къ сохранившемуся конспекту этихъ лекцій [1]), то увидимъ, что I часть курса сельскаго хозяйства („начала“) трактовала: во II отдѣленіи о *растеніяхъ* и въ III-мъ—о *животныхъ*; сельскимъ же домоводствомъ вообще [2]) именуется искусство размножать полезныя въ общежитіи растенія и животныя, т. е. содѣйствовать въ томъ производящей природѣ, причемъ это содѣйствіе будетъ всего удачнѣе, когда мы знаемъ *законы природы*, по какимъ свершается производство. „Въ первой части слушатель представляется свидѣтелемъ того, *что* и *какъ* производитъ природа“ [3]).

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 119.

[3]) Тамъ же, стр. 120

Указанный пробѣлъ—неимѣніе третьей части физики (органической) до нѣкоторой степени и восполняется выше изложенной статьею „Общій очеркъ природы по теоріи проф. Павлова“. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ имени автора статьи, скрывшаго себя подъ конечными буквами й и ъ. Повидимому, это—не самъ Николай Надеждинъ, подписавшійся *Издателемъ* подъ сдѣланнымъ имъ примѣчаніемъ къ заглавію (см. выше, стр. 74),—примѣчаніемъ, которое тоже почти ничего не уясняетъ. Примѣчаніе какбы указываетъ авторомъ одного изъ читателей „Физики“ Павлова, „мыслительность“ котораго была пробуждена изученіемъ его книги, и который захотѣлъ продолжать ее отъ себя. Но откуда же могъ бы почерпнуть путь для дальнѣйшаго разсужденія такой читатель, *лично* не знакомый съ Павловымъ, знакомый съ его *теоріею* лишь по первымъ двумъ томамъ „Физики“, гдѣ объ органической физикѣ почти еще ничего нѣтъ? Тогда и заглавіе статьи *„по теоріи проф. Павлова“* не имѣло бы смысла; этотъ смыслъ получился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы авторъ излагалъ теорію, уже всѣмъ извѣстную, или для всѣхъ доступную, имѣющуюся въ печатной книгѣ.

Такимъ образомъ всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что авторъ указанной статьи, будучи слушателемъ и почитателемъ М. Г. Павлова, будучи хорошо знакомъ съ его „Основаніями Физики“, и прослушавши ту именно часть его курса (либо физики, либо сельскаго хозяйства), гдѣ профессоръ излагалъ свои теоріи касательно органической жизни, записалъ и обработалъ свои записки, которыя затѣмъ пустилъ въ свѣтъ въ видѣ особой статьи въ „Телескопѣ“, какъ это раньше дѣлали съ теоріями своего учителя М. А. Максимовичъ и А. Д. Галаховъ.

Надеждинъ, издатель „Телескопа“, былъ благопріятель Павлова, а Павловъ—сотрудникъ „Телескопа“, и, разумѣется, безъ вѣдома Павлова ничего не могло появиться въ журналѣ Надеж-

дина такого, что бы его касалось. Если же мы обратимъ вниманіе на языкъ статьи, то мы будемъ поражены замѣчательнымъ сходствомъ стиля ея съ „кованымъ“ языкомъ книгъ самого Павлова. Конечно, авторъ статьи могъ начитаться и наслушаться М. Г. Павлова до такой степени, чтобы усвоить себѣ его манеру писать; но это не могло дойти до такой степени сходства, которой не достигли самые словесники (Максимовичъ и Галаховъ). И это сходство невольно наводитъ на мысль, что самъ Павловъ не былъ непричастенъ этой статьѣ. Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что М. Г. Павловъ *проредактировалъ* эту статью самъ —и такъ внимательно, что эта редакція отразилась не только на содержаніи, но и на формѣ, на внѣшности и языкѣ. А если это такъ, то указанная статья можетъ намъ служить какбы конспектомъ недостающей третьей части „Физики“ Павлова.

Что касается содержанія, то, какъ мы видимъ, авторъ вездѣ исходитъ изъ основныхъ понятій „Физики“ Павлова и заботливо относитъ вновь развиваемыя понятія органической физики къ уже извѣстнымъ понятіямъ физики общей и частной (міровой и планетной *физики*). Главнѣйшія понятія органической физики, характеризованныя въ статьѣ, суть: *жизнь—общая* или основная (планеты) и *частная* (жизнь твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ тѣлъ). Признаки этой жизни суть (стр. 79 выше): *самосохраненіе*, *питаніе*, *потомственность*, *плототвореніе*, *чувствительность*. Самосохраненіе есть лишь *минеральная* жизнь, а чувствительность—собственно—животная. Отношеніе основныхъ міровыхъ и вещественныхъ силъ къ невещественнымъ и органическимъ (стр. 85 выше) таково: 1) расширительная сила—свѣтъ—электричество—воздухъ—чувствительность; 2) сжимательная сила—тяжесть—магнитизмъ—земля — самосохраненіе, плототвореніе; 3) взаимное ограниченіе силъ расширительной и сжимательной—вещество (огонь)—галванизмъ (электро-магнетизмъ, химизмъ)—вода—потомственность.

Предъ нами прошло три ученика М. Г. Павлова. Первые два (М. А. Максимовичъ и А. Д. Галаховъ) относились болѣе къ началу учено-преподавательной дѣятельности М. Г. Павлова, а третій—уже къ концу таковой. Литературные труды этихъ учениковъ тѣсно примыкаютъ къ теоріямъ учителя и, строго говоря, являются даже, преимущественно, обработкою того, что было слышано на лекціяхъ. Особенный интересъ получаютъ въ нашихъ глазахъ эти упражненія оттого, что они даютъ намъ возможность констатировать хронологію умственнаго роста самого незабвеннаго учителя М. Г. Павлова, имя котораго навсегда связано съ именемъ Московскаго университета: только со вступленіемъ на каѳедру Павлова Московскій университетъ получаетъ значеніе распространителя философіи и просвѣщенія, какимъ онъ затѣмъ по справедливости и начинаетъ считаться. По работамъ учениковъ мы можемъ точно констатировать, какъ этотъ „первый“ учитель“ постепенно превращался изъ простого послѣдователя и толкователя Окена въ самобытнаго мыслителя-натурфилософа.

Прибавленіе.

Н. Д. Курляндцевъ.

Говоря объ ученикахъ М. Г. Павлова, бывшаго первымъ проповѣдникомъ ученій Шеллинга и Окена въ московскомъ университетѣ и въ Москвѣ вообще, нельзя не упомянуть еще объ одномъ русскомъ шеллинговцѣ, привлеченномъ къ этому направленію, также, вѣроятно, Павловымъ, а именно о Н. Д. Курляндцевѣ, который заслуживаетъ даже особеннаго вниманія—потому, что онъ занимался переводами твореній нѣмецкихъ натурфилософовъ (както Стеффенса и Шуберта) на русскій языкъ: онъ далъ и первый печатный русскій переводъ главнаго труда главы школы—Шеллинга.

Замѣтимъ еще, что переводами Шеллинга занимались, кромѣ Курляндцева, и другія лица. Такъ ослѣпшій *Д. М. Велланскій* диктовалъ женѣ переводъ „Логики“ Шеллинга [1]).

Надеждинъ заявлялъ: „Отъ Духовной Академіи вышелъ переводъ *Бахмановой логики*. Это подаетъ пріятную надежду, что и прочія сочиненія новѣйшихъ Философовъ: *Канта, Шеллинга, Фихте, Якоби, Бутервека*, давно уже тамъ переведенныя прекраснымъ, чистымъ и правильнымъ языкомъ, явятся наконецъ въ свѣтъ и распространятъ просвѣщеніе въ любезномъ Отечествѣ нашемъ“.

(„Молва“, газета модъ и новостей, издаваемая при „Телескопѣ“. Часть третья. „Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ? Обычай—деспотъ межъ людей“! Пушкинъ. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1832. № 20. Вторникъ 8 марта. Стр. 78, столбецъ 2, ст. 2 „Литературныя новости, слухи и надежды“ (окончаніе).

То же подтверждаетъ М. П. Погодинъ въ письмѣ къ С. П. Шевыреву въ Римъ.

„Сблизился я съ нашею Троицкою Академіею, въ которой множество людей первоклассныхъ. Вообрази, что тамъ

[1]) «Философія въ Россіи» т. II, стр. 83.

переведено почти все изъ новой нѣмецкой философіи, и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову“ [1]).

Біографическій очеркъ Н. Д. Курляндцева составленъ нами на основаніи показаній его учителя и друга, проф. Снегирева въ „Ученыхъ запискахъ Императорскаго Московскаго университета“, годъ третій, часть десятая, 1835, ноябрь, № V, отд. IV. Смѣсь. D. Некрологія (сообщ. отъ профессора Снегирева, стр. 350—354). (Въ оглавленіи опеч. 351). Для сравненія нѣкоторыхъ (числовыхъ) данныхъ служила намъ книжка *І. Михневича*, „Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея“ (съ 1817—1857 г.) Одесса, 1857, стр. 76—77.

Николай Дмитріевичъ *Курляндцевъ* родился въ Москвѣ въ 1802 г., учился въ тамошней губернской гимназіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ въ Московскій же университетъ по физико-математическому отдѣленію [2]). Въ студенческіе годы Курляндцевъ занимался, преимущественно, математикою (чистою и „смѣшенною“) и завязалъ сношенія съ Давыдовымъ, Перевощиковымъ и Снегиревымъ. Въ 1823 г. онъ былъ удостоенъ степени кандидата и вскорѣ послѣ того сталъ преподавать ариѳметику въ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ. Черезъ три года онъ перемѣнилъ службу: директоръ Одесскаго Ришельевскаго Лицея *Орлай* приступилъ къ преобразованію этого заведенія и между прочимъ пригласилъ къ себѣ Курляндцева, который и перешелъ 18 октября 1826 г. въ Лицей профессоромъ военныхъ наукъ (18 сентября по Михневичу).

---

[1]) «Русскій Архивъ, за 1882 г. кн. III, № 6, стр. 152, «Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву» (изд. Н. П. Барсуковымъ), письмо № XXIII, отъ 10 іюля 1830 г.

[2]) Стр. 350.

Сначала Курляндцевъ въ новомъ кругу людей и на чужбинѣ испытывалъ „душевныя безпокойства“. Въ Москвѣ оставались не только друзья, но и старуха-мать съ двумя дочерьми. Николай Дмитріевичъ былъ „почтительный сынъ и кормилецъ, питавшій ее своими трудами, и составлялъ всю отраду ея жизни“ (стр. 353). Н. Д. неоднократно задумывалъ промѣнять свою „военную“ профессуру на мѣсто гимназическаго учителя въ любезной Москвѣ. Но произошла благопріятная перемѣна обстоятельствъ, черезъ годъ доставившая ему „спокойствіе“: Курляндцевъ былъ перемѣщенъ на каѳедру физико-математическихъ наукъ—съ 29 октября 1827 г. [1]).

Кромѣ каѳедры, Курляндцеву поручались еще разныя другія должности: съ 1827—1828 г. онъ исправлялъ должность секретаря по учебной части Правленія Лицея, завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, былъ членомъ Высочайше утвержденной при Лицеѣ временной Комис.; 3 дек. (по М-чу) 1830 г. назначенъ членомъ Правленія по учебной части, испр. д. перваго инспектора Лицея (24 марта 1831 г.—28 янв. 1832 г.), и былъ избираемъ инспекторомъ дважды (по Снегиреву); 12 марта 1832 г. (по Михневичу съ 19 апрѣля 1832 г.) Курляндцевъ былъ утвержденъ цензоромъ при Одесскомъ цензурномъ комитетѣ и состоялъ въ этой должности до 1835 г.: незадолго до смерти онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ цензорства, опасаясь, чтобы оно не отвлекало его отъ науки. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники, а въ 1834 г. удостоенъ денежной награды отъ Комитета Министровъ.

Въ званіи профессора Курляндцевъ, „углубленный въ свою науку, увлекалъ слушателей своихъ силою краснорѣчія яснаго и убѣдительнаго“; „его ученый кабинетъ былъ его міромъ, изъ коего онъ переносилъ свои свѣдѣнія въ классъ.

---

[1]) Стр. 351.

Учебные часы свои онъ почиталъ *лучшими* въ жизни своей". Онъ *съ жадностью* слѣдилъ за новыми открытіями въ области физико-математическихъ наукъ, изыскивалъ всѣ доступныя средства къ своему усовершенствованію, отказывалъ себѣ въ прихотяхъ, чтобы имѣть лучшія по своей части сочиненія, издаваемыя въ Европѣ [1]).

„Вся жизнь его была *непрерывнымъ* напряженіемъ силъ умственныхъ и протекала въ уединеніи среди изнурительныхъ трудовъ". Отъ природы крѣпкое здоровье его разстроилось незамѣтно для него самого; недугъ осилилъ его и свалилъ въ постель. Курляндцевъ не могъ уже заниматься, но не отчаявался въ выздоровленіи, надѣялся собраться съ силами и вернуться къ занятіямъ. Еще за три недѣли до смерти онъ собирался въ Москву повидаться съ матерью и съ сестрами. 13 сент. 1835 г. онъ писалъ Снегиреву: „Если доживу, если не воспрепятствуютъ силы и финансы: то слѣдующею весною отправляюсь къ вамъ, въ Москву" [2]). Но врачебное пособіе и заботы товарищей (особенно его друга, проф. *Архангельскаго*) были тщетны: наканунѣ смерти, чувствуя упадокъ силъ, Курляндцевъ „съ чувствами истиннаго христіанина причастился". Скончался онъ 3 октября 1835 г. 33 лѣтъ отъ роду. Еще за нѣсколько минутъ до смерти онъ просилъ товарища своего *Мурзакевича* написать въ Москву послѣдній поклонъ профессорамъ Давыдову, Перевощикову и Снегиреву. Онъ былъ погребенъ на чужбинѣ безъ родныхъ, чужими. „Сколько можно бы еще ожидать отъ его способностей и трудолюбія!" восклицаетъ Снегиревъ.

Курляндцевъ до смерти оставался вѣрнымъ сыномъ Москвы: отзывался съ глубокимъ удовольствіемъ о своихъ наставникахъ, мѣсто своего образованія „почиталъ, какъ вторую

---

[1]) Стр. 351.

[2]) Стр. 352—353.

родину“ и завѣщалъ свою библіотеку Московской гимназіи. Самъ онъ въ Одессѣ воспиталъ нѣсколькихъ „хорошихъ учителей, признательныхъ“ ему [1]).

Курляндцевъ былъ сотрудникомъ „Литературныхъ Прибавленій къ Одесскому Вѣстнику“ (Михн. 77). Изъ своихъ ученыхъ трудовъ онъ напечаталъ двѣ рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ (актахъ) Лицея:

1) О началѣ, постепенномъ развитіи и настоящемъ состояніи Опытной Физики. Одесса, 1832 г.

2) О существенной цѣли и способѣ преподаванія Математики въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ предметомъ образованіе общее. Од. 1833.

Курляндцевъ, несомнѣнно, очень тяготѣлъ къ натурфилософіи, и разумѣется, принадлежалъ къ слушателямъ М. Г. Павлова. „Вмѣстѣ съ Математикой занимала его пытливый умъ *Философія*, особенно, *натуральная*“ замѣчаетъ Снегиревъ (стр. 351). „Въ особенности же незабвенны (для слушателей его) вечернія его бесѣды въ 1831 г., имѣвшія предметомъ *умозрительную сторону вѣдѣнія*“ [2]). Эти же вкусы сказываются и въ выборѣ книгъ для перевода:

3) Главныя черты Космологіи, сочиненіе *Шуберта*, перев. съ нѣм. Од. 1834.

4) Введеніе въ умозрительную Физику, *Шеллинга*. Од. 1834 (пер. *Н. К.*).

5) Физическая картина Европы, соч. *Шува*, пер. съ нѣм. Од. 1834 (см. „Одесскій Вѣстникъ“, № 80, 1835 г.) [3]).

6) О постепенномъ развитіи природы, *Стеффенса*. Од. 1835.

(Михневичъ о переводѣ Шеллинга совсѣмъ не упоминаетъ).

---

[1]) Стр. 354.

[2]) Стр. 351.

[3]) Михневичъ цитируетъ «Физическая Географія» Од. 1835.

По отзыву Снегирева „рѣчи замѣчательны содержаніемъ и изложеніемъ“, а переводы „прекрасны“ (стр. 354).

Въ рукописи осталось много сочиненій—переводовъ, приготовленныхъ къ изданію: 7) Механика, 8) Народная Астрономія, 9) Анализъ, соч. *Етлинсгаузена.* Кромѣ того, Курляндцевъ собирался издавать: 10) „Журналъ Естественныхъ Наукъ“, для котораго уже написалъ планъ и готовилъ материалы.

Григорьевъ [1]), кажется, допускаетъ—смѣшеніе именъ, сообщая, что „кандидатъ Курляндцевъ посланъ былъ для изученія китайскаго языка въ Пекинъ. Отправился онъ туда въ 1830 г., но пробылъ въ Китаѣ недолго и впослѣдствіи *служилъ въ Одессѣ*“.

---

[1]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Ссылки, примѣчанія, и дополненія стр. 37, № 208 (къ стр. 105). Въ «Приложеніяхъ», V (Списокъ окончившимъ курсъ) показанъ (стр. LXX) въ 1830 г. по историко-филологическому факультету окончившимъ курсъ кандидатомъ (т. е. въ Петербургскомъ унив.) Курляндцевъ Павелъ. Но служилъ ли и этотъ Курляндцевъ тоже въ Одессѣ, мы не знаемъ.

III.

Іоаннъ Шадъ, его товарищи и преемники по каѳедрѣ.

Во II томѣ нашего труда „Философія въ Россіи“ (стр. 38—54) мы сообщили нѣсколько любопытныхъ данныхъ „Изъ біографіи Іоанна Шада“, перваго профессора философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Мы произвели тамъ библіографическое изслѣдованіе о его сочиненіяхъ и изложили важнѣйшіе факты изъ интереснаго документа—его оффиціальной автобіографіи, которою, повидимому, русскіе изслѣдователи еще не пользовались. Здѣсь мы намѣрены привести данныя для біографіи Шада, тоже еще мало извѣстныя—изъ книги: Neuer Nekrolog der Deutschen, XII. Jahrgang—1834; I Theil. Weimar, 1836, № 13, p. 34—47. Это—одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для біографіи Іоанна Шада; некрологъ составленъ лицомъ, очень близко знавшимъ его въ старости (послѣ изгнанія изъ Россіи); кромѣ личныхъ разсказовъ Шада, авторъ некролога пользовался сообщеніями многихъ лицъ, знавшихъ Шада еще монахомъ, а также приватъ-доцентомъ въ Іенѣ (послѣ бѣгства изъ монастыря и до переѣзда въ Харьковъ). Мы приводимъ изъ некролога лишь важнѣйшія данныя, менѣе извѣстныя, и не заключающіяся въ

большой печатной автобіографіи Шада. Особенно подробно описано бѣгство изъ монастыря и жизнь въ Іенѣ въ послѣдній періодъ жизни. Вспомнимъ, что Іоаннъ Баптистъ *Шадъ* (патеръ Романъ) родился 30 ноября 1758 г. въ Mörsbach im Jtzgrunde и умеръ въ Іенѣ 13 января 1834 г.

Іоаннъ Шадъ былъ сынъ католическаго мужика, совершенно преданнаго суевѣріямъ своего исповѣданія. И хорошія, и дурныя качества родителей распредѣлились по наслѣдственности между Іоанномъ и другими десятью дѣтьми. І. Шадъ унаслѣдовалъ отъ родителей трудолюбіе, скромный образъ жизни, любовь къ справедливости и къ ученію. Самъ Іоаннъ утверждалъ, что, благодаря мѣрамъ, какія принималъ его бѣдный отецъ, чтобы пробудить въ немъ прилежаніе, и чтобы дать ему образованіе, онъ уже на восьмомъ году зналъ гораздо болѣе, чѣмъ его сверстники, дѣти состоятельныхъ родителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчалъ, какъ одностороннее направленіе его отца и слѣпой фанатизмъ его перваго учителя сдѣлали и его фанатикомъ католицизма, проклинающимъ иновѣрныхъ. Путешествіе въ монастырь Банцъ на похороны прелата опредѣлило дальнѣйшую жизнь едва десятилѣтняго мальчика. Его прекрасный голосъ, къ восхищенію отца и его собственному, доставилъ ему мѣсто дисканта въ монастырской капеллѣ. Еще ранѣе пробужденная въ немъ любовь къ музыкѣ получила здѣсь себѣ новую пищу. Когда онъ потомъ находился въ католической гимназіи въ Бамбергѣ, то онъ считалъ себя даже музыкальнымъ виртуозомъ. Мальчикомъ еще видѣлъ онъ много безнравственнаго въ жизни окружавшихъ его монаховъ; но отцовское воспитаніе и чистое сердце, даже и не подозрѣвавшее зла, счастливо избавили его отъ всѣхъ опасностей. Юношей, стремящимся къ одной лишь чистотѣ и свѣту, вернулся онъ изъ Бамберга по окончаніи образованія

и сталъ раздумывать о выборѣ званія: пылкая фантазія звала его въ міръ, мечтательная религіозность—въ монастырскую келью. Онъ обратился за совѣтомъ къ одному капуцину, извѣстному за святого и мудреца; тотъ посовѣтовалъ ему избрать монашество, какъ прямой путь къ святости. Слѣдуя его словамъ и обнадеживаніямъ, Шадъ поступилъ въ 1778 г. послушникомъ въ монастырь *Банцъ*. Ему шелъ 20-й годъ. Его друзья питали самыя лучшія надежды о его способностяхъ и старались отклонить его отъ монастыря, потому что онъ отличился бы, по ихъ мнѣнію, на любомъ поприщѣ. Но жизнь въ монастырѣ оказалась нелегкою. Строгость его „мастера“ (Novizenmeister) и собственная добросовѣстность Шада въ пунктуальномъ исполненіи всѣхъ требованій ордена—и важныхъ, и неважныхъ, сдѣлали его жизнь постоянною пыткой. Но ни этотъ тяжелый опытъ, ни возобновленныя просьбы его друзей не удержали его отъ вступленія въ орденъ монахомъ въ 1779 г. Позднѣе всѣ его страданія душевныя и тѣлесныя (онъ страдалъ мучительными болѣзнями) казались ему, какъ часто самъ говаривалъ, игрушками, сравнительно съ монастырскимъ адомъ. Чрезъ 10 лѣтъ строжайшей дисциплины, частью наложенной на себя имъ самимъ, онъ имѣлъ жесточайшую нервную болѣзнь. Онъ даже радовался смерти, ибо въ стѣнахъ монастыря еще не достигъ ле той ангельской святости, о какой мечталъ: онъ уповалъ теперь обрѣсти ее за гробомъ. Изъ этого отчаяннаго состоянія вызвали его слова одного старика. Шадъ сталъ думать нѣсколько иначе и началъ безпристрастнѣе относиться къ окружавшему его суевѣрію. Свои чувства онъ сталъ изливать въ поэтическихъ пѣсняхъ, недостатками которыхъ были, впрочемъ, чрезмѣрная длина и расплывчатость выраженія. Его одинокая келья въ минуты вдохновенія казалась ему раемъ. Хотя онъ внѣшнимъ образомъ подчинялся всѣмъ требованіямъ своего сословія, но новый духъ просвѣчивалъ уже черезъ „всѣ швы его Kutte“. Онъ ощущалъ уже и силы, и рѣшимость сбросить ее. Но онъ добро-

вольно оставался монахомъ, чтобы удобнѣе указывать путь тѣмъ, кто еще, подобно, какъ онъ прежде, заблуждался. Съ этихъ поръ онъ предался литературной дѣятельности, частью сочиняя самъ, частью переводя или передѣлывая чужія сочиненія.

Переработка легенды объ одномъ святомъ впервые возбудила подозрѣніе въ его отступничествѣ и дала оружіе въ руки его недоброжелателей. Онъ дѣйствительно читалъ теперь все, что только могъ достать,—даже сочиненія и проповѣди протестантскихъ священниковъ. Въ Банцѣ почти все время отнимали безпрестанныя богослуженія. Онъ часто потомъ любилъ съ большимъ самодовольствомъ разсказывать, какъ онъ доставлялъ себѣ возможность размышлять: онъ пріучилъ себя, молясь по псалтыри и молитвеннику, и шевеля губами, умственно повторять и разсматривать какую-либо проповѣдь или положеніе, которое передъ тѣмъ вычиталъ гдѣ-либо. Но это несоотвѣтствіе внутренняго интереса съ внѣшнею дѣйствительностью не могло не сказываться: такимъ образомъ *патеръ Романъ* (орденское имя Шада) скоро получилъ извѣстность, какъ легкомысленный, невнимательный монахъ; онъ подвергался насмѣшкамъ и даже чувствительнымъ наказаніямъ. Жизнь въ монастырѣ становилась ему все несноснѣе. Послѣднее и самое опасное для него сочиненіе (изъ періода его лит. дѣятельности въ монастырѣ) было: „Жизнь и судьбы отца Синцеруса“. Онъ самъ не ожидалъ пережить опасности, соединенной съ появленіемъ этого труда: въ немъ ярко выразилась его ненависть къ монашеству, и были собраны всѣ постыдныя стороны этой жизни, все, что подобнаго видѣлъ, слышалъ или читалъ Шадъ.

Надежду на избавленіе сулило ему приглашеніе въ Штутгардтъ на должность придворнаго проповѣдника; но интриги его начальниковъ лишили его возможности получить обѣщанное мѣсто—новый поводъ для неудовольствія Шада. Отъ

второго приглашенія—во Францію онъ самъ отказался, будучи проникнутъ ненавистью къ „беззаконному“ правительству Франціи. Совершенно неосновательною клеветою на Шада является обвиненіе его (послѣ бѣгства изъ монастыря) въ приверженности къ республиканскимъ идеямъ свободы; это обвиненіе сдѣлало его, однако, подозрительнымъ при многихъ дворахъ тогдашнихъ германскихъ государей. Его тяжелое положеніе было на нѣкоторое время облегчено вторженіемъ французовъ во Франконію (Franken) въ 1796 г., вслѣдствіе чего Шаду съ нѣкоторыми другими братьями поручено было перевезти монастырскую казну изъ Банца въ Кульмбахъ. При этомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ охоту къ путешествіямъ. Изъ Кульмбаха онъ ѣздилъ въ Лейпцигъ, Халле, Іену и Веймаръ, гдѣ завязалъ немало интересныхъ знакомствъ. Многіе замѣчательные люди совѣтовали ему сбросить съ себя монастырскія оковы. Шадъ началъ склоняться къ мысли оставить монастырь, а чтобы обезпечить свое будущее свѣтское существованіе, рѣшилъ удвоить размѣры литературной дѣятельности. Еще было одно обстоятельство, побуждавшее его снять съ себя постригъ. Онъ познакомился съ сестрою книгопродавца Sinner въ Кобургѣ и влюбился въ нее. Эта дѣвушка получила образованіе отчасти въ домѣ Шиллера. Шадъ, вѣроятно, былъ тогда довольно красивъ (по замѣчанію біографа, знавшаго его лишь въ старости) и признанъ всѣми за талантливаго и ученаго человѣка. Дѣвушка была не прочь выйдти замужъ за молодого монаха, когда онъ покинетъ обитель. Даже въ старости Шадъ съ восторгомъ говорилъ объ этой его первой и единственной любви [1]).

Возвратившись въ монастырь, Шадъ по своему всегдашнему правдолюбію не сталъ болѣе скрывать перемѣнъ въ

[1]) Стр. 39.

образѣ мыслей, а поступалъ все опредѣленнѣе и рѣзче—и тѣмъ все болѣе и болѣе озлоблялъ братію; она же и безъ того косилась на него. Хотя и были у него среди монаховъ друзья и приверженцы, но они не осмѣливались высказывать ему свои симпатіи открыто. Шадъ ожесточился, окончательно заперся въ своей кельѣ и не выходилъ даже въ столовую. Но онъ еще не дѣлалъ попытокъ оставить монастырь; въ этомъ виновата была, можетъ быть, его долговременная привычка къ жизни въ обители. Желаніе уйти боролось съ увѣреніями себя въ томъ, что еще не приспѣло время, и все это вызывало новыя бури. Онъ снова расхворался, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, но оставался одинъ, безъ всякой помощи со стороны братіи. Позванный имъ врачъ громко высказывалъ свое мнѣніе объ опасности, угрожавшей жизни Шада, и безуспѣшно настаивалъ на томъ, „чтобы монастырь поставилъ кого-либо ходить за больнымъ“. Только одинъ молодой монашекъ тайкомъ пробирался къ нему отъ времени до времени, ухаживалъ за нимъ и на мигъ сохранялъ его жизнь точнымъ соблюденіемъ предписаній врача. Но оставалось истощеніе силъ, приводившее медленно ко гробу. Смотря въ лице смерти, и болѣе, чѣмъ когда-либо, расположенный къ мести Шадъ спѣшилъ теперь съ изданіемъ „Синцеруса“. Онъ уже болѣе не боялся расширявшагося круга враговъ, потому что считалъ себя въ скоромъ времени въ безопасности отъ земныхъ преслѣдованій. Но вышло иначе. Какъ только I часть книги вышла въ свѣтъ и вспугнула осиное гнѣздо, здоровье Шада стало поправляться [1]). Теперь ему оставалось одно: какъ можно скорѣе бѣжать,—ибо общее мнѣніе признало въ немъ автора „Синцеруса“; его стиль былъ знакомъ уже довольно хорошо, да и было извѣстно, что одинъ лишь Шадъ могъ такъ глубоко проникнуть въ святилище монастыря и

[1]) Стр. 39.

разоблачить его тайны. И онъ всетаки еще медлилъ, какбы дожидаясь, чтобы его опасность возросла до крайности. Только тогда, какъ Шадъ узналъ, что составили планъ схватить его и посадить въ Вюрцбургъ на вѣчное заточеніе, онъ рѣшился бросить свой покой. Но и теперь еще онъ писалъ въ пѣсняхъ къ своему другу Wilhelmine Sinner, что онъ де не боится ненависти монаховъ, потому что его Wilhelminchen ihm gut sei. 12 ноября 1798 г. онъ узналъ, что готова надъ нимъ разразиться гроза: его хотѣли взять въ этотъ же день. Но патеръ Романъ все еще питалъ надежду, что осуществленію этого плана помѣшаетъ прибытіе многочисленныхъ гостей, какіе объ эту пору всегда наѣзжали въ монастырь. Онъ хотѣлъ удалиться со всевозможными удобствами, не оставляя ни своей библіотеки (по крайней мѣрѣ, лучшихъ книгъ), ни своей кремонской скрипки; большая связка вещей должна была пойти съ нимъ въ дорогу [1]). Молодой монахъ, ухаживавшій за нимъ въ болѣзни, хотѣлъ помогать ему въ бѣгствѣ. У Шада были монастырскіе ключи, и онъ не ожидалъ большихъ затрудненій. Но послѣ обѣда ключи у него отобрали, а самого его отвели въ больницу, находившуюся посреди сада. И здѣсь еще надежда не покидала его, потому что громоотводъ башни спускался прямо около внѣшней садовой стѣны, и онъ могъ бы спуститься по нему. Но противъ него было пущено въ ходъ болѣе предосторожностей, нежели онъ предполагалъ. Онъ увидѣлъ, какъ въ нижнюю комнату больницы пронесли кровать его злѣйшаго врага, и замѣтилъ, что на дверь больницы нацѣпили висячій замокъ.

Такимъ образомъ, повидимому, ему были отрѣзаны всѣ пути къ бѣгству, и жестокая участь казалась неизбѣжною. Оставалось къ спасенію только окно кельи во второмъ этажѣ.

---

[1]) Стр. 40.

Шадъ снялъ съ себя все свое платье, связалъ его въ узелъ и спустилъ его на сшитыхъ вмѣстѣ полотнищахъ холста. Когда Шадъ все это разсказывалъ, онъ всегда вплеталъ замѣчаніе, что незначительныя случайности очень часто помогаютъ свершаться важнымъ событіямъ. Одна крестьянка хотѣла ему какъ-то подарить нѣсколько вязокъ нитокъ; когда онъ отказался отъ подарка, она очень серьезно увѣщевала его взять нитки, потому де, что онъ теперь не можетъ знать, въ какую нужду онъ ихъ нѣкогда употребитъ. Такъ и случилось. Вѣдь какъ легко, говорилъ онъ, если бы спускать узелъ (Bündel) на связанныхъ (zusammengeknüpften) полотнищахъ, могъ бы распуститься какой-нибудь предательскій узелокъ; паденіе связки разбудило бы его врага и предало бы самого Шада во власть его на вѣки. Но хорошія нитки его благодарной духовной дочери выдержали и не выдали его. Цѣпляясь руками и ногами за промытыя дождемъ въ стѣнѣ скважины, онъ осторожно затѣмъ спустился и самъ. Въ его опасномъ предпріятіи помогало ему то обстоятельство, что еще мальчишкой онъ часто лазилъ и точно такимъ же образомъ однажды слѣзъ съ дома своего отца, какъ теперь. Кто можетъ пережить чувства, съ какими онъ спустился на землю! На колѣняхъ онъ возблагодарилъ Бога за избавленіе. Теперь ему оставалось еще перебраться черезъ садовую стѣну тоже вышиною въ 2 этажа; но здѣсь ему помогъ громоотводъ. Полночь ударила и отдѣлила день страха и ужасовъ отъ перваго утра свободы для Шада. Съ тѣмъ же ударомъ встали и монахи для важнаго въ монастырѣ праздника. Была темнѣйшая ночь, но въ сердцѣ бѣглеца сіяло солнце. Шадъ заблудился въ близъ лежавшихъ лѣсахъ и часто опять выходилъ на дорогу, ведшую къ монастырю; онъ не попалъ, какъ разсчитывалъ, на разсвѣтѣ къ друзьямъ въ Кобургъ. Только въ 4 часа пополудни онъ вошелъ туда черезъ дальнія ворота, противоположныя его прямому пути. Этому

обстоятельству обязанъ Шадъ своимъ вторичнымъ спасеніемъ [1]). На разсвѣтѣ былъ отданъ приказъ во всѣхъ воротахъ Кобурга задержать Шада, какъ онъ только покажется. Именно только до заднихъ воротъ не дошло это распоряженіе. Онъ безпрепятственно прошелъ въ городъ. Но друзья посовѣтовали ему потихоньку удалиться. Онъ отправился въ *Ebersdorf*, гдѣ былъ благосклонно принятъ графомъ v. *Reuss*, принявшимъ его подъ свою защиту. Но и здѣсь ему нельзя было оставаться долго: близость католическихъ странъ очень благопріятствовала кознямъ его враговъ. Шадъ перебрался въ *Готу*, гдѣ перешелъ въ лютеранство. Тамошній генералъ-суперинтендентъ *Löffler* принялъ его безъ предварительнаго обученія, потому что, по мнѣнію его, выраженія Шада доказывали, что онъ уже посвященъ въ новое ученіе. Небольшая сумма денегъ, скопленныхъ въ монастырѣ и хранившихся у книгопродавца *Зиннера*, покрыла первыя издержки на его скудное обзаведеніе въ *Іенѣ*, гдѣ онъ обосновался. Старожилы еще помнятъ, пишетъ авторъ некролога (1836 г.), его первое, удивительное появленіе. Его гардеробъ, собранный въ лоскутномъ ряду, состоялъ изъ темно-коричневаго сюртука, короткихъ штановъ, голубыхъ чулокъ и башмаковъ съ большими пряжками. Im Kopfe своей треугольной шляпы онъ обыкновенно самъ носилъ себѣ съѣстные припасы изъ мясной лавки и съ овощнаго рынка. Обѣдъ себѣ онъ заготовлялъ въ одномъ большомъ горшкѣ сразу на нѣсколько дней [2]). Тогда онъ принялся за свое „Gemeinfassliche Darstellung des Fichteschen Systems“, которымъ обратилъ на себя вниманіе Фихте и нѣсколькихъ другихъ ученыхъ. Фихте далъ ему будто бы удостовѣреніе, что до Шада никто еще въ совершенствѣ не постигалъ его системы.

---

[1]) Стр. 41.

[2]) Стр. 42.

Когда Фихте покинулъ Іену, бо́льшая часть его слушателей обратилась къ Шаду, назначившему курсъ о системѣ своего предшественника. Вмѣстѣ съ его аудиторіею наполнялся и его кошелекъ, такъ что уже осенью 1799 г. онъ былъ въ состояніи зажить своимъ домкомъ (ein anständig bürgerliches Verhältniss begründen) и обвѣнчаться со своею возлюбленною Вильгельминою.

Кромѣ лекцій, Шадъ издалъ за это время въ свѣтъ нѣсколько сочиненій. Преслѣдованія со стороны ордена и партіи религіозныхъ фанатиковъ, которую онъ покинулъ, однако, продолжались, разрушая его домашній покой и общественное положеніе, мѣшая его дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Въ 1804 г. ему открылась блестящая перспектива: приглашеніе въ новоустроенный Харьковскій университетъ профессоромъ теоретической и практической философіи. Шадъ скоро рѣшился принять приглашеніе, тѣмъ болѣе, что этимъ удаленіемъ онъ разсчитывалъ совершенно освободиться изъ сферы вліянія своихъ гонителей. Но жена не раздѣляла его мнѣнія. Она пустила въ ходъ всѣ средства удержать его отъ этого шага. Но весною того же года Шадъ поѣхалъ въ дорогу въ сопровожденіи жены и двоихъ дѣтей, сына и дочери. Еще въ Кіевѣ вѣрная супруга, терзаемая злыми предчувствіями, настаивала и приступала къ мужу съ тѣмъ, чтобы вернуться на родину. Когда она черезъ годъ умирала, ея послѣдняя просьба была, чтобы мужъ съ дѣтьми покинулъ Россію [1]). Но очарованіе возрастающей славы, привлекательность высокаго положенія и сопряженныхъ съ нимъ выгодъ перетягивали сожалѣніе къ нѣжнымъ просьбамъ жены. Онъ оставался и считалъ себя столь прочно сидящимъ на мѣстѣ, что его, какъ громомъ, поразило Высочайшее повелѣніе въ возможно быстромъ времени вывезти его за предѣлы Россіи. *Сплетеніе об-*

[1]) Стр. 43.

стоятельствъ, вызвавшихъ это повелѣніе, и *способъ его выполненія позволяли подозрѣвать*, что его *старые* враги нашли себѣ опору и *на сверхъ*—къ гибели Шада.

Здѣсь будетъ умѣстно привести подлинный документъ—письмо самого Шада изъ Іены къ Веймарскому посланнику при русскомъ дворѣ, гдѣ онъ объясняетъ со своей точки зрѣнія причины постигшаго его бѣдствія. Это письмо было помѣщено въ альманахѣ „Русская правда“ (стр. 93—104), изд. Кулжинскимъ въ Кіевѣ, въ 1860 г. и у *Н. А. Лавровскаго* (стр. 55—57), Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1873, апрѣль—іюнь, книга II, отдѣлъ V, Смѣсь. ст. I. „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета“, II. Шадъ (стр. 1—58). Письмо приводится въ русскомъ переводѣ.

„Надѣясь на извѣстное Ваше благочестіе, справедливость и человѣколюбіе“, пишетъ Шадъ, „осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ Вамъ съ этимъ письмомъ и просить Вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи профессора философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ попечителемъ Харьковскаго университета, графомъ Севериномъ Потоцкимъ и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надо было оставить и любезнѣйшую жену, и дочь,

имѣвшую тогда около 13 лѣтъ [1]). Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ университетѣ, о чемъ всѣ могутъ засвидѣтельствовать, кто хорошо зналъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія, и даже по порученію Университета, для употребленія въ Гимназіи и въ Университетѣ, описывалъ черными красками великаго Наполеона и великую французскую націю и старался воодушевить обучавшихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу [2]), надѣясь встрѣтить тамъ мессію поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 года. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ къ Харьковъ. Нѣкоторые профессоры французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены Французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою; а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ

---

[1]) По послужному списку 1812 года у него были дѣти: сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери: Туллія 8 лѣтъ, Елисавета 6.

[2]) Потоцкій дѣйствительно все время нашей войны съ Наполеономъ жилъ въ Польшѣ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ 1811 года (см. засѣд. Совѣта 15 февр.) и снова вступилъ въ должность Попечителя въ мартѣ 1816 года (засѣд. Сов. 6 марта).

себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда профессора исторіи въ Харьковѣ. Во время Французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшенымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я въ изданныхъ мною книгахъ вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя во время революціи и послѣ французская нація. Этому человѣку поручилъ графъ Потоцкій обвинить мои книги, а особенно: „Jus naturae“ и „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum“. Мое сочиненіе „Jus naturae“ написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ отечеству вопреки бѣшенству французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ съ безчисленными полчищами былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими русскими даже до Парижа. А потому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго университета, для употребленія въ гимназіяхъ, я старался посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ изучавшихъ латинскій языкъ искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покрови-

телемъ, попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

„Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ Попечитель Университета? Посредствомъ такого коварства Министръ, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбѣжную ошибку; а я со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнутъ въ величайшую бѣдность. Даже остатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству не отданы.

Умоляю Ваше Превосходительство и заклинаю васъ именемъ Іисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобъ, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даровать намъ вѣчную и блаженную жизнь, но и снова придетъ нѣкогда судить родъ человѣческій и наказать особенно притѣснителей невинныхъ, прошу Васъ еще и еще употребить Ваше стараніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причиненная мнѣ и моему семейству посредствомъ самой коварной клеветы, была сколько-нибудь вознаграждена. Ожидая этого отъ Вашей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь“ и пр. [1])

[1]) Стр. 54—57.

Возвратимся къ разсказу „Некролога“.

Не обращая вниманія на болѣзнь Шада, его въ самую суровую пору года усадили (gepackt) въ сани; едва позволили провожать отца сыну-подростку. Обхожденіе его проводниковъ, а также нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ (Behörden) было безчеловѣчное (mit Brutalität); его возили по странѣ zur Ungebühr. Шадъ самъ никогда не упоминалъ объ этой катастрофѣ, не прибавляя слѣдующаго: онъ де имѣлъ слишкомъ много доказательствъ того, какъ его заслуги цѣнились Императорскимъ Дворомъ; поэтому онъ не могъ не быть убѣжденнымъ въ томъ, что онъ лишился милостей Царскаго Дома и близко стоящихъ къ нему лицъ только, благодаря клеветамъ, потайные ходы которыхъ великіе земли—рѣдко могутъ отыскать.

Объ этомъ, равно и о родственныхъ ему Правительствующихъ Домахъ онъ никогда не говорилъ иначе, какъ съ высокимъ почтеніемъ [1]). Благодаря поспѣшности, съ какою его транспортировали, онъ едва успѣлъ бѣгло посовѣтовать своей женѣ какъ можно скорѣе продать дома (ansehnlichen Besitzungen) и послѣдовать за нимъ въ Германію съ вырученными деньгами и съ дочерью.

Но весьма вѣроятно, что при выборѣ второй жены Шадъ жестоко промахнулся. Она для дѣтей не стала доброю матерью, какую онъ имъ хотѣлъ дать въ ея лицѣ. Наоборотъ, она ихъ терпѣть не могла; именно его милая дочь должна была уйти изъ дому: ее отдали въ пансіонъ. Отцу не дали съ ней передъ отъѣздомъ увидѣться и проститься; Богъ не судилъ ему съ нею когда-либо свидѣться послѣ этого. Но несмотря на то, почтенная (treffliche) дѣвушка стала позднѣе опорою его безпомощной старости.

---

[1]) Стр. 44.

Н. А. Лавровскій [1]) приводитъ весьма любопытную справку касательно имущественныхъ дѣлъ Іоанна Шада въ Харьковѣ.

„По отъѣздѣ Шада изъ Харькова университетъ довольно долго занимался его долговыми претензіями. Всѣ эти претензіи доказываютъ, что онъ въ Харьковѣ успѣлъ составить весьма приличное состояніе, между тѣмъ какъ большинство профессоровъ въ слѣдствіе необыкновенно усилившейся дороговизны отъ страшнаго упадка курса въ Наполеоновскія войны вошло въ долги и доведено было до рѣшенія обратиться соборнымъ письмомъ къ Министру съ просьбою о пособіи. По письму Шада изъ Іены, Министръ отъ 20 марта 1820 года относился къ попечителю и требовалъ распоряженій по слѣдующимъ претензіямъ: о взысканіи съ адъюнкта Робуша 1,000 рублей по векселю, выданному имъ женѣ его: Шадъ проситъ препроводить эти деньги женѣ въ Петербургъ; о взысканіи съ адъюнкта Комлишинскаго 5000 р. съ процентами по векселю, выданному также его женѣ: полученіе этихъ денегъ онъ тоже предоставляетъ женѣ; остальныя же суммы, слѣдующія ему по векселямъ, выданнымъ на его имя, по взысканіи ихъ, проситъ переслать Веймарскому Правительству, которое употребитъ ихъ на содержаніе сына его, обучающагося медицинѣ. Въ іюлѣ того же года попечитель предписывалъ университету по долговымъ претензіямъ Шада сноситься непосредственно съ женою его, жившею въ Петербургѣ, чрезъ Дудровича, „имѣющаго по дѣламъ его хожденіе“. Взысканіе, однако, шло медленно, и Правленію университета было много хлопотъ съ нимъ: особенно затруднительно было взысканіе съ главнаго должника—Комлишинскаго. Въ сентябрѣ Варвара Шадъ обратилась къ Попечителю съ письмомъ (весьма безграмотно написаннымъ), въ которомъ она горько жалуется

[1]) Стр. 57—58.

на несостоятельность Комлишинскаго. Замѣчательно слѣдующее мѣсто этого письма: „Г. Комлишинскій въ силахъ гораздо больше уплатить етой суммы, естли онъ увѣряитъ васъ своимъ недостаткомъ, то ето одна отговорка, или скажитъ на щетъ векселя, ето не помеха, и онъ долженъ уплатить, об етомъ известно правительству и какъ скоро получу отъ него сполна всю сумму, пришлю къ нему такую бумагу, которая обезпечитъ его совершенно“.

Правленіе университета 6 ноября донесло попечителю, что „для обезпеченія должныхъ г. Комлишинскимъ госпожѣ Шадъ денегъ постановлено удерживать все его жалованье въ уплату оныхъ, доколѣ онъ въ возможности будетъ заплатить всю капитальную сумму съ причитающимися процентами“. Въ то же время Правленіе отнеслось въ Гражданскую Палату для наложенія запрещенія на имѣніе Комлишинскаго. Дѣло шло такъ поспѣшно, что попечитель еще въ томъ же ноябрѣ требовалъ немедленнаго увѣдомленія, „какое имѣніе взято будетъ подъ запрещеніе, и сколько изъ жалованья удержится денегъ, которыя должны быть отправлены къ госпожѣ Шадъ, чрезъ г. профессора Дудровича, имѣющаго отъ нея довѣріе“.

О послѣднихъ годахъ жизни Шада „Новый Некрологъ“ сообщаетъ слѣдующее.

Послѣ разныхъ проволочекъ и перипетій (nach mancherlei Umwegen und Aufenthalten), *о которыхъ онъ никогда съ ясностью* (klar) не высказывался, онъ возвратился обратно въ Іену и пытался снова возобновить колею (Faden) своихъ прежнихъ занятій. Но это ему не совсѣмъ удавалось, потому что ему часто мѣшали его болѣзни.

Черезъ 2 года послѣ его спѣшнаго удаленія изъ Россіи прибыла къ нему и его жена. Но она пріѣхала не только

безъ дочери, но даже и *безъ денегъ*, которыя онъ ожидалъ получить черезъ нее отъ продажи своихъ недвижимостей. Еще 2 года пробыла она у мужа въ Іенѣ, но жила чрезвычайно уединенно. Но, повидимому, совмѣстная жизнь не особенно имъ нравилась (erbauete), потому что она опять уѣхала, а самъ Шадъ не особенно о томъ печалился (bekümmern). Вообще эту часть своей жизни онъ обыкновенно проходилъ молчаніемъ (hinwegzueilen) съ нѣкоторою заботливостью прикрыть ее (verhüllen).

Дочь Шада принуждена была, когда перестали за нее платить, выйти изъ института и помогать себѣ собственными силами. Она такъ предалась дѣлу воспитанія, что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ братъ разыскалъ ее послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ по обширному русскому государству, она считалась въ Петербургѣ отличною гувернанткою. Но вѣсть о несчастіи ея отца достигла ея ранѣе, хотя и въ извращенномъ видѣ. Едва она услыхала о положеніи отца, она стала высылать ему почти все свое жалованье и всячески старалась доставить ему возможность вести приличную жизнь [1]). Но ни литературный заработокъ, ни пособія со стороны петербургскаго и веймарскаго дворовъ, оказанныя ему нѣсколько разъ, не препятствовали ему впасть въ тяжкую (drückend) бѣдность. Отчасти содѣйствовало этому и неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ. Онъ часто самъ жаловался, что въ Россіи онъ по нуждѣ (nothgedrungen) усвоилъ себѣ эту привычку, а потомъ уже не могъ отъ нея отстать. Это бросало сильную тѣнь на его жизнь. Сынъ его женился и ничѣмъ не могъ помогать ему. И дочернія заботы не спасли его отъ погруженія въ цинисмъ и пренебреженіе къ внѣшнимъ формамъ жизни. Съ нѣкоторымъ упрямствомъ (Eigen-

---

[1]) Стр. 45.

sinn) онъ сталъ самъ исполнять всѣ домашнія работы, былъ и поваромъ, и дровоколомъ, и убиральщикомъ, отнимая для этого время отъ сна и ученыхъ занятій, несмотря на свою слабость (Hinfälligkeit); ходилъ чуть не нищимъ, оборванцемъ, которому можно бы подать милостыню. Все это унижало его въ глазахъ общества. Но внутренно онъ оставался все тѣмъ же философомъ, одушевленнымъ защитникомъ чистѣйшей морали. Его мысли часто одолѣвали его, и онъ не успѣвалъ въ порывѣ энтузіасма записывать ихъ, какъ уже наступалъ конецъ порыва. Поэтому онъ записывалъ свои разсужденія карандашемъ и потомъ уже обводилъ написанное чернилами. Въ разговорѣ объ обыденныхъ предметахъ онъ часто нисходилъ до пошлости, становился неразборчивымъ на выраженія и говорилъ на діалектѣ. Но чуть лишь дѣло касалось философскихъ идей, какъ онъ преображался. До этого онъ сидѣлъ по наружности—самый обыденный человѣчекъ (scheinbar verloren in niederer Gewöhnlichkeit), согнувшись (zusammengedrückt), тяжело дыша. И вдругъ при малѣйшемъ переходѣ разговора на идеи—согнутое тѣло подымалось, щеки его алѣли, темные, добродушные и умные глаза становились теплыми и блестящими, чистая нѣмецкая рѣчь мягко лилась съ его устъ, одна за другой сыпались ясныя картины, понятные намеки, убѣдительныя утвержденія: идеи озаряли своимъ блескомъ надломленную земную плоть Шада. Болѣзни его уложили на вѣчный покой 13 января 1834 г.; передъ смертью онъ не долго лежалъ на одрѣ болѣзни. Еще въ часъ кончины онъ сталъ было надѣяться, что рука смерти пощадитъ его и дастъ ему возможность докончить большое сочиненіе о (Glückseligkeit) счастіи и путяхъ достигнуть его. Среди этихъ надеждъ онъ и умеръ.—Порвались нити, прикрѣплявшія эфирный цвѣтокъ къ его колыбели, земляной глыбѣ, столь разнородному веществу!

Послѣднее сочиненіе должно было всякому, кто понялъ бы нить его мыслей, и согласился съ ними, показать на-

стоящій путь къ блаженству [1]). Онъ самъ уже ощущалъ его въ мгновеніе смерти и пробужденія надеждъ. Система его морали должна была, по его выраженію, привести къ чистѣйшему и продолжительному блаженству на землѣ [2]).

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя библіографическія указанія изъ „Новаго Некролога“:

1) (стр. 46) апологія Шада противъ аугсбургскихъ антикритиковъ и Goldhagen въ Mainzer Monatsschrift за 1789 г. Beilage 1, 2, стр. 1—48.

2) указывается еще статья (стр. 42) über die Verbesserung des Mönchswesens, принятая въ „журналъ, выходившій въ Кобургѣ“.

3) что касается учебника религіи—Ильдефонса Шварца, то Шаду (стр. 38) приписывается его zum Theil Revision.

Библіографія сочиненій Шада обработана нами во II томѣ „Философіи въ Россіи“ стр. 43—50. Нѣкоторыя указанія „Новаго Некролога“ ошибочны.

Кромѣ того, отмѣтимъ еще произведенія Шада:

Шадъ прислалъ изъ-за границы на имя князя А. Н. Голицина два стихотворенія: 1) Natur, Mensch, Gott als Schöpfer und Erlöser и 2) Nachtgedanken auf einem Begräbnissplatz gemeiner Leute [3]).

---

[1]) Стр. 46.

[2]) Стр. 45.

[3]) М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, стр. 502, №141—примѣчанія къ статьѣ «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи».

Отличнымъ дополненіемъ къ разсказу „Новаго Некролога“ о жизни І. Шада является сообщеніе *Роммеля* въ книгѣ „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета“, стр. 65 и 67.

„Замѣчательнѣйшимъ изъ нѣмцевъ былъ *Романъ Шадъ*, прежній бенедиктинскій монахъ въ Банцѣ, во Франконіи, заслуживший [1]) извѣстность своимъ столкновеніемъ съ тамошними обскурантами и тайнымъ бѣгствомъ. Яростный, ненавистный русскимъ поборникъ просвѣщенія, литературы и филологіи, Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью (что-то вродѣ философской пропедевтики); въ школѣ іезуитовъ онъ усвоилъ латинскую рѣчь въ совершенствѣ и уже поэтому игралъ большую роль въ свѣтѣ и на всѣхъ диспутахъ [2]). Разсказы Шада о скандалезныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно, когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ; держа оппозицію противъ старыхъ русскихъ, онъ давалъ слишкомъ

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Мы вмѣстѣ издали нѣмецкую христоматію; ему принадлежитъ выборъ части прозаической, а мнѣ—поэтической (Примѣчаніе Роммеля).

много воли своему языку. Такъ однажды въ совѣтѣ онъ до того забылся, что сказалъ: „Вы—всѣ холопы“! Неумѣренное пьянство подорвало его здоровье, а несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ на пирушкѣ, съ женщиною сомнительной репутаціи и скупою, не то русскою, не то нѣмкою, ускорилъ его домашнюю катастрофу. На него впослѣдствіи сдѣланъ былъ доносъ: лекціи метафизики, отзывавшіяся философіею Шеллинга, выданы за атеизмъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, его препроводили изъ Харькова до границы, и онъ окончилъ свою несчастную жизнь въ Іенѣ, тамъ, гдѣ послѣ бѣгства изъ Банца Гёте и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника.... Не такъ давно случилось мнѣ говорить съ послѣднимъ секуляризованнымъ братомъ банцскаго монастыря. Бывшій черноризецъ передавалъ мнѣ, правда, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, какъ Р. Шадъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Германіи явился, словно привидѣніе, на клиросѣ банцскаго монастыря въ русскомъ мундирѣ и навелъ ужасъ на всѣхъ присутствовавшихъ [1]).

---

[1]) Стр. 67.

Роммель (выше, стр. 120) упоминаетъ о составленной имъ вмѣстѣ съ Шадомъ нѣмецкой христоматіи, гдѣ Шаду принадлежалъ выборъ образцовъ прозы. Эта христоматія носитъ заглавіе:

Deutsche Chrestomathie. Prosaischer Theil. Vermöge Auftrags der Kaiserlichen Universität zu Charkow herausgegeben. Charkow, gedruckt in der Universitats—Buchdruckerey. 1813.

Титулъ + посв. (4 стр.) + Vorbericht und Einleitung (стр. VII—XXI) + текста 1 — 382 стр. Посвящена христоматія Jhro Excellenz, Alexei von Rasumowsky.... (чины и званія) Mit Ehrfurcht gewidmet von dem Herausgeber.

Христоматія въ высшей степени типично показываетъ литературные вкусы и взгляды І. Шада, характеръ его образованія и степень общаго эстетическаго развитія. Мы приведемъ здѣсь лишь краткій обзоръ этой любопытной книги.

Erster Abschnitt. Beyspiele des unteren Styls. *Erstes Hauptstück.* Beyspiele von Briefen. I. An einen Preussischen Officier in Schlesien (изъ писемъ *Геллерта*, Соч., Lpz, 1775, 7 ч.) стр. 1—4. II. An einen Freund S. (изъ писемъ *Rabner'a,* Lpz, 1772) 4—5. III. An einen Freund (соч. *Gieseke*): 5—7, IV: 8—9, V: 9—10, VI: 10—13 (3 письма изъ *Гёте* Werther's Leiden). VII. An einen Kriegsrath. Bittschreiben: 13—14, VIII An einen geheimen Rath. Danksagungsschreiben: 14—15, IX. An einen Freund. Glückwünschungsschreiben: 15—16, X. An einen Freund. Trostschreiben: 16, XI. An einen Professor von einem Juden.—Anerbietung zu gefälligen Diensten: 17 [1]), XII. An eine Freundin. Freund-

[1]) Ein Muster eines eben so feinen, als edlen Anerbietens (денегъ въ займы!) помѣтка Шада. Чуть ли не письмо къ нему самому.

schaftliche Vorwürfe: 17—19 (n. VII—XII? aus *Moritzen's* allgemeinem Briefsteller. 4 изд. Brl, 1799, Schulbuchhandlung). XIII. An eine Herzensfreundinn und Verlobte. Liebesbrief (aus einer noch ungedruckten Sammlung von Briefen [1]): 20—24. *Zweytes Hauptstück.* Beyspiele von Gespraechen. I. (изъ *Виландова* Agathon, разговоръ софиста Hippias и Агаѳона): 25—42. II. (изъ Виланда же Neue Göttergespräche. Lpz bei Göschen, 1791, разг. Diva Julia (Livia Augusta) и Diva Faustina, потомъ D. Augustus и D. Marcus Aurelius): 43—63. *Drittes Hauptstück.* Beyspiele von Fabeln und Characterschilderungen. I. Die Esel (б. *Лессинга*): 64—65. II. Der Rabe und der Fuchs (*La Fontaine*): 65—66. III. Der Rabe und der Fuchs (Lessing): 66—67. IV. Die Nachtigall und das Johanniswürmchen (*Moore*): 67—68. V. Der Eichbaum und das Schilf: 68—69. Charactere (Aus *Theophrast's* Characteren übersetzt mit Anm. nebst einigen Char. von C. *Rommel*, Lpz, 1809). I. Der Speichellecker: 69—71. II. Der Plauderer: 71—72. III. Der Abergläubische: 72—74, IV. Der Heuchler: 74—75. V. Der Pedant: 75—77 (IV и V—самого Роммеля). *Viertes Hauptstück.* Beyspiele von Aufsätzen vermischten Inhalts des unteren Styls. I. Erzählungen (*Jacobi*): 77—79. II (*Pfeffel* .о графѣ Alvarez): 79—84. III (*Marmontel*): 85—86. Idyllen. Amyntas (*Gessner*): 86—87. Damon, Daphne 87—89.

Zweyter Abschnitt. Beyspiele des mittleren Styles. *Erstes Hauptstück.* Beyspiele vom Geschäftstyle. Vollmachten. I.: 90—91, II.: 91—92 (изъ *König*, Formularbuch für aussergerichtliche Handlungen und freywillige Gerichtshandlungen, Altdorf, 1797). Edicte und Verordnungen. I. Katharina. (Великая—aus *Rüdiger*, Anweisung zur guten Schreibart)

---

[1]) Повидимому, письмо самого Шада къ невѣстѣ.

93—94, II (начало прусскаго Circular-Verordnung касательно женитьбы офицеровъ и узаконенія незаконныхъ дѣтей): 94—98. *Zweytes Hauptstück.* Beyspiele vom Geschichtsstyle. I. (изъ *Шиллера*, Ист. 30-лѣтней войны): 98—114. II (изъ *Archenholz*, Geschichte des siebenjährigen Krieges): 114—120. Biographien. I. Peter der Grosse (aus *Halems* Lebensbeschreibung P. d. Gr., 1803, Münster u. Lpz. und aus *Eichhorns* Gesch. der drey letzten Jahrhunderte, 1803, Gött.): 120—142. I. (опеч. вм. II.) Catharina II (aus Eichhorn, o. c. B. IV): 142—153. III. Amalia Elisabeth, Landgräfinn von Hessen-Cassel (aus *Schiller's* Historischem Taschenbuche für Damen auf d. J. 1792): 153—156. II Vom Styl der erdichteten Geschichte. Beyspiel. Dreyzehnter Brief (изъ Шадова романа Das Paradies der Liebe): 157—180, XIV Br. 180—202. *Viertes Hauptstück.* Beyspiel von dem Lehrstyl. Ueber das Pathetische (изъ Шиллера): 202—223. *Fünftes Hauptstück.* Beyspiel vom bildlichen Styl. Ursachen des gesunkenen Geschmackes bey den verschiedenen Völkern, da er geblüht (aus Herders Preisschrift): 224—233. *Sechstes Hauptstück.* Beyspiel von rührendem Style. Menalkas und Alexis (aus *Gessners* Idyllen): 234—239. Dritter Abschnitt. Von dem höheren Styl. *Erstes Hauptstück.* Beyspiel des Styls in einer religiösen Rede. Beruhigungsgründe für den gemeinen Mann, vorzüglich für den Landmann in Absicht auf seinen Stand (проповѣдь самого Шада): 240—284. *Zweytes Hauptstück.* Beyspiele des Styles in einer akademischen Rede. I. Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents (рѣчь *Reith'a* на актѣ харьковскаго университета 17 января 1812): (опеч. 185) 285—297. II. Die Schaubühne als eine moralische Anstalt betrachtet (рѣчь Шиллера отъ 1784 г. въ Мангеймѣ): 297—312. *Drittes Hauptstück.* Beyspiele des Styles in einer politischen Rede. Rede an die Deutschen von Ernst *Raupach* (отъ 1812 г.): 313—334. *Anhang.* Aussprüche über die der Menschheit wichtigsten Gegenstände, aus den vorzüglichsten Schriften gesammelt. I. Mensch: 335—

344. II. Sinnlichkeit: 344—349. III. Vernunft: 349—352. IV. Moralgesetz: 352—359. V. Moralische Freyheit: 359—362. VI. Pflicht: 363—368. VII. Tugend: 368—374. Höchstes Gut: 374—378. IX. Gott: 378—382.

На ряду съ Іоанномъ Шадомъ въ новоустроенномъ Харьковскомъ университетѣ подвизался распространитель философіи Канта, философъ, финансистъ и политико-экономъ, извѣстный Людвигъ-Гейнрихъ Якобъ. Біографія его до сихъ поръ не написана. Мы изложимъ краткія свѣдѣнія объ его жизни по лучшему источнику, а именно по статьѣ „Новаго Некролога“, доселѣ остававшейся, повидимому, не использованной со стороны русскихъ изслѣдователей: Neuer Nekrolog der Deutschen, V Jahrgang, 1827, II Theil, Ilmenau, 1829, p. 715—723, № 246. Ludwig Heinrich v. Jakob (род. 26 февраля 1759 г., умеръ 22 іюля 1827 г. въ Lauchstädt).

Основою этой статьи послужила замѣтка въ Hallesches Wochenblatt, 1827 г., St. 31, которая вошла въ „Новый Некрологъ“ съ поправками и прибавленіями сына Якоба, профессора въ Кёльнѣ. Л. Г. Якобъ названъ Dr. jur. et philos., орд. проф. государственныхъ наукъ въ Халльскомъ университетѣ, кавалеромъ орденовъ Анны 2-й степени и Краснаго Орла 3 класса. Замѣтимъ, что L. H. Jakob писался раньше Jacob.

Л. Г. Якобъ.

Якобъ родился въ Wettin im Saalkreise. Отецъ его, дѣятельный бюргеръ, перевелъ его въ Merseburg и отдалъ въ тамошнюю Domschule. Пожаръ, лишившій его родителей всего достоянія, принудилъ его полагаться только на собственныя силы; въ 1773 г. онъ перешелъ въ Халле; въ тамошней Лютеровской гимназіи его успѣхи, прилежаніе и нравственность привлекли симпатіи учителей, особенно знаменитаго Jani. Пропитывался онъ заработкомъ отъ участія въ пѣвческомъ хорѣ. При болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ онъ не стыдился вспоминать о своей юности, протекшей въ нуждѣ [1]).

Въ 1777 году онъ поступилъ въ Халльскій же университетъ и спеціально занялся классическою филологіею, въ которой онъ оказалъ хорошіе успѣхи. Пропитаніе добывалъ себѣ преподаваніемъ въ Миттельвахскомъ училищѣ и уроками въ нѣкоторыхъ семейныхъ домахъ; особенно пріятенъ былъ ему урокъ у одного изъ величайшихъ богословъ того времени Dr. *Nösselt*'a. По его рекомендаціи онъ поступилъ въ 1781 г. сверхштатнымъ, а черезъ годъ и штатнымъ учителемъ въ Лютеровскую гимназію. Здѣсь, гдѣ жили о немъ еще прекрасныя воспоминанія (какъ объ ученикѣ), ему удалось собрать около себя наилучшихъ мальчиковъ. Всѣ свои досуги онъ посвящалъ приготовленію къ университетской дѣятельности. Онъ получилъ степень доктора и сталъ читать лекціи, преимущественно, по философіи. Это развило въ немъ стремленіе къ развитію и ув-

---

[1]) Стр. 715

рѣпленію твердыхъ понятій и пробудило отвращеніе отъ мистики и мечтательности. Философское основаніе онъ стремился подыскать и для религіи—въ теоріи нравственности.

Начало ученой дѣятельности Якоба совпадаетъ со временемъ появленія философіи Канта. Якобъ былъ одинъ изъ первыхъ, кто сталъ распространять эту философію, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе прусскаго правительства, которое въ 1789 г. назначило его экстраординарнымъ, а въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ философіи при томъ же университетѣ. Отъ теоретической философіи Якобъ скоро перешелъ къ практической, а отъ нея къ государственнымъ наукамъ, которыя давали ему возможность примѣнять общія положенія къ жизни людей. Эти науки въ позднѣйшіе годы жизни стали его спеціальностью; онъ занялъ среди политиковъ почетное мѣсто. 3 года подрядъ (небывалый еще случай) онъ пробылъ проректоромъ (1801—1803). Онъ имѣлъ большія заслуги предъ университетомъ въ регулированіи студенческихъ долговъ; въ той же должности проректора онъ очень осторожно умѣлъ поддерживать крѣпкую дисциплину. Но война 1806 года подорвала благосостояніе и города Халле, и его университета.

Когда Наполеонъ закрылъ Халльскій университетъ, Якобъ въ 1807 г. перебрался на каѳедру въ Харьковъ. Съ тяжелыми чувствами онъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ покинулъ Халле. Черезъ 2 года ему представился случай осуществить свое желаніе государственной дѣятельности: его пригласили членомъ по финансовой части въ законодательную коммиссію, ближайшимъ поводомъ къ чему служила его брошюра (1808 г.) Ueber Russlands Papiergeld und die Mittel demselben einen festen und unveränderlichen Werth zu verschaffen. Сначала онъ послалъ этотъ трудъ въ рукописи попечителю университета графу Потоцкому, чтобы узнать его мнѣніе, какъ лучше пустить брошюру въ ходъ. Не получивши отвѣта, Якобъ въ февралѣ 1809 г. переслалъ свой трудъ прямо государю Александру

I. Статсъ-секретарь Сперанскій вызвалъ Якоба; послѣднему удалось вступить со Сперанскимъ въ очень близкія отношенія. Якобъ принималъ участіе во многихъ его проектахъ и начинаніяхъ.

Враждебное отношеніе нѣкоторыхъ чиновниковъ къ Сперанскому отразилось и на его протеже, Якобѣ. Онъ былъ окончательно назначенъ въ законодательную коммиссію только въ 1810 г., въ финансовый же комитетъ въ 1811 г., а до тѣхъ поръ онъ только числился исправляющимъ должность провизорно. Въ это время Якобъ былъ занятъ, преимущественно, выработкою проэкта уложенія о наказаніяхъ, который и былъ позже напечатанъ въ Халле въ 1818 г. Сперанскій чрезвычайно расхваливалъ этотъ трудъ Якоба; да и спеціалисты-юристы одобрительно отозвались о немъ, какъ видно изъ рецензіи въ Jen. Allg. Litteraturzeitung за 1820 г. №№ 3—6. При массѣ занятій Сперанскому приходилось постоянно откладывать обсужденіе какъ этого, такъ и другихъ проектовъ (финансовыхъ и юридическихъ), пока его паденіе въ 1812 г. не положило предѣла всѣмъ его планамъ. Все, что исходило отъ Сперанскаго, было заброшено: та же участь постигла начинанія Якоба и невыгодно отозвалась на его карьерѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Якобъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и въ 1809 г. получилъ Анну 2-й степени. Предсѣдателемъ законодательной коммиссіи былъ назначенъ князь Лопухинъ, но дѣлами правилъ честолюбивый баронъ Розенкампфъ, который, соблюдая большую вѣжливость по внѣшности, на самомъ дѣлѣ старался оттѣснить Якоба отъ всѣхъ дѣлъ, чтобы оставить всю славу за собою.

Вынужденная бездѣятельность томила ретиваго Якоба. Это, да естественное чувство боли при видѣ гибели своихъ выношенныхъ плановъ и пробудило въ немъ желаніе возвратиться въ Германію. Съ удовольствіемъ принялъ онъ приглашеніе обратно въ Халле. Въ 1816 г. онъ покинулъ рус-

скую службу съ чиномъ статскаго совѣтника, съ русскимъ дворянствомъ и значительной денежной наградой. Съ радостью Якобъ привѣтствовалъ дорогой городъ Халле. Его старанія по службѣ были здѣсь вознаграждены прилежаніемъ учениковъ, уваженіемъ коллегъ и довѣріемъ начальства, которое давало ему разныя порученія. По желанію министерства духовныхъ дѣлъ онъ въ 1820 г. опять принялъ проректорство, въ каковомъ званіи пробылъ два года.

Якобъ былъ средняго роста, блѣденъ. Его взглядъ былъ твердый, острый, выдавалъ мыслителя. Характеромъ онъ былъ мягокъ и услужливъ. Онъ охотно принималъ участіе въ городскомъ хозяйствѣ, давалъ совѣты, устраивалъ то, о чемъ его просили [1]). Онъ былъ членомъ квартирной коммисіи (отъ университета); занимаясь этимъ дѣломъ, онъ составилъ цѣнную брошюру Vorschläge zur Verbesserung der Gesetzgebung über das Einquartierungswesen in dem preussischen Staate, von einem Mitgliede der Einquartierungsdeputation der Stadt Halle, которая была правительствомъ принята къ руководству на будущее время. Якобъ былъ также директоромъ сберегательной кассы для бѣдныхъ и Oberkirchvater въ Kirchenkollegium zu St. Ulrich, гдѣ онъ весьма значительно увеличилъ доходы кассы.

По отношенію къ своимъ товарищамъ онъ былъ добрый и миролюбивый коллега и очень дорожилъ старыми друзьями, былъ хорошій отецъ и супругъ.

Умеръ Якобъ внезапно около Халле въ купальномъ мѣстечкѣ Lauchstädt, куда онъ часто ѣздилъ для отдыха.

---

[1]) Стр. 720.

Сочиненія Якоба.

Neue Uebersetzung der Apostelgeschichte, 1779.

Phaedri Fabulae Aesop. mit Anm. 1785.

Diss. philos. de Allegoria Homerica, 1785.

Prüfung der Mendelssohnschen Morgenstunden, 1786.

Prolegomena zur praktischen Philosophie, 1787.

Grundriss der allgemeinen Logik und Metaphysik, 1788. 4. Aufl. 1800.

Beweis für die Unsterblichkeit der Seele aus dem Begriffe der Pflicht. Preisschrift, 1790. 2. Aufl. 1794.

David Hume's Abhandlung über die menschliche Natur; aus dem Englischen, 3 Bde, 1790—91.

Über den moralischen Beweis für das Daseyn Gottes, 1791. 2 Aufl. 1798.

Grundriss der Erfahrungsseelenlehre, 1791. 4. Aufl. 1810.

Anti-Macchiavel oder über die Grenzen des bürgerlichen Gehorchsams, 1794. 2 Aufl. 1796.

Philosophische Sittenlehre, 1794.

Philosophische Rechtslehre oder Naturrecht, 1795. 2 Aufl. 1801.

Algernon Sidney's Betrachtungen über die Regierungsformen, 1795.

Philosophische Rechtslehre. Auszug aus dem gröss. Werk, 1795.

Peter Baylen's philosophisches Wörterbuch, 1796.

Vermischte philosophische Abhandlungen aus der Teleologie, Politik, Religionslehre und Moral, 1797.

Die allgemeine Religion, 1797.

Grundsätze der Weisheit des menschlichen Lebens, 1800, II. Teil, 1801.

Abriss einer Encyclopädie aller Wissenschaften und Künste, 1800.

Theorie und Praxis in der Staatswissenschaft, Programm, 1801.

Вмѣстѣ съ *H. L. W. Barkhausen*'омъ издавалъ:

Magdeburg - Halberstädsche Blätter, за 1801, январь, февраль, мартъ.

P. J. G. Cabanis, Mitgl. des Erhaltungssenats etc., Ueber die Verbindung des Physischen und Moralischen im Menschen. Aus dem Franz. übersetzt. 2 Bde, 1804.

Ueber Cursus und Studienplan für angehende Kameralisten. Programm, 1805.

Kurze Belehrung über das Papiergeld, 1806.

Grundsätze der Polizeigesetzgebung und der Polizeianstalten, 1809.

J. B. Say. Abhandlung über die Nationalöconomie. Aus dem Französischen, 1807.

Grundsätze der Nationalöconomie und Theorie des Nationalreichthums, 1805. III-е изданіе 1825 г.

Grundriss der allgemeinen Grammatik für Schulen, 1804.

Ausführliche Erklärung desselben, 1814.

Grundriss der empirichen Psychologie für Schulen, 1814.

Ausführliche Erklärung desselben, 1814.

Ueber die Arbeit leibeigener und freier Bauern etc in Russland. Gekrönte Preisschrift, 1815.

Ueber Russlands Papiergeld, 1817.

Entwurf eines Criminalgesetzbuchs für das russische Reich, 1818.

Издалъ: Essais philos. sur l'homme, ses principaux rapports et sa destinée etc. 1818.

Einleitung in die Studien der Staatswissenschaft, 1819.

Akademische Freiheit und Disciplin, 1819.

Vorschläge zur Verbesserung der Gesetze über das Einquartierungswesen in dem preussischen Staate, 1819

Die Staatsfinanzwissenschaft theoretisch und practisch dargestellt und erläutert durch Beispiele aus der neuen Finanzgeschichte europäischer Staaten. 1821.

Europa, oder Uebersicht der Lage der europäischen Hauptmächte im J. 1821. Von einem emerit. Diplomaten (*A. H. Everett*). Aus dem Engl. 1823.

Amtliche Belehrung über den Geist und das Wesen der Burschenschaft. Auf ausdrücklichen hohen Befehl. 1824.

Вмѣстѣ съ *Л. Кругомъ* издавалъ:

Annalen der preussischen Staatswirthschaft und Statistik. I Band, 1—4 Heft, 1805.

Brief an *P. R. v. Sievers* in dessen Gedanken über das Ringen einiger livländischen Gutsbesitzer nach einem Zwangsgesetze. 1811.

Etwas aus *Robert G... s* Lebensgeschichte—in *Moritzens* Erfahrungsseelenkunde, 1783.

Ueber den Religionsunterricht—въ Berliner Monatsschrift, 1785.

Ueber die Aesopischen Fabeln der Alten, тамъ же, апрѣль, стр. 300—316.

Вмѣстѣ съ *M. Rath* издавалъ въ 1786 г.:

Monatsschrift für Damen.

Ein Brief des geh. *R. Jacobi* Idealismus und Realismus betreffend—въ *Caesar's* Denkwürdigkeiten etc, B. V, 1787.

Abhandlung über die Freiheit—въ Kiesewetter's Schriften

über das erste Grundgesetz der Moralphilosophie, 1788.

Ueber Erkennen—въ *Kosmann's* Allgem. Magazin für krit. und popul. Philos., B. I., St. I, 1791.

D. Hume's Skeptizismus—тамъ же.

Ueber die Nothlüge etc. въ K. C. E. Schmid' philos. Journal, 4. Bd., St. 2., S. 238—251. 1794.

Якобъ былъ редакторомъ журнала:

Annalen der Philosophie und des philosophischen Geistes, v. e. Gesellschaft gel. Männer; вышло въ Халле въ 1795 г. 12 Stücke. Въ 1796 г. они выходили въ Лейпцигѣ по четвертямъ одинъ годъ.

Также былъ Якобъ ревностнымъ сотрудникомъ въ A. L. Z.; въ Халле еще до приглашенія въ Харьковъ основалъ музей газетъ, въ которомъ находились нѣкоторыя иностранныя и большая часть нѣмецкихъ журналовъ [1]).

О Якобѣ есть еще компилятивная статья Heinrich'a Döring'a у J. S. Ersch u. S. G. Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften u. Künste. II Section (H—N), herausg. v. A. G. Hoffmann, XIV Th. (Jacobia—Iba), 1837, стр. 240—242. Библіографія сочиненій Якоба приведена у Meusel, Das gelehrte Teutschland, т. III, стр. 513 и д., X, 15, XI, 395 и д., XIV, 227 и д., XVIII, 256 и д., XXIII, 22. и д.

О Якобѣ писали еще *J. A. Bullmann*, Denkwürdige Zeitperioden der Universität zu Halle, 1833, стр. 269 и д. Кромѣ газетной статьи въ Halle'sches Patriotisches Wochenblatt (указанной выше, стр. 126), St. 31, p. 722 и д., 745 и д., некрологъ Якоба помѣщенъ также въ Allg. Litteraturzeitung за 1827 г. № 198, p. 743 и д.

---

[1]) «Некрологъ», стр. 721—723.

О службѣ Якоба въ Харьковскомъ университетѣ Н. А. Лавровскій сообщаетъ [1]):

„Вскорѣ этико-политическій факультетъ пріобрѣлъ достойнѣйшаго профессора, снискавшаго себѣ извѣстность въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ своими многочисленными сочиненіями, но недолго къ сожалѣнію остававшагося въ Харьковѣ Людвига Кондратьевича *Якоба* (утвержденъ ординарнымъ профессоромъ дипломатики и политической экономіи 5 марта 1807 г.). Его сочиненія по философіи и политической экономіи пользовались большимъ уваженіемъ, а его руководства по логикѣ, метафизикѣ, психологіи и естественному праву были приняты въ основаніе при преподаваніи этихъ предметовъ во всѣхъ почти германскихъ университетахъ, и даже за предѣлами Германіи. Родомъ изъ Веттина близъ Магдебурга, онъ окончилъ курсъ въ Галльскомъ университетѣ, тамъ же получилъ степень доктора, былъ профессоромъ и ректоромъ [2]), и только по уничтоженіи этого университета Наполеономъ рѣшился перебраться въ Харьковъ. Августа 16-го 1809 года университетъ получилъ слѣдующее предписаніе Министра: „Предлагаю сему университету уволить въ С.-Петербургъ на

---

[1]) Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», за 1872 г. ч. CLIX, февраль, отдѣлъ наукъ, ст. 2, стр. 234.

[2]) Проректоромъ, ср. выше, стр. 128.

6 недѣль профессора Якоба, которому деньги на путевыя издержки доставитъ дѣйствит. стат. совѣт. Михаилъ Михайловичъ господинъ *Сперанскій*". Въ октябрѣ Якобъ уѣхалъ въ Петербургъ, а отъ 3 іюня 1810 года правленіе доноситъ совѣту, что „Его Величество назначилъ Якоба на службу по департаменту финансовъ".

Въ отношеніи научномъ Якобъ и въ Харьковѣ оставался горячимъ проповѣдникомъ философіи Канта, оправдывая тѣмъ давнія эпиграммы, сложенныя на него Шиллеромъ (см. ниже, стр. 146—147).

И въ Харьковѣ, какъ въ Халле, Якобъ оставался поборникомъ общественныхъ интересовъ. Н. А. Лавровскій приводитъ два факта этой категоріи.

„Профессоръ Якобъ весьма живо изобразилъ тогдашнее бѣдственное климатическое состояніе Харькова и предлагалъ передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе медицинскаго факультета, а потомъ донести высшему начальству" [1]).

По поводу предложенія ректора набирать способнѣйшихъ солдатскихъ дѣтей въ гимназіи, откуда они поступали бы на мед. фак. для приготовленія въ военные медики, Якобъ замѣтилъ, что вообще должно заботиться объ *уничтоженіи* всѣхъ сословныхъ ограниченій, что университеты должны принимать по экзамену безъ различія дѣтей купцовъ, духовныхъ и крестьянъ, а потому вовсе нѣтъ нужды доказывать, что правительство ничего не потеряетъ отъ привлеченія солдатскихъ дѣтей въ университетъ и гимназіи [2]).

---

[1]) Стр. 203
[2]) Стр. 238.

О службѣ Якоба подъ начальствомъ Сперанскаго біографъ послѣдняго сообщаетъ слѣдующее:

„Гурьевъ, тогда еще только товарищъ министра финансовъ, просилъ Балугьянскаго изложить его мысли и предположенія о средствахъ къ лучшему устройству нашихъ финансовъ. По назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи законовъ Балугьянскій почелъ долгомъ свою работу по этому порученію, уже приближавшуюся къ окончанію, показать новому своему начальнику. Послѣдній похвалилъ ее и настоялъ на продолженіи, а между тѣмъ по рекомендаціи другого чиновника коммиссіи *Вирста*, которому пріобрѣли нѣкоторую извѣстность въ публикѣ финансовыя его сочиненія, выписалъ изъ Харькова профессора Якоби (sic), вызваннаго въ тамошній университетъ изъ Галле во вниманіе къ изданной имъ книгѣ о банкахъ. Изъ этихъ трехъ лицъ, т. е. Балугьянскаго, Вирста и Якоби, Сперанскій образовалъ для составленія финансоваго плана особый комитетъ. Но совокупный ихъ трудъ не удовлетворилъ его, и онъ предпочелъ обратиться къ тѣмъ идеямъ, которыя были изложены въ прежней работѣ Балугьянскаго“ [1]).

---

[1]) Баронъ М. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго (изданіе исправленное 1861 г.), т. I, ч. II, гл. IV. Финансовыя работы, стр. 192.

Подобно Шаду [1]), и Якобъ сочинялъ учебники для употребленія въ гимназіяхъ. Составленный Якобомъ по порученію русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и отпечатанный въ Ригѣ на нѣмецкомъ языкѣ въ подлинникѣ „Курсъ философіи“ заключалъ въ себѣ 8 томиковъ и обнималъ собою логику, всеобщую грамматику, опытную психологію, нравоученіе (нравственную философію), эстетику, умозрѣніе словесныхъ наукъ (риторику и піитику), естественное и народное право, политическую экономію [народное хозяйство]. На русскій языкъ курсъ Якоба былъ переведенъ Никитою Ивановичемъ Бутырскимъ [2]), и этотъ переводъ въ 1812 г. былъ изданъ Главнымъ правленіемъ училищъ для введенія въ гимназіяхъ, какъ руководство. Потомъ на этотъ курсъ пошло гоненіе.

По приговору главнаго правленія училищъ, „существенное достоинство каждой изъ книгъ Якоба составляетъ основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. главнымъ правленіемъ указаны и нѣкоторыя мѣста, изъ которыхъ видно, что Якобъ иногда забывалъ, что пишетъ для

---

[1]) См. выше, стр. 122—125.

[2]) Григорьевъ, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ, стр. 21.

русскихъ учителей и учениковъ, както: эпиграмма Лессинга, статья о глупостяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ геліастовъ, о поучительныхъ проповѣдяхъ; исторія Маргариты à la coque, о плотскомъ соединеніи дьявола съ мужчинами и женщинами и т. п. Всеобщая грамматика Якоба признана основательною, расположенною въ систематическомъ порядкѣ и соотвѣтствующею нуждамъ нашихъ гимназій; примѣчанія къ ней имѣютъ то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, даже и на русскій, котораго существенныя и отличительныя свойства авторъ, повидимому, съ великимъ прилежаніемъ старался узнать во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Россіи. Съ измѣненіемъ состава главнаго правленія училищъ измѣнился и взглядъ на учебныя пособія.

Вновь образованный ученый комитетъ представилъ главному правленію училищъ, что онъ признаётъ всеобщую грамматику, сочиненную Якобомъ, и изданную для преподаванія въ гимназіяхъ, не инымъ чѣмъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ пользы не только въ этой книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ заглавіемъ доселѣ извѣстной, потому что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующаго къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Поэтому комитетъ полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемые для него доселѣ часы посвятить другимъ занятіямъ, особенно, по части словесности [1]).

---

[1]) Журналы Главнаго правленія училищъ: 1800 г. № 1—№ 17, ст. XLI—1810 г. № 48, ст. LII—1812 г., № 11, ст. LIX и LX—1818 г. № 5, ст. XXI у Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. I, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, стр. 137—138 и Примѣчанія, стр. 504, № 178.

Опредѣлено: утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе".

Ученіе и систему Якоба преслѣдовалъ и пресловутый М. Л. Магницкій, будучи попечителемъ въ Казани.

Въ своемъ отзывѣ о профессорѣ философіи Іосифѣ Срезневскомъ онъ пишетъ, что тотъ, „*слѣдуя системѣ Якоба, руководствуется духомъ не весьма полезнымъ* и по счастью преподаетъ лекціи такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ" [1]).

„*Нравственная часть*". Студенты не знаютъ заповѣдей; а научась въ классѣ философіи, что есть какой-то *нравственный законъ* по системѣ Якоба, руководствуются симъ закономъ, безъ всякаго надзора" [2])....

---

[1]) Е. Ѳеоктистовъ, Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, II, стр. 483—484 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г., т. 51 апрѣль, ст. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 492, примѣчаніе, «Краткое представленіе отчета по обозрѣнію Казанскаго университета» Магницкаго.

Намъ нужно указать еще на одну сторону дѣятельности Л. Г. Якоба въ Россіи, на его труды по вопросу объ упраздненіи или преобразованіи *крѣпостного права*; разсмотрѣнію этихъ его трудовъ посвятилъ *В. И. Семевскій* значительную часть главы XIX тома I своего сочиненія „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ (въ XVIII и первой четверти XIX в.), стр. 313—325 и 335—339.

Въ своемъ трудѣ „Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten“ Якобъ считалъ необходимымъ уничтоженіе рабства съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Освобожденіе должно быть постепенное. Правительство можетъ найти средство дать *личную* свободу всѣмъ крѣпостнымъ. Наиболѣе прилежнымъ крестьянамъ могутъ быть проданы или переданы въ наслѣдственную аренду участки земли съ постройками. Уничтоженіе крѣпостного права будетъ де имѣть весьма благодѣтельныя экономическія послѣдствія и скажется расцвѣтомъ и земледѣлія, и промышленности. Идеалы Якоба были не русскіе, а западноевропейскіе: такъ онъ, напр., былъ противъ общиннаго землевладѣнія.

Служа въ Петербургѣ, Якобъ еще разъ обработалъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Вольное экономическое общество предложило на 1812 г. для рѣшенія задачу о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда („что̀ выгоднѣе для хозяина: обработывать ли землю частными

людьми, гдѣ ихъ найдти можно, или собственными крестьянами?“). Задача была предложена по желанію графа Н. П. Румянцева. Въ январѣ 1812 г. „Петербургскія Вѣдомости“ объявили объ этой задачѣ вмѣстѣ съ другой задачею: объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ. Къ октябрю мѣсяцу 1813 г. было получено на первую задачу 14 отвѣтовъ, а въ торжественномъ собраніи 17 января 1814 г. общество присудило первую золотую медаль въ 100 червонцевъ Якобу.

Сочиненіе Якоба носило девизъ изъ Горація: „Beatus ille, qui.... paterna rura bobus exercet suis“ и появилось въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ за 1814 г. ч. 66, стр. 1—105, равно вышло и отдѣльнымъ нѣмецкимъ изданіемъ подъ заглавіемъ: Ueber die Arbeit leibeigener und freyer Bauern in Beziehung auf den Nutzen der Landeigenthümer vorzüglich in Russland. Spb. 1814. Отдѣльное изданіе полнѣе перевода, посланнаго въ Общество. Нѣкоторыя мѣста смягчены въ русскомъ текстѣ по цензурнымъ соображеніямъ, предисловіе опущено и т. д. Изложеніе основано, какъ на оффиціальныхъ документахъ, такъ и на англійской рукописи Юнга, изучавшаго Московскую губернію въ экономическомъ отношеніи по приглашенію правительства.

Главная цѣль труда Якоба состояла въ томъ, чтобы практически показать возможность для русскаго землевладѣльца поставить крестьянъ въ такое положеніе, что они будутъ охотно и добровольно заниматься земледѣліемъ, и при этомъ получить еще бо́льшіе доходы. Сочиненіе дѣлится на три части: 1) Объ обработываніи земли крѣпостными, 2) вольнонаемными и 3) о примѣненіи изложенныхъ правилъ къ Россіи. По разсчетамъ Якоба, барщинная система менѣе выгодна для помѣщика, чѣмъ обработка земли вольнонаемнымъ трудомъ. Но вольнонаемный трудъ въ Россіи еще невозможенъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ ней очень мало сво-

бодныхъ земледѣльцевъ. Остается лишь поставить крѣпостныхъ земледѣльцевъ въ такое положеніе, чтобы они имѣли причины прилежно заниматься земледѣліемъ.

Трудъ Якоба, по сужденію В. И. Семевскаго, во всякомъ случаѣ по научной обработкѣ выше всѣхъ другихъ отвѣтовъ, и присужденіе ему главной награды вполнѣ естественно. Но осуществленіе его плана самымъ губительнымъ образомъ отозвалось бы на крестьянахъ: они лишились бы обрабатываемыхъ ими земель, которыя могли бы брать потомъ лишь на арендныхъ условіяхъ, и не получили бы даже полной личной свободы, потому что, кромѣ земельной аренды, они обязывались еще платить оброкъ (стр. 324).

Что касается другой задачи—объ отдѣленіи фабричныхъ рабочихъ отъ земледѣльцевъ, то несмотря на три конкурса (1814, 1815 и 1816 гг.), ни одинъ изъ 30 отвѣтовъ не былъ удостоенъ награды. Одинъ отвѣтъ (стр. 334), представленный съ девизомъ Festina lente на нѣмецкомъ языкѣ въ 1812 г. и вторично въ 1814 г. по русски въ дополненномъ видѣ (тоже не снискавшій одобренія, несмотря на похвальный отзывъ академика Фуса), В. И. Семевскій приписываетъ (стр. 335) тому же Якобу, замѣчая сходство по мыслямъ и по характеру изложенія съ вышеизложенными его трудами. Содержаніе этого проекта изложено у Семевскаго на стр. 335—338. Между прочимъ Якобъ предлагалъ совсѣмъ отпускать на волю фабричныхъ за нѣкоторый платежъ помѣщику. Большинство плановъ Якоба Семевскій считаетъ чуждыми русской жизни.

Людвигъ Ноакъ (Noack) въ своемъ Philosophie-geschichtliches Lexicon. Historisch-biographisches Handwörterbuch zur Geschichte der Philosophie (стр. 426—428) въ статьѣ объ Якобѣ придерживается довольно ироническаго тона. Въ доктринѣ о безсмертіи Якобъ выступилъ противъ Мендельсона съ нравственными доказательствами въ смыслѣ Канта. Изъ словаря Бэля Якобъ извлекъ всѣ философскія статьи и издалъ ихъ особымъ словаремъ. „Какъ психологъ опытъ, Якобъ считалъ себя призваннымъ перевести сочиненіе французскаго врача и академика Кабаниса". Переводу было предпослано предисловіе, въ которомъ, хваля Кабаниса за отсутствіе метафизики и за приверженность къ опыту, Якобъ обвиняетъ его въ матеріализмѣ, въ смѣшеніи тѣлесныхъ явленій мозга съ самими душевными явленіями. Представленія и тѣлесныя измѣненія суть совершенно различные классы чувственныхъ явленій; они стоятъ во взаимодѣйствіи, но другъ въ друга не переходятъ. Носители обоихъ рядовъ явленій должны считаться разнородными вещами: одно есть тѣло, а другое—душа.

Якобъ изучалъ въ университетѣ философію Вольфа, но онъ набросился съ юнымъ жаромъ на тогдашнюю новинку—Кантову философію, основныя мысли которой онъ сумѣлъ представить большому кругу въ лекціяхъ, рецензіяхъ и учебникахъ „съ поверхностною" болтливостью, сообразно т. н. „здравому человѣческому разсудку" (426). Положительно невѣрно

сообщеніе Ноака, будто бы Якобъ, сдѣлавшись (428) подозрительнымъ для русскаго правительства по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, былъ въ 1812 г. сосланъ въ Сибирь (надо полагать, это—смѣшеніе участи Якоба съ участью *его покровителя* Сперанскаго), но въ 1816 г. признанъ невиннымъ, возвращенъ и возведенъ въ дворянское званіе. По возвращеніи въ Халле Якобъ съ 1826 г. состоялъ Mitdirector des Pädagogiums.

Шиллеръ, самъ много занимавшійся философіею, но болѣе критически, чѣмъ Якобъ, жестоко преслѣдовалъ его за его философскую несамостоятельность, слѣпую приверженность (выгодную для него) къ системѣ Канта, не всегда ловкую ея пропаганду и обширныя позаимствованія изъ твореній учителя. Якобу сильно досталось въ „Ксеніяхъ“:

195 (296). *Sachen so gestohlen worden.*

(*Immanuel Kant spricht*):

Zwanzig Begriffe wurden mir neulich diebisch entwendet;
Leicht sind sie kenntlich, es steht sauber mein I. K. darauf.

196 (297). *Antwort auf obigen Avis.*

Wenn nicht Alles mich trügt, so hab' ich besagte Begriffe
In Herrn Jacob's zu Hall Schriften vor kurzem gesehn.

35 (53). *Kant und seine Ausleger.*

Wie doch ein einziger Reicher so viele Bettler in Nahrung
Setzt! Wenn Könige baun, haben die Kärrner zu thun.

36 (54). *J—b.*

Steil wohl ist er der Weg zur Wahrheit, und schlüpfrig zu steigen;
Aber wir legen ihn doch nicht gern auf Eseln zurück.

49 (70). *Zeichen des Stiers.*

Nebenan gleich empfängt euch sein *Namensbruder* mit stumpfen
Hörnern; weicht ihr nicht aus, stösst euch der *hallische* Ochs.

(Изъ цикла Litterarischer Zodiakus. Предшествующая ксенія касалась филолога *Jakobs* („*Widder*“).

161 (253). *A. d. Ph.*

Woche für Woche zieht der Bettelkarren durch Deutschland,
Den auf schmutzigem Bock Jakob, der Kutscher, regiert
(Въ рукописи—„Philosophische Annalen“ (журналъ Якоба).

264. *Jakob, der Kantianer.*

Kantische Worte sollte der hohle Schädel nicht fassen?
Sieht man in hohler Nuss doch den Kalender versteckt.

Быстрое повышеніе Якоба не обошлось ему даромъ. Эпиграммы Шиллера, получая широкое распространеніе, должны были немало повредить Якобу въ свое время; нѣкоторыя изъ нихъ цитируются и теперь еще, когда позабыли о самомъ Якобѣ, вызвавшемъ эти ксеніи [1])

---

[1]) Deutsche National-Litteratur, herausg. v. Kürschner, 119 Band, Schillers Werke, II Th. Gedichte, herausg. von R. Boxberger, III Buch, Gedichte der dritten Periode, № 15—Xenien, стр. 186, 167, 168, 181,194.

Приведемъ еще сужденіе о сочиненіяхъ Л. Г. Якоба, произнесенное такимъ великимъ знатокомъ политической экономіи, какъ *Wilhelm Roscher*, который удѣлилъ Якобу § 152 (стр. 686—696) въ своемъ трудѣ Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, München, 1874 (изъ коллекціи Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, XIV B.).

Къ тѣмъ политическимъ экономамъ, которыхъ въ настоящее время цѣнятъ много меньше, чѣмъ они заслуживаютъ, относится Якобъ (стр. 686). Это несправедливое сужденіе послѣдующихъ поколѣній легко объяснить. Многочисленныя сочиненія Якоба (до 1800 г.) почти всѣ принадлежатъ къ области собственно философіи. Здѣсь онъ показалъ себя строгимъ кантовцемъ. Какъ извѣстно, примыкать къ выдающейся какой-либо школьной системѣ, замѣчаетъ Рошеръ, есть отличное средство быстро добиться значенія (какъ это и случилось съ профессурою Якоба, см. выше, стр. 128); но это значеніе потомъ столь же скоро пропадаетъ—и притомъ навсегда: это прямо *хищническое хозяйничанье* (Raubbau) со своею репутаціею. Да и послѣднія сочиненія Якоба имѣютъ мало цѣны, скучны, страдаютъ невыносимымъ многословіемъ (Weitschweifigkeit). Между этимъ началомъ и концомъ лежитъ сравнительно короткій промежутокъ, когда Якобъ написалъ свои лучшія произведенія (какими Рошеръ, стр. 688, считаетъ: „Основанія пол. экономіи“ „Основанія полицейскаго законодательства etc“, о бумажныхъ деньгахъ въ

Россіи,—указанное выше, стр. 141—143 сочиненіе о работѣ крѣпостныхъ etc, переводы Сея и Thornton Papiercredit von Grossbritannien, 1803).

Свое положеніе относительно Адама Смиса Якобъ характеризуетъ такимъ образомъ, что „Смисову индустріальную систему онъ изобразилъ, сдѣлалъ извѣстною и распространилъ". Но его научныя заслуги, по мнѣнію Рошера, гораздо больше этой скромной оцѣнки, а именно, въ двухъ направленіяхъ: во 1) въ отношеніи лучшей систематики и обработки основопонятій (както: самобытность науки политической экономіи, опроверженіе физіократіи, продуктивность работы; стр. 690—мѣра мѣновой цѣнности; деньги—стр. 691; интернаціональный торговый балансъ). Во 2) Якобъ усовершенствовалъ Смисову систему тѣмъ, что къ нѣкоторымъ правиламъ, которыя были отвлечены изъ жизни высококультурныхъ народовъ, онъ доставилъ (стр. 692) такія исключенія, которыя столь же правильно появляются на средней и нисшей степеняхъ культуры. Но этимъ успѣхомъ онъ обязанъ не глубокимъ штудіямъ, напр., историческимъ, какихъ онъ не производилъ, а счастливой случайности, приведшей его еще въ способномъ къ образованію возрастѣ—въ Россію. Его курсъ полицейской науки, появившійся въ Харьковѣ, обозначаетъ собою этотъ поворотъ его духовной жизни. Якобъ принадлежитъ къ вождямъ политико-экономической школы, которую Рошеръ назвалъ *русско-нѣмецкою.* (стр. 693—696 и 798). Впрочемъ, по возвращеніи изъ Россіи обратно на родину Якобъ перезабылъ, повидимому, большую часть изъ того, чему научился въ Россіи, какъ показываетъ непрактическій доктринализмъ его финансовой науки.

Книга *Д. И. Багалѣя*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I (1802—1815), X. 1893—1898, сообщаетъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ данныхъ о дѣятельности Л. Г. Якоба въ Харьковѣ, извлеченныхъ изъ формулярныхъ списковъ и другихъ архивныхъ документовъ; нѣкоторыми фактами мы подѣлимся съ читателемъ ниже—въ приложеніяхъ. Якобъ (V глава. Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ, стр. 501—502 и 949)—уроженецъ Пруссіи, Магдебургскаго герцогства, слушалъ въ Галле филологію, исторію, математику, философію, педагогику и богословіе у славныхъ профессоровъ *Землера*, *Шица*, *Кнаппія*, *Нессельта*, *Эберіарда*, *Нимеера и Каретека*. Преподавая филологическія и философскія науки, имѣлъ многочисленную аудиторію. Но такъ какъ по прошествіи 10 лѣтъ его преподаванія стала господствовать новая(?) система философіи, несходная съ его мнѣніями, то онъ оставилъ этотъ предметъ и сталъ читать лекціи по исторіи и политикѣ, которыя также имѣли большой успѣхъ (за нихъ онъ получилъ письменную благодарность отъ прусскаго короля). Три года сряду Якобъ былъ ректоромъ (т. е. проректоромъ, см. выше, стр. 128 и 135). За свои сочиненія „О безсмертіи души“ и „О существѣ Бога“ получилъ высшія награды отъ Лейденскаго и Гарлемскаго ученыхъ обществъ. По составленнымъ имъ компендіумамъ логики, математики, метафизики, психологіи и естественнаго права эти предметы преподавались не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но и въ Даніи, и Венгріи. Сочиненіе его „Общая религія“ имѣло такой успѣхъ, что 2500 экз. его разошлись въ нѣсколько дней, и нужно было печатать его 2-мъ изданіемъ. Въ теченіи 20 лѣтъ Якобъ издалъ въ свѣтъ 35 сочиненій. Якобъ былъ избранъ въ ординарные проф. Харьковскаго унив. по каѳедрѣ дипломатики и политич. экономіи въ 1807 г. въ 49-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Послѣдовательными владѣльцами философской каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ были Шадъ, Дудровичъ Андрей (которому мы намѣрены посвятить особый этюдъ), Чановъ, Протопоповъ, а потомъ—съ 1850 г. священники Лебедевъ, Добротворскій,—затѣмъ свѣтское лицо—Ѳ. А. Зеленогорскій.

Самому Шаду помогали въ преподаваніи сначала Іосифъ Лангъ, а послѣ Дудровичъ.

Объ Іосифѣ Матвѣевичѣ Лангѣ Лавровскій въ не разъ уже цитированной нами статьѣ о Каразинѣ сообщаетъ (стр. 232—233) слѣдующее.

I. М. Лангъ (съ 11-го апрѣля 1803 г.), одинъ изъ старѣйшихъ членовъ университетской коллегіи, обучался въ Фрейбургскомъ университетѣ философіи и правовѣденію опредѣленъ въ Харьковъ адъюнктомъ *философическихъ* и математическихъ наукъ по экзамену, произведенному въ академіи наукъ въ апрѣлѣ 1803 г. Будучи безсмѣннымъ секретаремъ въ факультетѣ этико-политическомъ, онъ всегда принималъ самое горячее участіе во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, которыхъ было такъ много въ этомъ факультетѣ. Горячность доводила его часто до многихъ исторій, долго занимавшихъ членовъ совѣта. Несмотря на всѣ свои усилія, онъ только въ 1810 г. былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Въ Харьковѣ онъ напечаталъ свое сочиненіе „Начальныя основанія политической ариѳметики“. Роммель говоритъ о немъ, что онъ „думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ“.

Въ 1806 г. (см. „Обозрѣніе преподаванія“, на стр. 17) *Иванъ Шадъ* преподавалъ на *латинскомъ* языкѣ *нравственную философію и естественное право*—по собственнымъ запискамъ 4 часа въ нед.

Адъюнктъ Іосифъ Лангъ (секретарь отдѣл. нравств. и пол. наукъ: стр. 17—18) преподавалъ *логику и метафизику* по руководству *Снеллія* ва латинскомъ языкѣ—4 ч.

Въ пользу тѣхъ (стр. 27), кто не въ состояніи былъ еще слушать универс. лекціи, былъ „на время“ учрежденъ приготовительный классъ, гдѣ І. Лангъ преподавалъ по 4 ч. на *нѣмецкомъ* языкѣ *логику и эмпирическую психологію.*

Conspectus lectionum на 1811 г. (стр. 15 и 18): И. Шадъ (секр. Совѣта и поч. членъ Іенскаго *минералогическаго*(!) общества) преподаетъ по 2 ч. *чистую логику* для начинающихъ; „*прикладную* логику и *нравственную философію* онъ же будетъ изъяснять“ 2 ч.; также „для упражненія студентовъ“ учредитъ ежемѣсячно философскіе диспуты.

Кромѣ того, Шадъ преподавалъ нѣмецкую словесность по 4 ч., а экстраорд. проф. Лангъ (стр. 20)—государственное хозяйство, полицейскую и финансовую науки—по запискамъ—5 час.

Conspectus lectionum на 1812 г.:

Преподавателемъ философіи выступаетъ учитель *Дудровичъ*: онъ читаетъ (по руководству Шада (стр. 18) *прикладную логику* для тѣхъ, кто слушалъ уже чистую, изъясненную Шадомъ; онъ же—для начинающихъ *психологію*—4 ч.

Въ педагогическомъ институтѣ *Роммель* читалъ по 2 ч. *дидактику* и *методологію* способомъ катехетико-сократическимъ; „частно же займется упражненіемъ членовъ онаго въ сочиненіяхъ и исправленіемъ оныхъ“.

Шадъ (деканъ отд. нравст. и пол. наукъ, стр. 15) „изъяснялъ“, кромѣ философіи, нѣмецкихъ писателей по хрестоматіи, имъ

же изданной, по сочиненіямъ Шиллера и Гёте съ присовокупленіемъ теоріи о слогѣ нѣм. языка.

Проф. *Иванъ Срезневскій* (стр. 17) преподавалъ курсъ россійской словесности, также основанія Естетики и критики теоретической и практической.

Изъ „Обозрѣнія преподаванія“ на 1813 г. (стр. 15 и 19) мы видимъ, что учитель Харьковской гимн. *Андрей Дудровичъ* преподавалъ *психологію эмпирическую* и *логику теоретическую* и *практическую* по сочиненіямъ Шада—4 ч.

Самъ же *Шадъ* преподавалъ *этику* 4 ч. и *право природное*—4 ч.; учреждалъ ежемѣсячно со студентами состязанія.

Роммель въ Пед. Инст. преп. *теоретич. и практич. педагогику* и занимался притомъ разговорами на *латинск.* яз.—2 ч., а частно занимался исправленіемъ упражненій и сочиненій студентовъ и кандидатовъ.

Шадъ (стр. 18) препод. нѣмецк. слов. теор. и практ. по хрестоматіи—2 ч.

Срезневскій вмѣстѣ съ курсомъ росс. словесн. изъяснялъ основы *Естетики* и критики—4 ч.

Лангъ (стр. 21 и 22) читалъ право естественное, публ. и народное—по собствен. запискамъ—3 ч., политическую экономію и науку о доходахъ общественныхъ—по собственнымъ зап.—4 ч. и политическую ариѳметику—1 часъ.

Ѳ. Ѳ. Чановъ.

Всей читающей Россіи извѣстна легенда о томъ, будто въ Харьковскомъ университетѣ на каѳедру философіи былъ однажды назначенъ *частный приставъ*. Эта легенда, подававшая поводъ къ разнаго рода болѣе или менѣе остроумнымъ шуточкамъ, не совсѣмъ согласна съ фактами, потому что харьковскій проф. философіи Ѳ. Ѳ. Чановъ, хотя и состоялъ по окончаніи курса наукъ *квартальнымъ надзирателемъ*, но пробылъ въ этой должности всего лишь три съ небольшимъ мѣсяца, а всю почти остальную долголѣтнюю службу до назначенія на каѳедру проходилъ на педагогическомъ поприщѣ.

Свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ статьи профессора *В. С. Иконникова*, „Русскіе университеты“, („Вѣстникъ Европы“ за 1876 г., т. VI, ноябрь, ст. 2, стр. 86—87 примѣчаніе, гдѣ приведены данныя изъ формулярнаго списка Ѳ. Ѳ. Чанова отъ 1832 г., сообщенныя г. Иконникову проф. Сокальскимъ изъ Харьковскаго университетскаго архива), изъ книжки *І. Михневича*, „Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея“, Одесса, 1857, изъ „Обозрѣній преподаванія“, „Актовъ“ университета и т. д.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Чановъ въ 1832 г. былъ женатъ на дѣвицѣ „франц. націи“, имѣлъ двухъ сыновей и дочь. Обучался въ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ на казенномъ содержаніи, съ отличнымъ прилежаніемъ и успѣхомъ; 30 августа 1804 г. произведенъ въ студенты и отправленъ, по опредѣленію попечителя московскаго округа М. Н. Муравьева, въ Ярославское Демидовское высшихъ наукъ училище, гдѣ окончилъ курсъ съ отличнымъ прилежаніемъ и успѣхами и съ правомъ поступить на службу съ 14 классомъ. 20 апр. 1806 г. поступилъ въ штатъ градской ярославской полиціи квартальнымъ надзирателемъ. Но уже 1 августа изъ штата полиціи перемѣщенъ въ пансіонъ при Яросл. училищѣ, въ которомъ обучалъ чистой математикѣ, всеобщей исторіи, ге-

ографіи и русской словесности, въ званіи старшаго учителя. 1 ноября 1809 г. переведенъ въ яросл. губ. гимназію учителемъ лат. языка. Въ 1810 г. обучалъ тамъ же безъ жалованья физикѣ и математикѣ. 20 іюля 1812 г. опредѣленъ учителемъ *философіи*, политическихъ наукъ и россійск. словесности. 8 іюля 1814 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ и секретаремъ общества люб. рос. словесности при яросл. училищѣ. Въ разныя времена исправлялъ должность директора училищъ яросл. губерніи. 1 ноября 1824 г. опредѣленъ инспекторомъ казен. студент. и благород. пансіона и членомъ совѣта яросл. училища. Съ 1 апрѣля 1825 г.—20 марта 1826 г. по случаю вакансіи преподавалъ тамъ же общенародное и римское право; 20 іюня 1826 г. опредѣленъ въ департаментъ иностран. исповѣданій столоначальникомъ; 12 января въ С-пб. губер. прав. совѣтникомъ; 20 марта 1830 г.—директоромъ училищъ слободско-украинской губ. 20 февр. 1831 г. попечитель харьк. округа д. с. с. Владим. Ив. *Филатьевъ* предложилъ Чанову преподавать въ этико-политическомъ факультетѣ умозрительную и практическую философію, такъ какъ каѳедра была праздна, „а лучше пріобрѣсти понятія о семъ предметѣ въ бѣгломъ обзорѣ, нежели оставить оный вовсе не пройденнымъ“. Въ помощь ему попечитель предлагалъ адъюнкта. 27 фев. 1831 г. Чановъ отвѣчалъ: „вступая на каѳедру *Шада, точнаго мыслителя*, и достойнаго его преемника *Дудровича*, можетъ быть, единственнаго словомъ и дѣломъ нравоучителя, мужей, исполненныхъ совѣсти и разума, мужей, превосходящихъ меня и обширностью знанія, и опытностью, и извѣстностью въ ученомъ свѣтѣ, я буду руководствоваться умозрѣніями перваго и нравоученіемъ второго, и по мѣрѣ старанія моего сколь возможно точнѣе передавать ученіе ихъ, мало по малу привлеку вниманіе слушателей и возобновлю память сихъ незабвенныхъ наставниковъ“. Представленный имъ обзоръ курса философіи былъ одобренъ коммисіею профессоровъ. Такимъ образомъ ему было поручено чтеніе нравств. философіи, исто-

ріи философіи и теоріи эстетики, а лектору нѣмецкаго языка *Гренбергу*, подъ его руководствомъ, антропологіи и логики. 9 сент. 1831 г. Чановъ былъ утвержденъ орд. профес., а 8 ноября 1833 г. уволенъ отъ должности директора. Въ янв. 1834 г. онъ былъ еще профессоромъ.

По увольненіи изъ Харьковскаго университета коллежскій совѣтникъ Чановъ былъ 5 августа 1834 г. опредѣленъ на службу въ Ришельевскій Лицей инспекторомъ. Съ 19 января 1837 г. исправлялъ должность директора, но въ томъ же году уволенъ изъ Лицея [1]). Куда онъ дѣвался потомъ, мы свѣдѣній не имѣемъ.

Ник. Никиф. *Мурзакевичъ* (Русская Старина, за 1887 г. (г. 18), т. 53, гл. XI, стр. 658—изд. кн. Вас. Дм. Дабижа) вспоминаетъ: „На вакантное мѣсто (инспектора) явился старый товарищъ (по Моск. унив.) Покровскаго—Чановъ. Чудна судьба этого не глупаго и не совсѣмъ худого человѣка! Чановъ былъ С.-Петербурскимъ квартальнымъ, Харьк. сов. губ. правленія, орд. проф. философіи Харьк. унив., фаворитомъ тамошняго своевольнаго попечителя Филатьева, наконецъ, директоромъ гимназіи тамъ же. Съ Филатьевымъ кончилось въ Харьковѣ служебное поприще Θед. Θед.—ча. Онъ рѣшился перейти въ лицей инспекторомъ. По природѣ добрый, но по домашнимъ бѣднымъ обстоятельствамъ неровный въ характерѣ, онъ сдѣлался неразсудительнымъ потатчикомъ дѣтскихъ шалостей. Старшіе воспитанники, узнавъ слабыя струны сговорчиваго инспектора, сдѣлались почти его повелителями. Тяжело стало надзирателямъ, а въ числѣ ихъ и мнѣ, находиться между двумя огнями: педантомъ Покровскимъ и сговорчивымъ старикомъ“.

Изъ сочиненій Чанова намъ случалось видѣть его двѣ „вступительныя лекціи“ на 1831 г. (22 стр.) и на 1833 г. (39 стр.), а также „Рѣчь“ (отъ 30 авг. 1832 г.) объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленія нравственной жизни,

[1]) Михневичъ, стр. 65.

или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ человѣка, опредѣляющихъ и степень нравственнаго совершенства его, и способъ къ достиженію его назначенія (128 стр.).

Въ „Обозрѣніи преподаванія“ за $183^{2}/_{3}$ уч. ч. значится, что надворный совѣтникъ и кавалеръ ордена Анны 3 ст. и пряжки за 20 лѣтнюю безпорочную службу Ѳ. Ѳ. Чановъ, комитетовъ училищнаго и испытательнаго для поступающихъ въ студенты членъ, умозрительной и опытной философіи П. П. О., училищъ слободской-украинской губерніи директоръ, будетъ читать студентамъ 2 курса политическаго, физико-математическаго и словеснаго отдѣленій—*нравственную философію* по 2 ч. въ недѣлю, студентамъ 3 курса двухъ послѣднихъ отдѣленій—*исторію философіи*—1 ч. и студ. 3 курса слов. отд. изъяснять теорію *Естетики*—1 ч. въ нед. по собственному конспекту. Сверхъ сего, если время позволитъ, *покажетъ* (?) сочиненія лучшихъ авторовъ для частнаго чтенія (Обозрѣніе публичн. препод. на $183^{2}/_{3}$ г. стр. 4).

Тамъ же (стр. 12—13): *Іосифъ Ивановичъ Гренберъ*, лекторъ, будетъ преподавать: студ. 1 курса нравственно-пол., физ.-мат. и слов. фак. *логику* 2 ч., студ. 2 курса мат. и слов. фак. *психологію* по конспекту проф. Чанова—1 ч., студ. 1 курса слов. и мед. отд. будетъ упражнять въ переводѣ съ нѣм. на россійскій языкъ и объяснять предв. правила нѣм. грамматики—2 ч. и будетъ заниматься съ студ. 2 и 3 к. слов. отд. переводами съ росс. на нѣм. яз., показывая въ особенности правила нѣм. яз.—2 ч.

„Объявленіе о предметахъ ученія, о преподающихъ оные и о времени преподаванія въ Благородномъ пансіонѣ при Ярославскомъ Демидовскомъ Вышнихъ Наукъ училищѣ“ (съ 17 авг. 1815 г. по 17 іюня 1816 г. (стр. 15): 4. Ѳедоръ Чановъ, учитель Яр. гимн., тит. сов. 6 часовъ будетъ преп. *логику* и *риторику* по руководству *Якоба*, занимая учащихся сочиненіями въ стихахъ и прозѣ и переводами съ иностранныхъ языковъ.

М. Н. Протопоповъ.

Преемникомъ Ѳ. Ѳ. Чанова по каѳедрѣ философіи былъ М. Н. Протопоповъ, свѣдѣнія о жизни и преподаваніи котораго мы беремъ изъ „Акта Императорскаго Харьковскаго Университета“ (8 сентября 1858 г., „Отчета“ стр. 8—10), а равно изъ другихъ „Актовъ“ и „Обозрѣній преподаванія“ за разные годы.

Матвѣй Николаевичъ Протопоповъ посѣщалъ въ Харьковскомъ университетѣ лекціи словеснаго (теперь историко-филологическаго) и юридическаго факультетовъ и въ 1822 году удостоенъ степени кандидата по обоимъ факультетамъ. На службу онъ поступилъ въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ въ 1823 г. учителемъ исторіи и географіи и оставался тамъ до половины 1827 г. Въ то же время въ 1823—24 и 1824—25 академическихъ годахъ онъ преподавалъ въ университетѣ логику безъ жалованья. По увольненіи изъ института Матвѣй Николаевичъ совершилъ путешествіе по Европѣ и особенно долго оставался въ Англіи, занимаясь постоянно науками, а по возвращеніи изъ-за границы опредѣленъ въ Харьковскій университетъ (послѣ Ѳ. Ѳ. Чанова) адъюнктомъ философіи въ 1834 г. Въ 1837 г. ему поручена была каѳедра философіи со званіемъ экстраординарнаго профессора; въ 1839 г. по полученіи степени доктора философіи онъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ, а по упраздненіи ея въ университетахъ въ 1850 году перемѣщенъ на вакантную въ то время каѳедру политической экономіи, которую занималъ до самой смерти 19 октября 1857 г. Сверхъ

прямой профессорской обязанности, Матвѣй Николаевичъ 8 лѣтъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета,—съ 1846 по 1853 годъ, инспекторомъ студентовъ 1 годъ въ 1839—1840г., и инспекторомъ классовъ при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ съ конца 1850 до $^1/_2$ 1856 года [1]).

Независимо отъ этого, профессоръ Протопоповъ былъ нѣсколько разъ командированъ для ревизіи и открытія училищъ. Изъ трудовъ его напечатаны только: 1) рѣчь о *происхожденіи библейскихъ обществъ* въ Европейскихъ государствахъ, какъ торжественное знаменіе возрожденія общественной жизни человѣковъ, въ 1821 году; 2) О религіи въ отношеніи къ государствамъ (кандидатское разсужденіе); 3) Объ истинномъ предметѣ философіи и соотвѣтственномъ оному составѣ ея, въ 1839 г. (докторское разсужденіе), и 4) Рѣчь на случай торжественнаго университетскаго акта о томъ: какое собственно мѣсто принадлежитъ философіи въ системѣ движеній человѣчества, опредѣляющихъ полную сферу его умственнаго развитія; рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго Университета 30-го августа 1841 г. съ присовокупленіемъ краткой записки о состояніи и дѣйствіяхъ университета за 1841—42 акад. годъ. Рѣчь: стр. 3—39, Краткая Записка: стр. 41—62.

Остальные его труды остались въ рукописи, по недостатку средствъ къ печатанію:—такъ онъ перевелъ Эстетику *Бутервека* (1827 г.), Курсъ словесности *Блера* (1832 г.), и потомъ составилъ для своихъ слушателей курсы—логики (1835 г.), психологіи (1836 г.), нравственной философіи (1838 г.) и оставилъ 24 тетради мемуаровъ, относящихся къ разнымъ предметамъ философіи. Все это написано въ началѣ учебной дѣятельности профессора; подъ конецъ же исполненіе разныхъ другихъ должностей и чтеніе новаго предмета пол. эк. отнимали почти все его время. Въ 1855 году по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части онъ избранъ совѣтомъ еще

[1]) «Актъ» 1838 г., «Отчетъ» стр. 9.

на 5 лѣтъ, но по соображеніямъ, сдѣланнымъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія при личномъ обзорѣ университета, оставленъ только на 2 $^1/_2$ года. Матвѣй Николаевичъ не дожилъ до этого срока: онъ умеръ послѣ нѣсколькодневной болѣзни на 63 году жизни [1]). Его товарищи, по ихъ словамъ, уважали въ немъ доброе сердце и прямодушіе; но самою отличительною чертою его характера было глубокое религіозное чувство, которое видно въ его первыхъ сочиненіяхъ; онъ еще студентомъ былъ членомъ и директоромъ Харьковскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества, и потомъ, будучи профессоромъ, съ особенною любовью исполнялъ должность старосты при университетской церкви въ теченіи 20 лѣтъ.

Въ „Обозрѣніи преподаванія“ на 183$^6/_7$ учебный годъ (стр. 7): адъюнктъ М. Н. Протопоповъ будетъ преподавать студ. этико-полит. и слов. отд. 1 курса—*логику* по руков. *Бахмана* и 3 курса—*нравственную философію* по руков. *Герлаха*, *исторію* же *философіи* по *Теннеманну*—каждый предметъ по 2 ч. въ нед.

„Обозр. препод.“ за 183$^8/_9$ учебн. годъ (стр. 3): Испр. должн. экстраордин. проф. М. Н. П—въ будетъ читать студ. I курса *всѣхъ* факультетовъ *логику* по 2 ч., руководствуясь *Бахманомъ*, студ. 3 курса I отд. филос. факультета—*этику*, слѣдуя *Герлаху* и студентамъ 4 курса I отд. фил. факульт. *исторію философіи*—2 ч. въ нед., по руководству *Теннеманна*.

„Актъ“ 1850 г. (стр. 4) и „Обозрѣніе преподаванія“ 1850 г. (стр. 3) обозначаютъ статскаго совѣтн. Протопопова деканомъ историко-филологическаго факультета, но его *нѣтъ* среди преподавателей: онъ лишился каѳедры; см. „Актъ“ на 1851 годъ (стр. 9): М. Н. П—овъ переведенъ на политическую экономію.

„Обозрѣніе препод.“ за 185$^1/_2$ г. (стр. 9): деканъ П—овъ будетъ читать *политическую экономію* студ. 3 курса ист.-

[1]) Тамъ же, стр. 10.

филол. факультета и совмѣстно студ. 2 курса юрид. факультета—4 ч.

„Обозрѣніе препод.“ за $185^{3}/_{4}$ г. (стр. 3 и 11): то же самое (читаетъ по программѣ, утв. Мин. Нар. Просв.).

„Обозрѣніе препод.“ за $185^{5}/_{6}$ г. (стр. 3 и 11): то же самое 6 ч. въ недѣлю.

„Обозрѣніе преподаванія за $185^{6}/_{7}$ (стр. 3 и 11)—то же самое.

„Обозр. преп. за $185^{7}/_{8}$ г. (стр. 12): читалось то же самое, по каждому факультету отдѣльно по 3 часа.

Что касается ученыхъ работъ М. Н. Протопопова, то „Актъ“ 1847 г. (стр. 15) указываетъ, что орд. проф. П—въ продолжалъ заниматься начертаніемъ *синхронистическихъ таблицъ* по исторіи философіи, и „Актъ“ 1849 г. (стр. 7), что онъ занятъ переводомъ логики *Рейффенберга*. Тамъ же (стр. 46) значится, что на 1849/50 учебн. годъ была задана тема на медаль по I отд. филол. фак.: „О заслугахъ Де-Карта по философіи“.

Къ Протопопову, очевидно, относится мѣсто изъ воспоминаній *А. Н. Стоянова*: „Никогда не забуду я громового отказа на просьбу объ извѣстномъ сочиненіи Адама Смита, отказа, который изрекъ мнѣ могучимъ голосомъ профессоръ, временно читавшій политическую экономію въ памятный годъ, когда, по выраженію одного моего товарища-поэта, „на философію надѣли камилавку“ („Ученыя Зап. Харьковскаго унив., за 1894 г., I, лѣтопись, ст. I. „Воспоминаніе о Д. И. Качановскомъ“, II, стр. 13).

П. И. Лебедевъ.

Послѣ упраздненія особой философской каѳедры и перемѣщенія М. Н. Протопопова на каѳедру политической экономіи, преподаваніе философіи при Харьковскомъ университетѣ перешло въ руки вновь назначеннаго профессора богословія, протоіерея П. И. Лебедева.

Свѣдѣнія о жизни и преподаваніи Лебедева собраны нами изъ „Актовъ“ Императорскаго Харьковскаго Университета (особенно, за 1858 годъ, стр. 26—27 отчета) и изъ „Обозрѣній“ преподаванія за соотвѣтствующіе годы.

Павелъ Исаичъ Лебедевъ по полученіи степени магистра богословія въ Кіевской духовной академіи былъ въ 1827 году опредѣленъ профессоромъ *философскихъ* наукъ въ Харьковскій коллегіумъ (семинарію), а потомъ перемѣщенъ на церковную исторію и французскій языкъ, которые и преподавалъ тамъ до увольненія изъ семинаріи въ 1845 г. По случаю опредѣленія законоучителемъ въ 1-ю Харьковскую гимназію (съ чѣмъ было связано званіе настоятеля гимназической церкви) Павелъ Исаичъ въ 1834 г. рукоположенъ въ іереи, а въ 1837 г. произведенъ въ протоіереи. Въ 1850 г. Павелъ Исаичъ перемѣщенъ въ университетъ ординарнымъ профес-

соромъ богословія и *философіи* [1]): черезъ 2 года, по выслугѣ 25-ти лѣтъ въ преподавательскихъ должностяхъ избранъ еще на 5 лѣтъ, а за выслугою 30-ти лѣтняго срока уволенъ вовсе отъ службы съ конца академическаго года. По званію профессора богословія онъ былъ членомъ комитета для испытанія домашнихъ учителей и учительницъ и настоятелемъ университетской церкви. Павелъ Исаичъ перевелъ нѣкоторыя статьи съ греческаго и отчасти латинскаго языковъ для „Памятника вѣры православной", по порученію бывшаго харьковскаго и ахтырскаго архіепископа *Иннокентія*; будучи законоучителемъ гимназіи, онъ написалъ для гимназическаго *акта рѣчь* о томъ, что *„безъ религіи нѣтъ истины для ума, нѣтъ счастія для сердца"*, и сверхъ того, въ разныя времена произносилъ проповѣди [2]).

П. И. Лебедевъ занялъ мѣсто проф. богословія послѣ протоіерея *Зимина*, „уволеннаго по прошенію" (Актъ Харьковскаго университета, за 1851 г., стр. 9).

Служба П. И. Лебедева закончилась въ 1858 г. Въ „Обозрѣніи преподаванія" на 1857/8 учебн. годъ (стр. 3) онъ названъ ордин. профессоромъ богословія и философіи, кавалеромъ ордена Анны 3 степени (камилавка и магистерскій крестъ). Въ „Обозрѣніи преподаванія" 1850/1 г. онъ же поименованъ „преподавателемъ богословія, церковной исторіи, церковнаго законовѣдѣнія, логики и психологіи" (стр. 3).

О преподаваніи его „Обозрѣнія" сообщаютъ, что онъ читалъ въ 1850/1 г. (стр. 9) богословіе, церковную исторію студентамъ всѣхъ факультетовъ I курса—3 часа въ недѣлю, и для студ. историко-филологич. факультета I курса—*логику* 2 часа въ недѣлю, II и III к. *психологію*—3 часа.

---

[1]) «Актъ» за 1858 годъ (стр. 26 «Отчета»).

[2]) Тамъ же, стр. 27

185 1/2 г. (стр. 3)—„преподаватель“ протоіерей П. И. Лебедевъ читаетъ (стр. 9)—богословіе и церковную исторію для студент. I курса всѣхъ факультетовъ 4 часа, для студ. I курса историко-фил. факультета *логику*—3 час.

Изъ „Акта“ за 1853 г. мы видимъ, что Лебедевъ (стр. 30) читалъ студентамъ III курса одобренный факультетомъ курсъ „Критическій обзоръ нравственныхъ системъ Адама Смита и Гоббеса“.

„Обозрѣніе преподаванія“ за 185 5/6 г. (стр. 9): Лебедевъ читалъ совмѣстно студ. I и II курсовъ ист.-фил. факульт. „по утвержденной высшимъ начальствомъ программѣ“ *логику* въ I полугодіе 2 ч., и въ II полуг. 1 часъ въ недѣлю.

185 6/7 г. (стр. 9): Лебедевъ читалъ, кромѣ общаго курса богословія и церковной исторіи, студ. II и III курса истор.-филол. факультета *опытную психологію* (I полуг. 2 часа, II полуг.—1 часъ въ нед.).

185 7/8 г. (стр. 9): кромѣ общихъ курсовъ студентамъ I курса всѣхъ факультетовъ 4 часа,—ист.-фил. I и II курс. *логику* 1 часъ въ недѣлю.

„Памятникъ вѣры православной“ долженъ былъ, по мысли архіепископа Иннокентія (*Борисова*), представлять собою „символику“, т. е. собраніе символовъ и вѣроисповѣданій; но, будучи уже отпечатана, книга не была выпущена въ свѣтъ.

В. И. Добротворскій.

Преемникомъ П. И. Лебедева по каѳедрѣ богословія и связанной съ нимъ философіи явился протоіерей В. И. Добротворскій, который, подобно ему, могъ претендовать на преподаваніе философіи въ университетѣ развѣ лишь потому, что когда-то обучалъ этому предмету семинаристовъ; свѣдѣнія о В. И. Добротворскомъ мы почерпаемъ изъ его некролога, составленнаго проф. *Амфіаномъ Лебедевымъ* (въ „Ученыхъ Запискахъ Харьковскаго Университета“ за 1894 г., книга IV, стр. 90—92), изъ „Акта“ за 1858 г. (стр. 46 „Отчета“), изъ другихъ „Актовъ“ и „Обозрѣній преподаванія“, изъ журн. „Вѣра и Разумъ“, за 1894 г. № 19, октябрь, книжка I, Листокъ для Харьковской епархіи, № 19, 15 окт. 1894 г. стр. 458.

Василій Ивановичъ Добротворскій родился 30 декабря 1822 г., былъ сынъ священника (села Будинова, Бѣльскаго уѣзда Смоленской губерніи), среднее образованіе получилъ въ Смоленской духовной семинаріи, а высшее въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса (въ 1847 г.) съ аттестатомъ I разряда 4-мъ маг.—его опредѣлили учителемъ въ ту же Смоленскую духовную семинарію по предмету *логики и психологіи* (31 октября 1847 г.); но вскорѣ, менѣе, чѣмъ чрезъ годъ, онъ былъ перемѣщенъ въ Кіевскую духовную академію (26 апр. 1848 г.), гдѣ преподавалъ сначала, въ званіи учителя, послѣдовательно—яз. греческій и французскій (съ 20 ноября 1848 г.), а потомъ по полученіи степени маг. богословія (4 мая 1849 г.), въ званіи баккалавра съ 2 ноября 1856 г. науку о богослуженіи православной церкви, каноническое право и съ 1856 г. предметы миссіонерскаго отдѣленія; сверхъ того, съ 1849—1854 гг. В. И. состоялъ помощникомъ ин-

спектора академіи; 31 іюля 1858 года В. И. назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ логики и психологіи (послѣ П. И. Лебедева) въ Харьковскій Университетъ; а 29 окт. того же года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ богословія, логики и психологіи. Преподаваніе послѣднихъ двухъ предметовъ было поручено Василію Ивановичу и по установленіи въ 1860 г. каѳедры философіи—впредь до пріисканія преподавателя по этой каѳедрѣ.—Назначенный при опредѣленіи законоучителемъ быть и настоятелемъ университетской церкви, Василій Ивановичъ 13 авг. 1858 г. былъ рукоположенъ въ священники, а въ слѣдующемъ году 19 іюня возведенъ въ санъ протоіерея.

Цѣлые 36 лѣтъ Василій Ивановичъ служилъ Харьковскому университету, пользуясь въ немъ, какъ профессоръ и священнослужитель, общею любовію и уваженіемъ со стороны и товарищей, и учащихся, за умъ, знанія, и честную душу и сердце: онъ искренне любилъ и чтилъ науку; живо интересовался и неустанно слѣдилъ за богословской литературою—русской и иностранной, и самъ издавалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ духовный журналъ—«Духовный Вѣстникъ», съ 1862 по 1867 г. (16 т.), гдѣ помѣщались статьи самого издателя, а также другихъ профессоровъ университета; статьи Василія Ивановича разсѣяны въ разныхъ духовныхъ журналахъ, главнымъ образомъ, въ „Воскресномъ Чтеніи“ (изд. при Кіевской духовной академіи), въ «Духовномъ Вѣстникѣ» и «Православномъ Обозрѣніи». Его главными научными трудами считаются „Библейская хронологія въ связи съ хронологіей древнихъ восточныхъ народовъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ („Прав. Об.“ за 1877 г., кн. V) и „Критическій методъ въ изслѣдованіи о книгахъ Священнаго Писанія“ („Прав. Об.“ за 1883 г. кн. 10—12). Свои богословскіе курсы (Основное богословіе и Догматическое богословіе), читанные студентамъ, Василій Ивановичъ за нѣсколько дней до смерти

препроводилъ для печатанія въ редакцію издаваемаго Московскою духовною академіею «Богословскаго Вѣстника».

Многочисленныя рѣчи и проповѣди Василія Ивановича къ учащимъ и учащимся (обыкновенно въ день годичнаго акта 17 января, и на молебствіи предъ началомъ лекцій въ университетѣ) отличались, по мнѣнію А. Лебедева, всегда умѣлымъ выборомъ темъ примѣнительно къ состоянію слушателей, а потому проповѣднику внимали.

Умственныя и нравственныя качества Василія Ивановича и его полезная для университета служба всѣми высоко цѣнились. Умеръ онъ на 72 году отъ рожденія 13 сент. 1894 г.

„Обозрѣніе препод.“ за $185^{8}/_{9}$ г. (стр. 9): магистръ богосл. В. И. Д—ій будетъ читать студ. 1 к. *всѣхъ* факульт. совмѣстно богословіе и церковную исторію по утвержден. высшимъ начальствомъ программѣ—4 часа въ недѣлю и изъ философіи студ. 1 и 2 к. ист.-фил. фак. совм. *опытную психологію* по утв. в. нач. прогр. 1 ч.

„Обозр. преп.“ за 1860/61 у. г. (стр. 3 и 9.): Орд. проф. богословія и философіи В. И. Д—ій читаетъ по утв. св. Синодомъ программѣ богословіе (какъ выше) и психологію (какъ выше).

„Актъ“ за 1860 г. (стр. 2.) указываетъ, что каѳедра философіи возстановлена на прежнемъ основаніи; „Актъ“ 1864 г. (стр. 11 и 12),—что на эту каѳедру объявляли конкурсъ, но безуспѣшно, и что она не занята. Въ „Обозрѣніи препод.“ на $186^{4}/_{5}$ философіи вовсе нѣтъ.

„Извлеченія изъ Отчета“ за 1865 г., (стр. 5), за 1868 г. (стр. 3 и 4), за 1870 (стр. 4) указываютъ, что преподаванія философіи вовсе не было за это время. Только въ 1872 г. (стр. 3) философія была поручена доценту *Ѳ. А. Зеленогорскому.*

В. И. Добротворскій совершенно оставилъ философію, кажется, около 1863 г. „Обозр. препод.“ за $186^{6}/_{7}$ у. г. (стр. 1): Д—ій читаетъ одно лишь богословіе.

Въ „Извлеченіи изъ Отчета“ за 1872 г. указано, что В. И. Д—ій помѣстилъ въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“ переводную статью: „Богословіе и естествознаніе“ (съ нѣм.).

„Основное Богословіе или Христіанская Апологетика. Лекціи“ засл. ордин. проф. Имп. Харьков. унив., протоіерея В. И. Д-аго печаталось въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1895 г. въ V отдѣлѣ: мартъ, ст. I, тит.+стр. I—II и 1—12, апрѣль, ст. I, стр. 13—28, май, ст. I, 29—44, іюнь, ст. I, стр. 45—60, іюль, ст. I, стр. 61—76, сентябрь, ст. I, стр. 77—92, октябрь, ст. I, стр. 93—108, декабрь, ст. I, стр. 109–130+огл. Содержаніе: Предисловіе (стр. I—II), Введеніе(1), О религіи(6), О Божественномъ откровеніи (34), Недостаточность естественнаго Богопознанія для религіи (49), О сверхъестественномъ откровеніи (51), О способахъ сообщенія Божественнаго откровенія людямъ или о Божественномъ вдохновеніи (90), О Священномъ Писаніи (95), О Священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта (98), О Ветхозавѣтной религіи (104), О священномъ Преданіи (121), О Церкви, какъ хранительницѣ и провозвѣстницѣ Богооткровеннаго ученія (124).

„Православное догматическое богословіе“ Лекціи засл. проф. Импер. Харьк. унив. протоіерея В. И. Д-аго напечатаны въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1896 г. въ V отдѣлѣ, январь, ст. I, тит.+стр. 3—16, мартъ, ст. I, стр. 17—32, іюнь, ст. I стр. 33—48, іюль, ст. Iстр. 49—64, сентябрь ст. II, стр. 65—80, октябрь, ст. I стр. 81—96, ноябрь, ст. I, стр. 97—112. Содержаніе: Введеніе, I. О Богѣ Единомъ по Существу и Троичномъ въ Лицахъ (стр. 14), II. О Богѣ—Творцѣ міра(23) III. О Богѣ—Промыслителѣ (49), IV. О Богѣ—Искупителѣ человѣка (56), V. О Богѣ—Освятителѣ человѣка (89), VI. О Богѣ—Совершителѣ Своихъ судебъ о человѣкѣ и мірѣ или—Выполнителѣ Своихъ вѣчныхъ опредѣленій о нихъ (104).

IV.

М. Н. Катковъ на каѳедрѣ.

Профессорская дѣятельность образуетъ кратковременный и мало разработанный, но любопытный эпизодъ въ біографіи М. Н. Каткова. Мы попытаемся ниже сдѣлать сводъ и сопоставить различныя свидѣтельства очевидцевъ, знавшихъ М. Н. Каткова въ этотъ періодъ его жизни, когда ничто еще не предвѣщало въ немъ будущаго вліятельнаго журналиста и публициста. Этому своду воспоминаній мы предпошлемъ краткія свѣдѣнія о жизни М. Н. Каткова и списокъ его произведеній.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ родился въ Москвѣ въ 1818 г. и былъ сынъ мелкаго чиновника. М. Н. учился въ Преображенскомъ Сиротскомъ Институтѣ, въ I Московской гимназіи, въ пансіонѣ знаменитаго профессора М. Г. Павлова и въ Московскомъ университетѣ (съ 1834 г.), гдѣ шелъ по словесному отдѣленію, каковое въ 1838 г. окончилъ кандидатомъ съ отличіемъ [1]). Будучи студентомъ, онъ слушалъ лекціи М. Г.

[1]) Погодинъ замѣчаетъ: «Въ IV курсѣ (1838 г.) первое мѣсто принадлежитъ Юрію Самарину.... Второе мѣсто принадлежитъ четверымъ (?), которыхъ назову здѣсь по алфавиту: Буслаеву, Каткову и Михаилу Строеву(3!).., Катковъ первый по любознательности. Свѣдѣній много.... (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, гл. XVI. стр. 139).

Павлова, увлекался философіею и примыкалъ къ кружку другого воспитанника М. Г. Павлова—Н. В. Станкевича, котораго А. И. Герценъ называетъ довершителемъ дѣла своего учителя [1]). Въ кружкѣ Станкевича М. Н. Катковъ сошелся особенно близко съ М. А. Бакунинымъ, (съ которымъ потомъ жестоко разссорился: дѣло едва не дошло до дуэли) и В. Г. Бѣлинскимъ; онъ просвѣщалъ послѣдняго по части философіи, будучи въ состояніи читать нѣмецкіе подлинники сочиненій германскихъ мыслителей. Вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ онъ сотрудничалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и вмѣстѣ же съ нимъ перешелъ въ „Отечественныя Записки“ къ А. А. Краевскому. Литературная его дѣятельность за это время имѣла своимъ предметомъ, преимущественно, литературу, русскую словесность; М. Н. Катковъ выступалъ въ отдѣлахъ литературной критики и библіографіи, а также и въ качествѣ переводчика съ нѣмецкаго и англійскаго, стихомъ и прозой; онъ переводилъ Шекспира, Гейне и особенно увлекался Т. А. Гофманомъ [2]). Еще въ раннихъ статьяхъ М. Н. Каткова проглядываетъ національнсмъ. Въ концѣ 1840 г. М. Н. Катковъ совершаетъ смѣлый шагъ: на собственныя средства, т. е. вѣрнѣе безъ средствъ отправляется для научнаго усовершенствованія—главнымъ образомъ, по философіи—за границу, въ Берлинъ, гдѣ 2 семестра слушалъ лекціи самого Шеллинга. Возвратившись въ началѣ 1843 г. на родину, Катковъ искалъ себѣ мѣста на казенной службѣ. По протекціи графа С. Г. Строганова, помнившаго въ М. Н. выдающагося студента, Катковъ получилъ выгодные уроки въ аристократическихъ домахъ. Въ 1845 г. М. Н. получилъ ученую степень магистра (экз. въ 1839 г.) по защитѣ диссертаціи изъ области славянорусской филологіи и вскорѣ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи,—каѳедрѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 26.

[2]) О Гофманѣ см. мое сочиненіе «Философія и Литература».

долгое время пустовавшей въ Московскомъ университетѣ. Эта дѣятельность М. Н. Каткова, которой мы и посвятимъ свое спеціальное вниманіе, оборвалась въ 1850 г., когда преподаваніе философіи свѣтскимъ лицамъ было упразднено въ университетѣ,—и московская философская каѳедра перешла въ руки протоіерея П. М. Терновскаго. Оставшись за штатомъ, М. Н. Катковъ впалъ въ бѣдность и въ ужасное нравственное состояніе, изъ котораго вышелъ, только получивъ другое мѣсто—редактора «Моск. Вѣд.». Это мѣсто тогда замѣщалось по назначенію изъ среды чиновниковъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1856 г. Катковъ основалъ новый журналъ „Русскій Вѣстникъ“ (когда то подъ этимъ заглавіемъ издавалъ журналъ въ Москвѣ въ крайне національномъ духѣ С. Глинка); при основаніи журнала помогалъ тогдашній товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, старый литераторъ князь П. А. Вяземскій. Вокругъ этого журнала сгруппировались почти всѣ лучшіе литераторы, особенно, принадлежавшіе къ „людямъ сороковыхъ годовъ“. При журналѣ было особое отдѣленіе для политики—„Современная лѣтопись“. Но самъ М. Н. Катковъ пока еще не принимаетъ участія въ политическомъ отдѣлѣ, а ограничивается литературно-критическимъ отдѣломъ. Постепенно М. Н. находитъ свое настоящее поприще. Въ ту пору Катковъ увлекался *англійскими* порядками (парламентаризмомъ, мѣстнымъ самоуправленіемъ, мировыми судами и т. д.), почему въ тогдашнихъ каррикатурахъ изображался не иначе, какъ съ типичными *англійскими* бакенбардами и въ матросской шапкѣ. Катковъ изучалъ Англію и теоретически, и практически—въ путешествіи. На почвѣ защиты англійскаго государственнаго строя и соотвѣтствующихъ вопросовъ Катковъ завязываетъ полемику съ „Современникомъ“ Чернышевскаго и съ „Колоколомъ“ Герцена. „Московскія Вѣдомости“ становятся общественною силою съ 1863 г. Популярность Каткова возросла неимовѣрно съ его

статей по польскому вопросу. Этимъ статьямъ придаютъ значеніе, подобное дѣятельности М. Н. Муравьева.... М. Н. Катковъ убилъ навсегда „Колоколъ“ Герцена, защитника революціонной Польши, и сталъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества непререкаемымъ авторитетомъ. М. Н. Катковъ былъ поборникомъ свободы печати и велъ ожесточенную борьбу противъ мнѣній оффиціальной цензуры, подчасъ совсѣмъ не подчиняясь ея указаніямъ и распоряженіямъ. Переворотъ въ политическихъ убѣжденіяхъ Каткова совершился на переломѣ отъ 70-хъ къ 80 годамъ. Отмѣтимъ, что вмѣстѣ со своимъ коллегою по университету проф. П. М. Леонтьевымъ онъ основалъ Лицей Цесаревича Николая для воспитанія юношей въ духѣ строгаго классицисма. Скончался М. Н. Катковъ 20 іюля 1887 г. Публицистическая дѣятельность принесла ему извѣстность, состояніе, чины и общественное положеніе, какихъ онъ, разумѣется, никогда не добился бы, оставаясь на скромномъ постѣ профессора философіи.

Быть можетъ, еще не настала пора для безпристрастнаго изученія и всесторонней оцѣнки дѣятельности и убѣжденій М. Н. Каткова. Лучшіе труды о немъ: его сподвижника *Н. А. Любимова*, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ, СПБ. 1889 г. и *С. Невѣдѣнскаго*, Катковъ и его время, СПБ, 1888. Смерть М. Н. вызвала много некрологовъ и отзывовъ въ различныхъ русскихъ и заграничныхъ органахъ печати. Очень враждебно отнесся къ покойному „Вѣстникъ Европы“ за 1887 г. томъ V, сентябрь, № 9, ст. XII „Изъ общественной хроники“, стр. 426—437. Передовыя статьи М. Н. Каткова собраны въ 25 обширныхъ томахъ, изданныхъ его наслѣдниками.

Литературная дѣятельность М. Н. Каткова.

Еще будучи студентомъ университета, М. Н. вмѣстѣ съ товарищами-студентами (между прочими: Буслаевымъ, Деляновымъ, Кудрявцевымъ, Самаринымъ и др.) принималъ участіе въ переводѣ съ французскаго книги:

Демишеля, Исторія среднихъ вѣковъ, М., 1834.

Еще участвовалъ М. Н. въ изданіи II и III т. лекцій *И. И. Давыдова*, Чтенія о словесности, 4 т., М., 1837 (по Блеру).

Незадолго до окончанія курса онъ перевелъ I актъ изъ *Шекспира*, Ромео и Юлія („Сынъ Отечества“ за 1838 г., кн. I).

По окончаніи курса:

О философской критикѣ художественнаго произведенія. „Московскій Наблюдатель“ за 1838 г., т. XVII, кн. 5—7 (переводъ статьи Рётшера съ предисловіемъ Каткова, гдѣ онъ доказываетъ, что „теперь совершенъ великій подвигъ: философскія начала должны стать основаніемъ эстетической критики“.

Въ томъ же журналѣ за 1839 г.:

Переводы изъ Гейне, Релантса, и сцена изъ V акта „Ромео и Юлія“.

Въ 1839—1841 гг. Катковъ сотрудничаетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ помѣщены:

Отзывъ иностранца о Пушкинѣ (1839 г., т. III. кн. 5). Переводъ статьи *Варнхагена фонъ Энзе* изъ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. М. Н. прибавилъ отъ себя письмо къ редактору „От. Зап.“ (главная мысль: „мы твердо убѣждены и ясно сознаёмъ, что Пушкинъ—поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра“).

Изъ Гейне—„Саламанка“ и „Разставанье“ (т. IV, кн. 6.).

Переводъ двухъ стихотвореній: *Рюкерта* и *Гейне* (т. IV, кн. 7).

Двѣ критическія статьи на „Пѣсни русскаго народа“, собр. *Ив. Сахаровымъ* (т. IV, кн. 6, стр. 1—24, 25—92).

Объ изд. *К. Тромонина* „Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества“ (т. V, кн. 8).

Репензіи на книги:

Ястребилова, Практическая перспектива (т. V, кн. 8).
Евтихіева, Графиня Евгенія (тамъ же).

Тамъ же рецензіи и разборы:

Фантастическаго романа „Талисманъ“.
Брошюры *Бороградскаго*, Путешествіе въ Смоленскъ.
Кузьмичева, Картины Бородинской битвы.
И. Г., Димитрій Донской.
Доктора *Зацѣпина*, О жизни (т. V, кн. 8 и т. VI, кн. 10).
Поль де Кока, Сынъ милліонера.
А. Волкова, Карманная книжка о цѣнности россійской и иностранной монеты.
И. Зацѣпина, О болѣзненныхъ вліяніяхъ въ Германіи.
„Полное изложеніе правилъ весенняго лѣченія болѣзней“.

Гр. С. Ѳ. Толстой, Сочиненія въ стихахъ и прозѣ (краткій отзывъ).

Гомера, Иліада въ пер. *Гнѣдича* (II изд.).

Переводъ стих. Гейне „Ратклифъ“.

Рецензіи на книги:

Зиновьева, Основанія русской стилистики на новой и простой системѣ (т. VI, стр. 47—64).

Sammlung christlicher Lieder.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи I Московской гимназіи.

Выборъ образцовъ изъ нѣмецкихъ прозаиковъ и стихотворцевъ.

Свѣтопись по методѣ гг. *Тальбо* и *Лассена*.

Торжество заложенія храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ.

„Отечественныя Записки“ за 1840 г. т. VIII, кн. 1.

Переводъ стих. *Гейне* „Гренадеры“ (попалъ въ христоматіи).

Рецензіи на книги:

Азбука для малолѣтнихъ дѣтей.

Брошюра *кн. Голицина*, Перенесеніе тѣла кн. Багратіона на Бородинское поле.

Ѳ. Глинки, Обѣдъ, какихъ не бывало.

Описаніе практическаго употребленія *дагерротипа*.

П. Ершова, Конекъ-Горбунокъ.

М. Максимовича, Исторія древней русской словесности.

Походъ *Кира* младшаго.

Болдырева, Карманный латино-русскій словарь.

Полезное чтеніе для дѣтей.

Начальный курсъ *рисованія*.

Хива или географическое и статистическое описаніе Хивинскаго ханства.

Ивана Хемницера, Басни.

А. Вельтмана, Странникъ (II изд.).

Ѳ. Глинки, стихотвореніе „Москвѣ благотворительной".

Народный русскій *пѣсенникъ*.

Балакирева, Полное собраніе анекдотовъ (II изд.).

Эразма Ротердамскаго, Похвала глупости.

Описаніе *посольства*, отправленнаго въ 1659 г. отъ Алексѣя Михайловича къ *Фердинанду* II.

Проф. *С. И. Баршева*, О мѣрѣ наказаній.

Наливкина, Юридическая Библіотека.

Подарокъ дѣтямъ въ день Христова Воскресенія.

Разговоръ нянюшки съ дѣтьми.

Исторія несчастій жука и похожденіе муравья.

Деревенскій телеграфъ днемъ и ночью.

Азбука-игрушка для дѣтей.

Е. Б. Вейтцлера, Двойная англійская бухгалтерія.

Н. Емельянова, Практическія упражненія въ бухгалтеріи.

Стихотворенія *кн. А. И. Долгорукова*, Мои счастливѣйшія минуты въ жизни.

Стихотворенія Н. И.

И. Крылова, Юрій, послѣдній великій князь Смоленскій.

В. Пассека, Очерки Россіи.

Тамъ же помѣщенъ:

Переводъ стих. *Рюккерта*, „Кубокъ и вино".

Разборъ „Сочиненій въ стихахъ и прозѣ" графини С. Ѳ. Толстой (за 1840 г., т. XII, кн. 10).

„Свиданіе" и „Разставаніе", стихотворенія Гёте (за 1840 г., т. XII, кн. 11).

Вмѣстѣ съ *И. И. Панаевымъ* и *М. А. Языковымъ* М. Н. Катковъ перевелъ романъ *Фенимора Купера*, Путеводитель въ пустынѣ или Озеро-Море. СПБ, 1841 (2 первыя части съ англ.)

Въ „Пантеонѣ русскихъ и европейскихъ театровъ“ за 1841 г., кн. 1 помѣщенъ переводъ „Ромео и Юлія“ *Шекспира*.

Находясь заграницею, Катковъ напечаталъ въ „Отеч. Зап.“:

Германская литература (за 1841 г., т. XV, кн. 3, т. XVI, кн. 6).

Изложеніе „Первой лекціи Шеллинга“ (за 1842 г., т. XX, кн. 2). „Берлинскія Новости“ (за 1841 г., т. XVI, Смѣсь—изъ письма къ А. А. Краевскому).

Магистерская диссертація:

Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка, М. 1845, въ 2 частяхъ.

Съ весны 1851 г. М. Н. Катковъ сталъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Полное собраніе передовыхъ статей „Московскихъ Вѣдомостей“ (1863—1887). Изданіе С. П. Катковой. 25 томовъ. М. 1897—1898 г. (съ 1863 г. „М. В.“ были преобразованы).

Кромѣ передовицъ, М. Н. помѣщалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ различныя небольшія статьи. Изъ нихъ, напр., вышли отдѣльными оттисками:

Столѣтній Юбилей Московскаго университета 12 янв. 1855 г. (изъ „М. В“. за 1855 г. №№ 7—9).

Юбилей Мих. Сем. Щепкина (изъ „М. В“. за 1855 г. № 143).

Въ изданіи *П. М. Леонтьева* „Пропилеи“ М. Н. помѣстилъ:

Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи, М. 1851, кн. I и за 1853 г. кн. III. Отдѣльное изданіе—М. 1854. Замѣчанія на рецензію объ этомъ трудѣ: „Москвитя-

нинъ", за 1854 г., т. V, кн. 18, отд. V; перепечатаны съ добавленіями во II изд. III т. „Пропилеевъ", М. 1858 г.

Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ („Пропилеи, М., 1854, т. IV).

Съ 1856 г. Мих. Ник. началъ издавать „Русскій Вѣстникъ" и „Современную Лѣтопись".

Главнѣйшія статьи изъ „Русскаго Вѣстника":

Пушкинъ (крит. статьи по поводу изданія *П. В. Анненкова*—за 1856 г. т. I, кн. 1 и 2, т. II, кн. 6).

Москва 31 декабря (за 1856 г., т. I, кн. I).

Нѣсколько словъ дополнительныхъ къ характеристикѣ Кольцова (1856 г., т. IV, кн. 21).

Некрологъ П. Н. Кудрявцева (1858 г., т. XIII, кн. I).

По поводу письма г-жи *Евгеніи Туръ* (1860 г., т. XXVI, кн. 8).

Къ какой принадлежимъ мы партіи? (1862 г., кн. 2).

Замѣтка для издателя „Колокола" (1862 г., т. XXXIX, кн. 6).

Польскій вопросъ (1863 г., т. XLII, кн. 2).

Русскій вопросъ (1863 г.).

Что намъ дѣлать съ Польшей? (1863 г.).

Мнимое и дѣйствительное (1864 г.).

Памяти *П. М. Леонтьева* (1875 г.).

Составлено по книгѣ:

„Историческая Записка" Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая (Лицей Цесаревича Николая) за XXX лѣтъ (1868—13 января—1898), М. 1899, стр. 587—590, гл. XIV (сост. *И. С. Страховымъ*) [1]): Литературные и научные труды бывшихъ и настоящихъ дѣятелей Лицея и его вос-

[1]) Стр. VII предисловія.

питанниковъ, Б. Литературные труды основателей Лицея, и по списку А. Д. Галахова (для „Отеч. Зап.“ 1839 и 1840 гг.) въ его статьѣ: „Воспоминанія о журнальномъ сотрудничествѣ М. Н. Каткова въ 1839 и 1840 годахъ“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1888 г. (ч. IX), т. 31, январь, ст. IV, стр. 111—112.

Философское развитіе М. Н. Каткова совершалось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ круга идей Шеллинга и Гегеля. Еще въ университетѣ онъ слушалъ лекціи у шеллинговцевъ М. Г. Павлова и Н. И. Надеждина. Но это былъ не тотъ Шеллингъ, котораго впослѣдствіи проповѣдывалъ съ каѳедры самъ М. Н. Катковъ: Шеллингъ—миѳологъ.... У Павлова и Надеждина Катковъ могъ воспринять лишь *первоначальныя* воззрѣнія Шеллинга въ ихъ приложеніи къ объясненію міра и природы (у Павлова) и искусства (у Надеждина). Впрочемъ, никого изъ профессоровъ нельзя назвать его ближайшимъ учителемъ [1]), несмотря на то, что въ числѣ ихъ былъ для всѣхъ увлекательный профессоръ В. С. Печеринъ [2]). Только лекціи филолога Крюкова оставили въ немъ сильное впечатлѣніе.

Черезъ Станкевича, своего сожителя по пансіону М. Г. Павлова (Катковъ готовился тамъ въ студенты, Станкевичъ жилъ тамъ же студентомъ), Катковъ познакомился съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ [3]) и поддался общему теченію: сталъ усердно изучать Гегеля.

Сближеніе съ Бѣлинскимъ произошло осенью 1837 г., когда Катковъ читалъ Гегелеву „Эстетику“ и былъ отъ нея въ

---

[1]) Любимовъ, стр. 19.

[2]) О немъ см. мое сочиненіе «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», томъ I-й.

[3]) Невѣдѣнскій, стр. 9—10.

восторгѣ. Бѣлинскій, не зная нѣмецкаго языка, знакомился съ Гегелемъ черезъ посредство Н. В. Станкевича и М. А. Бакунина, который и вообще „отличался неделикатнымъ стремленіемъ разыгрывать постоянно роль умственнаго и нравственнаго руководителя своихъ товарищей“ [1]).

Недостатокъ учености Бѣлинскому приходилось восполнять собственными конструкціями. Когда не стало вблизи его ни Станкевича, ни Бакунина, философскимъ ментором Бѣлинскаго сдѣлался Катковъ. Бѣлинскій придумалъ свою эстетическую теорію, но Катковъ, „стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ“ (т. е. съ Гегелемъ въ рукахъ), „разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію“. Катковъ „передалъ, какъ умѣлъ“, а Бѣлинскій „принялъ, какъ могъ нѣсколько результатовъ эстетики“—„Боже мой! какой новый, свѣтлый, безконечный міръ!“ [2])

Свое вліяніе на Бѣлинскаго Катковъ сохранилъ и при встрѣчѣ съ нимъ уже въ Петербургѣ. Бѣлинскій „при первой же стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія“ [3]). Въ то время Катковъ былъ въ скептическомъ настроеніи: „для него изчезла всякая достовѣрность въ жизни и знаніи“ (подъ вліяніемъ сочиненія *Фрауенштедта*) [4]). „Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштедта—молодецъ Фрауенштедтъ! Послѣ его брошюрки пропадаетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать“.

Въ 1841 г. Катковъ уѣхалъ заграницу—доучиваться въ берлинскомъ университетѣ. Берлинъ считался тогда святилищемъ философіи, и многіе русскіе ѣздили туда заниматься философіею,—даже такіе, интересы коихъ были совсѣмъ не

---

[1]) Невѣдѣнскій, стр. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 16.

[3]) Тамъ же, стр. 56 и 57.

[4]) Вѣроятно, брошюры J. Frauenstädt, Die Freiheit des Menschen und die Persönlichkeit Gottes. Ein Beitrag zu den Grundfragen der gegenwärtigen Speculation, Brl. 1838.

философскіе, какъ то *Я. М. Невѣровъ* и *А. Н. Поповъ* въ 1842 г. по защищеніи диссертаціи „О Русской Правдѣ“ [1]). Правда, Поповъ не выдержалъ философіи и уѣхалъ... въ Черногорію, что̀ вызвало жестокій гнѣвъ его пріятеля Ю. Ѳ. Самарина.

Катковъ въ Берлинѣ „жилъ тихо, занимался, ходилъ аккуратно на лекціи логики къ Вердеру, христологіи къ Ватке, о Шиллерѣ и Гёте къ Гансу (какъ пишетъ онъ въ письмѣ Панаеву)“ [2]). Болѣе всего Катковъ занимался филологіею (у Гриммовъ—плодомъ этихъ его занятій явилась его магистерская диссертація, оконченная, впрочемъ, уже позже—въ Москвѣ)—и *философіею*.

„Философія благотворно дѣйствуетъ на мой духъ—и я, можетъ, Богъ дастъ, скоро выберусь *на чистую воду*“ [3])... Философіею Катковъ занимался у гегелевца Вердера, у самого Шеллинга,—еще надобно полагать—у Бенеке, тоже читавшаго лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ же Катковъ занимался переводомъ „Эстетики“ Гегеля [4]).

„Своимъ развитіемъ (я) обязанъ, преимущественно, знаменитому Шеллингу, который преподавалъ тогда въ Берлинѣ свою „положительную“ философію“ [5]). Катковъ сталъ въ Берлинѣ послѣдователемъ философіи Шеллинга—послѣдняго періода.

Это обращеніе Каткова, окончательный поворотъ его къ мистикѣ, наклонность къ которой онъ высказывалъ и раньше, разорвало его отношенія къ кружку гегелевцевъ.

Грановскій изъ Берлина предостерегалъ петербургскихъ пріятелей (Бѣлинскаго): „Смотри, братъ, не поддайся бер-

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VI, стр. 290.

[2]) Невѣдѣнскій, стр. 72.

[3]) Тамъ же.

[4]) Татьяна Пассекъ, Изъ дальнихъ лѣтъ, т. III, стр. 327.

[5]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета, автобіографія, т. I, стр. 382.

линской философіи, которую собирается привезти къ вамъ Катковъ". Самъ Катковъ извѣстилъ Бѣлинскаго о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него философія Шеллинга. По его словамъ, она была глубже всего, что только есть на свѣтѣ [1]). „Бѣдный Гегель"! восклицаетъ Бѣлинскій въ письмѣ Боткину отъ 20 апрѣля 1842 г. Ему же отъ 6 февраля 1843 г. пишетъ о свиданіи съ Катковымъ: „Это—*Хлестаковъ* въ нѣмецкомъ вкусѣ..... „Этотъ человѣкъ не измѣнился, а только сталъ самимъ собой"... [2]).

Занятія въ Берлинѣ философіею послужили основаніемъ поручить Каткову каѳедру философіи. Поэтому необходимо остановиться на тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія Катковъ получилъ въ Берлинѣ, поскольку онъ самъ ихъ описывалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1841 г. („Берлинскія Новости") [3]).

Въ германской наукѣ царило тогда необыкновенное одушевленіе. Въ берлинскомъ университетѣ чувствовалось то единодушіе между профессорами и студентами, которое, увлекая и тѣхъ, и другихъ, вноситъ живую струю въ дѣло преподаванія. По описанію Каткова, было дано студентами въ теченіи семестра пять торжественныхъ серенадъ: профессорамъ Вердеру, Ватке, Мархейнеке, Неандеру и Шталю. Были устроены торжественныя встрѣчи вступившимъ этотъ годъ въ берлинскій университетъ братьямъ Гриммамъ. Произносились одухотворенныя рѣчи, проливались нерѣдко слезы, превозносилась наука и философія, воспитывающая единство духа и возвышенную любовь ко всему истинному и прекрасному.

Изъ всѣхъ профессоровъ наиболѣе близко къ русскимъ слушателямъ стоялъ Вердеръ, читавшій логику въ гегелевскомъ духѣ и исторію философіи. Еще въ 1837 году у Вер-

---

[1]) «Чистой воды» Катковъ въ Берлинѣ ждалъ отъ пріѣзда Шеллинга.

[2]) Невѣдѣнскій, стр. 92 и 93.

[3]) См. у Невѣдѣнскаго, стр. 78—80.

дера учились Грановскій, Станкевичъ и Невѣровъ, близкій другъ Станкевича. Посредствомъ приватныхъ уроковъ, превращавшихся въ концѣ въ интимную бесѣду, лица эти завязали съ Вердеромъ дружескую связь. Въ особенности близокъ къ нему былъ Станкевичъ. Послѣдній разсказывалъ Вердеру объ идеалистическомъ кружкѣ, занимавшемся въ далекой Москвѣ изученіемъ философіи. Передавались даже событія интимной жизни друзей. Напримѣръ, когда Бѣлинскаго постигъ въ 1838 году тяжелый сердечный ударъ, Вердеръ, никогда въ жизни его не видавшій, просилъ передать ему свое сочувствіе. Бѣлинскій черезъ знакомыхъ узнавалъ въ свою очередь у Вердера свѣдѣнія о здоровьи Станкевича. Всякій русскій, пріѣзжавшій въ Берлинъ, естественно шелъ къ Вердеру, и этотъ профессоръ сталъ какъ-бы первымъ непремѣннымъ руководителемъ россійскихъ умовъ въ туманѣ нѣмецкой философіи.

Онъ самъ съ чисто германскимъ идеализмомъ увлекался философіей. Какъ повѣствуетъ Катковъ, высоко его превозносившій въ то время, Вердеръ призналъ въ особой рѣчи къ студентамъ устроенное ими чествованіе событіемъ выше всякаго личнаго счастья—„гражданскимъ вѣнцомъ въ духѣ, пальмовою вѣтвью, которая будетъ зеленѣть ему въ теченіи всей жизни.“

Въ своей послѣдней лекціи, которою онъ закончилъ курсъ, Вердеръ, прочитавъ послѣдній пунктъ логики о становленіи абсолютнаго, произнесъ прочувствованную прощальную рѣчь своимъ слушателямъ.

Онъ заявилъ, что цѣль философіи: „сдѣлать насъ преданными Богу, радостными для жизни и для смерти, готовыми на жертвы и отреченіе, сильными и великими въ творческой дѣятельности... Величайшій врагъ человѣка есть робость, робость есть дьяволъ, исчадіе лжи, и ея кара есть нравственное рабство; другъ человѣка, его спасительница, есть смѣлость; смѣлость есть любовь; она рождается изъ истины, и

благодать ея зовется свободою.... Будемъ держать высоко наши головы, высоко, съ спокойствіемъ и безбоязненностью, какъ прилично сынамъ Бога.

Въ томъ-то святое значеніе лица человѣческаго, что оно поднято и обращено къ солнцу, ко всѣмъ вѣчнымъ свѣтиламъ міра. Станемъ со своимъ лицомъ смѣло передъ лицо міровъ, завернувшись въ волшебную мантію великаго дѣла, перекрестившись десницей духа. Кто мыслитъ благородно, кто дѣйствительно мыслитъ, у кого свободная сила мысли претворилась въ жизненную силу души, тотъ не будетъ низко поступать, тотъ не дастъ и съ собой поступать низко. Да будетъ это нашимъ рукопожатіемъ въ духѣ, и такъ да пребудемъ мы всегда душевно другъ въ другѣ!“

Катковъ такъ описывалъ впечатлѣніе этой рѣчи:

„Оглушительный взрывъ рукоплесканій и восклицаній потрясъ аудиторію и проводилъ профессора. Чудное это было мгновеніе! Кто участвовалъ въ немъ, тотъ никогда не упуститъ его изъ воспоминаній. Всѣ эти люди, чуждые другъ другу, разнохарактерные, разноплеменные, слились въ одно великое семейство; на всѣхъ лицахъ пламенное вдохновеніе— въ глазахъ у всѣхъ или свѣтилась слеза, или сверкалъ огонь. Всѣ чувствовали себя въ какомъ-то новомъ элементѣ, гдѣ исчезли всѣ преграды свѣтскихъ обычаевъ: души соприкасались взаимно въ одномъ духѣ: незнакомцы сходились, пожимая руки, безмолвно понимая другъ друга, какъ друзья, соединенные жизнью“....

Можетъ быть, въ эти минуты произошло и примиреніе Каткова съ Бакунинымъ [1]). Они были слушателями Вердера, и едва ли вражда ихъ могла бы противостоять вытекавшему изъ философіи Вердера стремленію къ „взаимному проникновенію другъ друга въ духѣ“. По крайней мѣрѣ, въ томъ же письмѣ Катковъ передаетъ Краевскому поклонъ Бакунина и свѣ-

[1]) Дуэль свою предполагали они совершить именно въ Берлинѣ.

дѣніе, что тотъ пишетъ для „Отеч. Записокъ“: „О современномъ состояніи философіи въ Германіи“.

Появленіе въ Берлинскомъ университетѣ Шеллинга [1]) на той самой каѳедрѣ, на которой когда то блисталъ Гегель, обратило на себя вниманіе всей Германіи. Въ Шеллингѣ, достигшемъ уже тогда 66-лѣтняго возраста, соотечественники чтили послѣдняго, оставшагося въ живыхъ представителя блистательной плеяды великихъ учениковъ Канта. „Что онъ скажетъ?“—было на языкѣ у всѣхъ.

Философскій противникъ Шеллингова ученія, Вердеръ высказалъ въ упомянутой выше прощальной лекціи слѣдующій привѣтъ ожидавшемуся пріѣзду маститаго философа:

„Шеллингъ прибудетъ къ намъ. Онъ будетъ здѣсь скоро и останется съ нами. Кто не захотѣлъ бы радоваться этому, тотъ доказалъ бы, что не только философія чужда ему, но что и вообще ему не дано органа для великаго и возвышеннаго. Вѣдь въ томъ и заключается благодатное значеніе Шеллингова прибытія къ намъ, что мы снова узримъ человѣка, представляющаго въ лицѣ своемъ высшее проявленіе человѣчества. Ученыя знаменитости—далеко не избранники духа. Все это погрузится въ глубокую, холодную тѣнь передъ челомъ—обителью генія, передъ челомъ, которое въ отечествѣ Гегеля предстоитъ намъ только въ Гумбольдтѣ и еще болѣе въ великой женщинѣ: Беттинѣ Арнимъ, посвятившей студентамъ свою Гундероду, свое послѣднее произведеніе, этотъ псалтырь красоты.... Такое чело, такая глава явится намъ въ Шеллингѣ. И потому съ своей стороны молю я Бога, да продлится вечеръ его жизни“....

Вердеръ напомнилъ студентамъ о рѣзкихъ укорахъ, обращенныхъ Шеллингомъ противъ Гегеля. Онъ признавалъ ихъ несправедливыми. Но какъ бы ни была велика вина Шеллинга, Вердеръ не допускалъ возможности относиться къ нему

[1]) Невѣдѣнскій, стр. 85—88.

иначе, какъ къ личности, отмѣченной изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ перстомъ Провидѣнія.

Такъ говорилось, но въ душѣ гегеліанцы ожидали, что Шеллингъ не оправдаетъ надеждъ, и окончательное паденіе его авторитета выдвинетъ въ еще большемъ блескѣ ученіе, составлявшее ихъ философское убѣжденіе.

3(15) ноября 1841 года Шеллингъ прочиталъ вступительную лекцію. Онъ говорилъ, что явился, чтобы оказать философіи еще бо́льшую услугу, чѣмъ прежде. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ему удалось открыть новую страницу въ исторіи философіи, страница теперь полна; листъ долженъ быть перевернутъ; онъ долженъ это сдѣлать самъ, такъ какъ это дѣло призванія. Философія была его ангеломъ-хранителемъ; онъ не имѣетъ права отступить отъ нея въ минуту, когда заходитъ вопросъ о всемъ ея назначеніи. Борьба между религіей и философіей обострилась; съ обѣихъ сторонъ считаютъ эту борьбу непримиримою. Онъ явился устранить это недоразумѣніе. Не для того, чтобы поднять себя надъ другими, пришелъ онъ, а чтобы исполнить задачу своей жизни до конца,—не для того, чтобы наносить раны, а чтобы излечивать ихъ, не чтобы нападать, а примирять. Онъ является въ потрясенную среду вѣстникомъ мира; вмѣсто разрушенія ставитъ онъ задачею построить твердыню, въ которой философія могла бы жить въ безопасности. Ничто не должно погибнуть изъ того, что̀ пріобрѣлъ Кантъ, что̀ онъ самъ открылъ и обнаружилъ. „Неужели продолжительное, полное славы философское движеніе въ Германіи должно кончиться крушеніемъ, разрушеніемъ всѣхъ великихъ началъ и самой философіи? Никогда! Такъ какъ я сынъ своей родины, такъ какъ горе и печаль, благо и счастье Германіи наполняютъ мое сердце и заставляютъ его трепетать сочувствіемъ, то я появился здѣсь—я убѣжденъ, что спасеніе Германіи можетъ дать только наука“. Такъ заключилъ Шеллингъ свою лекцію.

Не на всѣхъ лекціи Шеллинга производили одинаковое дѣйствіе. Поворота въ философіи онъ не сдѣлалъ и новаго ничего не сказалъ. Но были, конечно, люди, горячо откликнувшіеся на это ученіе. На религіозную, стремившуюся къ внутреннему единству душу Каткова лекціи Шеллинга должны были произвести глубокое впечатлѣніе. Мистическая сторона ученія не отталкивала, а привлекала его. Первый семестръ послѣ вступленія Шеллингъ нарочно читалъ философію откровенія: потомъ, лѣтомъ 1842 года,—философію миѳологіи. Эти два курса прослушалъ Катковъ. Приливъ студентовъ на первый семестръ былъ необыкновенно великъ. Но знаменіе времени—на второй семестръ осталась только десятая часть слушателей.

Послѣ заключенія перваго курса философіи откровенія, студенты устроили въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года торжественный факельцугъ въ честь философа. Послѣдній отвѣчалъ имъ рѣчью, въ которой признавалъ за собой заслугу сообщенія студентамъ философіи, которая просуществуетъ дольше, чѣмъ скоропреходящія отношенія между профессоромъ и слушателями, которая можетъ выдержать свѣжій воздухъ и ясный свѣтъ дня. Дѣйствительно, Шеллингъ былъ самъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, и въ этомъ-то и заключался источникъ впечатлѣнія, которое онъ могъ производить. Онъ заявилъ далѣе студентамъ, что онъ открылъ имъ истинную сущность вещей во всей правдѣ и подробности, что онъ не поступилъ, какъ лукавый въ евангельской притчѣ, подавшій вмѣсто хлѣба, котораго у него просили голодающіе,—камень, и увѣрявшій ихъ, что это хлѣбъ! Послѣднее было намекомъ на гегелеву философію, которую Шеллингъ понималъ именно въ такомъ смыслѣ.

По поводу упомянутаго факельцуга Катковъ вспомнилъ, разсказывая въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1870 годъ о своемъ знакомствѣ съ Бакунинымъ, странное

участіе послѣдняго въ этомъ факельцугѣ. Бакунинъ продолжалъ въ то время слушать лекціи профессора Вердера. Едва ли справедливо сдѣланное въ этой статьѣ заявленіе Каткова, что его недругъ подъ предлогомъ занятій философіею предавался абсолютной праздности, ибо Бакунинъ писалъ разнаго рода статьи, и самъ же Катковъ замѣчалъ, что онъ озадачивалъ добродушнаго профессора развязностью въ гегелевой терминологіи, на что̀ нужны, конечно знанія. Но перейдемъ къ факельцугу.

„Бакунинъ“, разсказываетъ Катковъ, „запечатлѣлся въ нашей памяти подъ весьма характеристическимъ образомъ. Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собрались предъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное hoch, и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ огромный разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ!“

Катковъ могъ бы прибавить, что, занимаясь гегелевой философіею, Бакунинъ всего менѣе долженъ былъ бы сочувствовать чествованіямъ, которыя устраивались противнику этой философіи. Въ томъ же году онъ окончательно перешелъ въ лагерь крайнихъ новогегеліанцевъ, написалъ статью, которую одобрилъ Арнольдъ Руге, даже сблизился съ послѣднимъ, разошедшись окончательно съ державшимся примирительнаго направленія Вердеромъ. А всетаки Бакунинъ кричалъ: vivat Шеллингу! Въ этой безпорядочной, стихійной натурѣ наталкиваешься на неисчерпаемую бездну противорѣчій и странныхъ недоразумѣній.....

Катковъ предлагалъ доставить (стр. 89) что-нибудь изъ лекцій Шеллинга, которыя записывалъ и составлялъ самъ насколько можно аккуратнѣе, пользуясь при этомъ тетрадями самыхъ борзыхъ скорописцевъ. Сознавая, что предметъ ихъ не годится для русскаго журнала, онъ надѣялся извлечь что-нибудь для этой цѣли изъ философіи миѳологіи, которую Шеллингъ долженъ былъ читать лѣтомъ. Въ зимнемъ семестрѣ философъ, какъ сообщаетъ Катковъ, успѣлъ прочитать только очеркъ этой философіи. Этотъ очеркъ и все остальное, т. е. философію откровенія—Катковъ признаётъ глубочайшимъ изъ всего, что онъ знаетъ.

Изъ воспоминаній Боденштедта [1]) видно, что Катковъ „съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ о *Шеллингѣ* и о *Яковѣ Гриммѣ* [2]). Въ домѣ Шеллинга онъ былъ принятъ весьма радушно и часто посѣщалъ его. Въ воспоминаніяхъ объ этомъ знакомствѣ играла не малую роль прелестная дочь Шеллинга, съ которой я познакомился впослѣдствіи, когда она была уже замужемъ за барономъ Zech. Катковъ говорилъ о ней всегда съ большимъ уваженіемъ. Нѣмецкимъ языкомъ, разговорнымъ и письменнымъ, Катковъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что мнѣ ни разу не случилось подмѣтить въ его рѣчи какого-нибудь иностраннаго выраженія“.

---

[1]) «Русская Старина» за 1887 г. (г. 18), май, ст. 8, стр. 432 «Воспоминанія о пребываніи въ Россіи въ 1841—1845 годахъ, перев. В. В. Тимощукъ.

[2]) Ср. выше, стр. 181, наше замѣчаніе о двухъ направленіяхъ въ заграничныхъ штудіяхъ Каткова.

М. Н. Катковъ, побывавъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, вернулся въ Россію. Съ его планами по возвращеніи на родину и съ его впечатлѣніями на каѳедрѣ хорошо знакомятъ насъ „Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову“ (который вмѣстѣ съ нимъ былъ и въ Московскомъ университетѣ, и въ Берлинѣ, откуда уѣхалъ въ Черногорію, см. выше, стр. 181), (1843—1857), сообщенныя его наслѣдникомъ, Н. Ѳ. Эверлингомъ, и помѣщенныя въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1888 г. (г. 26-й), II, августъ, ст. 5, стр. 480—499 (15 писемъ).

Въ письмѣ II (Москва, 20 февр. 1843 г.—къ Попову заграницу) Катковъ сообщаетъ: [1]) „Все это время былъ я въ расположеніи духа самомъ эксцентрическомъ; бѣготня, хлопоты о мѣстѣ, о деньгахъ занимали меня всего и не давали ни минуты времени собраться. Вотъ результаты: въ Петербургѣ обѣщано мнѣ мѣсто при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, сначала въ качествѣ помощника столоначальника, а тамъ въ концѣ лѣта и въ желанномъ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ. Хорошо еще, что служба здѣсь имѣетъ отчасти теоретическій характеръ и не занимается текущими дѣлами: она состоитъ въ редакціи проектовъ объ улучшеніи городоваго благоустройства (временное отдѣленіе при хозяйственномъ департаментѣ, учрежденное недавно теперешнимъ министромъ); для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городовъ назначаются ревизіи въ каждую изъ губерній, особенно характеристическихъ. Такимъ то ревизоромъ надѣюсь быть и я. А между тѣмъ, числясь при министерствѣ въ качествѣ помощника столоначальника, и не имѣя большихъ дѣлъ, *я буду писать свою диссертацію.* Темы я еще по сію пору окончательно не выбралъ, но думаю, что оста-

[1]) Стр. 481—482.

новлюсь на свойствѣ корней и образовательныхъ частицъ Русскаго языка.

Въ Петербургѣ видѣлся я нѣсколько разъ *съ Строгановымъ*; онъ, казалось, принималъ во мнѣ большое участіе и не совсѣмъ охотно смотрѣлъ на мое поступленіе въ гражданскую службу. *Онъ безпрестанно меня заманивалъ надеждами на университетскую дѣятельность*; но вы знаете, что надежда—очень хорошая вещь для покрышки, а не для основанія. *Строгановъ меня увѣрялъ, что нѣкоторыхъ* изъ насъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, какъ напр. Васъ, а также и меня, *имѣютъ въ виду для новыхъ каѳедръ и для старыхъ*, имѣющихъ упразднiться. Если это дѣйствительно такъ, то ничто мнѣ не помѣшаетъ послѣ перейти"...

Впрочемъ еще изъ-за границы Катковъ высказываетъ желаніе казеннаго мѣста (Невѣдѣнскій, стр. 91). Онъ пишетъ: „Теперь надо мнѣ серьезно подумать о своемъ общественномъ положеніи. По всему кажется, что мнѣ придется оставаться въ Питерѣ и искать себѣ мѣста, приличнаго кандидату, выпущенному съ отличіемъ, и полумагистру (не забывая однако диссертаціи, вслѣдствіе коей я долженъ стать полнымъ). Удастся ли мнѣ найти порядочное мѣсто, сколько-нибудь согласное съ моими занятіями и интересами? Какъ прежде казалось бы мнѣ это легко, такъ теперь, когда я *попрохладился и порастратился мечтами*, кажется труднымъ. Maximum моей амбиціи—*попасть* къ какому-нибудь *тузу или тузику въ особыя порученія*, чтобы имѣть, между прочимъ, случай ѣздить по Руси,—ибо это будетъ согласоваться съ моими занятіями, по крайней мѣрѣ, съ одною стороною [1]). Но это я причисляю къ числу мечтаній, къ остаткамъ прежняго бреда. Но объ этомъ при личномъ свиданіи".

Мы знаемъ, что планъ Каткова служить въ Петербургѣ

---

[1]) Изученіе живого русскаго языка въ его діалектахъ?

и сотрудничать у Краевскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ не удался—и не совсѣмъ по его винѣ. Отъ 17 марта 1843 г. Катковъ изъ Москвы пишетъ Краевскому:

„По плану, который въ Питерѣ предначертали мнѣ обстоятельства, ну и я самъ тоже, хотя обстоятельства не всегда нуждаются во мнѣ и по большей части любятъ распоряжаться безъ моего содѣйствія; итакъ, по прежнему плану, я долженъ былъ бы теперь уже присутствовать на берегахъ Невы мирнымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но здѣсь уже, въ полномъ смыслѣ не спросясь меня, распоряжаются обстоятельства. По условію съ Милютинымъ, я долженъ былъ писать къ нему объ окончательномъ рѣшеніи вступить въ службу, а онъ отвѣчать мнѣ: „благо, сыне, рѣшеніе твое; возстань и пріиди къ такому то сроку“. Я писалъ, но отвѣта нѣтъ, а прошелъ уже почти мѣсяцъ, какъ ему подобало послѣдовать. Отсюда почитаю себя въ правѣ заключать, что *Милютинъ нашелъ нужнымъ воротить свое слово и обойтись безъ меня*; но зачѣмъ же и такого отрицательнаго отвѣта не хочетъ онъ дать мнѣ? Я долженъ прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, и если не такъ, то иначе устраивать дѣла свои. Если Васъ не затруднитъ, любезный А. А., справиться объ этомъ и извѣстить меня въ наискорѣйшемъ времени,—то Вы крайне обяжете меня. Я нахожусь въ положеніи критическомъ, тяжесть котораго чувствуется не однимъ мною, но и семействомъ моимъ: моей старой матерью, моимъ братомъ, еще связаннымъ студенчествомъ. Еще разъ повторяю мою просьбу и замѣчаю, что польза отъ исполненія ея будетъ зависѣть отъ елико возможной скорости. Къ несчастью все время въ Москвѣ былъ я очень плохъ здоровьемъ, простудился и сидѣлъ больше дома“.... (Невѣдѣнскій, стр. 94).

Катковъ получилъ по защитѣ диссертаціи въ 1845 г. другое мѣсто, болѣе соотвѣтствующее его талантамъ и влеченіямъ,—мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ философіи. Быть можетъ,

въ этомъ случаѣ замѣщеніе пустовавшей каѳедры не осталось безъ вліянія (по крайней мѣрѣ, на министра С. С. Уварова) слѣдующее мѣсто изъ М. П. Погодина „Второго донесенія Министру Народнаго Просвѣщенія о путешествіи 1842 г., преимущественно, въ отношеніи къ Славянамъ“. (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VII, стр. 68:

„(Въ Пруссіи) Самое университетское ученіе приняло другое направленіе: молодое поколѣніе, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало ихъ по своему, пустилось зря въ политику и измѣняетъ самую жизнь. Вотъ почему я думаю, что *учрежденіе*(?) *каѳедры философіи* въ Московскомъ университетѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ *необходимо* и послужитъ громовымъ отводомъ, если она достанется благонамѣренному и дѣльному человѣку. Студенты, занимаясь теперь философіей безъ руководства, бросаясь такъ же на результаты, и не прилагая спасительнаго труда, могутъ избаловаться и развратиться умственно и нравственно. Конечно, это будетъ на короткое время, ибо разсудокъ Русскій крѣпче Нѣмецкаго; но зачѣмъ рисковать, зачѣмъ допускать развратъ и на короткое время? Огнемъ не шутятъ, а въ наше время есть много огней разрушительнѣе ружейнаго и пушечнаго“.

Повидимому, на эту каѳедру Погодинъ мѣтилъ *П. И. Саввaитова*, который пишетъ ему изъ Петербурга отъ 23-го марта 1843 г. ...„Думаю хлопотать о томъ, чтобы опять приняться за то, что̀ долженъ былъ по обстоятельствамъ оставить. С. С. Уваровъ, вѣроятно, по письму преосвященнаго Иннокентія (т. е. Борисова), просилъ графа Протасова, чтобъ онъ уволилъ меня въ вѣдомство Мин. Народн. Просвѣщенія; но графъ какъ то уклонился отъ этого. Иначе—теперь, можетъ быть, я былъ бы въ Москвѣ Бѣлокаменной.... Потрудитесь написать мнѣ хотя два слова о томъ, долженъ ли я стараться о перемѣщеніи въ Москву въ *университетъ*—дѣло идетъ о *философіи*, и если долженъ, то какъ особенно (Барсуковъ,

Жизнь и труды Погодина, т. VII, стр. 237—238). П. И. Савваитовъ состоялъ преподавателемъ философіи въ Вологодской духовной семинаріи и писалъ учебникъ логики для семинарій, читалъ Августина и Канта (т. VI, стр. 200).

Любопытныя (хотя и не всегда точныя) свѣдѣнія о началѣ профессорской дѣятельности М. Н. Каткова и его вступительной лекціи мы почерпаемъ изъ статьи въ газетѣ:

„Новое Время“ № 4097, понедѣльникъ, 27 іюля (8 августа) 1887 года, стр. 1, полосы (полныя, 7-столбцовыя стр.) V—¼ VII. „Памяти М. Н. Каткова“. *К. Бороздинъ* (24 іюля).

„Сорокъ лѣтъ (столбецъ V) тому назадъ въ ноябрѣ 1847 г. *большая словесная* аудиторія московскаго университета была переполнена студентами всѣхъ факультетовъ и курсовъ; впереди скамеекъ, уставленныхъ амфитеатромъ, высилась каѳедра, а по лѣвую ея сторону тянулся рядъ креселъ, предназначенныхъ попечителю, деканамъ и профессорамъ. Инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ съ напускною строгостью прохаживался у дверей, унимая жестами и шиканьемъ студенческій гомонъ, и приказывалъ садиться на мѣста. Вся эта неповседневная обстановка аудиторіи происходила отъ ожидавшейся въ ней пробной лекціи новаго профессора логики и психологіи Каткова.

Но вотъ пронеслось до аудиторіи: „идутъ, идутъ!“ все поспѣшило взобраться на скамьи, все смолкло, и въ нее вошелъ Катковъ въ сопровожденіи графа Строганова [1]) и цѣлой группы профессоровъ. Черезъ минуту показался на каѳедрѣ высокій блондинъ, лѣтъ около 30, худощавый, блѣдный, съ спокойнымъ выраженіемъ въ умныхъ, свѣтлосѣрыхъ глазахъ.

---

[1]) С. Г. Строгановъ, какъ мы знаемъ, и вытащилъ Каткова въ адъюнкты; онъ во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора—или въ учителя, какъ напр., Соловьева, К а т к о в а»... («Мои Воспоминанія» Ѳ. И. Буслаева, стр. 109).

Многимъ студентамъ онъ былъ знакомъ, какъ репетиторъ, готовившій ихъ къ университету, а *Римскому-Корсакову*, *Соймонову*, *Талызину* и нѣкоторымъ другимъ юношамъ изъ богатыхъ аристократическихъ семействъ,—какъ наставникъ, по долгу жившій въ ихъ домахъ. Многимъ было извѣстно, что, оставшись въ дѣтствѣ бѣднымъ, круглымъ сиротой, этотъ даровитый молодой человѣкъ обязанъ былъ во всемъ лишь своей энергіи, что студентомъ онъ былъ уже педагогомъ, и кончивъ курсъ эминентомъ, нашелъ возможнымъ на средства, заработанныя усиленнымъ трудомъ, ѣхать съ ученою цѣлью за границу безъ всякихъ казенныхъ субсидій, прожить тамъ слишкомъ два года и слушать курсъ философіи въ нѣсколькихъ университетахъ. Многіе знали его, какъ автора талантливыхъ критическихъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, какъ переводчика прекраснымъ стихомъ „Ромео и Юліи“ Шекспира; стиль его и тогда уже выдавался своею оригинальностію и выразительностію, а въ кружкахъ Станкевича, Грановскаго, Герцена, Хомякова, Аксаковыхъ — на Каткова смотрѣли, какъ на серьезную молодую силу.

Предметы его каѳедры—логика и психологія—были совершенно новыми въ университетѣ; первая проходилась въ гимназіи, а вторая не входила вовсе въ гимназическій курсъ и читалась лишь въ семинаріи—вслѣдъ за логикой; но сухой схоластическій методъ ихъ преподаванія наводилъ такую тоску на молодежь, что, пройдя эти предметы, она спѣшила предавать ихъ забвенію и лишь впослѣдствіи въ видѣ курьеза цитировала изъ нихъ тяжеловѣсныя тирады, когда то заученныя наизусть. Такое невыгодное впечатлѣніе, вынесенное изъ прежняго преподаванія логики и психологіи, не предрасполагало въ пользу ожидавшейся пробной лекціи и вызывало лишь любопытство студентовъ, спрашивавшихъ самихъ себя: неужели новый профессоръ заинтересуетъ насъ такою сухою матеріей?—Катковъ началъ свою

рѣчь безъ малѣйшаго смущенія спокойнымъ, твердымъ и на столько громкимъ голосомъ, что все отчетливо слышалось въ аудиторіи. Вступленіе его было приблизительно слѣдующее.

„Мыслящаго человѣка ближе всего можно сравнить съ человѣкомъ, мечущимъ въ избранную имъ цѣль камень изъ пращи. При метаніи его можетъ быть три случая: или онъ не добросить камня, или перебросить, или попадетъ въ цѣль. Не добросить—еще не бѣда: камень можно поднять, снова вложить въ пращу и бросить имъ вторично безъ промаха; но совсѣмъ иное перебросить: тогда дѣло уже непоправимо. Тотъ же самый процессъ обусловливаетъ и мышленіе человѣческое: въ немъ точно такъ же мѣткость опредѣленія всякаго явленія подлежитъ тѣмъ же тремъ случаямъ: мысль—или не охватываетъ собою всего явленія, или заносится за предѣлы его существа или наконецъ дѣлаетъ ясное и вѣрное опредѣленіе, попадаетъ въ цѣль. Отсюда и выраженіе—мѣткость мысли, мѣткость опредѣленія, въ тѣсной связи съ которой стоятъ выводы, прилагаемые къ наукѣ и къ жизни. Умѣніе бросить пращу дается упражненіемъ руки, глазомѣромъ, самообладаніемъ, навыкомъ, точно такъ же, какъ и умѣніе владѣть мыслію; а наука, объясняющая эти пріемы, называется логикой“.

Такое образное вступленіе возбудило живѣйшее вниманіе въ слушателяхъ; лекція, полная интереса, прослушалась сочувственно и закончилась рукоплесканіями, прекратить которыя безсильными оказались всѣ старанія добрѣйшаго инспектора.

За пробною лекціею вскорѣ начались и курсовыя лекціи Каткова, всякій разъ привлекавшія къ себѣ многочисленныхъ слушателей. Онъ читалъ собственно на словесномъ факультетѣ (нынѣ историко-филологическомъ), а психологію въ видѣ предмета нефакультетскаго слушали и юристы II курса. Къ сожалѣнію вскорѣ молодой профессоръ сталъ по нездо-

ровью манкировать; говорили, что у него зародыши чахотки, и этому придавалъ вѣроятіе блѣдный, истощенный видъ его. Всѣхъ лекцій Каткова, записанныхъ студентами, врядли наберется болѣе двухъ десятковъ, которыя, если уцѣлѣли у теперешнихъ стариковъ, то, конечно, составляютъ ихъ драгоцѣнность.

Въ февралѣ 1848 г. революція въ Франціи, а затѣмъ и во всей Европѣ отразилась репрессіею на наши университеты; (столбецъ VI) ее безсильны были парировать тогдашній министръ графъ Уваровъ и попечитель графъ Строгановъ; курсы подверглись безпощадной ломкѣ, и между прочимъ философскій курсъ Каткова найденъ былъ излишнею роскошью: профессора уволили, и каѳедра его перешла къ доктору богословія Терновскому, который своей схоластикой вскорѣ разогналъ аудиторію. Катковъ остался не у дѣлъ; но его непродолжительная профессорская дѣятельность дала ему громадное пріобрѣтеніе: вокругъ него сгруппировалась молодая интеллигенція, искавшая его руководительства и готовившая ему изъ среды своей беззавѣтно преданныхъ ему будущихъ сотрудниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые остались близкими ему на всю жизнь [1]).

Въ 1849 году новый попечитель г. Назимовъ сдѣлалъ Каткова редакторомъ казенныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ съ жалованьемъ въ нѣсколько сотъ рублей и съ скромною квартиркою въ двѣ комнаты въ домѣ университетской типографіи. Эти комнаты составляютъ теперь надворную часть редакціи. Катковъ принялся за эту скромную дѣятельность, и благодаря сотрудничеству своихъ учениковъ, сумѣлъ и тогда же придать „Московскимъ Вѣдомостямъ“ лучшій колоритъ и большій интересъ; къ этой порѣ принадлежитъ и диссертація его на магистра „Объ элементахъ и формахъ сла-

[1]) Ближайшій помощникъ М. Н. Каткова—П. А. Любимовъ (стр. 16) свидѣтельствуетъ: «Я узналъ М. Н. въ началѣ 50-хъ годовъ, когда, будучи студентомъ, ходилъ на его лекціи философіи».

вяно-русскаго языка". Вообще же вся эта полоса редакторства подцензурной, казенной газеты была очень трудною для М. Н.; дѣло само по себѣ не соотвѣтствовало ни его подготовкѣ, ни его кругозору и таланту, и оплачивалось до того скромно, что онъ не выходилъ изъ нужды. Ближайшіе къ нему люди, бабушка П. и старшій братъ Меѳодій, поступившій въ гражданскую палату прямо изъ гимназіи и дослужившійся уже до секретаря, что̀ въ тѣ времена много значило въ матеріальномъ отношеніи,—докучали ему совѣтами бросить ученую и литературную дѣятельность и поступить тоже на гражданскую службу. Бабушка, безгранично любившая своего Мишу, въ особенности дѣйствовала на его нервы, вызываясь ходатайствовать за него у большихъ баръ, въ дома которыхъ она была вхожа. Подчасъ съ Меѳодіемъ они доводили М. Н. до того, что онъ хотѣлъ отъ нихъ бѣжать. Впрочемъ, говорили, что была минута, когда они его поколебали, и онъ даже искалъ какого то мѣста, да къ счастію—безуспѣшно; сама же судьба въ недалекомъ будущемъ готовила ему поприще, на которомъ развернулись могучія его силы" (столбецъ VI).

„Показаніе г. Бороздина", говоритъ Любимовъ (стр. 45), „неточно, какъ относительно времени поступленія „Московскихъ Вѣдомостей" въ руки Мих. Н—ча, такъ и относительно матеріальнаго положенія его, какъ редактора. Хотя положеніе это не было особенно завидное, однако и не было такъ стѣснительнымъ, какъ изображаетъ авторъ. Кромѣ жалованья, М. Н. вскорѣ получилъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ четвертака съ подписчика. Это доставляло ему содержаніе, значительно превышавшее содержаніе ординарнаго профессора того времени. И квартира, гдѣ онъ помѣщался въ первое время послѣ женитьбы, имѣла болѣе 2 комнатъ" (стр. 46).

Бороздинъ касается семейнаго положенія Каткова до его женитьбы. Дополненіемъ къ его замѣткамъ могутъ служить указанія П. Бартенева (при цитированныхъ выше письмахъ Каткова къ Попову, стр. 490).

„Мы (т. е. студенты) усердно посѣщали его въ скромномъ его помѣщеніи на Цвѣтномъ Бульварѣ, гдѣ намъ случалось видать и его матушку Варвару Акимовну (урожден. *Тулаеву*, грузинку [1]) родомъ), достопочтенную и прекрасную въ глубокой старости женщину. Про нее разсказывали, что при наружной своей строгости она горячо любила сына: когда онъ возвращался домой съ уроковъ и спѣшилъ облечься въ халатъ, чтобы снова засѣсть за работу, она сама прибирала его одежду и цѣловала ее. Отца своего Катковъ не помнилъ: онъ служилъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи и умеръ отъ удара въ молодыхъ лѣтахъ. Отличался красотою и отмѣнно высокимъ ростомъ; происходилъ, кажется, изъ Костромскихъ личныхъ дворянъ; въ формулярѣ Каткова значилось, что онъ сынъ оберъ-офицера [2]). По кончинѣ матери Катковъ переѣхалъ съ братомъ въ зданіе Обсерваторіи за Трехгорной заставой, гдѣ жилъ у товарища своего по профессорству *А. Н. Драшусова*“.

О братѣ М. Н. Каткова Меѳодіи Никифоровичѣ П. Б. дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ 3-му письму на стр. 484. „Этотъ единственный братъ Каткова, человѣкъ очень образованный и дружный съ нимъ съ дѣтства, впослѣдствіи возненавидѣлъ жившаго съ Катковымъ П. М. Леонтьева, и какъ извѣстно, два раза покушался застрѣлить его: въ первый разъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая на Большой Дмитровкѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на университетскомъ праздникѣ 12 января. Извѣщая о первомъ покушеніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Катковъ заявилъ объ умоповрежденіи брата. Несчастный повѣсился въ Московскомъ пересыльномъ замкѣ (гдѣ протекло его дѣтство при матери, которая нѣкогда служила тамъ кастеляншею)“.

---

[1]) Любимовъ (стр. 18): «Припоминаю, Мих. Ник. говорилъ мнѣ, что по происхожденію отъ матери, о которой онъ сохранялъ самую благоговѣйную память, въ его жилахъ есть грузинская кровь».

[2]) По автобіографіи—сынъ титулярнаго совѣтника (Біогр. сл. М. Унив., т. I., стр. 382).

Съ впечатлѣніями Каткова за первое время его профессорской дѣятельности насъ всего лучше познакомитъ слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ А. Н. Попову:

„Новое положеніе, въ которое я сталъ, такъ меня взволновало—отъ преисподней до верху, что я все время курса былъ почти, какъ угорѣлый; къ тому же плохое здоровье, частыя простуды....

Я сказалъ Вамъ, что новое положеніе мое меня очень взволновало—такъ, прибавлю, что даже и теперь все во мнѣ, какъ въ водѣ послѣ бури: все смутно и тревожно. Дѣло застало меня такъ внезапно, а дѣло—Вы знаете, какое трудное дѣло! Сколько условій я долженъ былъ имѣть въ виду: и наука, согласно съ моими собственными, внутренними требованіями, наука, притомъ не имѣющая предметнаго содержанія, и потому не обязательная для непривычныхъ, какими я долженъ былъ (и не ошибся) считать моихъ слушателей, наука, перешедшая столько системъ и головъ, и доселѣ столь спорная: и слушатели, которымъ нужно было многое разжевывать, многое обрѣзывать, соображаясь съ ихъ понятіемъ; и наконецъ *зловѣщія рожи*, которыя, какъ филины, смотрѣли на меня изъ всѣхъ угловъ профессорской. И хоть, конечно, съ ними нечего было соображаться, и на содержаніе и ходъ моихъ лекцій они не могли имѣть вліянія, но на меня,—признаюсь Вамъ, грѣха таить нечего,—имѣли вліяніе при моемъ глупо-раздражительномъ и нервномъ характерѣ. Хоть

я никому изъ нихъ не показывалъ ни малѣйшаго вида того, но тѣмъ паче тревожился внутри.

Отъ такого дѣла, каково мое, нельзя, безъ сомнѣнія, ожидать скорыхъ плодовъ. Къ тому же самой прочности этихъ плодовъ могла бы повредить излишняя торопливость и заботливость о минутномъ успѣхѣ. Однако я не могу пожаловаться на невнимательность: особенно, въ юридическомъ факультетѣ замѣтилъ я интересъ къ дѣлу; въ аудиторію мою сходились слушатели и другихъ факультетовъ и курсовъ. Но лекціи мои, особенно, первыя, перевирались въ запискахъ студентовъ такъ безбожно, что я приходилъ въ отчаяніе. Экзаменъ постарался я сдѣлать сколь можно легче, и потому онъ сошелъ довольно порядочно....

Я прочитываю теперь новыя работы французовъ по философіи и, преимущественно, по исторіи философіи. Много дѣльнаго, основательнаго; они далеко опередили теперешнюю толпу нѣмецкихъ газентромпетеровъ. Ихъ мысль гораздо шире, свѣжѣе; въ ней больше положительности; у нихъ развивается также и смыслъ для уразумѣнія высшихъ вопросовъ; а у нѣмцевъ, кажется, онъ теряется все болѣе и болѣе въ ихъ распухшей фразѣ, въ ихъ филистерской безцѣльности.

Вы теперь ближе къ Европѣ, и до Васъ скорѣе долетаютъ всякія новости оттуда; подѣлитесь же ими со мною. Что слышно о *Шеллингѣ*? Я не имѣю о немъ почти никакихъ свѣдѣній“ [Вліяніе Шеллинга однако становится замѣтнымъ во многихъ книгахъ и журналахъ—(въ прим.)] [1]).

Говоря о „зловѣщихъ рожахъ въ профессорской“, Катковъ указываетъ, повидимому на недоброжелательное отноше-

---

[1]) Письмо отъ 23 іюля 1846 г. изъ Москвы. Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову (№ 3), стр. 483 и 484 въ «Русскомъ Архивѣ» (г. 26-й), за 1888 г., II, 8, ст. 5.

ніе къ нему нѣкоторыхъ коллегъ по университету. Впрочемъ, надо замѣтить, что Катковъ объ эту пору стоялъ довольно одиноко, какъ въ Университетѣ, такъ и въ Московскомъ обществѣ, не примыкая ни къ одному изъ готовыхъ и сложившихся кружковъ. Это видно изъ его 2-го письма къ А. Н. Попову (еще до назначенія адъюнктомъ,—тамъ же, стр. 482).

„Съ интересами, которые теперь, сколько я могъ замѣтить, господствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, я нахожу въ себѣ *мало сочувствія*. Только и слышишь, что Гоголь, да *Гегель*, да Гомеръ, да Жоржъ Зандъ. Здѣсь теперь *я совсѣмъ безпріютенъ, не къ кому прислониться, не съ кѣмъ быть откровеннымъ*; но я, впрочемъ, не больно и горюю объ этомъ. Хорошо имѣть кружокъ единомысленный, съ одною, одинаково понимаемою цѣлью; но хорошъ также и уединенный трудъ, и болѣе искренняя бесѣда съ самимъ собою. *Я здѣсь молчу* и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ, какъ собака на живодернѣ;—тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи, и надо бы держать ее какъ можно далѣе отъ жизни, заключить ее въ формулы, чтобы толпа не смѣла въ нее вмѣшиваться; здѣсь, что философія—*морска-сука*, что она есть не болѣе, какъ выраженіе нѣмецкаго филистерства. Но надъ всѣмъ царитъ въ непоколебимой высотѣ Гоголь. Впрочемъ, брошюра Аксакова возбудила и здѣсь общій смѣхъ“....

„Даромъ устнаго изложенія Катковъ не отличался. Способность къ нему рѣдко соединяется съ литературнымъ талантомъ; чѣмъ болѣе человѣкъ втягивается въ письменную обработку мысли, тѣмъ болѣе онъ отдаляется отъ быстрой и интуитивной передачи ихъ (?) живымъ словомъ“.... „О томъ, каковы были лекціи, которыя Катковъ читалъ въ университетѣ, сохранилось мало свѣдѣній“ [1]). Съ послѣднимъ нельзя согласиться: мы приведемъ ниже свидѣтельства (кромѣ *К. Бороздина*, см. выше стр. 195—199) многихъ компетентныхъ цѣнителей, както: *Н. А. Любимова*, *А. Д. Галахова*, *К. Н. Бестужева-Рюмина*, произнесшихъ благопріятное сужденіе о лекціяхъ Каткова,—и *П. И. Бартенева*, *А. Н. Аѳанасьева*, *Н. П. Колюпанова* и *С. М. Соловьева*, отозвавшихся о нихъ же болѣе сдержанно, или не столь похвально.

Н. А. Любимовъ, сотрудникъ М. Н. Каткова, вспоминаетъ:

„Я помню Михаила Никифоровича профессоромъ. Въ 1849 г. я довольно часто ходилъ на его лекціи, имѣвшія тогда предметомъ философскія и религіозныя ученія Востока. Онъ читалъ въ аудиторіи внизу, носящей названіе малой словесной. Она вмѣщала человѣкъ 60 слушателей и была всегда полна. М. Н. приходилъ на лекціи, нѣсколько запаздывая,

---

[1]) Невѣдѣнскій, стр. 97.

входя въ аудиторію минутъ черезъ 25 послѣ звонка; за то оставался минутами 10, даже 15-ю долѣе положеннаго срока. Онъ имѣлъ нѣсколько болѣзненный видъ, хотя въ сущности отличался сильнымъ сложеніемъ; часто являлся съ повязанною бѣлымъ платкомъ щекою. Лекціи обработывалъ очень тщательно, обращая вниманіе на отдѣлку фразы, пользуясь бумажкою, на которой были, повидимому, набросаны главныя мѣста лекціи. Чтенія производили большое впечатлѣніе философскою глубиною изложенія, но большинству едва ли были достаточно доступны. Какъ профессоръ, М. Н. пользовался большимъ уваженіемъ, но не былъ увлекающимъ лекторомъ и не имѣлъ популярности, какъ *Грановскій, Кудрявцевъ, Рулье*“ [1]).

А. Д. Галаховъ свидѣтельствуетъ:

„Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей графини Саліасъ были Катковъ и Леонтьевъ. Первый воротился изъ-за границы съ разстроеннымъ здоровьемъ, сумрачный и молчаливый, какбы чѣмъ то недовольный. Въ первое свиданіе съ нимъ я напомнилъ ему о нашемъ общемъ сотрудничествѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но тотчасъ же замѣтилъ, что ему непріятенъ такой возвратъ къ прошлому: онъ смотрѣлъ на него, какъ на что то ребяческое, недостойное совершеннолѣтняго человѣка. *Университетскія лекціи его по философіи были очень интересны.* Студенты слушали ихъ *съ великимъ удовольствіемъ* втеченіи четырехъ или пяти лѣтъ, когда ка-

---

[1]) Н. А. Любимовъ, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ), глава вторая. Дѣятельность М. Н. Каткова въ эпоху, предшествовавшую изданію «Русскаго Вѣстника», VI, стр. 42—43 (оп. 34) въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 194 за 1888 г., январь, ст. I. или стр. 42—43 въ отдѣльномъ изданіи: Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ Н. А. Любимова. СПБ. 1889 г.

ѳедра философіи была упразднена, а мѣсто ея заступило преподаваніе логики.....

Товарищъ и другъ Каткова, Павелъ Михайловичъ *Леонтьевъ*, всегда веселый и бодрый, интересовалъ насъ *разъясненіемъ положительной философіи Шеллинга* и ознакомленіемъ съ своей докторской диссертаціей „О поклоненіи Зевсу“ [1]).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ:

„Мы (онъ самъ и С. В. Ешевскій) съ нѣкоторыми изъ профессоровъ были знакомы по сочиненіямъ (стр. XVIII)....

М. Н. Каткова оба мы знали, какъ переводчика „Ромео и Юліи“ и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой. „Элементы и формы“ не дошли ни до Нижняго, ни до Казани, да едвали мы были въ состояніи тогда понять эту книгу, какъ слѣдуетъ (стр. XIX).... Ешевскій.... выслушалъ курсъ исторіи философіи М. П. (вм. Н.) *Каткова* (стр. XXVIII)... Лекціи М. Н. Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ *стройно и изящно* Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнью сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи богу ходячаго неба (*Урану*, *Сварогу*). Изъ *этихъ* лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. *Здѣсь*, преимущественно, *научились мы понимать*, какъ стройно *все связано* въ

---

[1]) А. Галаховъ, Сороковые годы, стр. 412 (гл. XII) въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г., т. 47, февраль, ст. IV.

поступательномъ движеніи: отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя“ [1]).

Петръ Ив. Бартеневъ, поступивъ въ Московскій университетъ въ августѣ 1847 г., 2 года былъ слушателемъ *Каткова*. „Къ сожалѣнію читалъ онъ изрѣдка, почти постоянно хворая. Онъ приходилъ въ аудиторію худой, слабый, блѣдный, и мы боялись, что у него чахотка. Психологію на I курсѣ преподавалъ онъ по системѣ *Бенеке*, главное положеніе которой состояло въ томъ, что человѣкъ является на свѣтъ столь же нагъ душою, какъ и тѣломъ, и что все дальнѣйшее развитіе зависитъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и силы въ воспріятіи ихъ. На II курсѣ прочтено Катковымъ лишь нѣсколько лекцій объ исторіи философіи—по Шеллингу съ его тремя началами. Разъясненіемъ служили намъ одновременныя лекціи Леонтьева о миѳологіи, которыя велись послѣдовательно и отличались необыкновенною ясностью—въ противоположность *довольно смутному изложенію Каткова*. Доброе вліяніе на студентовъ Катковъ производилъ не столько своими лекціями, какъ бесѣдами на дому. Мы горячо его полюбили и сокрушались сердечно, когда онъ лишился каѳедры... Очутившись снова въ бѣдности, Катковъ держалъ себя съ великимъ достоинствомъ и никогда, даже намеками не питалъ въ насъ раздраженія противъ властей“ [2]).

Но были слушатели у М. Н. Каткова, которые мало удовлетворялись его лекціями; такъ, напр., А. Н. Аѳанасьевъ, знаменитый изыскатель нашей русской „живой старины“, разсказываетъ:

---

[1]) Стр. XXIX. «Степанъ Васильевичъ Ешевскій, біографическій очеркъ» при I части его «Сочиненій», М. 1870.

[2]) При письмахъ М. Н. Каткова къ А. Н. Попову (между VI и VII), стр. 489—490 въ «Русскомъ Архивѣ», г. 26, за 1888 г., II, 8, ст. 5.

„Катковъ читалъ логику, придерживаясь Бенике (sic), но по причинѣ болѣзни посѣщалъ университетъ мало; всего прочелъ онъ въ годъ лекцій 25; изложеніе его отличалось безсвязностью и неясностію. Самъ онъ чувствовалъ этотъ недостатокъ, потому что почти каждую лекцію заключалъ словами: „конечно, для васъ это теперь еще не совсѣмъ ясно, но мы постараемся выяснить сказанное нами въ слѣдующее чтеніе“, но дѣло оставалось только при обѣщаніяхъ. Въ послѣдующіе года читалъ онъ психологію, и лекціи его хвалили, но я ихъ ни разу не слушалъ. Затѣмъ философскія каѳедры перешли къ духовнымъ лицамъ [1])“.....

Равнымъ образомъ и Н. П. Колюпановъ, впослѣдствіе самъ не чуждый философскихъ штудій, не многому научился у Каткова:

„Помню еще, какъ я лично бывалъ у М. Н. Каткова. Катковъ былъ тогда молодой и замѣчательно скромный—до конфузливости съ незнакомыми, но въ то же время привѣтливый со студентами адъюнктъ. Въ этотъ годъ онъ только-что открылъ свои чтенія логики по Бенеке. Лекціи его не отличались ясностью: чувствовалось, что авторъ хорошо ихъ не переварилъ и передавалъ только внѣшнюю оболочку предмета; да и дома Катковъ неохотно говорилъ о своихъ лекціяхъ. Видно, что метафизика не интересовала Каткова, и что онъ чувствовалъ внутри себя иную силу и иное призваніе. Но кто же въ этомъ скромномъ и заурядномъ профессорѣ могъ предположить будущаго талантливаго, вліятельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ беззастѣнчиваго, смѣлаго и ни передъ чѣмъ не останавливающагося публициста?“ [2])

---

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ. Воспоминанія (Московскій Университетъ, 1845—1849 г.), гл. II, стр. 382 въ «Русской Старинѣ», т. LI, за 1886 г. августъ, ст. VI.

[2]) «Русское Обозрѣніе» за 1893 г. (г. VI), апрѣль, ст. I, стр. 536. «Изъ прошлаго» (Посмертныя Записки), II, Университетъ (1843—1849).

Каткову посвящено еще одно мѣсто въ повѣствованіи Н. П. Колюпанова, гдѣ онъ свидѣтельствуетъ о вліяніи на Каткова П. Г. Рѣдкина:

„Университетская молодежь, выходя изъ аудиторіи Рѣдкина, вся дѣлалась англоманами. Вотъ почему Катковъ, имѣвшій врожденный характеръ публициста, т. е. лица, проводящаго не свои личныя, субъективныя убѣжденія, а тѣ, которыя уже народились въ извѣстной части общества, ему болѣе сочувственной,—въ первые годы изданія „Русскаго Вѣстника“ явился такимъ послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ англоманомъ“ [1]).

Весьма интересны сообщенія сослуживца М. Н. Каткова по университету и факультету—С. М. Соловьева.

„Между молодыми людьми укоренилось мнѣніе, что университетъ пропитанъ либеральнымъ духомъ, что надо либеральничать, чтобы понравиться профессорамъ. Молодежь съ любопытствомъ, ей врожденнымъ, стремилась въ университетъ, чтобъ вкусить запрещеннаго плода, послушать свободныхъ мнѣній. Умъ студентовъ былъ такъ настроенъ, что они въ самой обыкновенной фразѣ профессора старались видѣть какой-нибудь намекъ.

—„Какое множество у васъ слушателей!“ сказалъ я однажды Каткову, выходившему съ лекціи: „пріятно видѣть такое сочувствіе къ философскимъ лекціямъ“.—„Что тутъ пріятнаго!“ отвѣчалъ мнѣ съ сердцемъ Катковъ: „вся эта толпа ничего не понимаетъ изъ моихъ лекцій, а ждетъ, не ругну ли я Бога!“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 8, мартъ, ст. I.

[2]) Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, «Извлеченія изъ Записокъ, относящіяся къ 50 и 60-мъ годамъ», гл. I, стр. 116 въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 244 (г. 40-й) за 1896 г., май, ст. VI.

„Катковъ былъ выбранъ въ одинъ день со мною въ профессора и получилъ каѳедру философіи. У этого человѣка была престранная природа. Это былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый съ блестящимъ талантомъ публициста. Талантъ его обнаруживался во время движенія, спора. Чтобъ выжать у него этотъ талантъ, надобно было задѣть его колоссальное самолюбіе; иначе этотъ человѣкъ предавался совершенному бездѣйствію, просиживая дни и ночи на диванѣ въ халатѣ, почесывая грудь или расхаживая по комнатѣ.

Онъ вступилъ въ университетъ по филологическому факультету, блистательно кончилъ курсъ, съѣздилъ за границу, прожилъ года два въ Берлинѣ, слушая Шеллинга, потомъ возвратился, написалъ прекрасную филологическую диссертацію и былъ выбранъ въ профессора философіи—почему? до сихъ поръ для меня остается темнымъ, вѣроятнѣе всего—потому, что не было другой каѳедры свободной.

Каѳедра была не по немъ, какъ и вообще всякая каѳедра была бы не по немъ. Какъ даровитый человѣкъ, разумѣется, онъ не могъ читать дурно; лекціи исторіи философіи возбуждали сочувствіе въ слушателяхъ, но лекціи логики и психологіи совершенно напротивъ: ни одинъ студентъ ничего не понималъ въ нихъ, и вина была не на одной сторонѣ студентовъ.

Эта обязанность читать предметъ, къ которому не питалъ большого сочувствія, предметъ, котораго не понимали слушатели, вообще, противная природѣ его обязанность трудиться срочно надъ составленіемъ лекцій, и лекцій неблагодарныхъ,—эта обязанность была страшно тяжела для Каткова. Другіе имѣли блестящій успѣхъ, о другихъ кричали, другіе выставлялись на первый планъ—а онъ былъ въ тѣни, объ немъ не говорили или отзывались неблагосклонно, какъ о человѣкѣ, неспособномъ къ своему дѣлу, не приготовлен-

номъ, по крайней мѣрѣ. Каково же это было для такого громаднаго самолюбія!

И вотъ Катковъ поникъ, изнемогъ, по цѣлымъ полугодіямъ сказывался больнымъ и велъ ужасную жизнь: сидѣлъ взаперти въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая, и не будучи боленъ физически; напротивъ—у него была прекрѣпкая натура, ибо кто другой могъ бы вынести такое положеніе, не разрушившись физически, или не сойдя съ ума?

Къ послѣднему, впрочемъ, онъ иногда былъ близокъ: однажды вечеромъ ко мнѣ пріѣзжаетъ братъ его и со встревоженнымъ видомъ проситъ, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ поговорить, разговорить брата Михаила. Я отправился, нашелъ философа въ сильной хандрѣ, говорилъ, что умѣлъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, но могъ ли я помочь ему?

Помогла благодѣтельная судьба. Уваровъ, несмотря на всю свою услужливость, не могъ оставаться министромъ при учащенныхъ ударахъ, наносимыхъ просвѣщенію. Онъ вышелъ въ отставку. Министромъ былъ назначенъ товарищъ его, кн. Ширинскій-Шихматовъ.... Ставъ министромъ просвѣщенія, онъ началъ прежде всего дѣйствовать противъ духа невѣрія: для этого представилъ Императору о необходимости уничтожить каѳедру философіи въ университетахъ, поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобъ эти профессора богословія могли прилично являться на каѳедру передъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не диктовальщиками сухихъ параграфовъ такъ наз. догматическаго и нравственнаго богословія.

И вотъ этимъ то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ бездарный, сухой, но умный и добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставляя свою совершенную неприготовленность къ ней. Ему

выставили Высочайшее повелѣніе—и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію.

Катковъ такимъ образомъ потерялъ каѳедру философіи. Для вознагражденія профессоровъ философіи, потерявшихъ свои каѳедры, Ширинскій создалъ новую каѳедру—педагогіи. Какъ будто люди, вредные на каѳедрѣ философіи, могли быть не вредны, преподавая педагогію! Но Катковъ не получилъ и каѳедры педагогіи“ [1]).

„Катковъ остался безъ каѳедры; ему слѣдовало получить каѳедру педагогіи; но въ это время подбился къ Назимову Шевыревъ и получилъ сильное вліяніе, какъ «*преподаватель христіанскій*». Въ это время Шевыревъ былъ деканомъ историко-филол. факультета на мѣсто Давыдова. Шевыреву возмнилось что педагогія должна быть главнымъ руководящимъ предметомъ въ факультетѣ, а потому ее нельзя отдать Каткову—надобно взять себѣ. Онъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Назимова, тотъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Ширинскаго,—и каѳедра педагогіи отдана была Шевыреву, который оставилъ за собою и каѳедру словесности: самъ получилъ 2 каѳедры, а Катковъ остался безъ мѣста [2])“.

---

[1]) Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, Московскій университетъ, славянофилы и западники въ сороковыхъ годахъ, гл. V, стр. 18—20 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (г. 40), т. 243 за 1896 г. апрѣль, ст. I.

[2]) То же (50-е и 60-е годы), гл. I, стр. 120 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. 40), т. 244 за 1896 г. май, ст. VI.

Письма къ А. Н. Попову даютъ намъ нѣкоторыя данныя относительно дѣятельности М. Н. Каткова на каѳедрѣ философіи, о его тогдашнихъ работахъ и интересахъ.

Въ 4-мъ письмѣ (отъ 1 мая 1847 г. изъ Москвы, стр. 486): „Нѣтъ ли какихъ новостей у нѣмецкихъ или французскихъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ! Напишите мнѣ объ нихъ. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь новыхъ изданій Шарпантье, которыя такъ дешевы? Кстати, нельзя ли въ Петербургѣ достать Diogène Laërce, trad. par Zévort, éd. Charpentier? Буде можно, напишите у кого".

Въ 5-мъ письмѣ (отъ 7 іюня и 8 августа 1847 г. Москва, стр. 488). „Не знаю, какъ благодарить Васъ за обѣщаніе касательно Діогена Лаерція; поторопите только Исакова: теперь эта книга мнѣ очень нужна (вѣроятно, для его работы по первоначальному періоду греч. философіи); деньги пришлю немедленно. Да напишите, что̀ есть еще у Исакова или у Нѣмцевъ замѣчательнаго по моему предмету, особенно по исторіи философіи; я бы выписалъ отъ него: въ Петербургѣ заграничныя книги гораздо дешевле".... (Тамъ же, стр. 489). „Недавно прибыли сюда новые преподаватели: *Кудрявцевъ* (для исторіи), *Леонтьевъ*, *Пѣховскій* (для древней филологіи). Съ Кудрявцевымъ видѣлся. Вы, кажется, его знаете. Университетъ, кажется, можетъ ожидать отъ него многаго. *Онъ много разсказывалъ мнѣ о Шеллингѣ*, котораго слушалъ три лѣта, и *который произвелъ на него самое сильное, жизнен-*

ное вліяніе; тоже и на Леонтьева, съ которымъ однако я еще не успѣлъ видѣться. Для меня утѣшительно, что около меня будутъ *люди, съ которыми я схожусь въ этомъ пунктѣ*".

Ср. выше, стр. 203—жалобы Каткова на его умственное одиночество въ Москвѣ.

Изданіе, которое имѣетъ въ виду Катковъ: Diogène de Laërte. Vies et doctrines des philosophes de l'antiquité; suivies de la Vie de Plotin, par Porphyre. Traduction nouvelle, par M. Ch. Zevort. 2 vol. in 12. 1848. Charpentier.

М. Н. Катковъ снова очутился—по упраздненіи своей каѳедры въ незавидномъ матеріальномъ и нравственномъ положеніи. Никто почти изъ его сотоварищей по каѳедрѣ въ другихъ университетахъ не прекратилъ профессорской дѣятельности: Фишеръ (Петербургскій философъ) и Гогоцкій (Кіевскій) были переименованы въ педагоги, Протопоповъ (Харьковскій) въ политико-экономы, Буличъ (Казанскій адъюнктъ)—въ адъюнкты россійской словесности, Штрюмпель (Дерптскій) остался на своемъ мѣстѣ, ибо протоіерей П. Алексѣевъ обязанъ былъ читать философію только для православныхъ студентовъ. Одинъ только Катковъ (да Новицкій въ Кіевѣ) на вѣки былъ утраченъ для университета....

Въ рамки нашего этюда не входитъ разсмотрѣніе дальнѣйшаго періода жизни М. Н. Каткова, его неудачныя попытки добиться, напр., цензорства,—даже какого-либо мѣста въ отъѣздъ (въ Тифлисъ)—вплоть до полученія редакторства „Московскихъ Вѣдомостей“. Мы ограничимся лишь слѣдующими отрывками изъ писемъ М. Н. Каткова къ А. Н. Попову, хорошо обрисовывающими его хлопоты и старанія:

Письмо № 7 (Москва, 12 ноября 1849 г., стр. 490).

„Спѣшу въ двухъ строкахъ увѣдомить Васъ, что на другой день по полученіи Вашего письма я отправилъ письмо къ министру. Если Вы придаете этому особенную важность, то я боюсь только, не слишкомъ ли поздно это сдѣлано.

Жаль, что Вы не посовѣтовали мнѣ этого нѣсколько ранѣе, потому что, какъ говорятъ, отъ здѣшняго попечителя пошло уже представленіе.

Душевно благодарю Васъ за Ваше участіе и за пріятельскую готовность похлопотать обо мнѣ, и признаюсь Вамъ, что больше всего проку ожидаю я отъ Вашихъ хлопотъ. Скажите, почему Вы не совѣтуете въ Тифлисъ? Нѣтъ сомнѣнія, что для меня лучше всего остаться въ Москвѣ, и въ письмѣ къ министру я только и прошу объ этомъ, но почему не имѣть Тифлисъ про запасъ?“

Изъ письма № 8 (Москва, 28 октября 1850 г., стр. 491—493).

„Въ Москвѣ былъ министръ просвѣщенія, которому я былъ, какъ слѣдуетъ, представленъ. Онъ самъ очень хорошо видѣлъ невыгоды моего настоящаго положенія и далъ мнѣ слово, что будетъ имѣть меня постоянно въ виду, а по возвращеніи въ Петербургъ непремѣнно постарается найти мнѣ такое мѣсто, которое и удовлетворитъ, и вознаградитъ меня. Что онъ имѣлъ въ виду, я не знаю, а на мой вопросъ отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь положительно не знаетъ, какое доставитъ мнѣ мѣсто, но что я могу оставаться спокойнымъ и съ терпѣніемъ ожидать его рѣшенія. Нашъ университетъ выразилъ мнѣ свое полное сочувствіе и желалъ всячески удержать меня при себѣ. Мнѣ были сдѣланы различныя предложенія. Остановились было на томъ, чтобы представить меня въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора въ уваженіе прежнихъ заслугъ, а также и въ вознагражденіе за внезапный перерывъ моей дѣятельности, сопряженный для меня съ весьма важными невыгодами, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживало то, что уже мною приготовлена была докторская диссертація по исторіи философіи, и эта диссертація, если бы не реформа, была бы защищена мною въ этотъ семестръ. Но такъ какъ каѳедры для

меня теперь въ нашемъ университетѣ нѣтъ, то въ ожиданіи могущей впредь оказаться подручной мнѣ каѳедры положено было ходатайствовать о томъ, чтобы меня удержать въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора при ученыхъ трудахъ, которые назначены для 1855 года по случаю юбилея столѣтняго существованія Московскаго Университета [1]). Но безъ всякаго сомнѣнія это представленіе по своей необыкновенности не имѣло бы успѣха. Да и что за странное положеніе—быть профессоромъ безъ каѳедры и заниматься Богъ знаетъ какими трудами! Между тѣмъ мнѣ было сдѣлано отъ ректора Петербургскаго университета П. А. Плетнева предложеніе: не захочу ли я принять мѣсто адъюнкта по русской словесности? Признаюсь Вамъ откровенно, что, профессорствовать во всякомъ другомъ университетѣ, кромѣ Московскаго, мнѣ рѣшительно не хочется; и тѣмъ болѣе, когда вмѣсто нѣкотораго вознагражденія я подвергаюсь деградаціи. Доселѣ хоть я и служилъ адъюнктомъ, но мѣсто мое не было адъюнктскимъ: каѳедра принадлежала мнѣ одному, я былъ на ней хозяинъ, и отъ меня зависѣло съ представленіемъ докторской диссертаціи получить званіе и окладъ профессора. Благодаря Петра Александровича, я писалъ ему, что если бы я и принялъ сдѣланное имъ предложеніе, то не иначе, какъ при условіи, чтобы меня перевели испр. д. экстраорд. профессора и обезпечили мнѣ возможность получить ординарную профессуру, т. е. чтобы это мѣсто не было адъюнктскимъ. Не знаю, какъ приняты мои условія: отвѣтнаго письма я еще не получалъ. Но во всякомъ случаѣ, повторяю Вамъ, только въ случаѣ крайней необходимости рѣшился бы я перейти въ Петербургскій университетъ: пусть, конечно, это останется между нами. Но главное дѣло, въ которомъ Вы можете оказать мнѣ содѣйствіе, состоитъ въ слѣдующемъ.

[1]) Бартеневъ полагаетъ, что это была мысль исторіографа университета, С. П. Шевырева, который (ср. выше, стр. 212) лишилъ Каткова каѳедры педагогики.

Пока все мною описанное происходило, въ Москвѣ не было графа Строганова, который, *принимая во мнѣ постоянное участіе*, могъ бы пособить мнѣ тутъ и совѣтомъ, и дѣломъ: онъ уѣзжалъ на свои заводы и воротился очень недавно. При первомъ свиданіи со мною онъ возбудилъ во мнѣ мысль искать мѣсто цензора. Прежде эта мысль *вовсе* и не приходила мнѣ въ голову. Я было сдѣлалъ ему на это нѣкоторыя возраженія, но онъ отвѣчалъ, что я имѣю всѣ права на это мѣсто, по крайней мѣрѣ, не меньшія, нежели приватъ-доцентъ въ Кіевскомъ университетѣ по упраздненіи каѳедры философіи, Гогоцкій, которому министръ обѣщалъ тамъ это мѣсто; если же должность цензора по своему характеру не удовлетворяетъ меня, то я не буду къ ней прикованъ; что для меня лучше провизорно оставаться на такомъ мѣстѣ, нежели на другомъ, которое въ матеріальномъ отношеніи будетъ несравненно хуже, или даже оставаться вовсе безъ мѣста при однихъ надеждахъ; что для меня впослѣдствіи будетъ очень легко съ этого мѣста перейти снова въ университетъ въ случаѣ вакансіи или новой каѳедры. Онъ совѣтовалъ мнѣ объ этомъ подумать и извѣстить его о моемъ рѣшеніи. Онъ обѣщалъ мнѣ хлопотать за меня. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, едва ли это не лучшее, за что̀ я долженъ схватиться. Какъ ни расположенъ ко мнѣ министръ, но если не указать ему рѣшительно, какое мѣсто можетъ онъ мнѣ дать, не просить его объ опредѣленномъ мѣстѣ, то онъ можетъ мнѣ сдѣлать такое предложеніе, отъ котораго, можетъ быть, я долженъ буду отказаться (какъ напр., профессорствовать въ Харьковѣ, Кіевѣ или даже въ Петербургѣ съ 700 р. с. жалованья), и тогда остаться заштатнымъ и быть въ весьма непріятномъ положеніи искать мѣста не отъ мѣста. Правда, должность цензора—и это пока только между нами—не можетъ быть мнѣ по нраву; но она дала бы мнѣ до будущаго случая хорошее провизорное положеніе. Итакъ содѣйствіе графа Стро-

ганова можетъ быть, безъ сомнѣнія, для меня полезно; но я думаю, что и другими путями дѣйствовать будетъ не менѣе полезно, и этотъ путь я вижу въ Васъ. Ваша пріязнь ко мнѣ ручается мнѣ за Ваше желаніе, а Ваши отношенія къ графу Блудову (при немъ тогда служилъ А. Н. Поповъ) даютъ надежду, что это желаніе не было бы безплодно. Я не буду плодить словъ и увѣренъ, представивъ Вамъ на видъ дѣло, что Вы не откажетесь помочь мнѣ въ немъ. Вы лучше меня знаете, что̀ можете сдѣлать, и навѣрное сдѣлаете, что̀ отъ Васъ зависитъ. Во всякомъ случаѣ сдѣлайте милость,— отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе хоть въ двухъ словахъ".

Намъ остается упомянуть ради полноты сказанія еще объ одномъ эпизодѣ изъ жизни М. Н. Каткова, когда онъ снова состоялъ или, вѣрнѣе, числился короткое время профессоромъ Московскаго университета,—но уже не по каѳедрѣ философіи, а по каѳедрѣ русской и всеобщей словесности. Это было по уходѣ Шевырева изъ университета; избраніе Каткова являлось нарушеніемъ безспорныхъ правъ на эту каѳедру Ѳ. И. Буслаева.

М. Н. Катковъ имѣлъ, правда, тоже нѣкоторыя основанія для избранія. Онъ представилъ лингвистическую диссертацію и писалъ много критическихъ статей по исторіи русской литературы, исполнилъ, наконецъ, нѣсколько недурныхъ переводовъ изъ *классиковъ* западноевропейскихъ литературъ. Мы видѣли выше (стр. 217), что П. А. Плетневъ приглашалъ его въ 1850 г. въ адъюнкты по россійской словесности. Но еще гораздо ранѣе—Каткова считали подходящимъ лицомъ для такой каѳедры (въ Кіевскомъ университетѣ) очень компетентныя лица. М. А. Максимовичъ писалъ изъ Кіева отъ 18 сент. 1843 г. М. П. Погодину: „Что бы на *мою катедру*—какого-нибудь да славнаго молодца! Говорятъ, у васъ *Катковъ таковъ молодецъ*: пусть бы скорѣе кончалъ магистерство свое,—*да и къ намъ*! Да и словенская катедра „тъща“ остается [1])…..

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VII, гл. XIV, стр. 96 и 490 (№ 53).

Ѳ. И. Буслаевъ подробно описываетъ это избраніе Каткова на московскую каѳедру русской и всеобщей словесности послѣ Шевырева:

„При Шевыревѣ съ ученой степенью магистра, но уже въ званіи занимающаго должность экстраординарнаго профессора я читалъ лекціи по исторіи русскаго языка на 1-омъ курсѣ словеснаго отдѣленія и упражнялъ въ практическихъ занятіяхъ студентовъ 1-го курса математическаго факультета. Теперь, по удаленіи Шевырева предстоялъ вопросъ, кѣмъ и какъ замѣнить его на каѳедрѣ исторіи русской и всеобщей литературы. Деканомъ филологическаго факультета или, по тогдашнему, словеснаго отдѣленія философскаго факультета былъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Сообща съ другими членами факультета, но безъ моего вѣдома и втихомолку, было рѣшено на мѣсто Шевырева избрать Михаила Никифоровича Каткова, который со степенью магистра занималъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру философіи въ званіи адъюнкта, а въ то время, находясь уже въ отставкѣ, былъ издателемъ и редакторомъ „Русскаго Вѣстника“. Наконецъ, назначено было факультетское засѣданіе по вопросу о замѣщеніи освободившейся послѣ Шевырева каѳедры. Я смутно догадывался, въ чемъ дѣло, и нѣсколько собрался съ силами и вооружился терпѣніемъ. Бодянскій меня терпѣть не могъ, видя во мнѣ соперника по ремеслу, а Леонтьевъ тогда крѣпко подружился уже съ Катковымъ, хотя еще и не жилъ съ нимъ вмѣстѣ.

Я нарочно явился въ засѣданіе попозже, чтобы дать время всѣмъ собраться. Когда я вошелъ въ прихожую, изъ профессорской залы, гдѣ было засѣданіе, раздавались громкіе голоса, но при моемъ появленіи всѣ вдругъ замолкли. Это вооружило меня несокрушимою бронею, чтобы стать подъ выстрѣлы дорогихъ моихъ товарищей. Послѣ краткаго молчанія Соловьевъ открылъ засѣданіе по вопросу о занятіи сказанной ка-

ѳедры. Онъ сидѣлъ въ верхнемъ концѣ стола; налѣво рядомъ съ нимъ Леонтьевъ, потомъ Бабстъ, затѣмъ я и т. д.; по другую сторону стола, прямо противъ меня сидѣлъ Бодянскій. Онъ заговорилъ первый. Сначала сказалъ о важности незанятой въ настоящее время каѳедры, съ которой читали лекціи такія знаменитости, какъ Мерзляковъ, Давыдовъ, Шевыревъ. Москва, какъ центръ Россіи и хранилище ея преданій, должна разносить повсюду честь и славу нашей литературной старины. „Я бы самъ сѣлъ на эту каѳедру“, воскликнулъ онъ съ излишнею горячностью, „если бы у меня на плечахъ не было столько работы по славянскимъ нарѣчіямъ“. Эту вступительную свою рѣчь онъ закончилъ вопросомъ: „итакъ, господа, кого же мы выберемъ на эту каѳедру?“ Тогда Леонтьевъ назвалъ Каткова, и за нимъ, будто сговорившись, всѣ единогласно повторили его слова. Такимъ образомъ, единогласно былъ избранъ на мѣсто Шевырева Катковъ, и притомъ съ переименованіемъ изъ адъюнктъ-профессора прямо въ исправляющаго должность ординарнаго профессора. По окончаніи засѣданія рѣшено было немедленно отправиться къ Каткову съ этимъ предложеніемъ отъ факультета. Съ деканомъ Соловьевымъ во главѣ вызвались депутатами Бодянскій и Леонтьевъ. Тогда и я, до тѣхъ поръ не сказавшій ни слова въ теченіи всего засѣданія, почелъ своей обязанностью прервать свое молчаніе, предложивъ свои услуги этой депутаціи, примолвивъ, что я, вѣроятно, буду для нихъ полезенъ.

Катковъ занималъ тогда квартиру близехонько отъ университета, на Нижней Кисловкѣ, наискосокъ противъ заднихъ воротъ Никитскаго монастыря. Аудіенція происходила въ залѣ, куда онъ явился къ намъ. Мы не садились, а стояли передъ нимъ. Деканъ Соловьевъ изложилъ ему рѣшеніе факультета съ просьбою принять предлагаемое ему званіе. Катковъ сначала изумился, будто въ первый разъ услышалъ такую новость, и сталъ отговариваться тѣмъ, что онъ очень занятъ

изданіемъ „Русскаго Вѣстника“ и не можетъ взять на себя всѣхъ обязанностей по каѳедрѣ, которыя исполнялъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ; что онъ не можетъ читать 4-хъ лекцій въ недѣлю и, сверхъ того, исправлять сочиненія и переводы, обязательные для студентовъ 1-го курса словеснаго и юридическаго факультетовъ, и рѣшительно отказывается отъ экзаменованія вступающихъ въ университетъ. Тогда сталъ уговаривать его Бодянскій, заявляя о настоятельной необходимости спасти каѳедру литературы въ Московскомъ университетѣ хотя бы двумя только лекціями въ недѣлю, а затѣмъ, чтобы уладить дѣло, я предложилъ Каткову свои услуги взять на себя занятія съ первокурсниками словеснаго и юридическаго факультетовъ, а на пріемныхъ испытаніяхъ экзаменовать вступающихъ въ университетъ по всѣмъ четыремъ курсамъ, т. е. я бралъ на себя такой трудъ, который до сихъ поръ мы съ Шевыревымъ дѣлили пополамъ. Любопытно, что никому изъ слушающихъ и въ голову не пришло, что я беру на себя непосильный трудъ и безсовѣстно смѣюсь надъ ними. Всѣ вмѣстѣ съ Катковымъ съ благодарностью приняли мое щедрое предложеніе.

Это было великимъ постомъ, а въ началѣ мая министромъ народнаго просвѣщенія было утверждено рѣшеніе совѣта Московскаго университета возвести бывшаго адъюнкта Каткова въ званіе исправляющаго должность ординарнаго профессора по исторіи русской и всеобщей литературы. Къ крайнему удивленію, Катковъ къ сентябрю мѣсяцу вышелъ въ отставку и такимъ образомъ ни разу не успѣлъ влѣзть на такъ щедро предложенную ему каѳедру. Такимъ образомъ, собственно говоря, я заступилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто не послѣ Шевырева, а послѣ Каткова.

Никто бы не могъ повѣрить, чтобы могла въ исторіи Московскаго университета разыграться такая шутовская комедія, если бы свидѣтельства о ней не сохранились въ оф-

фиціальныхъ документахъ архивовъ Московскаго университета и министерства народнаго просвѣщенія.

Я увѣренъ, такого скандала не приключалось бы, если бы былъ живъ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, который цѣнилъ мои ранніе опыты по разработкѣ русской старины и народности и поощрялъ меня къ дальнѣйшимъ успѣхамъ". [1])

---

[1]) «Починъ», Сборникъ общества любителей россійской словесности, на 1896 г. Изъ дополненій къ «Моимъ воспоминаніямъ». I. Эпизоды изъ исторіи Московскаго университета, стр. 9—12.

А. Д. Галаховъ [1]), привлекшій Каткова къ сотрудничеству въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (когда тотъ готовился къ магистерскому экзамену въ 1839 г., и оба они давали уроки сыновьямъ князя М. Н. Голицина), указываетъ (стр. 98), что въ первой же статьѣ (о сборникѣ „Пѣсни русскаго народа“ Сахарова) Катковъ *показалъ себя ученикомъ профессора М. Г. Павлова*. Первыя же строки, говоритъ А. Д. Галаховъ, „живо напоминаютъ мнѣ университетскія лекціи естествовѣдѣнія, отличавшіяся предпочтеніемъ умозрѣнія эмпиризму и синтетическимъ способомъ изложенія—отъ общихъ основъ къ частнымъ выводамъ, что̀ мы, студенты, называли „павловщиной“. Первая статья Каткова начинается вылазкой противъ исключительно-фактическаго изслѣдованія научныхъ предметовъ, пріобрѣтенія множества фактовъ безъ знанія ихъ смысла: „конечно, фактическое изученіе необходимо, но это—только ступень, моментъ полнаго знанія; внѣшнее въ предметѣ есть откровеніе внутренняго, проявленіе его сущности, на которую и нужно устремить главное вниманіе: только живое объятіе предмета въ его цѣлости съ внѣшней и внутренней стороны—есть истинное знаніе“.

„Молодой критикъ (стр. 100) искусно владѣлъ и выраженіемъ научныхъ мыслей, хотя оно на первыхъ порахъ

---

[1]) «Воспоминанія о журнальномъ сотрудничествѣ М. Н. Каткова въ 1839 и 1840 годахъ»—въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 г. (г. 9), т. 31, январь, ст. 4, стр. 97—112.

представляетъ два недостатка: излишество и по мѣстамъ реторическій паѳосъ. Но не надо забывать, что въ его время отъ того и другого были несвободны даже лучшіе профессора Московскаго университета: Давыдовъ, Надеждинъ, Шевыревъ. Особенно послѣдній платилъ немалую дань второму недостатку".

„Несмотря (стр. 107) на краткость рецензій, онѣ свидѣтельствуютъ о сильномъ талантѣ, большой научной заправкѣ и рельефномъ слогѣ рецензента. *Въ особенности сильно высказывается вліяніе на него нѣмецкой философіи (Гегеля).* Каждое сужденіе его о той или другой книгѣ выражаетъ нѣчто новое, открываетъ какую-либо сторону предмета, на которую прежде или вовсе не обращали вниманія, или обходили ее общими фразами. Нападки *на умъ*, похвалы непосредственному животному чувству, осужденіе современнаго вѣка за его будто бы матеріальное направленіе, короче—все то, что̀ тогда обзывалось мракобѣсіемъ или обскурантизмомъ, встрѣчали въ юномъ критикѣ мужественный отпоръ, заслуженное бичеваніе". Въ примѣръ приводятся рецензіи на трактатъ „О жизни" доктора *Зацѣпина* (въ „Терапевтическомъ Журналѣ" за 1839 годъ) и *Ѳ. Глинки* „Обѣдъ".

Ходъ философскаго развитія Каткова можно повидимому, характеризовать такъ: сначала вѣянія Шеллинга (періода натурфилософіи), потомъ—Гегеля, затѣмъ вліяніе Шеллинга—личное, но вліяніе уже миѳологіи и философіи откровенія. Ко времени вступленія на каѳедру М. Н. уже совершенно отчудился отъ Гегеля (ср. выше, стр. 181—182, 203, 214) и былъ чистымъ шеллинговцемъ-мистикомъ. Въ своихъ лекціяхъ по исторіи философіи онъ, очевидно, придерживался Шеллинга, и его же вліяніе сказалось въ „Очеркахъ", которые, повидимому, должны были послужить докторскою диссертаціею (ср. выше, стр. 216). Къ Шеллингу—для лекцій логики и психологіи Катковъ прибавлялъ сочиненія (очевидно, Lehrbuch der Logik

als Kunstlehre des Denkens, 1832, и Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft 1833 и 1845) извѣстной жертвы гоненій Гегеля—Бенеке, столь таинственно окончившаго свою жизнь. Идея развитія, лежащая въ основѣ философіи Шеллинга, привлекала Каткова и въ психологіи Бенеке (Urkräfte). Впрочемъ, и тутъ могло быть вліяніе личное, если Катковъ слушалъ лекціи Бенеке въ Берлинѣ.

Въ общемъ, судя по отзывамъ слушателей, лекціи по исторіи философіи (см. выше слова Любимова, стр. 204—205, Галахова, стр. 205, Бестужева, стр. 206—207, Бартенева, стр. 207 и Соловьева, стр. 210), выходили гораздо удачнѣе лекцій психологіи и особенно логики (см. у Аѳанасьева и Колюпанова, стр. 208). Но какъ бы то ни было, лекціи М. Н. Каткова, получившаго спеціальную, заграничную философскую подготовку, и черпавшаго свое знаніе ipsa ex fonte, разумѣется, были несравненно болѣе полезны и научны, нежели чтенія смѣнившаго его протоіерея Петра Матѳіевича Терновскаго [1]): объ удаленіи Каткова можно лишь пожалѣть.....

Пятилѣтняя профессорская дѣятельность М. Н. Каткова приносила свои плоды: Катковъ оказывалъ пользу не только лекціями, но и домашними бесѣдами [2]). Онъ собиралъ вокругъ себя молодежь, обращался съ нею ласково [3]) и дружески. Слушатели любили его и становились его [4]) друзьями и приверженцами—нерѣдко на его жизнь.....

---

[1]) О немъ см. V томъ сего сочиненія.

[2]) Выше, стр. 207 (Бартеневъ).

[3]) Выше, стр. 208 (Колюпановъ).

[4]) Выше, стр. 198 (Бороздинъ).

Приложенія.

I.

Въ текстѣ нашего сочиненія на стр. 32—33 мы привели отзывы о лекціяхъ М. Г. Павлова, сдѣланные его учениками Студитскимъ и Линовскимъ. Здѣсь мы можемъ привести эти замѣчательные отзывы нѣсколько подробнѣе, почерпая ихъ изъ статьи А. Студитскаго: „Москвитянинъ“ журналъ, издаваемый М. Погодинымъ, часть II, № 3, 1845. Отдѣлъ V. Смѣсь (въ годичномъ оглавленіи при VI части ошибочно показана эта статья въ II отдѣлѣ), ст. II, стр. 23—26).

М. Г. Павловъ.

Профессоръ физики въ 1835 г.

Почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покойный проф. Павловъ оставилъ каѳедру физики, лѣтъ шесть минуло уже съ того времени, какъ онъ умеръ. Думаемъ, нѣтъ и не можетъ быть болѣе ни пристрастія, ни вражды. Но не прошли и не пройдутъ въ душѣ учениковъ его тѣ впечатлѣнія, которыя производили на нихъ его лекціи физики. Напротивъ, до сихъ поръ—эти впечатлѣнія, перешедши черезъ горнило опыта, размышленія и критики, возстаютъ передъ

нами при первомъ призывѣ памяти—прекраснѣе, чище и свѣтлѣе.

Изъ многочисленныхъ слушателей Павлова, нашихъ предшественниковъ и товарищей, немногихъ теперь мы встрѣчаемъ. Большая часть разсѣялась: но судя по общему тогдашнему голосу, по общему убѣжденію, мы увѣрены, что и теперь большая часть изъ нихъ думаетъ и чувствуетъ одинаково съ нами.

Ни одинъ изъ наставниковъ нашихъ,—хотя всѣ они дѣйствовали на насъ благотворно, хотя ко всѣмъ не погасло въ насъ чувство признательности—ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ на насъ такъ сильно и такъ прочно, какъ Павловъ.

Въ чемъ же заключается тайна этого дѣйствія?

Мысли Павлова, повѣряемыя критически, потеряли для насъ свою силу. Неопредѣленность основной идеи, невозможность вывести изъ нея что-нибудь чисто-формальное (?), ея значеніе, по которому она легко приложима ко всему, искусственное построеніе системы, гипотетическія начала ея—все это, конечно, не могло расположить насъ до такой степени въ пользу Павлова.

Фактовъ мало и до того мало, что „Физика“ покойнаго профессора ни мало не знакомила насъ съ современнымъ состояніемъ науки. Это знали, конечно, и первокурсные студенты—тѣмъ болѣе, что въ то же время другой преподаватель, г. *Топоровъ* излагалъ для медицинскихъ студентовъ физику, держась, преимущественно, Пулье.

Въ чемъ же заключается тайна дѣйствія Павлова?

До сихъ поръ какъ теперь вижу нашъ первый экзаменъ. Имѣя отъ природы безпечный характеръ, обладая нѣкоторою увѣренностію въ успѣхѣ дѣла, или считая за одно и то же успѣхъ или неуспѣхъ, я могъ слѣдить за вопросами профессора и отвѣтами своихъ товарищей. Одинъ отвѣчалъ быстро,

не останавливаясь, видно, выучивши „Физику“ *Двигубскаго*— или даже самого Павлова наизусть: Павловъ морщился и ставилъ нули и единицы. Отвѣтъ другого не былъ быстръ и состоялъ изъ нѣсколькихъ отрывистыхъ словъ: Павловъ, видимо, былъ доволенъ. Сужденія свои онъ выражалъ обыкновенно однимъ словомъ: „Вы мыслите“ или „Вы не мыслите!“—и рѣдко ошибался.

Такая проницательность взгляда въ профессорѣ уже одна могла заинтересовать слушателей. Но была другая причина— и эта причина оказалась съ первой лекціи, съ первыхъ словъ профессора. Это—необыкновенная послѣдовательность и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова. Каждое выраженіе его за то отливалось такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы—первокурсные студенты—удивлялись его логикѣ и не могли надивиться: теперь —при воспоминаніи о немъ тоже.

Занималъ насъ, разумѣется, и полемическій характеръ изложенія физики, но не самъ по себѣ, а единственно своею формою. Въ самомъ дѣлѣ—для насъ не могло быть интереснымъ опроверженіе теоріи атомической—мы не знали и не видали ни одного атомиста, насъ не могъ интересовать приговоръ Пулье, Гей-Люссаку или Окену: мы ихъ еще не читали. Насъ прельщалъ тонъ профессора, мѣткость и быстрота, съ какими онъ разрушалъ системы въ самомъ основаніи, ловкость, съ какою онъ устранялъ возраженія противъ своихъ началъ.

Эти достоинства, первостепенныя для другого, были однакожъ второстепенными для Павлова. Разсказываютъ множество анекдотовъ о его необыкновенной лѣни. Этому можно было легко повѣрить, взглянувъ на массу его тѣла, которая его душила.—Но только онъ взойдетъ на каѳедру, только скажетъ, задыхаясь, нѣсколько словъ, только коснется въ

первый разъ своего предмета, вы уже не видите болѣе его тѣла, вы не замѣчаете его одышки. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи—иногда спокойной и льющейся,—чаще обрывистой, восторженной, патетической—все это показывало страстную любовь къ своему предмету,—а можетъ быть, и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора не на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Изъ полутораста человѣкъ—едва ли можно было найти двухъ-трехъ, которые бы утомились на его лекціи, которые бы не выслушали ея съ удовольствіемъ съ начала до конца, тѣмъ менѣе, которые бы проманкировали ее безъ причины. Никто не чувствовалъ времени, и, кажется, не почувствовалъ бы, еслибъ профессоръ каждый разъ вмѣсто часа читалъ по 4 часа.

И странное дѣло—мысли Павлова, мало принесшія намъ пользы въ самой его наукѣ, послужили для насъ однакожъ путеводною нитью въ другихъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого то особеннаго, критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе. Не буду увѣрять, что это пріобрѣтеніе—общее для всѣхъ его слушателей,—нѣтъ однакожъ сомнѣнія, что для многихъ.

Говорятъ, Павловъ мало занимался своимъ предметомъ. Мы этому не вѣримъ. Въ самомъ дѣлѣ есть два способа заниматься наукою,—читать и думать. Павловъ мало читалъ—и потому никто не видалъ его занятій; но онъ много думалъ,—это доказывала каждая его лекція.

Необходимые опыты были всегда производимы отчетливо, чисто и необыкновенно точно—даже изящно. Конечно, по самому духу системы ихъ не могло быть много, и они не были трудны и сложны.

Мы не слыхали и не видали Павлова на каѳедрѣ сельскаго хозяйства. Можетъ быть, онъ тамъ не былъ такъ хорошъ, да едва ли и могъ быть тамъ хорошъ профессоръ—натур-философъ. Впрочемъ, мы думаемъ, что и здѣсь, какъ въ физикѣ, онъ имѣлъ неотъемлемыя достоинства, что и здѣсь, какъ и тамъ: „онъ былъ профессоромъ не для науки, а для слушателей“.

Къ послѣднимъ словамъ статьи *А. Студитскаго Линовскій* (см. выше, стр. 33, примѣч.) добавилъ примѣчаніе: „Въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ физикѣ, Павловъ имѣлъ, безспорно, неотъемлемыя достоинства. Строгая логическая послѣдовательность его мыслей, отчетливое ихъ изложеніе, живой, динамическій взглядъ на природу, философическій характеръ его ученія, и наконецъ умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мышленію—вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей. Самъ Павловъ превосходно сознавалъ, въ чемъ именно состояло главнѣйшее достоинство всѣхъ его лекцій и сочиненій. Въ 1836 г., когда вызвался я перевести ему на французскій языкъ его „Физику“, онъ вручилъ мнѣ книгу, въ которой вычеркнулъ изложеніе всѣхъ рѣшительно фактовъ или явленій, оставивъ одно только объясненіе своей теоріи, системы и принятаго имъ плана науки. „Фактовъ“, говорилъ онъ, „у меня въ книгѣ немного, они не новы, изложены не съ достаточною подробностію, а потому и не могутъ быть любопытными для иностранцевъ; но мнѣ хотѣлось бы познакомить ихъ съ моею системою, съ моими понятіями о силахъ природы, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о веществѣ и убѣдить ихъ, что физика, какъ и всякая другая наука, должна быть не нумераціею матеріаловъ, а системою свѣдѣній, построенныхъ по идеѣ цѣлаго“.

Жалѣю, очень жалѣю, что не удалось мнѣ исполнить порученія Павлова, но книгу съ разными собственноручными его замѣчаніями и прибавленіями сохраняю у себя, какъ сочиненіе, безъ сомнѣнія, драгоцѣнное для каждаго изъ его учениковъ“ (Линовскій).

Эти слова М. Г. Павлова показываютъ, что и онъ самъ отнюдь не считалъ себя только простымъ истолкователемъ идей Окена, какимъ его даже теперь еще зачастую выставляютъ. Выше, стр. 37—38, мы показали несправедливость этого мнѣнія. Въ началѣ своей дѣятельности (стр. 53—54 и 92) онъ дѣйствительно пропагандировалъ идеи Окена и другихъ натурфилософовъ Шеллинговой школы. Но по мѣрѣ своего умственнаго роста М. Г. Павловъ все болѣе и болѣе выходилъ на собственный путь и не боялся представить *свои* идеи на судъ европейскихъ ученыхъ, представить эти идеи, не какъ робкій ихъ ученикъ, но какъ ихъ равноправный собратъ и даже критикъ.

На стр. 18 сего тома мы указали, что весьма желателенъ спеціальный очеркъ агрономической дѣятельности М. Г. Павлова,—очеркъ, написанный спеціалистомъ-агрономомъ. Въ ожиданіи такового мы въ качествѣ матеріала помѣстимъ пока отзывы его ученика и преемника по каѳедрѣ сельскаго домоводства—Я. А. Линовскаго въ статьѣ „Характеръ и цѣль ученія сельскаго хозяйства въ разныхъ земледѣльческихъ школахъ, институтахъ, академіяхъ и университетахъ въ Европѣ“ („Москвитянинъ“, часть II, № 3, 1845 г., Сельское Хозяйство, продолженіе, стр. 1—38). Отзывы эти касаются и дѣятельности Павлова въ университетѣ по каѳедрѣ сельскаго хозяйства, и его же директорства въ земледѣльческой школѣ.

„Въ 1822 г. вступилъ въ Московскомъ университетѣ на каѳедру сельскаго хозяйства профессоръ Павловъ, имѣвшій, безспорно, болѣе вѣрный взглядъ на предметъ своей науки, чѣмъ многіе его предшественники. Онъ своими лекціями и сочиненіями обратилъ на себя вниманіе многихъ просвѣщенныхъ нашихъ хозяевъ и образовалъ своимъ ученіемъ особую школу, которая и теперь еще имѣетъ много приверженцевъ, —школу, которой характеръ: строить великолѣпныя системы, теоріи и классификаціи, презирать мнѣніями практическихъ, опытныхъ хозяевъ и говорить всегда общими мѣстами. Павловъ превосходно обозначилъ содержаніе науки сельскаго хозяйства, рѣзкими чертами отдѣлилъ ее отъ другихъ человѣческихъ знаній, сдѣлалъ раздѣленіе науки весьма удачное,

логическое, болѣе естественное, чѣмъ то, которое принято въ нѣмецкихъ учебныхъ книгахъ, но за то, построивъ разъ великолѣпное зданіе своей науки, раздѣливъ ее на красивые, симметрическіе отдѣлы, онъ мало заботился о внутренней отдѣлкѣ зданія, о томъ, чтобы разобрать, изучить съ подробностію самый предметъ своихъ занятій, а потому на своихъ лекціяхъ онъ вынужденъ былъ очень часто прибѣгать къ общимъ мѣстамъ, и потому онъ не принесъ своимъ преподаваніемъ столько пользы, сколько можно было ожидать отъ него, какъ отъ человѣка, необыкновенно умнаго и весьма основательно образованнаго“ [1]).

„Необходимость подвести занятія хозяевъ подъ извѣстныя правила и законы, желаніе имѣть и въ Россіи школу, которая была бы разсадникомъ для правильнаго, отчетливаго хозяйства, сдѣлались у насъ какою то необходимостью, важнѣйшею потребностію въ государствѣ. Москвѣ, сердцу Россіи, суждено было первой удовлетворить этой потребности и образовать у себя въ столицѣ школу, которой назначеніе было возвысить сельское хозяйство на степень науки, распространить о немъ правильныя понятія въ государствѣ и возбудить въ сословіи земледѣльцевъ стремленіе къ разумному познанію предмета ихъ занятій.

Въ это время Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ русскій вельможа, князь Дмитрій Владимировичъ Голицинъ, страстно любившій сельское хозяйство, вполнѣ сознававшій важность науки и доказывавшій безпрестанно, что для успѣховъ въ Россіи сельской промышленности важнѣйшее средство—наука. Въ это же самое время, а именно въ 1822 году прибылъ въ Москву молодой ученый М. Г. Павловъ, назначенный быть профессоромъ сельскаго

---

[1]) Стр. 31—32.

хозяйства въ Московскомъ университетѣ, человѣкъ съ основательнымъ образованіемъ, логическою стройностію мыслей, страстный охотникъ до всякихъ системъ, теорій, классификацій, доказывавшій въ теченіи 15 лѣтъ все одно и то же, а именно важность и необходимость науки. Ласково и привѣтливо встрѣтилъ князь Д. В. Голицынъ молодого еще тогда профессора. Скоро сошлись сановникъ съ ученымъ въ главныхъ своихъ мысляхъ, и плодомъ ихъ бесѣдъ было учрежденіе въ Москвѣ Земледѣльческой школы, которой управленіе поручено было Павлову.

Съ участіемъ смотрѣла Россія на эту первую земледѣльческую школу. Правительство съ самаго начала ея образованія снабдило это заведеніе нужными для его развитія средствами. Члены Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства охотно приносили разныя приношенія и дополняли такимъ образомъ недостатокъ денежныхъ средствъ, бывшій ощутительнымъ въ началѣ устройства школы. Помѣщики изъ разныхъ губерній стали присылать въ Москву крестьянъ своихъ въ ученіе, а Рикордъ привезъ сюда двухъ даже уроженцевъ Камчатки и отдалъ ихъ тоже въ школу. Однимъ словомъ начало было превосходное, можно было ожидать для отечества обильнѣйшихъ плодовъ. Нужно было только умѣть дать школѣ приличный характеръ, сообразить ученіе съ нуждами и потребностями того сословія, которому ввѣрялась наука, и тогда безъ сомнѣнія школа принесла бы значительную пользу отечеству; но Павловъ, по моему мнѣнію, не понялъ достаточнымъ образомъ цѣли школы, или точнѣе не зналъ, какія слѣдуетъ принять у насъ мѣры для того, чтобы вѣрнѣе распространить въ народѣ улучшенное хозяйство.

Павловъ былъ безспорно человѣкъ очень умный, обладавшій удивительною способностію излагать всякую науку ясно, отчетливо и необыкновенно систематически. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ, конечно, выше многихъ нѣмецкихъ и фран-

цузскихъ ученыхъ и писателей; но съ другой стороны никто изъ знавшихъ его коротко не станетъ, надѣюсь, отрицать того, что Павловъ былъ болѣе мыслитель, философъ, чѣмъ хозяинъ. Получивъ первоначальное свое образованіе въ одномъ изъ тѣхъ заведеній, откуда выходятъ у насъ обыкновенно люди, болѣе способные къ отвлеченнымъ, чѣмъ къ положительнымъ знаніямъ, бывши потомъ въ чужихъ краяхъ въ то именно время, когда нѣмецкая натуральная философія проникала во всѣ отрасли человѣческаго знанія, Павловъ увлекся живымъ, динамическимъ взглядомъ нѣмецкихъ ученыхъ на природу, а еще болѣе ихъ стройными, великолѣпными системами, къ которымъ онъ по характеру имѣлъ болѣе наклонностей, чѣмъ къ положительнымъ знаніямъ. Ему недоставало ни средствъ, ни времени, ни охоты знакомиться съ разными сельскими пріемами, полевыми работами и вообще съ подробностію сельскаго хозяйства. Вотъ почему кругъ его свѣдѣній, хотя и очень стройный, но къ сожалѣнію былъ весьма тѣсный, ограниченный. Какъ въ физикѣ, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ не любилъ онъ говорить ни о чемъ спеціально, съ подробностію. Всегда уносился онъ къ однѣмъ лишь общимъ мѣстамъ, къ отдаленнымъ причинамъ, къ сущности явленій. Другой его недостатокъ, какъ директора школы, былъ тотъ, что онъ не вникалъ надлежащимъ образомъ въ цѣль заведенія, котораго онъ былъ главою, не сознавалъ того, что у насъ, какъ и вездѣ, для крестьянъ нужны въ сельскомъ хозяйствѣ другія свѣдѣнія, чѣмъ для помѣщиковъ, что поселяне отдаются въ школу не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ преподавателей, учителей или философовъ, а для того именно, чтобы дать имъ приличное земледѣльческое образованіе, чтобы приготовить въ школѣ хорошихъ управителей хозяевъ, которые могли бы пріобрѣтенныя ими свѣденія легко приложить потомъ къ дѣлу.

Лишь только прибыли первые ученики въ школу, лишь

только засѣлъ Павловъ на каѳедру—и тотчасъ началъ онъ объяснять имъ, что для основательнаго изученія сельскаго хозяйства нужно непремѣнно знаніе химіи, ботаники, физики, геогнозіи, физіологіи и многихъ другихъ вспомогательныхъ наукъ; вмѣсто того, чтобы объяснять своимъ слушателямъ устройство улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, знакомить ихъ съ правильнѣйшими методами обработки земли, Павловъ толковалъ имъ о свѣтѣ, объ электричествѣ, о химическомъ сродствѣ, о кислородѣ, водородѣ, объ атомистической и динамической теоріи вещества, о томъ, какъ древніе и современные философы объясняютъ сущность растительнаго, животнаго и планетнаго процесса [1]). Конечно, всѣ эти свѣденія составляли у него одно только основаніе сельскаго хозяйства, но это основаніе было такъ широко, объемисто, Павловъ такъ любилъ распространяться надъ общими началами всякаго знанія, что для сельскаго хозяйства собственно оставалось у него времени всегда очень немного, а потому его лекціи о земледѣліи, скотоводствѣ и другихъ вѣтвяхъ сельской промышленности были почти всегда поверхностны и недостаточны.

Несмотря на то, ученики земледѣльческой школы были всегда въ восхищеніи отъ лекцій Павлова, ибо, должно отдать ему справедливость, онъ умѣлъ увлечь вниманіе слушателей, поразить ихъ логическою стройностью своихъ мыслей. Для воспитанниковъ школы казалось несравненно важнѣе, любопытнѣе и занимательнѣе разсуждать о теоріи свѣта или электричества, чѣмъ объ устройствѣ простой крестьянской сохи. Тотъ преподаватель былъ, по ихъ мнѣнію, умнѣе, того любили они предпочтительно слушать, который бранилъ по-

---

[1]) Это свидѣтельство Линовскаго подтверждаетъ наше предположеніе (выше, стр. 88—90), что М. Г. Павловъ и обработывалъ, и уже читалъ третью часть физики (физику органическую).

больше разныхъ ученыхъ и хозяевъ, доказывалъ, что они ничего не знаютъ, а Павловъ, какъ извѣстно, никого изъ хозяевъ не щадилъ, всѣхъ называлъ эмпириками. Любили, почитали Павлова его ученики, а между тѣмъ, мало существенной пользы пріобрѣтали они отъ его лекцій, и если бы къ ихъ счастію не было въ Бутыркахъ на опытномъ хуторѣ старосты, дѣльнаго, опытнаго хозяина, образца русскаго здраваго смысла, старосты, который и до сихъ поръ еще живетъ, то ни одинъ изъ учениковъ школы не умѣлъ бы отличить сохи отъ плуга, или пшеницы отъ овса, хотя каждому изъ нихъ при выходѣ изъ школы казалось, что онъ одинъ только въ Россіи раціональный хозяинъ, и что въ своихъ знаніяхъ отстоитъ онъ отъ народа, какъ небо отъ земли.

Павловъ, а въ слѣдъ за тѣмъ нѣкоторые начальники и преподаватели школы твердили безпрестанно, что въ сельскомъ хозяйствѣ всего важнѣе *наука и наука*. Но какой долженъ быть характеръ науки сельскаго хозяйства? Объ этомъ мнѣнія были весьма различны; многіе думали, что цѣль школы будетъ всего лучше и вѣрнѣе достигнута тогда, когда будетъ излагаться не одно только сельское хозяйство, а еще двадцать другихъ постороннихъ наукъ; немногіе сознавали ту простую и ясную, кажется истину, что для земледѣльца, въ особенности для поселянина гораздо полезнѣе и важнѣе знать основательно одну науку сельскаго хозяйства, чѣмъ весьма поверхностно 20 разныхъ наукъ,— и изъ нихъ всего хуже ту именно, для изученія которой онъ посвящаетъ свою жизнь. Воспитанникамъ преподавались не только различныя вѣтви естественныхъ наукъ, но сверхъ того: алгебра, геометрія, словесность, исторія, статистика, географія, архитектура, преподавались эти науки потому именно, что каждая изъ нихъ полезна, что заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя, чего, конечно, никто не могъ оспоривать.

Не только во время Павлова, но и теперь еще изъ

числа 13, кажется, учителей, находящихся при школѣ, едва одинъ только читаетъ сельское хозяйство: прочіе учителя преподаютъ другія разныя науки. Любопытно прочесть настоящую программу ученія Московской земледѣльческой школы, любопытно потому именно, что изъ нея не легко можно угадать, земледѣльческая ли это школа, или какая-либо другая.

Вотъ эта программа:

1. Законъ Божій, 2. россійскій языкъ, 3. математика, а именно: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія алгебры и тригонометріи, 4. землемѣріе, 5. архитектура, 6. черченіе плановъ, 7. физика, 8. химія и технологія, 9. земледѣліе вообще (не умѣю объяснить себѣ смыслъ этого слова *вообще*), 10. физіологія растеній и садоводство, 11. лѣсоводство, 12. описаніе эпизоотическихъ болѣзней скота, 15. бухгалтерія и счетоводство, 14. географія и статистика Россіи, 15. чистописаніе, 16. церковное пѣніе.

Всѣ эти разнообразныя науки, преподаваемыя для слушателей, которые, пріѣзжая въ школу, едва писать и читать умѣютъ, излагаются въ теченіе трехъ только лѣтъ. Сельское хозяйство, какъ видно изъ программы, составляетъ самую незначительную часть универсальнаго образованія воспитанниковъ, которыхъ свѣдѣнія по этому предмету остаются обыкновенно весьма недостаточными, и вотъ почему въ послѣдніе годы выпускаемые изъ школы ученики стали занимать мѣста не столько управителей или хозяевъ, сколько преимущественно конторщиковъ и землемѣровъ.

При описаніи разныхъ земледѣльческихъ школъ, находящихся въ Германіи и во Франціи, я старался показать, что тамъ давно понята уже та разница, которая должна существовать между земледѣльческими школами и институтами. Первыя назначены тамъ для образованія поселянъ, а другія для образованія помѣщиковъ и управителей.

Для того, чтобы земл. школы могли принести отечеству возможно вѣрную пользу, нужно, какъ прекрасно говорилъ *Векерлинъ* въ собраніи нѣмецкихъ хозяевъ въ Потсдамѣ, соблюсти то правило, чтобы образованіе поселянъ было какъ можно проще, чтобы оно соотвѣтствовало ихъ будущимъ занятіямъ и образу жизни. Это—основная мысль Гогенгеймской школы, получившей европейскую славу. Тамъ курсъ ученія продолжается тоже три года, но въ это время воспитанниковъ занимаютъ не тригонометріею, не словесностію, а познаніемъ на самомъ дѣлѣ тѣхъ различныхъ полевыхъ работъ и сельскихъ пріемовъ, которыхъ знаніе необходимо для поселянина. Ученики въ Гогенгеймѣ весь день работаютъ въ поляхъ и только вечеромъ въ теченіи двухъ часовъ слушаютъ курсъ сельскаго хозяйства,—и то самый популярный. Они вовсе не знаютъ химіи, ни ботаники, а между тѣмъ выходятъ превосходнѣйшими хозяевами.

Этотъ планъ ученія принятъ не только въ Гогенгеймѣ, но во всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ школахъ во Франціи, въ Германіи и въ другихъ государствахъ. Пусть не думаютъ, чтобы директоры тамошнихъ заведеній не постигали той простой истины, что знаніе химіи и ботаники полезно; они напротивъ понимаютъ это превосходно, такъ какъ знаютъ, что астрономія, греческая словесность и многія другія вѣтви человѣческихъ знаній тоже очень полезны, но съ другой стороны—опытность и здравый смыслъ научилъ ихъ, что, чѣмъ болѣе излагается побочныхъ предметовъ въ земледѣльческихъ школахъ, предназначаемыхъ собственно для поселянъ, тѣмъ труднѣе достигаютъ онѣ своей цѣли, тѣмъ болѣе развлекаются воспитанники другими предметами, тѣмъ поверхностнѣе дѣлаются ихъ знанія, тѣмъ больше уклоняются они отъ своего назначенія.

Если такое рѣзкое различіе существуетъ между земледѣльческими школами и институтами, между образованіемъ поселянъ и помѣщиковъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ поселя-

нинъ отличается отъ помѣщика только тѣмъ, что у него вдесятеро меньше дохода, и что вынужденъ онъ самъ работать, тогда какъ помѣщикъ имѣетъ достаточно средствъ для того, чтобы нанять поденьщиковъ, то само собою, что у насъ въ Россіи разница между образованіемъ крестьянъ и помѣщиковъ должна быть гораздо явственнѣе, отличительнѣе. Частное спеціальное воспитаніе каждаго человѣка должно быть, мнѣ кажется, сообразно его нуждамъ и потребностямъ, а въ особенности тѣмъ правамъ, которыми онъ пользуется въ государствѣ. Къ чему учить крестьянина 16-ти разнымъ наукамъ, когда послѣ выхода изъ школы онъ долженъ возвратиться къ занятіямъ, приличнымъ его званію? Къ чему эти многосторонныя свѣдѣнія о походахъ Александра Македонскаго, объ уравненіяхъ второй степени, о кеплеровыхъ законахъ тяготѣнія, когда онѣ не свойственны будущему образу жизни нашего поселянина? Мнѣ кажется, что дирекція всякой земледѣльческой школы не можетъ забыть того обстоятельства, что поселянинъ, выходящій у насъ изъ школы, не пользуется никакими особыми правами, какъ только тѣми, которыя свойственны его прежнему званію и состоянію. Свѣдѣнія объ улучшенныхъ орудіяхъ, о правильныхъ способахъ обработки земли и другія тому подобныя знанія,—вотъ что составляетъ кругъ ученія поселянина въ земледѣльческихъ школахъ вездѣ заграницею.—У насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, есть причинъ для разширенія этого круга, и потому должно стараться давать поселянамъ такое именно образованіе, которое соотвѣтствовало бы будущимъ ихъ занятіямъ, образу жизни, и тѣмъ правамъ, которыми они пользуются въ государствѣ.

Гораздо лучше поняла и цѣль, и назначеніе свое та школа, которая подъ названіемъ Удѣльнаго земледѣльческаго училища учреждена была въ 1832 г. близь Петербурга за новою Выборгскою заставою по Парголовской дорогѣ“ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 18—24.

И это училище не оправдало надеждъ Линовскаго: вся его обстановка была остроумнымъ humbug со стороны директора училища М. А. Байкова, какъ показываютъ записки его помощника по службѣ В. П. Бурнашева „Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности“ (1834—1860) М. 1873 (появлялись предварительно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“).

II.

Якобъ, какъ видно, не только теоретически интересовался крѣпостнымъ правомъ (ср. выше, стр. 141—143), но домогался осуществить его практически. „Принципіальный вопросъ объ дворянствѣ и о *связанномъ съ нимъ правѣ владѣть крѣпостными* поднялъ въ 1807 г. извѣстный профессоръ Якобъ. И правленіе дало слѣдующее разъясненіе на его вопросы. По указамъ 1746 г. (13 янв.) и 1747 г. (12 мая) иностранцамъ, не принявшимъ русскаго подданства, запрещено было владѣть деревнями и крѣпостными людьми; по табели о рангахъ чиновники первыхъ 8 классовъ могли получить потомственное дворянство и быть внесены въ родословную книгу, хотя бы они были и низкой породы; по указу 1805 г. (29 января) снова запрещено было писать крѣпости на иностранцевъ, не внесенныхъ въ родословныя книги. Такимъ образомъ для полученія права владѣть крѣпостными Якобъ и другіе иностранные профессора должны были во 1) присягнуть на подданство, во 2) получить изъ герольдіи патенты на свои чины 7-го класса, и въ 3) занести себя въ родословную книгу мѣстнаго дворянства. Что касается заявленія Якоба, будто профессора другихъ университетовъ (Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго) пользуются правами россійскаго дворянства, то объ этомъ правленію ничего не извѣстно, и въ утвердительной грамотѣ объ этомъ ничего не говорится. Принятіе подданства не можетъ ему помѣшать вернуться, буде онъ пожелаетъ, заграницу, такъ какъ это прямо разрѣшаетъ § 15

утвердительной грамоты, и указъ 1784 г. (22 февраля), относящійся не только къ профессорамъ, а и къ лицамъ торговаго сословія. „Вскорѣ Якобъ перешелъ на службу въ Петербургъ, и чѣмъ окончилось дѣло, мы не знаемъ“ (стр. 839). Харьковскій унив. архивъ, журн. правленія 1807 г. сент.—дек., засѣданіе 20 ноября. *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I.

Текстъ предложенія Якоба, внесеннаго имъ въ совѣтъ (см. выше, стр. 136), касательно нездороваго климата Харькова—находится у Багалѣя на стр. 1002—1003. Рѣчь Якоба „О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа“ изложена на стр. 689—691.

Списокъ трудовъ Якоба находится у Багалѣя на стр. 502. Отзывъ академика Фуса, доставленный въ правленіе университета попечителемъ графомъ С.Потоцкимъ—на стр. 665—666. Отрывки изъ этого отзыва помѣщены выше на стр. 138—139.

Тамъ же (у Багалѣя) интересныя подробности о Шадѣ.

Стр. 371, 393, 497—498, 619, 682—685 (школа и ученики Шада по философіи).

Стр. 840, 848, 1049—1052 (избіеніе Шадомъ слуги профессора Дрейсига—Семена Цыганенкова, вольноотпущенника помѣщицы Суровцевой), 1059—1065 (избіеніе Шада въ пьяномъ видѣ—служителями питейной конторы и виннаго откупщика—на заставѣ), 1066.

А. Вороновъ, Историко-статистическое Обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно, СПБ., 1849 г., стр. 192—193 (и прим. 1) сообщаетъ, что для употребленія въ гимназіяхъ былъ изданъ: Курсъ философскихъ наукъ, заключающій въ себѣ: 1) Всеобщую грамматику и логику, 2) Психологію и

мораль, 3) Эстетику и риторику, 4) Естественное и народное право съ пріобщеніемъ политической экономіи; сочиненіе профессора Харьковскаго университета Якоба, одобренное Фусомъ и переведенное на русскій языкъ Адъюнктомъ Главнаго педагогическаго института Бутырскимъ (Журналъ Главнаго правленія училищъ 26 января, 7 октября 1809 г., 11 августа, 13 декабря 1810 г. и 23 февраля 1811 г.; іюня 27 и 12 декабря 1812 г., 4 марта и 2 сентября 1814 г.) Весь этотъ курсъ заключался въ 4 частяхъ съ комментаріями для учителей. Автору за трудъ выдано было 5000 р., и курсъ введенъ въ употребленіе въ гимназіяхъ въ 1814 г. Съ 1819 года по случаю измѣненія гимназическаго курса руководство Якоба болѣе не употреблялось“.

III.

Либеральныя воззрѣнія М. Н. Каткова въ ранній періодъ его литературной дѣятельности сумѣли проскользнуть даже въ такой, повидимому, совсѣмъ не подходящей для того книгѣ, какъ его лингвистическая диссертація „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка". На стр. 248—249 (примѣчаніе въ текстѣ) Катковъ разсуждаетъ о томъ, что для уменьшенія нѣтъ особаго суффикса: одна и та же форма—по желанію говорящаго—можетъ приласкать и унизить предметъ. Все различіе—лишь въ удареніи (Ва̀нюшка—Ванюшка). Далѣе Катковъ замѣчаетъ, что русскому народу ставятъ въ вину излишество формъ уничижительныхъ: такимъ излишествомъ придавался непривлекательный характеръ общественнымъ учрежденіямъ въ древней Руси. Но эти формы языка, ставшія впослѣдствіи уничижительными, не всегда были въ древнѣйшую пору даже уменьшительными..... Собственныя имена, принимая суффиксы *ко*, *ца*, *шка*, ставшіе потомъ исключительной принадлежностію холоповъ, ни мало не оскорбляли своихъ владѣльцевъ. Если нынѣ *Ванькою* или *Мирошкою зовутся лица, неспособныя оскорбляться*, то въ древности князь *Василько*, князь *Любко* не почитали за нужное оскорбляться своими именами; *Мирошками*, *Жирошками*, *Иванками*, *Глѣбками*, *Ѳомками* назывались мужи именитые, новгородскіе посадники. „Лишь въ позднѣйшую (стр. 249) эпоху всѣ эти формы стали

подлыми, и *низшій* въ отношеніи къ высшему началъ являться не иначе....., какъ холопкою(?) съ цѣлой аравой именъ уничижительныхъ. Петръ Великій, положившій конецъ отжившему быту древней Руси, положилъ конецъ и симъ украшеніямъ Московскихъ грамотъ: *вся эта сволочь*, изгнанная имъ изъ общественныхъ отношеній, *находитъ себѣ донынѣ пріютъ подъ мирнымъ кровомъ помѣщиковъ*". Вспомнимъ, что это писалъ Катковъ въ самую тяжелую эпоху его жизни, когда онъ былъ безъ мѣста и могъ лишь мечтать пристроиться при университетѣ. И этой надежды могло лишить его подобное выраженіе о „кровѣ помѣщиковъ", если бы оно было показано дошлымъ человѣкомъ—и кому слѣдуетъ.

Любопытно, что въ то же время Катковъ, повидимому, былъ строго православнымъ человѣкомъ и даже наставлялъ въ православіи другихъ. „По свидѣтельству *В. К. Истомина*, онъ имѣлъ спасительное вліяніе на П. М. Леонтьева въ религіозномъ отношеніи, утвердивъ его въ истинахъ православной вѣры,—и за это благо Леонтьевъ остался ему благодарнымъ на всю жизнь."

Свидѣтельство г. Истомина подтверждается письмомъ Леонтьева къ Каткову (10 апрѣля 1854 г.): „я сегодня пріобщился Святыхъ Таинствъ, любезный М. Н., и лобызаю Васъ мысленно, Васъ, *бывшаго для меня орудіемъ спасенія*. Я не знаю, что было бы со мною, если бы Богъ не привелъ сблизиться съ Вами. Благія сѣмена, упавшія на мою почву, были совершенно заглушены, духовное зрѣніе подавлено мракомъ самодовольной умственной лѣности, внутренняя пустота казалась даже нормальнымъ состояніемъ, когда я ближе узналъ Васъ. Повѣрьте истинѣ, въ которой нѣтъ и тѣни преувеличенія, *Вы*—и *Вы одни* сдѣлались на землѣ *орудіемъ благости Божіей*, для меня доступнымъ, когда все остальное потеряло доступъ ко мнѣ. Если я теперь ясно вижу передъ собой *путь истинный*, то это произошло безъ моего вѣдома. Я и

думалъ мало, и хотѣлъ еще меньше, и только не могъ не смотрѣть на Васъ. Я незамѣтно и *совершенно не человѣчески привязался* къ Вамъ послѣ того, какъ не разъ и мысленно, и рѣчами оскорблялъ Васъ. Мнѣ суждено было потомъ болѣе всего извлечь внутренней пользы изъ Вашего семейнаго горя: годъ смерти Вашей матушки былъ *годомъ моего рожденія*, когда я въ *первый разъ* не въ судъ пріобщился Тайнъ Спасителя. Но и я съ тѣхъ поръ, такова *слабость* мысли моей и воли, я ни на волосъ не преувеличиваю, *только въ Вашемъ* присутствіи я нахожу должное настроеніе и спокойствіе. Я увѣренъ, что Вамъ это покажется невѣроятнымъ“..... [1]).

Вотъ на какой основѣ произошло сближеніе этихъ двухъ друзей,—которыхъ подъ именами „Педемаха“ и „Педефила“ неоднократно воспѣвалъ В. П. Буренинъ.

Обращеніе Леонтьева указываетъ еще разъ на ту черту, какую отмѣтили К. Бороздинъ, Колюпановъ, Бартеневъ (см. выше, стр. 197, 207, 208, 227): способность М. Н. Каткова привлекать сердца молодежи, несмотря на кажущуюся свою холодность и строгость.

„Вообще“, говоритъ его вѣрный сподвижникъ Н. А. Любимовъ, „въ сношеніяхъ М. Н-ча съ людьми, *даже близкими*, замѣчается черта характера, на которой стоитъ остановиться, и которая въ особенности развилась впослѣдствіи. Міръ, въ которомъ жилъ М. Н., не былъ тотъ міръ, который въ данную минуту непосредственно окружалъ его въ дѣйствительности. Это было замѣтно даже въ особенностяхъ его неопредѣленнаго взора [2]), который дѣлалъ впечатлѣніе на всѣхъ,

[1]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. IX, стр. 219—220. Письмо передано автору княземъ Николаемъ Владимировичемъ Шаховскимъ.

[2]) .....«Во время самого разгара моей мнимой къ нему дружбы меня дико поражали его зеленые, стеклянные глаза» (слова Бѣлинскаго—у Невѣдѣнскаго, стр. 93—изъ письма къ Боткину отъ 6 февр. 1843 г.). «Тусклый видъ, свѣтло-русые волосы, глаза голубые, почти бѣлые, внѣшность скромная и задумчивая» (слова автора статьи въ Revue de Deux Mondes за 1866 г., мартъ, II—у Любимова, стр. 321).

его знавшихъ, какъ нѣчто оригинальное, ему принадлежавшее. Онъ имѣлъ обыкновенно дѣло не съ людьми и вещами въ ихъ реальной полнотѣ существованія, а съ образами людей и вещей, какъ стояли они предъ его могущественнымъ прозрѣніемъ при освѣщеніи той или другой мысли, всецѣло поглощавшей его въ данную минуту. Двумъ мыслямъ заразъ онъ отдаваться не могъ: въ этомъ было одно изъ условій его силы. Чтобы быть съ нимъ въ тѣсномъ общеніи, быть безъ усилія услышаннымъ, вполнѣ понятымъ, требовалось войти въ этотъ міръ, оставивъ, забывъ за порогомъ большую часть самого себя. Безгранично преданный М. Ник-чу незабвенный П. М. Леонтьевъ—*тотъ забывалъ самого себя.* Оттого М. Н. былъ правъ, говоря, что они составляли такое цѣлое, въ которомъ нельзя замѣтить, гдѣ кончается одинъ, и начинается другой. Однако, эти образы людей и вещей не были какими-либо туманными, мечтательными, неопредѣленными. Напротивъ, это были образы живые, вѣрные дѣйствительности во всѣхъ чертахъ, взятыхъ изъ нея, но съ устраненіемъ и затушевкою другихъ чертъ, вслѣдствіе которыхъ эти живые образы были живыми людьми во вседневномъ ихъ существованіи.... Такое пребываніе въ мірѣ мыслей, принциповъ, образовъ, воплощающихъ принципы, дѣлало М. Н-ча мало сообщительнымъ во всемъ, кромѣ поглощавшаго его въ данное время вопроса, о которомъ онъ готовъ былъ, развивая свою мысль, говорить много и охотно, особенно съ близкими. Но порывами, какбы спохватившись, М. Н. выходилъ изъ міра, гдѣ жилъ умомъ,— и тогда *онъ являлся* и *нѣжнымъ семьяниномъ*, и *заботливымъ другомъ*, и человѣкомъ общительнымъ, въ высшей степени благотворительнымъ, самымъ добрымъ и снисходительнымъ.....

Уступчивость и мягкость М. Н-ча при личныхъ сношеніяхъ—когда не шло дѣло о принципахъ,—многіе знали—и этимъ пользовались: старались добиться личнаго свиданія, что при разросшихся занятіяхъ М. Н-ча было нелегко, и послѣ

личныхъ объясненій уходили почти всегда удовлетворенными, иногда обвороженными. Нѣкоторые авторы *пользовались неспособностью* М. Н-ча *отказать*, чтобы обдѣлать выгоднѣе свои литературныя предложенія. По уходѣ, случалось, М. Н. жаловался, что посѣтитель заговорилъ его, и онъ согласился... Въ немъ не было того праздпаго ласканія людей, какое требуется во взаимныхъ кружковыхъ отношеніяхъ; не было способности къ изліяніямъ, къ поднесенію водочки взаимному самолюбію, не было оригинальностей, способныхъ занимать кружокъ. Онъ былъ слишкомъ серіозенъ, мало экспансивенъ“ [1]).

О своей дружбѣ съ Леонтьевымъ Катковъ по смерти его въ 1875 г. отзывался такъ:

„Я потерялъ въ немъ часть своего существа—и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего, что̀ не было бы съ нимъ связано, и что̀ не болѣло бы теперь съ его утратой. Въ продолженіи всей зрѣлой поры нашей жизни мы были неразлучны съ нимъ до послѣднихъ тайниковъ мысли и сердечныхъ движеній. Прошло около тридцати лѣтъ, какъ мы узнали другъ друга. Симпатическія отношенія установились между нами сразу и до конца ни на мгновеніе не поколебались. Въ теченіе почти 20 лѣтъ насъ соединяла совокупная дѣятельность, и 17 лѣтъ мы жили, почти не разставаясь, подъ однимъ кровомъ. Между нами не было никакой розни. Мысль, возникавшая въ одномъ, непосредственно продолжала дѣйствовать и зрѣть въ другомъ.... Между имъ и мною не было ни разу не только ссоры, но и серьезнаго разногласія“.... [2])

---

[1]) Любимовъ, стр. 22—24.

[2]) Невѣдѣнскій, стр. 100.

Къ стр. 191-ой.

М. Н. Катковъ, узнавъ о путешествіи, предпринятомъ С. П. Шевыревымъ (плодомъ этого вакаціоннаго путешествія явилась извѣстная книга „Поѣздка въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь“), „не безъ нѣкоторой зависти писалъ А. Н. Попову: „Шевыревъ хочетъ этимъ лѣтомъ сдѣлать поѣздку по нѣкоторымъ губерніямъ (както: Тверской и Новгородской) для своихъ розысканій. Доброе дѣло, давно бы пора! Какъ бы *хотѣлъ отправиться и я* на такую поѣздку!“ (письмо IV, отъ 1 мая 1847 г., изъ Москвы, стр. 486).

Диспутъ М. Н. Каткова состоялся 9 іюня 1845 г. и произвелъ на М. Н. Погодина (Н. П. Барсуковъ, Ж. и тр. П—на, т. VIII, стр. 60) очень благопріятное впечатлѣніе; въ „Дневникѣ“ Погодина отмѣчено: „Утѣшительное явленіе. Спорило человѣкъ 10,—и прекрасно, учено, дѣльно! И Гриммы, и Боппы, и Бюрнуфы—всѣ прочтены, изучены, оцѣнены! Вопросъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ. Заѣхалъ оттуда нарочно къ Аксаковымъ, надѣясь услышать жаркій разговоръ, тѣмъ болѣе, что это—часть Константина. Не тутъ то было, говорятъ о какой-то статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Невѣжество!“ На диспутѣ Каткова выступалъ (тамъ же, стр. 308) и соредакторъ Погодина по „Москвитянину“, корректоръ унив. типографіи, Александръ Ефимовичъ *Студитскій* (стр. 228—232, выше приведенъ его отзывъ о М. Г. Павловѣ). Объ немъ писалъ С. П. Шевыревъ Погодину: „Приговоры Студитскаго несносны своею рѣзкостью. Такъ и слышишь его, говорящаго на диспутѣ Каткова. Обо всемъ тономъ профессора старинной школы“.

Въ свою очередь и М. Н. Катковъ выступалъ на лингвистическихъ же диспутахъ К. С. Аксакова 6 марта 1847 г. (тамъ же, стр 344) и Ѳ. И. Буслаева—3 іюня 1848 г. (тамъ же, т. X, стр. 125—126). По сообщенію Буслаева А. Н. Попову, „Катковъ нападалъ на меня за соединеніе интересовъ лингвистическихъ съ историческими, такъ что не видно, кто въ моей диссертаціи—какъ онъ выразился—„хозяинъ", лингвистъ или историкъ: хозяиномъ диссертаціи назвалъ я самого себя. Нападалъ на недостатокъ системы; я оправдывался тѣмъ, что выразилъ уже въ своемъ предисловіи" („Мои воспоминанія", стр. 310).

Каткова въ Москвѣ въ то время вообще считали болѣе лингвистомъ, нежели философомъ: „въ редакторы назначенъ *санскритологъ* и филологъ, и онъ газету („М. В.") поднялъ славно!" гласитъ шуточное стихотвореніе (Н. П. Б—въ, Ж. и т. П., т. XI, стр. 30).

Будучи адъюнктомъ философіи, М. Н. Катковъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что одинъ изъ его учениковъ не только не сплоховалъ на министерской ревизіи графа С. С. Уварова (10—28 сентября 1848 г.), а даже весьма отличился. Испытаніе происходило весьма своеобразно: студенты должны были читать пробныя лекціи на заранѣе избранныя ими самими темы—въ присутствіи министра, почти всѣхъ членовъ университета и многихъ постороннихъ посѣтителей, приглашенныхъ министромъ. 20 сентября читалъ *Безсоновъ* по каѳедрѣ *психологіи* „о современномъ состояніи психологіи". По сужденію М. П. Погодина, „ясностію, обдуманностію, внутреннимъ сильнымъ убѣжденіемъ въ своихъ мысляхъ, которое слышно было въ самомъ ихъ выраженіи, зрѣлостію—отличалось разсужденіе г. Безсонова. Слушая его, забывалось, что это сту-

дентъ, дающій отчетъ; онъ казался уже преподавателемъ". (Н. И. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. X, стр. 139 и 140). Но графъ Уваровъ не совсѣмъ былъ согласенъ съ Погодинымъ. По сообщенію Погодину И. И. Давыдова (тамъ же, стр. 148): „Описаніе Ваше его (графа) пребыванія въ Москвѣ прекрасно. Графъ только не совсѣмъ согласенъ съ Вами въ разсужденіи классификаціи чтецовъ: онъ почитаетъ *выше всѣхъ Безсонова*, моего крестника. Вѣдь это сынъ Алексѣя Терентьевича, бывшаго законоучителя въ университетскомъ пансіонѣ!"

Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета, вышелъ не философомъ, а славистомъ и русскимъ фольклористомъ. Онъ окончилъ курсъ университета 23 лѣтъ въ 1851 г. первымъ кандидатомъ.

Не такъ блестяще сошла философская пробная лекція въ 1832 г. въ присутствіи С. С. Уварова. Этотъ первый опытъ описалъ *К. С. Аксаковъ* („Воспом. студентства" 1832—1835 гг., въ журналѣ „День" за 1862 г., № 40 отъ 6 октября, общій отдѣлъ): „За Толмачевымъ вышелъ С.(азоновъ?), *вралъ* немилосердно: только и слышалось „нуменонъ", „феноменонъ". Уваровъ пустился съ нимъ въ разсужденіе, и когда С. окончилъ свое вранье, сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, С. говорилъ *свое*; а тотъ, подходя къ намъ, выговорилъ только: „посмотри-ко, какъ я вспотѣлъ!" (стр. 5, столб. III). „Сазоновъ считался первымъ студентомъ" (столб. II).

Къ стр. 212.

П. М. Леонтьевъ разсказывалъ А. В. Никитенку 11 янв. 1852 г., какъ Шевыревъ устроилъ удаленіе Каткова изъ университета, чтобы самому занять каѳедру педагогіи, назначавшуюся Каткову. „Моя повѣсть", т. I, стр. 523.

IV.

Къ стр. 163—164.

„Памятникъ вѣры“—была работа архіепископа Иннокентія Борисова, проходившая черезъ всю его жизнь. Упоминаніе о кей мы находимъ въ различныхъ мѣстахъ монографіи свящ. *Т. Буткевича*, „Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ херсонскій“. СПБ. 1887:

„Главная заслуга, которая принадлежитъ Иннокентію въ дѣлѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, состоитъ въ указаніи имъ этому преподаванію совершенно новаго, не существовавшаго до него направленія. Мы говоримъ о введеніи Иннокентіемъ истинно *историческаго* изученія догматовъ въ области церковнаго преданія, особенно же въ вѣроисповѣданіяхъ и вѣроопредѣленіяхъ, какія отъ времени до времени дѣлались Церковію и ея св. Отцами и Учителями съ цѣлію приблизить откровенную истину къ человѣческому сознанію и оградить ее отъ неправильнаго пониманія испытующею человѣческою мыслію. Правда, этотъ новый элементъ богословской науки Иннокентіемъ еще не былъ примѣненъ широко, во всемъ его объемѣ; но весьма важно уже и одно то, что Иннокентій первый указалъ на него нашей богословской наукѣ,—важно, что онъ сознялъ необходимость и намѣтилъ послѣдующему поколѣнію нашихъ

богослововъ всю обширность научныхъ изученій, требуемыхъ этимъ элементомъ, положивъ лично доброе начало такимъ изученіямъ“ (гл. III, стр. 85—86).

„Нельзя не поставить въ особую заслугу Иннокентію и его громадныхъ трудовъ въ дѣлѣ научной, спеціальной разработки собственно богословской и въ частности—историко-догматической науки. Онъ предпринялъ *добровольный*, но слишкомъ тяжелый и серьезный трудъ по составленію *„Догматическаго Сборника“*, который бы заключалъ въ себѣ правильные и точные переводы и изложенія всѣхъ важнѣйшихъ исповѣданій православной вѣры, принятыхъ вселенскою церковію всѣхъ вѣковъ отъ начала христіанства и до послѣдняго времени. Исповѣданія эти отыскивались въ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ, переводились съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій, а славянскія и русскія переписывались въ подлинномъ видѣ, предварялись біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и мало по малу составили два огромныхъ тома. Цѣлію этого сборника предполагалось представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, *памятникъ православной вѣры*, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіи всѣхъ столѣтій сохранялась она въ Православной Церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны—дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой тогда еще у насъ науки—патристики. Нѣкоторыя изъ статей этого „Сборника“ предварительно были напечатаны въ свое время въ „Воскресномъ Чтеніи“. Этотъ трудъ Иннокентія, эта разумная мысль о собраніи, переводѣ и изданіи древнихъ православныхъ символовъ христіанской церкви—мысль, находившаяся, разумѣется, въ самой тѣсной связи съ введеніемъ Иннокентіемъ въ кругъ богословскихъ наукъ—новой до того времени науки—*экклезіастики*, къ сожалѣнію, не могла быть приведена Иннокентіемъ въ исполненіе во время его ректорствованія въ Кіевской духовной

академіи. Ниже мы увидимъ, что этимъ же самымъ трудомъ Иннокентій усердно занимался и позже, уже въ бытность свою Харьковскимъ епископомъ. Въ Кіевѣ „Догматическій Сборникъ“ былъ доведенъ Иннокентіемъ только до исповѣданій XII в. по Р. Х.“ (тамъ же, стр. 92—93).

Проѣздомъ изъ Кіева въ Вологду на епископскую каѳедру (въ 1841 г.) Иннокентій „на пути пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, занимаясь въ Сѵнодальной библіотекѣ отыскиваніемъ статей, необходимыхъ для него при составленіи „Догматическаго Сборника“ (гл. IV, стр. 131).

На пути изъ Вологды въ Харьковъ—на новую каѳедру Иннокентій „заѣхалъ въ Москву, гдѣ и остановился на нѣсколько дней для свиданія съ нѣкоторыми изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ и съ цѣлію побывать въ Сѵнодальной библіотекѣ для отысканія нѣкоторыхъ рукописей, въ которыхъ онъ нуждался при составленіи давно имъ начатаго по *сѵнодальному порученію* (ср. стр. 256, выше, *добровольно?*) „Догматическаго Сборника“ (гл. V, стр. 141).

„Важный ученый трудъ, которымъ Иннокентій продолжалъ заниматься почти во все время своего управленія Харьковскою епархіею, былъ, несомнѣнно, „Догматическій Сборникъ“. Еще 29 дек. 1841 г. незадолго до своего отъѣзда изъ Вологды въ Харьковъ Иннокентій по этому поводу писалъ своему петербургскому другу: „Въ дополненіе къ оффиціальнымъ бумагамъ позвольте побесѣдовать съ Вами неоффиціально—и первѣе всего о „Сборникѣ“. Мнѣ ли не желать ему скорѣйшаго окончанія? Но что дѣлать, когда дѣло само по себѣ крайне трудно, и обстоятельства мои не менѣе затруднительны? Какъ продолжать съ успѣхомъ трудъ, требующій всякаго рода справокъ историческихъ, когда въ здѣшней библіотекѣ нѣтъ даже и того, что составляетъ азбуку историческую: нѣтъ, напр., ни одного, хотя бы несовершеннаго „Собранія Соборовъ“? Присылаемыя Вами разныя книги не

только не наполняютъ нашего недостатка, а еще болѣе обнаруживаютъ нашу бѣдность. Вы хотѣли придать мнѣ въ помощь архимандритовъ, но что бы они дѣлали здѣсь безъ ученаго пособія? И гдѣ изъ незанятыхъ учеными должностями людей найти сотрудника, который бы могъ войти въ духъ сего дѣла и работать, какъ должно? Для перевода готовой печатной статьи можно сыскать десятки переводчиковъ. Но отыскать матеріалъ, сообразить его важность удѣльную, расшифровать рукопись—для сего потребно болѣе, нежели обыкновенное знаніе греческаго и латинскаго языка. Я оставилъ въ Кіевѣ нѣсколько статей, уже переведенныхъ, для одной повѣрки окончательной съ подлинникомъ—и доселѣ не добьюсь, чтобы, по крайней мѣрѣ, мнѣ выслали ихъ. Среди сихъ обстоятельствъ остается одно: представить Вамъ перечень того, что̀ найдено, обработано, приготовлено, и сказать смиренно: „вотъ что можно было намъ сдѣлать: примите, что̀ есть, и употребите, какъ Вамъ будетъ угодно“. Согласны ли? Можно въ добавокъ сказать, что̀ бы я еще желалъ видѣть въ „Сборникѣ“ для его полноты и совершенства. Если послѣднее окажется нужнымъ и удобоисполнимымъ, то окончаніе дѣла можетъ быть возложено на какую-нибудь комиссію или академію, а всего лучше на Московскую, которая подъ руководствомъ своего владыки, пользуясь между прочимъ сунодальною библіотекою, безъ особыхъ усилій восполнитъ недостающее“.

Вообще нужно сказать, что веденіемъ этого дѣла сталъ очень тяготиться Иннокентій съ самаго своего назначенія на каѳедру епархіальнаго архіерея. Вотъ почему вскорѣ и послѣ своего прибытія въ Харьковъ, именно отъ 28 февраля 1842 г. Иннокентій писалъ по поводу составленія „Догматическаго Сборника“ своему петербургскому другу слѣдующее: „Касательно вопроса о „Сборникѣ“ я думаю воспользоваться случаемъ для отмщенія Вамъ: Вы меня, вопреки всѣхъ резоновъ, проводили въ Вологду; а я Вамъ скажу, что подъ 56-мъ гра-

дусомъ нечего было собирать, кромѣ исландскаго моху отъ грудной болѣзни".

Причины, препятствовавшія Иннокентію надлежащимъ образомъ выполнить это ученое порученіе, а впослѣдствіи заставившія его даже и совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія и окончанія его, понятны сами собою: 1) труды по епархіальному управленію, и 2) отсутствіе необходимыхъ пособій и источниковъ" (гл. V, стр. 302—303).

„Еще большее затрудненіе причиняло Иннокентію въ дѣлѣ составленія „Догматическаго Сборника" неимѣніе необходимыхъ источниковъ и трудность непосредственнаго пріобрѣтенія ихъ даже для временнаго пользованія. Вотъ примѣръ: Иннокентію нужно было посланіе патріарха Іова въ Грузію о вѣрѣ—рукопись рѣдкая и весьма замѣчательная. Иннокентій прослышалъ, что такая рукопись находится между прочимъ въ библіотекѣ Московской духовной академіи. Тѣмъ не менѣе, бывши въ Москвѣ проѣздомъ изъ Вологды въ Харьковъ, онъ непосредственно не могъ достать ее. „Я бы тотчасъ", пишетъ Иннокентій въ письмѣ къ своему петербургскому другу, „пошелъ бы за нею пѣшкомъ изъ Москвы, но тамъ ватиканская система запрета; поэтому прошу покорно вытребовать ее указомъ и прислать поскорѣе". Однако, въ библіотекѣ академической посланія этого не отыскали, несмотря на предписаніе Сѵнода. Только спустя два года послѣ этого случайно было обнаружено, что эта рукопись, „которая", пишетъ Иннокентій своему другу, „такъ долго и напрасно искома была и Вами по всѣмъ архивамъ Москвы, а мною и по всѣмъ угламъ Грузіи, нашлась, наконецъ, и гдѣ жъ?—въ рукописяхъ г. Строева, купленныхъ недавно г. Погодинымъ. Извѣстіе о семъ привезъ недавно мнѣ самъ настоящій хозяинъ ея, мимоѣздомъ заграницу".—Такъ этотъ важный документъ въ „Догматической Сборникъ" и не вошелъ. Впослѣдствіи онъ былъ отпечатанъ въ актахъ Археографической коммиссіи.

При такихъ обстоятельствахъ—уже вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ, Иннокентій былъ очень недалекъ отъ того, чтобы совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія этого ученаго порученія, возложеннаго на него еще въ бытность его ректоромъ Кіевской духовной академіи. 30 марта 1842 г. онъ писалъ въ Петербургъ своему другу: „По совѣту и владыки Кіевскаго, и Вашему я отправилъ на прошедшей почтѣ къ его сіятельству перечень статей, приготовленныхъ для „Сборника“ съ вопросомъ: можно ли остановиться на собранномъ, или же продолжать собирать далѣе? Отказаться прямо отъ работы надъ окончаніемъ дѣла—не налегла рука! Каковое ни есть, но свое дитя, и прямо бросить его показалось неумѣстнымъ. А впрочемъ, я не только не буду въ претензіи, а напротивъ останусь весьма благодаренъ, если вздумаютъ снять съ меня сію тяжесть. Мнѣ же и въ настоящемъ мѣстѣ положительно очень неудобно продолжать работу, ибо и въ Харьковѣ, подобно, какъ въ Вологдѣ, я не нашелъ самыхъ обыкновенныхъ книгъ, както: „Собранія Соборовъ“. Къ сожалѣнію и удивленію, университетская библіотека такъ же въ семъ отношеніи скудна, какъ и семинарская“.

Между тѣмъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода не только не сложилъ съ Иннокентія возложеннаго на него ученаго порученія, но еще потребовалъ, чтобы, кромѣ перевода, былъ внесенъ въ „Сборникъ“ даже подлинный текстъ тѣхъ догматическихъ памятниковъ, которые вошли въ составъ этого „Сборника“. Это требованіе для Иннокентія было совершенно невыполнимымъ, если только мы припомнимъ его жалобу на медленность даже одного простого сличенія сдѣланнаго имъ перевода съ подлинникомъ, находившимся въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи [1]). Вотъ почему онъ рѣшился положительно отказаться отъ продолженія дальнѣйшихъ работъ. По этому поводу отъ 13 сент. 1842 г. онъ писалъ своему другу слѣдующее: „Его сіятельство, вѣроятно, удивится, получивъ

[1]) Стр. 258, выше.

письмо мое съ отказомъ моимъ отъ „Догматическаго Сборника“. Да, я рѣшился на это; послѣ отношенія, мною полученнаго, мнѣ нечего было дѣлать болѣе. Требовать отъ человѣка текста, когда знаютъ, что у него нѣтъ книгъ,—значитъ требовать невозможнаго. Не вздумали бы вслѣдствіе сего сдѣлать мнѣ какой-либо непріятности? Я ей буду радъ, ибо это будетъ прекрасный случай сойти съ пути административнаго, давно много искомый и доселѣ не находимый“.

Тѣмъ не менѣе дѣло было улажено,—и Иннокентій продолжалъ работать надъ своимъ „Сборникомъ“. Въ 1844 г. онъ велѣлъ консисторіи зачислить за семинаристомъ Яблоновскимъ мѣсто діакона въ одномъ селѣ съ тѣмъ, чтобы онъ занимался у него перепискою „Догматическаго Сборника“. Въ половинѣ 1845 г. первая часть труда была окончена, а къ началу 1846 г. былъ оконченъ уже и второй томъ. При этомъ Иннокентій нашелъ необходимымъ измѣнить только заглавіе своего труда: онъ названъ былъ не „Догматическимъ Сборникомъ“, а „*Памятникомъ вѣры православной*“.

Трудъ свой, тотчасъ по окончаніи его, Иннокентій отправилъ непосредственно къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода, у котораго онъ пролежалъ болѣе года. Такое долговременное разсмотрѣніе не мало тревожило Иннокентія; отъ 15 февраля 1847 г. по этому поводу онъ писалъ Макарію: „вотъ сдѣлали бы (Вы) одолженіе намъ, если бы сказали что-либо повѣрнѣе (а въ случаѣ недостатка, скажите хоть что-либо) о судьбѣ нашего сборника, который съ прошедшей весны лежитъ гдѣ-то у графа. Въ Сѵнодѣ его не было доселѣ, а, кажется, едва ли не будетъ скоро. Такъ, по крайней мѣрѣ, я заключилъ изъ письма г. Сербиновича—директора“ (гл. V, стр. 304—306).

„Во время своего управленія Херсонскою епархіею преосвященный Иннокентій не переставалъ заниматься и трудами учеными. Такъ, кромѣ хлопотъ по изданію своихъ проповѣдей,

онъ все еще продолжалъ трудиться и надъ составленіемъ „Догматическаго Сборника“.—„Новый Годъ что то начался для меня тяжело“, писалъ Иннокентій Макарію отъ 14 янв. 1851 г., „около трехъ недѣль страдаю отъ простуды: въ постелю не кладетъ, но и дѣлать ничего путемъ не даетъ. А много бы есть чѣмъ заняться, начиная съ сборника“ Тѣмъ не менѣе, нужно сказать, что трудъ этотъ такъ и остался неоконченнымъ“. (гл. VI, стр. 376). Такова была судьба перваго „Памятника вѣры православной“, какого не явилось и до сихъ поръ.....

V.

Къ стр. 60—61.

Нельзя не пожалѣть, что интересные и содержательные мемуары А. Д. Галахова до сихъ поръ не изданы вполнѣ и отдѣльною книгой. Въ дополненіе къ уже цитованнымъ статьямъ можно указать еще на отрывки изъ записокъ А. Д. Галахова: „Сотрудничество въ журналахъ“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1886 г., т. 26, ноябрь, стр. 312 и д.; въ „Русской Старинѣ“: за 1879 г. т. 24, стр. 317—334: „Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ“; „Литературная кофейня въ Москвѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ“ — тамъ же, за 1886 г., т. 50, стр. 181—198 и 691—706. Автобіографическія замѣтки и перечень трудовъ—тамъ же, 1888 г., т. 57, янв., стр. 17—36. Ко дню 81-ой годовщины дня рожденія А. Д. Галахова—тамъ же, т. 57, февр., стр. 563—565.

Ср. *Петръ Быковъ*: А. Д. Галаховъ (Некрологъ), „Новое Время“, СПБ, понедѣльникъ, 16(28) ноября 1892 г., № 6006, стр. 3 (восьмистолбцовая, полная страница), столбцы ½ IV —½ V. А. Д. скончался на 86-мъ году (род. 1 янв. 1807, † 14 ноября 1892). Въ академіи генеральнаго штаба служилъ съ 1856 г.—1891 г., а въ историко-филологическомъ институтѣ съ 1856—1882 г. Г. П. Быковъ ошибается, называя (ст. IV) автобіографическіе разсказы „Изъ записокъ человѣка“ (ср. выше, стр. 60)—„повѣстями“.

В. Г. Бѣлинскій пишетъ: „Я съ удовольствіемъ прочелъ, напр., повѣсть—не повѣсть, даже разсказъ—не разсказъ, и разсужденіе—не разсужденіе—Записки человѣка“ (въ 12 № „О. З.“), да еще съ какимъ удовольствіемъ.“ Г. *Пыпинъ* поясняетъ въ примѣчаніи № 1: „Этотъ разсказъ,... задавшійся намѣреніемъ представить возникновеніе разлада съ окружающей жизнью и понятіями въ тогдашнемъ поколѣніи, на первыхъ же порахъ привлекъ на себя неблагосклонное вниманіе Московскаго митрополита Филарета, который, какъ извѣстно, съ своей стороны очень слѣдилъ за явленіями литературы и разнымъ образомъ обличалъ ихъ. Когда онъ высказалъ свое неудовольствіе отъ разсказа „Сто—одного“, это обстоятельство побудило автора въ продолженіи разсказа очень измѣнить принятый въ немъ тонъ,—чтобъ избѣжать обнаруженія архипастырскаго гнѣва“ (*А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 312—313). Возобновляя печатаніе отрывковъ „изъ записокъ человѣка“, А. Д. Галаховъ указалъ, что это—автобіографія: „Два отрывка изъ этихъ записокъ напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. Первый изъ нихъ возбудилъ въ публикѣ говоръ, съ одной стороны, весьма лестный для автора, съ другой, очень ему непріятный, потому что едва не вышли было недоразумѣнія“ („Русскій Вѣстникъ“ за 1875 г., т. 120, ноябрь, ст. II, стр. 62, прим.). Первый отрывокъ былъ помѣщенъ въ „О. З.“ за 1847 г. а не 1848 г.

„Историческій Вѣстникъ“: за 1888 г., г. 9, т. 31, январь, ст. 4., стр. 97—112—„Воспоминанія о журнальномъ сотрудничествѣ М. Н. Каткова“; за 1891 г., г. 12, т. 44, іюнь, ст. 2. „Исторія одной книги“; за 1892 г.,—„Сороковые годы“, т. 47, янв. ст. 5, стр. 126—152 и февр., ст. 4, стр. 396—415.

Проф. Евгеній Бобровъ.

ФИЛОСОФІЯ ВЪ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Выпускъ V.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Пров. 1956

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета

Деканъ *А. Смирновъ.*

206458

Оглавленіе.

Стр.

I. П. М. Терновскій 1
Иннокентій Платоновъ . . 19
И. М. Терновскій 36
А. И. Райковскій 46
А. П. Владимірскій . . . 57
М. К. Павловскій 67

II. „Физическія“ теоріи Д. М. Велланскаго . . 74

III. Къ исторіи философскихъ кружковъ . . . 157

Приложенія:

I. Г. А. Левитскій 176

II. И. В. Кирѣевскій 181

III и IV. Д. М. Велланскій . . 190 и 195

Поправки и дополненія 203

I.

П. М. Терновскій.

22 іюня 1850 г. было опубликовано нижеслѣдующее Высочайшее повелѣніе (см. Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. т. III, отъ 1855 г., столбцы 1414—1416 [1])—дополненіе, № 5, изъ дѣла Департамента Народнаго Просвѣщенія объ ограниченіи преподаванія философіи въ университетахъ и Ришельевскомъ Лицеѣ логикою и психологіею съ возложеніемъ чтенія оныхъ на профессора богословія).

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Съ упраздненіемъ преподаванія философіи свѣтскими профессорами въ университетахъ С-Петерб., Москов., Св. Владимира, Харьковскомъ и Казанскомъ, а также въ главномъ Педагогическомъ институтѣ и Ришельевскомъ лицеѣ, возложить чтеніе логики и опытной психологіи на профессоровъ богословія или законоучителей, назначаемыхъ къ этой должности по сношенію Министерства Нар. Просв. съ духовнымъ вѣдомствомъ Православнаго исповѣданія.

2) Профессоровъ богословія и философіи изъ лицъ духовнаго сана въ означенныхъ выше университетахъ и главномъ педагогическомъ институтѣ сравнить въ окладахъ жалованья съ

[1]) Въ новое II изданіе не вошло.

ординарными профессорами, присовокупивъ къ тому и производство квартирныхъ денегъ, опредѣленныхъ по этому званію, если они не живутъ въ церковныхъ домахъ или не имѣютъ казеннаго помѣщенія.

3) Профессора богословія и философіи въ Ришельевскомъ лицеѣ сравнить въ содержаніи съ прочими профессорами сего заведенія.

4) Предстоящіе по этому случаю расходы обратить на имѣющіе остаться свободными оклады (свѣтскихъ) профессоровъ философіи, которыхъ, со введеніемъ новаго порядка опредѣлить къ другимъ должностямъ, если откроется къ тому возможность, или уволить за штатомъ.

5) Профессорамъ богословія и философіи въ помянутыхъ университетахъ, главномъ педагогическомъ институтѣ и Ришельевскомъ лицеѣ присутствовать по принадлежности въ совѣтахъ и факультетахъ сихъ заведеній.

6) Программы преподаванія логики и опытной психологіи утвердить по соглашенію духовнаго православнаго вѣдомства съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

№ 6. Объ ограниченіи преподаванія философіи въ Дерптскомъ университетѣ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Преподаваніе философіи для студентовъ православнаго исповѣданія въ Дерптскомъ университетѣ ограничить логикою и опытною психологіею, возложивъ чтеніе сихъ предметовъ на православнаго профессора богословія, назначаемаго въ сію должность по сношенію Министерства Нар. Просв. съ духов. вѣдомствомъ православн. исповѣд. Прочіе за тѣмъ студенты будутъ слушать курсы философіи на прежнемъ основаніи у свѣтскаго профессора.

2) Профессора богословія, на котораго возложено будетъ преподаваніе логики и психологіи, сравнить въ окладѣ жалованья съ ординарными профессорами, присовокупивъ къ тому и производство квартирныхъ денегъ, опредѣленныхъ по этому званію, если онъ не живетъ въ церковномъ домѣ или не имѣетъ казеннаго помѣщенія.

3) Предстоящую по этому случаю дополнительную къ жалованью православнаго законоучителя издержку удовлетворять ежегодно изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

4) Программы преподаванія логики и опытной психологіи для студентовъ православнаго исповѣданія утвердить по соглашенію духовнаго православнаго вѣдомства съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія".

Конечно, очень неумѣстно прилагать къ „судьбамъ философіи въ Россіи" евангельское мѣсто (какъ это дѣлаетъ одинъ писатель): „Вотъ Я посылаю къ вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ: и вы иныхъ *убьете* и распнете, а иныхъ будете *бить* въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ". Благодаря Бога, никого еще изъ русскихъ преподавателей и профессоровъ философіи не убивали, не казнили и нигдѣ не били. Но нельзя не признать, что эта мѣра—сокращеніе преподаванія философіи—привела къ крайне нежелательнымъ (со всѣхъ точекъ зрѣнія и во всѣхъ отношеніяхъ) послѣдствіямъ, почему и была прекращена черезъ 10 лѣтъ; нельзя не признать и того, что она очень тяжело отозвалась на лицахъ, занимавшихъ въ то время каѳедры философіи, на тѣхъ профессоровъ, въ которыхъ грянулъ этотъ ударъ.

„Конецъ обольстительнымъ мудрованіямъ философіи" положилъ тогдашній министръ, князь *П. А. Ширинскій-Шихматовъ* [1]), единомышленникъ М. Л. Магницкаго, чуть не 30 лѣтъ то-

[1]) См. его мнѣніе о преподаваніи философіи отъ 1825 г. въ монографіи Е. Ѳеоктистова, Магницкій, гл. IV, стр. 431—432 въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г., т. 52, августъ, ст. II.

чивший зубы на эту каѳедру. Кто же были страшные обольстители юношества?

Въ Петербургѣ: *А. А. Фишеръ*, воспитанникъ австрійскихъ іезуитовъ, въ оффиціальномъ и политическомъ отношеніи благонамѣреннѣйшій изъ благонамѣренныхъ [1]). Въ Москвѣ: М. Н. Катковъ—единственный профессоръ философіи, котораго тогда можно было считать либераломъ, хотя и онъ уже къ тому времени разорвалъ сношенія съ А. И. Герценомъ, В. Г. Бѣлинскимъ, М. А. Бакунинымъ и другими, съ которыми онъ когда то состоялъ въ одномъ кружкѣ. Но онъ зато пользовался постоянною протекціею прежняго попечителя, графа С. Г. Строганова, что̀ въ глазахъ министерства не могло не ручаться за его благонамѣренность: С. Г. Строгановъ пользовался милостію Императора Николая Павловича [2]); по философскимъ же убѣжденіямъ М. Н. Катковъ, какъ мистикъ шеллинговой школы, не могъ быть врагомъ религіи; съ особенной силой онъ, по свидѣтельству К. Н. Бестужева-Рюмина [3]), выяснялъ значеніе религіи въ общемъ процессѣ исторіи. Притомъ и тогда онъ былъ приверженцемъ православной церкви, „наставлялъ въ ея истинахъ другихъ, напр. П. М. Леонтьева, котораго онъ обратилъ въ православіе изъ атеизма и заставилъ неосужденно причаститься святыхъ тайнъ“ [4]).

---

[1]) «Основанія философіи суть священное уваженіе къ религіи, непоколебимая вѣрность къ Монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ». Такъ характеризуетъ Фишеръ начала своего курса (Арх. Гавріилъ, Исторія русской философіи, стр. 148, Примѣчанія, № 4).

[2]) Графъ Строгановъ .. могъ дѣйствовать въ управленіи министерствомъ и ученымъ округомъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ министерскихъ предписаній.... благодаря милостивому расположенію, которымъ всегда пользовался со стороны Императора Николая Павловича, и всякій разъ сносился съ нимъ лично, когда не соглашался съ распоряженіями министра народнаго просвѣщенія» (Ѳ. И. Буслаевъ, Мои воспоминанія», стр. 305—306).

[3]) См. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 206—207.

[4]) Тамъ же, стр. 248—249.

Въ Харьковѣ философскую каѳедру занималъ М. Н. Протопоповъ—человѣкъ, вполнѣ во вкусѣ кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова: онъ былъ воспитанникъ реакціонной эпохи 20-хъ годовъ, еще студентомъ былъ въ числѣ членовъ Харьковскаго отдѣленія библейскаго общества, былъ даже его директоромъ, особенно охотно посѣщалъ церковное богослуженіе, 20 лѣтъ состоялъ старостою или ктиторомъ университетской церкви, писалъ объ религіи въ отношеніи къ государствамъ и читалъ рѣчь о библейскихъ обществахъ въ европейскихъ государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденія общественной жизни человѣковъ [1]).

Въ Казани преподавателями философіи были молодой адъюнктъ *Н. Н. Буличъ*, ничѣмъ тогда еще не проявившій своихъ убѣжденій, архимандритъ *Гавріилъ* и *Н. А. Ивановъ* [2]), занимавшій собственно каѳедру русской исторіи, но читавшій также и исторію философіи. Ивановъ былъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ гегелевецъ правой стороны, держался строго консервативнаго направленія и былъ поборникомъ оффиціальной народности въ уваровскомъ смыслѣ.

Въ Кіевѣ и Одессѣ философію преподавали питомцы Кіевской духовной академіи: въ Кіевѣ *О. М. Новицкій* и *С. С. Гогоцкій*, въ Одессѣ *І. Г. Михневичъ*, —благонадежнѣйшіе люди. Новицкій, между прочимъ, кромѣ философскихъ статей, писалъ и о переводахъ священнаго писанія, и опровергалъ лжеученія духоборцевъ и т. д.

Такова была грозная рать соблазнителей юношества (*τοὺς νέους διαφθείρει*, какъ говорили о Сократѣ), противъ коихъ ополчился кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 158—161.

[2]) О немъ см. мое сочиненіе «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. II, стр. 46, 50 и далѣе.

Ничто не спасло отъ подозрѣнія въ проведеніи опасныхъ ученій: ни общепризнанная политическая благонадежность, ни строжайшая преданность ученію церкви, православію и оффиціальной народности, ни воспитаніе въ нѣдрахъ духовной академіи, ни опроверженіе лжеученій сектантовъ, ни библейское общество и ктиторство, ни даже самый священный санъ архимандрита, ни даже вниманіе и протекція „сильныхъ міра сего“ (гр. С. Г. Строганова).....

Философію удалили изъ университетовъ. Но тѣхъ же самыхъ опасныхъ людей поставили еще на болѣе отвѣтственные посты, гдѣ они (разъ они были и впрямь опасные) могли бы натворить еще горшихъ бѣдъ. Фишера, Новицкаго и Гогоцкаго назначили въ цензора, поручили имъ наблюденіе за тѣмъ самымъ „вольнымъ духомъ“, который они только что, по представленію кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, сами разсѣевали..... Въ цензора мѣтили и Каткова, а потомъ ему же, удаленному изъ университета, поручили редактировать оффиціальную газету „Московскія Вѣдомости“.... Наконецъ, „соблазнителей“ частію оставили въ университетахъ, частію возвратили: Протопопова перевели на предметъ, еще болѣе соблазнительный по тогдашнимъ временамъ: на политическую экономію, Буличу поручили русскую словесность... І. Г. Михневича съ 26 октября 1850 года даже повысили въ *инспекторы* того же Ришельевскаго лицея. Для отставныхъ развратителей юношества создали еще новую каѳедру *педагогіи*, т. е. имъ то прямо и поручили воспитаніе юношества, или поручили *научать воспитывать* другихъ, внушать духъ... Въ педагоги переименовали Фишера и Гогоцкаго.... Наконецъ, лютеране въ Дерптскомъ университетѣ считались, очевидно, застрахованными отъ тлетворной заразы философіи, ибо имъ былъ оставленъ на прежнемъ основаніи тотъ же профессоръ Штрюмпель. Но отъ этого самаго Штрюмпеля надобно было гарантировать незначительную горсть

штудировавшихъ въ Дерптѣ православныхъ. Ихъ заставили слушать философію у священника.

Всѣ эти факты указываютъ, насколько послѣдовательно была задумана и проведена эта знаменитая мѣра удаленія философіи, на которую возлагалъ столько надеждъ, и которою столько гордился вѣрный сподвижникъ Магницкаго и Руница...

И кому же поручили преподавать остатки философіи? Университеты имѣли своихъ достойныхъ профессоровъ философіи. Фишеръ, Новицкій, Гогоцкій, Катковъ, Михневичъ, архимандритъ Гавріилъ и Протопоповъ, были, несомнѣнно, подготовлены для своей каѳедры.

Реформа парализировала дѣятельность всѣхъ ихъ, а наиболѣе даровитые изъ перечисленныхъ—О. М. Новицкій и М. Н. Катковъ были безцѣльно утрачены для каѳедры. Философію передали священникамъ. Откуда же было сразу взять священниковъ, обладавшихъ научною подготовкою по философіи, достаточною настолько, чтобы быть въ состояніи преподавать ее въ университетѣ? Притомъ же эти священники, кромѣ философіи, должны были явиться сразу же спеціалистами по церковной исторіи и церковному праву, должны были читать и эти предметы спеціально, а кромѣ ихъ, читать еще студентамъ всѣхъ факультетовъ основное и догматическое богословіе, этику, да еще, сверхъ того, отправлять обязанности настоятеля университетской церкви и завѣдывать приходомъ.... Гдѣ было взять этихъ людей съ универсальными талантами, съ безграничною работоспособностью, съ всеобъемлющими свѣдѣніями по философіи, богословію, исторіи и праву? Притомъ этихъ ученыхъ необходимо было отыскать на спѣхъ—къ сроку. Притомъ такой избранникъ долженъ былъ опять-таки сразу,— съ момента назначенія, и не беря для подготовленія ни отпусковъ, ни командировокъ, зачитать все сразу, явиться во всеоружіи философа, богослова, историка и канониста....

Но прежде всего надлежало быть философомъ. Всѣ учившіеся въ духовныхъ академіяхъ слушали философію, всѣ имѣли какія-либо записи или старыя тетрадки. Нѣкоторые священники бывали преподавателями философіи въ духовныхъ семинаріяхъ.... Въ виду выгодныхъ матеріальныхъ условій—ординатуры—являлось, несомнѣнно, много кандидатовъ и претендентовъ на философско-богословскія каѳедры.... Кое-гдѣ уцѣлѣли прежніе профессора богословія, прибавившіе себѣ новый предметъ—философію (въ Петербургѣ — А. И. Райковскій, въ Москвѣ—П. М. Терновскій, въ Кіевѣ И. М. Скворцовъ, въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ лицеѣ—М. К. Павловскій). Въ другихъ университетахъ назначили новыхъ профессоровъ—протоіереевъ: въ Харьковѣ—П. И. Лебедева [1]) въ Казани—А. П. Владимірскаго, въ Дерптѣ о. Павла Алексѣева, въ гл. пед. институтѣ—П. Ѳ. Солярскаго.

Изъ числа названныхъ философскою подготовкою обладалъ лишь одинъ Кіевскій профессоръ И. М. Скворцовъ, преподававшій философію въ Кіевской духовной академіи (по латыни). Да протоіерей А. И. Райковскій впослѣдствіи напечаталъ свои лекціи по логикѣ. А. П. Владимірскій составлялъ „Учебникъ опытной психологіи“, но не издалъ его... Остальные не имѣли никакого касательства къ наукѣ философіи; ничѣмъ не засвидѣтельствовали они свою прикосновенность къ философіи и послѣ своего назначенія.

Безцѣльность совмѣщенія философіи съ каѳедрою богословія была признана въ слѣдующее царствованіе—и уже черезъ 10 лѣтъ.

Вотъ что мы находимъ въ томъ же источникѣ: „Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія“, СПБ. 1876, т. III, второго изданія, столбцы 510—515, № 250, 22 февраля 1860 г. (изъ дѣла Деп. Нар. Просв. № 123, 366).

---

[1]) О немъ см. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 162—164.

Журналъ Главнаго Правленія Училищъ.

Слушали (ст. II): записку департамента народнаго просвѣщенія о возстановленіи въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ преподаванія исторіи философіи.

При университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ съ самаго ихъ учрежденія существовала каѳедра философіи. Въ составъ этой каѳедры входили 1) Логика, 2) Опытная психологія, 3) Теорія познанія или изслѣдованіе объ источникахъ и происхожденіи человѣческаго познанія, 4) Метафизика или ученіе о сверхчувственномъ и 5) Исторія философіи.

Съ 1850 года преподаваніе философіи, согласно Высочайшей волѣ ограничено, впредь до особаго повелѣнія логикой и психологіей, изложеніе коихъ студентамъ возложено на профессоровъ богословія, несмотря на то, что Святѣйшій Сѵнодъ полагалъ не совмѣщать преподаваніе богословія съ логикой и психологіей въ одномъ лицѣ.

Неудобство такого распорядка вполнѣ обнаружилось въ теченіи десяти лѣтъ: логика и психологія, обременяя излишнимъ трудомъ одного профессора богословія, преподаются, какъ предметы для него второстепенные, не въ томъ объемѣ, какъ требуютъ того обѣ науки по важности своего предмета. Къ тому же, при современномъ состояніи психологіи, бо̀льшая часть которой сдѣлалась исключительною отраслью фи-

зіологіи [1]), весьма трудно найти лицо, которое бы вполнѣ обладало знаніями трехъ обширныхъ предметовъ, каковы: богословіе, логика и психологія. Между тѣмъ, вслѣдствіе закрытія каѳедры философіи, ощущается и съ другой стороны большой пробѣлъ въ умственномъ образованіи студентовъ въ томъ отношеніи, что, знакомясь съ философіею каждой науки отдѣльно, они лишены возможности изучать историческій ходъ развитія духа человѣческаго, познавать законы его во всей его цѣлости и совокупности.

Такіе неудобства и недостатки побудили начальства Московскаго и друг. учебныхъ округовъ просить о возобновленіи въ университетахъ прежде существовавшаго преподаванія исторіи философіи и о соединеніи съ нею логики и психологіи, которыя они полагаютъ отдѣлить отъ каѳедры богословія, какъ науки съ нею несовмѣстныя.

Имѣя въ виду состоявшуюся въ 1850 г. Высочайшую волю объ ограниченіи преподаванія философіи логикой и психологіей, впредь до особаго повелѣнія,—Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ необходимымъ ходатайство попечителей учебныхъ округовъ всеподданнѣйше представить на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

Въ 2-й день декабря 1859 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе разсмотрѣть это дѣло въ Главномъ Правленіи Училищъ.

Справка. Въ началѣ 1850 г. Высочайше повелѣно было Министру Народ. Просвѣщенія представить соображенія о томъ, полезно ли преподаваніе философіи при тогдашнемъ развитіи этой науки германскими учеными, и не слѣдуетъ ли принять

---

[1]) Любопытное, хотя и вполнѣ несправедливое мнѣніе!

мѣры къ огражденію студентовъ отъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ.

Въ исполненіе сего князь Ширинскій-Шихматовъ, всеподданнѣйше изложивъ взглядъ свой на систему преподаванія въ нашихъ университетахъ философіи вообще и каждой части оной въ особенности, между прочимъ относительно исторіи философіи изъяснилъ: „что касается до исторіи философіи или критическаго разбора философскихъ системъ, то, хотя преподаваніе ихъ и могло бы быть допущено въ видахъ предостереженія молодыхъ слушателей отъ заблужденій, съ условіемъ однако, чтобы опроверженія были сильнѣе доказательствъ, надъ которыми трудились великіе, хотя и заблуждавшіеся мыслители: но какъ это условіе рѣдко можетъ быть выполнено совершенно удовлетворительно, а всякое въ столь важномъ дѣлѣ упущеніе оставитъ по необходимости въ неопытныхъ умахъ сѣмя заблужденія, способное современемъ произвесть горькіе плоды: то гораздо полезнѣе и безопаснѣе вовсе не касаться философскихъ системъ“.

Затѣмъ князь Ширинскій-Шихматовъ въ заключеніе полагалъ преподаваніе въ университетахъ, Ришельевскомъ лицеѣ и главномъ педагогическомъ институтѣ философіи, какъ не соотвѣтствующее видамъ правительства и не обѣщающее благопріятныхъ послѣдствій—по шаткости своихъ началъ и неудовлетворительности своихъ результатовъ, и по неимѣнію притомъ опредѣленнаго объема и положительныхъ предѣловъ, ограничить логикою и психологіею, впредь до особаго повелѣнія.

Предположеніе это въ 26-й день января 1850 г. Высочайше утверждено, причемъ въ Бозѣ почивающій Императоръ Николай I-й удостоилъ выразить мысль свою о возложеніи преподаванія опытной психологіи на профессоровъ богословія.

Святѣйшій Сунодъ, которому сообщена была эта Высо-

чайшая воля, полагалъ не совмѣщать въ одномъ лицѣ преподаванія богословія и психологіи, но для послѣдняго предмета имѣть особаго профессора духовнаго сана, тѣмъ болѣе, что съ психологіею слѣдовало бы соединить, по связи наукъ, и преподаваніе логики.

На это предположеніе Святѣйшаго Сунода Государь Императоръ не соизволилъ, повелѣвъ впрочемъ 13 марта того же года и чтеніе логики поручить преподавателю богословія.

Каѳедра философіи съ Высочайшаго соизволенія оставлена только въ университетѣ Дерптскомъ, но и здѣсь студенты православнаго исповѣданія подчинились общему правилу, т. е. обязанности слушать логику и психологію у профессора богословія.

Затѣмъ 22 іюня 1850 г. по всеподданнѣйшему докладу бывшаго тогда министра воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) Профессоровъ богословія и философіи изъ лицъ духовнаго сана сравнить въ правахъ и окладахъ съ ординарными профессорами и 2) нужные на то расходы обратить на свободные оклады свѣтскихъ профессоровъ философіи, а въ Дерптскомъ университетѣ—на хозяйственную сумму Департамента Народнаго Просвѣщенія.

Соображеніе Департ. Народ. Просвѣщенія. Преподаваніе философіи, какъ видно изъ изложенныхъ обстоятельствъ, пріостановлено было въ 1850 году впредь до особаго повелѣнія, очевидно, въ видѣ *временнаго* распоряженія, вынужденнаго особыми политическими обстоятельствами Западной Европы.

Съ истеченіемъ послѣ того 10-ти лѣтъ и при совершенномъ измѣненіи теперь направленія современныхъ идей, вполнѣ отражающихъ въ себѣ чисто-утилитарныя стремленія вѣка, не представляется, по мнѣнію Министерства Народ. Просв., никакихъ препятствій къ возстановленію преподаванія философіи, если не въ полномъ ея объемѣ, то по крайней мѣрѣ въ одной ея части,—исторіи философіи, какъ науки, по преимуществу

проясняющей истины и разрушающей предразсудки и стремленія къ матеріализму. Въ таковомъ воззрѣніи на преподаваніе этой части философіи департаментъ не можетъ не выразить, съ своей стороны, согласно со мнѣніемъ начальствъ учебныхъ округовъ, полнаго убѣжденія, что возстановленіе преподаванія исторіи философіи восполнитъ съ успѣхомъ и особенною пользою важный пробѣлъ въ курсѣ университетскаго ученія и тѣмъ самимъ доставитъ студентамъ возможность путемъ правильнымъ ознакомиться съ наукою въ настоящемъ ея свѣтѣ, а не по источникамъ отрывочнымъ, часто невѣрнымъ и даже превратнымъ. Къ тому же нѣтъ вовсе причины опасаться неблагонамѣреннаго со стороны профессоровъ преподаванія исторіи философіи и потому, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ преподаванія въ нашихъ университетахъ наукъ вообще обезпечивается вполнѣ особыми Высочайше утвержденными для ректоровъ и деканов университетовъ инструкціями и наставленіями и утвержденными Министромъ Народнаго Просвѣщенія программами.

На основаніи сихъ соображеній, департаментъ Народн. Просвѣщ. полагаетъ:

1) Возобновить въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ—на прежнемъ основаніи преподаваніе исторіи философіи съ логикою и психологіею.

2) Нужныя на содержаніе особаго для того профессора издержки обратить на свободныя суммы университетовъ и лицея; и

3) Профессору богословія сохранить права и окладъ ординарнаго профессора.

Опредѣлено: По выслушаніи настоящаго дѣла Министръ Народн. Просв. заявилъ въ присутствіи главнаго правленія училищъ, что по предмету отдѣленія отъ профессоровъ богословія—преподаванія логики и психологіи онъ входилъ въ сношеніе съ митрополитами Московскимъ и Кіевскимъ, ко-

торые не только не встрѣтили къ сему никакого препятствія, но и съ своей стороны настаивали на приведеніи сего въ исполненіе, по тому уваженію, что соединеніе въ одномъ лицѣ преподаванія означенныхъ предметовъ и богословія неисполнимо съ тою отчетливостью, какой требуетъ важность предметовъ.

Почему главное правленіе училищъ, принявъ это во вниманіе, и раздѣляя соображенія Департамента по настоящему дѣлу, полагаетъ на возстановленіе преподаванія исторіи философіи въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ, на изъясненныхъ въ заключеніи Департамента основаніяхъ, испросить Высочайшее соизволеніе, поднеся Его Императорскому Величеству статью журнала въ подлинникѣ.

Когда философію опять разрѣшили въ университетахъ, то сразу обнаружились и послѣдствія мѣры, предложенной и проведенной почтеннымъ кн. П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Правительство само пожелало снова ввести философію,— но преподавать ее уже было *некому*. Въ одномъ лишь Кіевѣ ветеранъ С. С. Гогоцкій могъ возобновить свою дѣятельность. Остальные либо перемерли (старики), либо уже распрощались съ университетомъ и дѣйствовали на иныхъ поприщахъ, либо, наконецъ, какъ Н. Н. Буличъ въ Казани, читали съ другихъ каѳедръ. Пришлось или просить продолжать преподаваніе философіи тѣхъ же профессоровъ богословія, или оставаться безъ философіи. Съ большими издержками и хлопотами приходилось опять подыскивать новыхъ кандидатовъ (приглашая волонтеровъ изъ тѣхъ же духовныхъ академій) и изъ нихъ подготовлять кадръ профессоровъ философіи. Преподаваніе этой науки во всѣхъ русскихъ университетовъ утвердилось не ранѣе половины 70-хъ годовъ. Да и тогда былъ такой недостатокъ въ профессорахъ философіи, что, напр., въ Казани университетъ долгое время приглашалъ изъ духов-

ной академіи профессора психологіи В. А. Снѣгирева, а въ 1875 г. Н. Я. Гротъ прямо со студенческой скамьи—единственно лишь на основаніи полученной имъ золотой медали за сочиненіе „Критическое изложеніе Платона и пиѳагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля“ былъ назначенъ въ Нѣжинскій институтъ и. д. экстраординарнаго профессора философіи.

Обратимся теперь къ П. М. Терновскому, который долженъ былъ представлять собою философскую науку въ Московскомъ университетѣ. Его автобіографія помѣщена въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“, т. II, стр. 479—482.

Петръ Матѳіевичъ *Терновскій*, протоіерей, настоятель Унив. церкви, заслуженный профессоръ богословія, церковной исторіи, церковнаго законовѣдѣнія, опытной психологіи и логики и дѣйствительный членъ конференціи Московской Духовной Академіи, род. 24 мая 1798 г. и былъ сынъ Матѳія Матѳіевича Терновскаго, священника Іоанно-Предтеченской церкви на Покровкѣ въ Москвѣ. Съ домашней подготовкой, въ 1808 г. онъ поступилъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію и учился тамъ, оставаясь подъ надзоромъ своего отца. Въ 1814 г. послѣ преобразованія духовныхъ училищъ Московскаго округа П. М. поступилъ на казенное содержаніе въ семинарію (тогда открытую въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ). Богословію Терновскій учился у ректоровъ *Евгенія* (*Казанцева*) [1]), впослѣдствіи арх. ярославскаго (ректор. М. сем. 1814—1817 г.) и *Парѳенія* (*Черткова*) [2]), впослѣдствіи архіепископа воронежскаго (ректор. М. сем. 1817—1819 г.). Въ 1818 г. архіеп.

---

[1]) Списки архіереевъ іерархіи всероссійской, СПБ, 1896, стр. 23—24, № 226.

[2]) Тамъ же, стр. 25, № 239.

Моск. *Августинъ* (*Виноградскій*) [1]) посвятилъ его въ стихарь для проповѣданія въ церкви. Будучи въ богословскомъ классѣ, онъ уже обучалъ нисшее отдѣленіе греческому языку. Отлично окончивъ семинарію со степенью студента въ 1816 г., П. М. поступилъ въ Моск. Духовную Академію. По богословію учился у ректоровъ академіи *Филарета* (*Амфитеатрова*), впослѣдствіи митрополита Кіевскаго (ректъ. 1816—1819) [2]) и *Кирилла* (*Богословскаго—Платонова*), впосл. арх. Каменецъ-Подольскаго (ректъ. 1819—1824) [3]). *Философію* П. М. Терновскій слушалъ у *В. И. Кутневича* и *Ѳ. А. Голубинскаго*. Окончивъ курсъ чрезъ 4 года—въ 1822 г. со степенью магистра, онъ былъ опредѣленъ при Академіи баккалавромъ греч. яз. Кромѣ того, участвовалъ по распоряженію начальства въ переводѣ Св. Писанія съ еврейскаго на русскій и занимался переводомъ греч. отцовъ для „Христіанскаго Чтенія“ (журнала СПБ—ой Дух. Акад.). Съ 1823 г. къ этому прибавилась еще должность секр. акад. конференціи и акад. правленія по Моск. округу. Въ 1826 г. Терновскій покинулъ акад. службу, а 2 февр. 1827 г. митр. *Филаретъ* рукоположилъ его въ священники церкви Благ. унив. пансіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ тамъ же преподавать Законъ Б. и греч. яз. Въ концѣ 1827 г. на мѣсто уволеннаго архимандрита *Иннокентія* (*Платонова*) Терновскій былъ опредѣленъ въ унив. орд. проф. богословія и церковной исторіи, а также переведенъ изъ пансіонской Крестовоздвиженской церкви въ настоятели университетской (Георгіевской на Красной Горкѣ). Въ 1844 г. избранъ конференціею М. Дух. Ак. (и утвержденъ Синодомъ) въ дѣйствительные ея члены. Въ день освященія новой унив. церкви (въ самомъ зданіи) 12 сент. 1837 г.

---

[1]) Тамъ же, стр. 20, № 195.

[2]) Тамъ же, стр. 24, № 233.

[3]) Тамъ же, стр. 27, № 250.

митр. Филаретъ возвелъ П. М-ча въ ней же въ протоіереи. По увольненіи свѣтскихъ профессоровъ отъ преподаванія философіи, Терновскому, по *засвидѣтельствованію Филарета*, поручено было преподаваніе психологіи и логики согласно программъ, выработанныхъ М. Дух. Ак. и одобренныхъ Синодомъ. Въ декабрѣ 1852 г. Т. получилъ званіе заслуженнаго проф. съ оставленіемъ на службѣ. Онъ же исполнялъ разныя иныя должности, както декана этико-полит. отд., члена Училищнаго Комитета, члена Комитета для экзамена дом. уч. и учительницъ, и цензора проповѣдей, произносимыхъ діаконами.

Скажемъ нѣсколько словъ о предшественникѣ П. М. Терновскаго по богословской каѳедрѣ,—архимандритѣ Иннокентіи.

Иннокентій (*Платоновъ*), сынъ священника, учился въ калужской, а потомъ въ свято-троицкой лаврской семинаріи. По окончаніи курса состоялъ въ перервинской семинаріи учителемъ словесности, географіи, ариѳметики и языковъ латинскаго и греческаго. Въ 1799 г. рукоположенъ во священники Московской Софійской церкви (на Лубянкѣ), а въ 1801 г. переведенъ въ церковь Неопалимой Купины близъ Дѣвичьяго поля. Тогда онъ пользовался особенною довѣренностію начальства; вмѣстѣ съ священническою должностію соединялъ и должность *увѣщателя* въ Московскомъ Надворномъ Судѣ и Священно-церковнослужительскаго Депутата. Въ 1819 г. постриженъ въ монахи и произведенъ въ архимандриты; занималъ должности ректора духовныхъ уѣзднаго и приходскаго училищъ въ Москвѣ, а потомъ ректора и учителя богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ пензенской (1821 г.) и новгородской (1822 г.). Въ 1823 г. переведенъ въ Москву и опредѣленъ настоятелемъ Богоявленскаго монастыря, а въ 1824 г. занялъ каѳедру богословія и церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ съ жалованьемъ по 1500 р. асс. Въ 1825 г. іюля 3 говорилъ слово въ торжественномъ собраніи университета: „О могуществѣ вѣры, какъ въ святой церкви, такъ и въ вѣрующихъ порознь, во всѣ времена и во всѣхъ состояніяхъ“. Въ 1827 г. уволенъ отъ профессуры въ университетѣ и переведенъ въ Нижегородскій Рождественскій монастырь, гдѣ и скончался [1]).

---

[1]) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, т. I, стр. 352—353.

„Богословіе преподавалъ архим. Богоявленскаго монастыря *Иннокентій*, человѣкъ благодушнѣйшій, кроткій, обходительный, безъ сомнѣнія, обладавшій знаніями своего предмета, съ искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ, но не имѣвшій дара слова. Иногда онъ начнетъ проводить прекрасную мысль, основанную не только на догмѣ, но и на философскихъ воззрѣніяхъ, и никакъ не кончитъ ея ясно, спутается въ умозаключеніяхъ и самъ улыбнется. Впрочемъ, онъ всетаки старался и отчасти успѣвалъ сдѣлать свои лекціи болѣе назидательными и новыми противъ гимназическихъ уроковъ закона Божія. Лекціи его были первыя, т. е. съ 8—9 часовъ. Студенты опаздывали и входили въ аудиторію по нѣскольку человѣкъ, даже и въ половинѣ девятаго, но отецъ архим. не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свое чтеніе даже и тогда, когда слышенъ былъ еще разговоръ пришедшихъ студентовъ. Правду сказать, *на его лекціяхъ не было* того благочинія, которое должно бы быть при слушаніи богословскихъ лекцій. Впрочемъ, несмотря на то, что тогда не принимались въ разсчетъ баллы по богословію для полученія ученыхъ степеней и званій, аудиторія Иннокентія была *всегда наполнена студентами*“ [1]).

Н. Н. Мурзакевичъ сообщаетъ объ Иннокентіи: „Къ архимандриту, *часто хмѣльному*, сталъ ходить (на лекціи) порѣже“ (стр. 265).... „Молодежь, дозволяя себѣ рѣзвости съ нѣкоторыми, въ томъ числѣ и съ архим. Иннокентіемъ, докучливо прося благословенія, не забывалась однако до того, чтобы выйти изъ границъ приличія и должнаго почтенія. Этого бы не дозволили сами студенты“... (стр. 267, „Русская Старина“ за 1887 г., г. 18, т. 53, февр., гл. VI).

---

[1]) **М. Назимовъ.** Въ провинціи и въ Москвѣ съ 1812 по 1828 годъ, стр. 141—«Русскій Вѣстникъ», т. 124, за 1876 г. іюль, ст. II.

Очевидно, за различныя свои слабости Иннокеній и былъ удаленъ изъ университета въ 1827 г., когда была произведена большая „чистка“ въ университетѣ, и когда слетѣлъ со своего мѣста даже самъ ректоръ, извѣстный А. А. Антонскій-Прокоповичъ.

Съ Иннокентіемъ, когда онъ былъ послѣ своего удаленія настоятелемъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, видѣлся проѣздомъ въ 1841 г. М. П. Погодинъ, совершавшій свое путешествіе, и между прочимъ вмѣстѣ съ П. И. Мельниковымъ осматривавшій этотъ древній монастырь (основанъ въ 1352 г. и названъ такъ по своему основателю, св. Діонисію, вышедшему изъ Кіевскаго Печерскаго монастыря) [1]. Въ сѣняхъ у Иннокентія Погодинъ видѣлъ „любопытную гравюру, о которой не слыхалъ прежде—изображеніе Исакіевскаго моста чрезъ Неву по плану Кулибина, нижегородскаго уроженца, поднесенное Императору Павлу“ [2].

По смерти Иннокентія (въ 1842 г.) П. И. Мельниковъ писалъ М. П. Погодину въ 1843 г.: „Есть преданіе, что въ Нижній привезли и Марѳу, и вѣчевой колоколъ. И почему знать? Можетъ быть, славный вѣчевой колоколъ не далѣе, какъ въ 1834 г. перелитъ Вашимъ знакомымъ (не въ укоръ будь сказано покойнику) Иннокентіемъ. Слова монаховъ: „тотъ былъ годами ста постарше, и такой крѣпкій, что, какъ сбросили его на камни съ колокольни, такъ не разбился“ [3].

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. VI, стр. 171.

[2]) Тамъ же, стр. 172.

[3]) Тамъ же, т. VII, стр. 234.

П. М. Терновскій былъ, несомнѣнно, выбранъ митрополитомъ Филаретомъ, чтобы подтянуть студентовъ послѣ слабаго Иннокентія, который однако, какъ мы видѣли, пользовался симпатіею студентовъ и умѣлъ заставлять себя слушать охотно. И П. М. Терновскій вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ начальства.

„Труды Терновскаго *много разъ* были удостоены [1])“, говоритъ онъ въ своей автобіографіи, „милостиваго вниманія начальства... кромѣ *всѣхъ* отличій... награждены личнымъ изъявленіемъ благоволенія отъ Государя Императора при Высочайшемъ посѣщеніи университета 22 ноября 1837 г.“

П. М. Терновскій пользовался поддержкою начальства. Кромѣ митрополита Филарета, покровительствовавшаго ему, онъ умѣлъ ладить и съ помощникомъ попечителя А. Н. Паниным̀ъ и произвелъ благопріятное впечатлѣніе на тов. министра С. С. Уварова, когда тотъ обозрѣвалъ Московскій университетъ въ 1832 г.

Товарищъ министра С. С. Уваровъ доносилъ:

„Къ разряду хорошихъ преподавателей прибавлю проф. богословія, священника *Терновскаго*, лекціями коего я былъ совершенно доволенъ, какъ въ отношеніи полноты и ясности, такъ и въ отношеніи языка и методы преподаванія“ [2]).

---

[1]) Біогр. Слов., т. II, стр. 482.

[2]) Н. А. Любимовъ, Мой вкладъ, т. I, стр. 204—205 (Мнѣнія Уварова изъ «Отчета о состояніи Московскаго университета въ 1832 г.»).

Графъ А. Н. Панинъ въ своей извѣстной „Памятной запискѣ“ отъ 1831 г., гдѣ онъ охарактеризовалъ почти всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ (издана О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ общества любителей исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ“ за 1870 г. кн. IV (октябрь—декабрь), отдѣлъ V, смѣсь, стр. 214—219), отзывается такъ: „Петръ Матвѣевичъ *Терновскій* учитъ Богословіи (sic) и исторіи церковной въ университетѣ и въ пансіонѣ, и отправляетъ Божественную литургію въ семъ послѣднемъ мѣстѣ: человѣкъ умной, и благочестивой, *обходительной* и ученой“ [1]).

Въ обществѣ авторитетъ П. М. Терновскаго, кажется, былъ невеликъ. Такъ А. С. Хомяковъ пишетъ Ю. Ѳ. Самарину: „Окончательная насмѣшка судьбы надо мною: И. И. Давыдовъ и *Терновскій*, прочитавъ „Ѳеодора Ивановича“ въ „Дѣтской библіотекѣ“ (т. е. въ „Библіотекѣ для воспитанія“), объявили, что они мнѣ *сочувствуютъ*. C'en est fait, mon malheur passe mon espérance“. („Русскій Архивъ“ за 1879 г. (г. 17), кн. III, 18, стр. 312, Письма А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину, № 3, отъ 10 окт. 1844 г.)

Т. Н. Грановскій пишетъ *К. Д. Кавелину* о своемъ выборѣ въ деканы: „*даже* Терновскій положилъ мнѣ бѣлый шаръ“ (Переписка, стр. 454, № 358, Москва, май 1855 г.)

---

[1]) Стр. 219.

Если къ П. М. Терновскому благоволило всякаго рода начальство и духовное, и свѣтское, и военное, откомандировываемое завѣдывать „просвѣщеніемъ“, то не особенно дружелюбно относились къ нему студенты, его слушатели, ученики и духовныя дѣти. Остались о немъ воспоминанія почти у всѣхъ замѣчательныхъ людей, воспитывавшихся въ его время въ Московскомъ университетѣ, но мало отзывовъ благопріятныхъ,—такихъ, каковы нижеприводимыя свидѣтельства *П. Д. Шестакова* и *Я. И. Костенецкаго*. Впрочемъ, и Шестаковъ сообщаетъ любопытные факты.

Будущій попечитель Казанскаго учебнаго округа, слушая лекціи П. М. Терновскаго, вынесъ такія впечатлѣнія:

„Богословіе читалось догматическое и нравственное. Проф. богословія *П. М. Терновскій* относился къ своему предмету весьма добросовѣстно и былъ очень требователенъ: слѣдующій характерный случай достаточно покажетъ требовательность и строгость проф. богословія. Разъ на лекціи П. М. Терновскій замѣтилъ, что сидѣвшіе на одной скамейкѣ второго ряда три студента смѣялись. Онъ прекращаетъ чтеніе, обращается къ одному изъ этихъ студентовъ и спрашиваетъ его строгимъ голосомъ: „Чему вы смѣетесь?“ Студентъ молчитъ.—„Развѣ на лекціи Слова Божія можно смѣяться? Какъ Ваша фамилія?“ Студентъ называетъ.—„Вы гдѣ воспитывались?“—„Въ рязанской гимназіи“.—„Хорошо, вѣрно, васъ воспитывали. И Вы тоже изъ рязанской гимназіи?“ спрашиваетъ профессоръ второго смѣявшагося:—„Изъ рязанской“.—

„Ваша фамилія“?—Студентъ назвалъ свою фамилію. „И Вы, конечно, изъ рязанской“? былъ вопросъ третьему:—„Изъ рязанской“.—„Ваша фамилія?“ Студентъ сказалъ свою фамилію.—„Ну такъ вы помните. Я ставлю вамъ по нулю; ни къ репетиціи, ни къ экзамену васъ не допущу,—такъ вы и останетесь на I курсѣ!“ Строгость профессора богословія, возмущавшая, конечно, многихъ студентовъ, вызывалась серьезнымъ взглядомъ профессора на важность и святость предмета, имъ преподаваемаго. „Развѣ на лекціи Слова Божія можно смѣяться? Развѣ закономъ Божіимъ можно заниматься кой-какъ, безъ сердечнаго уваженія и вниманія?“ Вотъ какія слова слышали мы отъ П. М. Терновскаго, и благодаря его строгости, студенты усердно изучали богословіе, аккуратно посѣщали лекціи профессора и являлись на экзаменъ подготовленными“ [1]).

Зачинщикъ и виновникъ двухъ печальныхъ студенческихъ исторій того времени „Маловской“ и „Сунгуровской“, Я. И. Костенецкій сообщаетъ:

„Священникъ и магистръ богословія *Терновскій* читалъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ догматическое богословіе и церковную исторію. Мы всегда внимательно слушали его лекціи, записывали ихъ, *по мѣрѣ возможности* ихъ изучали и *очень любили* этого почтеннаго пастыря за его *кротость* и ласковое съ нами обращеніе. Насъ всегда сильно огорчало, что, когда, бывало, пріѣзжаетъ къ намъ на экзаменъ изъ богословія митрополитъ *Филаретъ*, то обыкновенно всѣ сидѣли, какъ студенты, такъ и профессоры: одинъ только бѣдный нашъ законоучитель долженъ былъ стоять предъ митрополитомъ въ продолженіе всего экзамена, иногда часа четыре или пять: за это мы очень не любили митрополита, да еще за

[1]) П. Д. Шестаковъ, Московскій университетъ въ 1840 гг. (по поводу воспоминаній А. Н. Аѳанасьева), стр. 635 въ «Русской Старинѣ» за 1887 г., т. 55., сентябрь, ст. VIII, гл. II.

то, что во время экзамена онъ ужъ слишкомъ много требовалъ отъ насъ знанія священныхъ текстовъ“ [1]).

(„Мои воспоминанія“ Ѳ. И. Буслаева. Стр. 5.)

„И теперь, когда я это разсказываю, живо представляется мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ я стою у столика, а передо мною сидитъ профессоръ богословія Петръ Матвѣевичъ Терновскій, съ окладистой бородою и строгими взорами —онъ казался мнѣ тогда такимъ величественнымъ и *недоступнымъ*—и слушаетъ, какъ я ему разсказываю довольно подробно какое-то событіе изъ священной исторіи“.

„На лекціяхъ богословія первые курсы всѣхъ четырехъ факультетовъ свободно могли умѣщаться въ упомянутой выше словесной аудиторіи перваго нашего отдѣленія, и студенты всегда были на лицо почти въ полномъ ихъ составѣ, потому что протоіерей Петръ Матвѣевичъ Терновскій строго взыскивалъ со студентовъ посѣщеніе его лекцій, каждый разъ заставляя того или другого изъ насъ пересказать, что̀ было читано въ прошедшій разъ, отсутствующаго же отмѣчалъ въ своемъ спискѣ“ (тамъ же, стр. 99).

Самую полную характеристику П. М. Терновскаго начерталъ *А. Н. Аѳанасьевъ*:

„Однажды въ Великій Постъ, когда говѣли казенные студенты, попъ *Терновскій* объявилъ на исповѣди двумъ студентамъ, что за какіе-то важные грѣхи онъ не допуститъ ихъ къ причастію; студенты—грѣшники обратились къ Платону Степановичу (*Нахимову*); тотъ бросился къ Терновскому уговаривать его быть снисходительнѣе. Долго отговаривался Тер-

---

[1]) Я. И. Костенецкій, Воспоминанія изъ моей студенческой жизни, II, стр. 230. въ «Русскомъ Архивѣ», г. 25-й, за 1887 г., кн. I, февраль, 4.

новскій, наконецъ сказалъ: „Не могу... Іисусъ Христосъ сказалъ“.... и уже былъ на готовѣ текстъ, какъ Нахимовъ нетерпѣливо и почти съ отчаяніемъ прервалъ его: „что Іисусъ Христосъ! что *графъ*-то (*С. Г. Строгановъ*) скажетъ?“.... Это *послѣднее* возраженіе возымѣло силу—и студенты допущены были къ св. причащенію“ [1])....

„*Терновскій*, *грубый*, самолюбивый и вполнѣ проникнутый семинарскимъ духомъ попъ, *говорилъ въ носъ* и непріятно. Лекціи свои читалъ по изданной имъ книгѣ „Догматическаго богословія“; нравственное же богословіе почти ничѣмъ не отличалось отъ Филаретовскаго катехизиса, кромѣ обилія текстовъ. Любопытно, какъ объяснялъ онъ нѣкоторые догматы религіи: „сіе“, говорилъ онъ, „можно доказать изъ двухъ источниковъ: изъ разума и изъ Откровенія. Во первыхъ, изъ разума; но разумъ человѣческій весьма часто погрѣшаетъ; онъ несовершенъ, слабъ и потемняется мірскими суетами и соблазнами, а посему отметаемъ сей нечистый источникъ. Во-вторыхъ, изъ Откровенія“. Тутъ слѣдовали тексты съ ихъ вчастую натянутыми объясненіями. На четвертомъ курсѣ нашего фак. онъ читалъ „церковное право“, но увы! какъ читалъ! Будучи безъ всякаго юридическаго образованія, онъ нисколько не понималъ ни важности, ни интереса порученной ему науки. Всѣ лекціи его ограничивались много-много 30-ю писанными листами. Ему назначено было въ росписаніи читать 2 часа въ нед.; но онъ приходилъ такъ поздно (и уходилъ всегда прежде конца), что едва ли просиживалъ болѣе часа. Въ лекціяхъ о церковномъ правѣ онъ изложилъ намъ подробно постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ, сказалъ нѣсколько словъ о сборникахъ каноническихъ узаконе-

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ, Воспоминанія, стр. 359—въ «Русской Старинѣ», за 1886 г., т. 51, августъ, VI ст., I гл.

неній въ Византіи, при чемъ сурово отзывался о папахъ и ихъ властолюбіи, коверкая ихъ имена, напр., вмѣсто Урбана —Урванъ. Одного какого-то папу только и похвалилъ: „это былъ человѣкъ добросовѣстный, но къ сожалѣнію, онъ черезъ 2 недѣли послѣ занятія папскаго престола скончался". Мы заподозрили, что если бъ и другіе такъ же скоро умирали, то заслужили-бъ не менѣе лестный отзывъ нашего преподавателя. Далѣе онъ кратко касался постановленій, и безъ всякой системы, о церковныхъ поземельныхъ имуществахъ, бракѣ, священствѣ и пр. Тутъ считалъ онъ обязанностію коснуться исторіи, но обнаружилъ *полное* съ нею *незнакомство*. Владиміръ Св., Іоаннъ Грозный и Петръ Великій—вотъ 3 лица, о которыхъ онъ упомянулъ, перескакивая отъ одного къ другому черезъ цѣлый рядъ годовъ, и удивляя насъ своими смѣлыми скачками. Онъ не показалъ намъ ни историческаго развитія іерархіи, ни отношеній между властями, ее составляющими, ни учрежденій синода и консисторій, ни отвѣтственности духовныхъ лицъ; даже не объяснилъ порядочно юридической стороны брака, а остановился на этомъ актѣ, доказывая, что бракъ есть таинство. Хорошо, да дѣло не въ томъ: а какія есть постановленія о вступленіи и расторженіи брака, и какъ судятся спорныя дѣла въ этомъ случаѣ? Словомъ, лекціи эти были *изъ рукъ вонъ плохи*, что̀, кажется, понималъ и самъ Терновскій. Помню одинъ случай: Терновскій прочиталъ (на 4-мъ курсѣ читалъ онъ всегда по тетрадкѣ) намъ лекцію, и на другой часъ хотѣлъ отправиться домой, какъ въ аудиторію вошелъ попечитель *Голохвастовъ* и усѣлся слушать. Терновскій, нисколько не затруднясь, началъ снова читать то, что̀ сейчасъ только окончилъ, и заставилъ насъ вторично прослушать составленный имъ вздоръ [1]).

[1]) Подобный случай повторился (и тоже ради прихода попечителя) уже на моей памяти въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ и тоже

На студентовъ Терновскій взиралъ, какъ на своихъ природныхъ непріятелей, какъ на людей, готовыхъ не почтить его санъ. На экзаменахъ былъ весьма строгъ и даже придирчивъ. Онъ особенно прижималъ на экзаменахъ тѣхъ, которые мало посѣщали его лекціи. Теперь (въ 1855 г.) онъ читаетъ философію!—Во время экзаменовъ (I курса) изъ богословія присутствовалъ въ университетѣ викарный архіерей *Іосифъ* [1]); вызвали меня, и какъ теперь помню, какой споръ завязался между Терновскимъ и викаріемъ на случай отвѣта моего, слово въ слово взятаго изъ лекцій Терновскаго: одинъ доказывалъ, что Христосъ сходилъ въ адъ *во славѣ* [2]), а другой, что—*въ уничиженіи*. Вотъ вамъ и средневѣковая схоластика“ [3]).

О непригодности юридическихъ лекцій П. М. Терновскаго свидѣтельствуетъ также *Н. П. Колюпановъ*:

„Каноническое право читалъ законоучитель, протоіерей Терновскій, но читалъ *плохо*, и его никто не слушалъ. На экзаменѣ Терновскій усиленно ставилъ единицы, но Баршевъ,

---

съ профессоромъ богословія. Прождавъ попечителя, протоіерей началъ лекцію безъ него и дошелъ уже до половины. Но входитъ высокій посѣтитель,—тетрадка перемахивается на нѣсколько листовъ назадъ, и начинается вторичное чтеніе уже прочитаннаго.

[1]) Іосифъ (въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Богословскій), сынъ причетника Ивана Петрова изъ погоста Кобыльскаго Рязанской епархіи, воспитанникъ Московской духовной академіи, которую окончилъ въ 1828 г., былъ съ 5 дек. 1842 г. (до 20 ноября 1849 г.) епископомъ Дмитровскимъ, впослѣдствіи Оренбургскимъ, Воронежскимъ; на послѣдней каѳедрѣ (1853—1864 г.) повышенъ въ архіепископы (въ 1860 г.) Скончался 19-го февраля 1892 г. и покоѣ (съ 1864 г.) въ Воронежскомъ Митрофаніевскомъ монастырѣ. «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской» (1721—1893), стр. 36—37, № 309.

[2]) П. Терновскій, Богосл. догматическое, ч. II, отдѣленіе II, членъ II, гл. III, § 14: «Изъ словъ Апостола видно, что цѣлію сошествія І. Христа во адъ было проповѣдать Свое торжество надъ смертію, и души, которыя съ вѣрою ожидали Его пришествія, ввести въ блаженство» (стр. 153) и § 13: «Прославленіе Іисуса Христа началось его сошествіемъ во адъ» (стр. 152).

[3]) А. Н. Аѳанасьевъ, гл. II, стр. 371—372.

несмотря на его протестъ, переправлялъ ихъ, смотря по общимъ отмѣткамъ, на 3, 4 и даже 5“ [1]).

Общее впечатлѣніе гордости, строгости, неприступности вынесъ отъ П. М. Терновскаго и нашъ симпатичный поэтъ *Я. П. Полонскій*:

(„Нива“, Ежем. лит. прилож. за 1898, № 12, дек., стр. 666. Я. П. Полонскій, „Мои студенческія воспоминанія“).

„Помню я и еще одного студента, котораго занимали богословскіе вопросы, и который, какъ кажется, собирался поступить въ монахи. Проф. богословія былъ у насъ свящ. унив. церкви *Тарновскій* (sic), человѣкъ строгій, на видъ гордый и *недоступный*. И что же? Однажды не успѣлъ онъ кончить лекцію, какъ вышеупомянутый студентъ сталъ предъ его каѳедрой и попросилъ позволенія сдѣлать замѣчанія на счетъ его лекціи. Тарновскій изумился, но позволилъ ему возражать себѣ. Минутъ двадцать продолжался этотъ курьезный диспутъ. Помню худое, постное лицо этого студента, но къ сожалѣнію забылъ его фамилію“.

Объ этомъ же обычаѣ диспутовъ на лекціяхъ П. М. Терновскаго повѣствуетъ и *К. С. Аксаковъ*:

„Лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ меня довольно интересовали. Отъ времени до времени поднимался какой-нибудь студентъ, обыкновенно, духовнаго званія и по обычаю семинаріи начиналъ съ Терновскимъ діалектическій споръ, который Терновскій поддерживалъ, иногда съ досадою—но обычай продолжался. Обыкновенно Терновскій заставлялъ кого-нибудь изъ студентовъ повторять содержаніе прошедшей лекціи“ [2]).

---

[1]) «Изъ прошлаго» (Посмертныя записки), «Русское Обозрѣніе» за 1895 годъ (г. VI), мартъ, ст. I, стр. 14, гл. II. Университетъ (1843—1849).

[2]) Воспоминаніе студентства (1832—1835 годовъ), «День» за 1862 г. № 39 отъ 29 сентября, Общій отдѣлъ, стр. 3, III столбецъ.

„Терновскій, репетируя, вызывалъ обыкновенно къ каѳедрѣ. Однажды на репетиціи онъ вызвалъ меня такимъ образомъ—и спросилъ о раѣ. Отвѣчая, я сказалъ о древѣ жизни и прибавилъ: „но вѣдь это „древо“ надо понимать только, какъ *аллегорію*!“—„Какъ аллегорію?“ сказалъ Терновскій: „почему Вы такъ думаете?—„*Древо жизни*“, отвѣчалъ я, „было *прообразованіемъ* Христа“—„Оно было прообразованіемъ, но это не значитъ, чтобы оно не существовало!“ замѣтилъ Терновскій. Однако, за этотъ отвѣтъ Терновскій поставилъ мнѣ 3, а не 4“ [1]).

„На экзаменѣ у Терновскаго достался мнѣ вопросъ объ *адѣ*. Отвѣчая, я сказалъ про „огненныя муки“ и прибавилъ, что было бы странно понимать этотъ „*огонь*“ въ матеріальномъ значеніи, какъ огонь, намъ извѣстный, но что это огонь—не вещественный, что это *муки* совѣсти. Терновскій сталъ съ досадою возражать [2]) мнѣ, но тогдашній викарный *Николаій* [3]), присутствовавшій на экзаменѣ, остановилъ его, сказавъ: „Очень хорошо, отвѣтъ прекрасный“. Терновскій долженъ былъ мнѣ поставить 4 [4]), т. е. лучшій баллъ“.

Въ 1850 г. П. М. Терновскій принужденъ былъ открыть еще и философскіе курсы. По словамъ С. М. Соловьева: „поручили чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобъ эти профессора богословія могли прилично являться на каѳедру передъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не *диктовальщиками сухихъ параграфовъ* такъ наз. догматическаго и нравственнаго богословія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 4, столб. III.

[2]) П. Терновскій, Богословіе догматическое, ч. II, отдѣленіе III, гл. IV, § 4, 4): «Въ мученіи нечестивыхъ будетъ участвовать и тѣло» (Матѳ. 10, 28; 2. Кор., 5, 19) (стр. 261).

[3]) Николай (Соколовъ) изъ ректор. Тамбовск. сем., еп. Дмитровскій (1831—1834), затѣмъ Калужскій †17 сент. 1851 г. (Списки архіереевъ, изд. 1896 г., стр. 29, № 170).

[4]) Тамъ же, стр. 5, столб. III.

И вотъ этимъ то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ *бездарный*, *сухой*, но умный и добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставляя свою совершенную *неприготовленность* къ ней. Ему выставили Высочайшее повелѣніе—и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію“ [1]). По засвидѣтельствованію митрополита Филарета (стр. 18 выше) онъ былъ признанъ способнымъ преподавать философію.

Въ чемъ состояли его лекціи, мы не въ состояніи опредѣлить. Впрочемъ, можно предполагать, что онѣ были сухи и не интересны, ибо, какъ свидѣтельствуетъ К. Бороздинъ [2]), „докторъ богословія Терновскій своей схоластикой вскорѣ разогналъ аудиторію“.... Лекціи его не оставляли ни малѣйшаго, повидимому, впечатлѣнія въ умѣ студентовъ. Такъ, сколько я ни распрашивалъ нашего извѣстнаго мыслителя А. А. Козлова, который слушалъ по философіи лекціи именно у Петра Матѳіевича [3]), онъ не могъ мнѣ сказать ничего опредѣленнаго о содержаніи курса философскихъ наукъ П. М. Терновскаго. Помнитъ онъ только, что тетрадочки записи философскаго курса зубрились на зубокъ, затѣмъ сдавались на экзаменѣ и—баста! Въ чемъ же было дѣло, А. А. Козловъ, самъ бывшій потомъ профессоромъ философіи, рѣшительно не помнитъ, кромѣ курьезовъ, вродѣ того, что П. М., читая лекціи, сильно гнусилъ [4]), а въ курсѣ психологіи часто упоминалъ „философа Шуберта“. Мы знаемъ, что теоріи мистика Шуберта [5])

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 211—212.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

[3]) См. «Философія въ Россіи», т. I, стр. 2.

[4]) Ср. выше, стр. 27 показаніе А. Н. Аѳанасьева.

[5]) Gotthilf Heinrich Schubert (1780—1860), ученикъ Шеллинга и другъ Франца Баадера, профессоръ Эрлангенскаго и Мюнхенскаго университетовъ, педагогъ, медикъ, горный инженеръ и естествовѣдъ, авторъ сочиненій Ahnungen einer allgemeinen Geschichte des Lebens, 3 т. (1806,7—1821), Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft (1808), Symbolik

любилъ Кіевскій академическій психологъ П. С. Авсеневъ; поэтому можно бы, пожалуй, заподозрить вліяніе на курсъ психологіи П. М. Терновскаго изъ статей П. С. Авсенева. Шубертъ былъ въ большой модѣ у богослововъ. На него, напр., ссылался въ своемъ „Введеніи въ православное богословіе“ въ 1847 г. Макарій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. „Веніаминъ, Готлибъ, Климентъ, *Шубертъ* и нашъ преосвященный Θеофилактъ. Я не совѣтовалъ бы такъ мѣшать неправославныя имена съ православными и привлекать вниманіе къ чужимъ“, писалъ митрополитъ Филаретъ А. Н. Муравьеву [1])....

О вступленіи въ должность проф. богословія П. М-ча вспоминаетъ въ своей „Автобіографіи“ *Н. Н. Мурзакевичъ*: „Въ томъ же 1827 г. *паническій страхъ* навелъ почти на всѣхъ студентовъ трехъ отдѣленій (кромѣ мед.) назначенный проф. бог., протоіерей П. Терновскій. Полное, хотя и сжатое преподаваніе этого предмета—по новости всѣхъ обременяло. Уже не довольно было отдѣлаться катехизисомъ Филарета: надлежало отвѣчать то, что̀ требовалъ *неукротимый чтецъ*. Мнѣ въ этомъ разѣ важную услугу оказала собственная книга: Compendium theologiae sacrae архим. *Іакинѳа Карпинскаго*, лейпциг. изданіе. Пробѣжавъ ее нѣсколько разъ, на репетиціяхъ я отвѣчалъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно. На выпускномъ же экзаменѣ даже обратилъ на себя вниманіе страшнаго экзаменатора, митрополита Филарета. Бѣдный Терновскій

---

des Traumes (1814), Altes und Neues aus dem Gebiete der innern Seelenkunde (5 т., 1817—1844), Die Urwelt und die Fixsterne (1822), Geschichte der Seele (1830), Lehrbuch der Menschen—und Seelenkunde (1838), Die Krankheiten und Störungen der menschlichen Seele (1845), Der Erwerb aus einem vergangenem und die Erwartung von einem künftigen Leben; eine Selbstbiographie (3 т., 1854—1856). Онъ же перевелъ на нѣмецкій языкъ Сенъ-Мартена: Geist und Wesen der Dinge (1811).

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. X, стр. 5.

по испугу или какой другой причинѣ вызвалъ меня два раза: за отвѣтъ о „прообразованіяхъ“ заслужилъ похвалу митрополитскую“. („Русская Старина“, (г. 18), 1887 г., т. 53, февр., гл. VII, стр. 272).

За нѣсколько лѣтъ до того, какъ Петру Матѳіевичу пришлось самому приниматься за составленіе философскаго курса, ему удалось пристроить къ Московскому университету для чтенія философіи своего младшаго брата Ивана Матѳіевича. Мы коснемся здѣсь этого любопытнаго эпизода изъ исторіи философской каѳедры при Московскомъ университетѣ.

Со времени увольненія И. И. Давыдова въ 1826 г., устраненнаго съ философской каѳедры по доносу графа С. Г. Строганова, эта каѳедра никогда не была правильно замѣщена вплоть до назначенія на нее въ 1845 г. адъюнкта М. Н. Каткова [1]). Нѣкоторые предметы (напр., логика) читались иногда профессорами иныхъ предметовъ, както проф. археологіи Н. И. Надеждинымъ. Въ 1837 г. „предъ отъѣздомъ своимъ въ Кіевъ, архіеп. Иннокентій Борисовъ обѣщалъ Погодину дать Московскому университету *философа*“ [2]), имѣя въ виду нѣкоего Илью Ѳедоровича *Гриневича*. О немъ Иннокентій писалъ Погодину: „У васъ ищутъ преподавателя философіи. А здѣсь живетъ праздно нѣкто Гриневичъ. Человѣкъ знающій и благомыслящій, и нуждающійся въ должности. Не явиться ли ему къ вамъ? Онъ—магистръ, но стоитъ доктора“. А самъ

---

[1]) О немъ см. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 169 и далѣе.

[2]) Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. V, стр. 49. Гриневичъ былъ магистромъ не Московскаго (какъ полагаетъ Н. П. Б—въ), а Харьковскаго унив.

Гриневичъ писалъ Погодину же: „Я желалъ бы остатокъ дней моихъ окончить въ сердцѣ Россіи. А какъ у васъ оказывается вакантною каѳедра философіи, то покорнѣйше прошу Вашего покровительства о предложеніи меня на оную, какъ стараго профессора. Я знаю, что на сію каѳедру приглашается *Авсеневъ*; но онъ еще не держалъ докторскаго экзамена; а я таковый по философіи выдержалъ въ 1815 г. Явите въ семъ случаѣ ученое правосудіе. Я [1]) 20 лѣтъ служу профессоромъ Латинской и Россійской Риторики; слѣдовательно, питомецъ Тацита (sic) [2]) и ему подобныхъ". [3])

Въ Московскій университетъ, однако, не попали ни Гриневичъ, ни Авсеневъ. Иннокентій писалъ Погодину изъ Кіева: „Философія Ваша, какъ видно изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", получила преподавателя. Тѣмъ не менѣе отъ насъ поѣхало къ вамъ два философа..... Впрочемъ, они отправились собственно для прогулки. Оффиціальной претензіи у нихъ на вашу каѳедру нѣтъ. Не оставьте ихъ Вашимъ покровительствомъ въ Москвѣ" [4]).

Этихъ двухъ философовъ, *П. С. Авсенева* (преподававшаго потомъ философію въ Кіевскомъ университетѣ, а впослѣдствіи—архимандрита *Ѳеофана*, настоятеля посольской церкви въ Римѣ) и *І. Г. Михневича* (потомъ профессора философіи въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ) М. П. Погодинъ принималъ и угощалъ привѣтливо.

Преподаваніе же по каѳедрѣ философіи графъ С. Г. Строгановъ поручилъ брату Петра М.-ча Ивану Матѳіевичу. Его

---

[1]) О Гриневичѣ см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 55—60.

[2]) Тацитъ понадобился Гриневичу потому, что чаемый благодѣтель, Погодинъ,—и с т о р и к ъ!

[3]) У Барсукова тамъ же, стр. 49—50.

[4]) Тамъ же у Барсукова, стр. 50.

біографію составилъ Петръ Матѳіевичъ: Иванъ Матѳіевичъ *Терновскій—Платоновъ*, сынъ священника, родился въ Москвѣ въ 1801 г. Высшее образованіе получилъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ учился съ отличнымъ успѣхомъ, окончилъ курсъ и удостоенъ степени магистра богословскихъ наукъ. Служилъ сначала въ Московской семинаріи профессоромъ словесности, гражданской исторіи и нѣмецкаго языка, съ 1826 г. по 1834 г., потомъ съ 1834—1846 г. преподавалъ въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ россійскую словесность и *логику*. Скончался на 49 году жизни—19 ноября 1849 г.

Съ 1837—1839 г. И. М. преподавалъ студентамъ университета *логику* по приглашенію попечителя графа *Строганова* [1]).

Преподаваніе Ивана Матѳіевича не имѣло ни малѣйшаго успѣха среди студентовъ. Его лекціи, надо полагать, слушались ради курьеза и служили источникомъ розсказней и анекдотовъ.

„Преподаватель *Терновскій-Платоновъ*, вѣроятно, для оживленія такого сухого научнаго предмета (логики) прибѣгалъ нерѣдко къ метафорической рѣчи. Вотъ какъ однажды началъ онъ свое чтеніе: „Милостивые государи, прошлую лекцію мы, сѣвъ въ *лодку любознанія*, преплыли *море изслѣдованія* и достигли *брега истины*. Пойдемъ теперь *дальше*!“ [2]).

---

[1]) Біограф. Слов., т. II, стр. 486.

[2]) Галаховъ, «Сороковые годы», стр. 412 (гл. XII) въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г.. т. 47, февраль, ст. IV. Впрочемъ, возможно, что Галаховъ, приводя этотъ анекдотъ—послѣ разсказа объ удаленіи Каткова, смѣшиваетъ этого Ив. М. съ его братомъ Петромъ Матѳ., который смѣнилъ Каткова и не носилъ прибавки къ фамиліи «Платоновъ»,—тогда какъ Ив. Матѳ. Терновскій—Платоновъ былъ не послѣ Каткова, а до него: былъ его послѣднимъ предшественникомъ.

Преданіе сохраняло сказанія о разныхъ bon mot И. М. Терновскаго довольно долго. Такъ и *А. Н. Аѳанасьевъ* слышалъ „о Терновскомъ (читалъ логику), который будто, опредѣливъ способность воображенія, въ примѣръ всегда приводилъ: „представьте себѣ, что *казакъ съ пикою* скачетъ *по карнизу* дома—вотъ вамъ и воображеніе". Объ одномъ профессорѣ философіи (*Якубовичѣ*?) разсказывали, что онъ такъ опредѣлялъ скептицизмъ: „мужикъ ведетъ на веревкѣ поросенка, а прохожій, встрѣтивъ его, говоритъ: „полно, такъ ли? не поросенокъ ли ведетъ мужика? вотъ скептицизмъ". [1]).

Дѣло, наконецъ, разрѣшилось коллективною жалобою студентовъ, какъ о томъ повѣствуетъ *А. Д. Шумахеръ*, „Поздніе воспоминанія" („Вѣстникъ Европы", за 1899 г., мартъ, ст. III, стр. 98 и прим.):

„Когда до гр. С. Г. Строганова доходили свѣдѣнія о неудовольствіи студентовъ на кого-либо изъ профессоровъ, онъ самъ приходилъ на лекціи профессора, тихо, безъ всякой свиты, садился на скамью рядомъ съ студентами и выслушивалъ лекцію до конца. Затѣмъ нерѣдко дѣлалъ профессору внушенія, а разъ, по жалобѣ на крайнюю сухость и схоластичность лекцій по логикѣ профессора изъ духовной академіи (sic) *Терновскаго* предложилъ ему по окончаніи года оставить университетъ.

Жалоба эта по порученію студентовъ I курса была доведена до свѣдѣнія графа студентами: *Стаховичемъ*, *Мильгаузеномъ* и мною чрезъ посредство сына графа, находившагося на II курсѣ вмѣстѣ съ моимъ братомъ".

---

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ, Воспоминанія (Московскій университетъ (1843—1849), гл. II, стр. 386, прим., въ «Русской Старинѣ», т. LI, за 1886 г., августъ, ст. VI. Максимиліанъ Юльевичъ Якубовичъ (1784—1853), полякъ, никогда не былъ проф. философіи, а читалъ латинскую словесность (въ Моск. унив. съ 1839—1842 г.); ранѣе служилъ въ Кіевскомъ университетѣ.

Послѣ удаленія Ив. Матѳ. Терновскаго выступилъ новый кандидатъ, впрочемъ, не добившійся ничего. „Иванъ Кирѣевскій *ищетъ* теперь *мѣста* профессора философіи. У него много покровителей, но мѣшаютъ воспоминанія о „Европейцѣ". Безспорно, онъ человѣкъ съ талантомъ и можетъ имѣть сильное вліяніе на студентовъ; послѣднее даже вѣрно, потому что онъ—фанатикъ и славно говоритъ. Наша молодежь тотчасъ поддастся. Изъ Кіева сюда выписываютъ адъюнкта для философіи; кажется, *плохая находка*. Я его не знаю, но сужу по письмамъ". (Т. Н. Грановскій и его переписка, т. II, Переписка, стр. 370, письмо № 300, къ Н. В. Станкевичу отъ 27 ноября 1839 г.). Но не Ив. Кирѣевскій, ни Авсеневъ (или Гогоцкій), ни П. И. Савваитовъ [1]) не получили искомой ими каѳедры.

Петръ Матѳіевичъ Терновскій имѣлъ слѣдующіе труды:

1) Руководство для студентовъ: „Богословіе догматическое" имѣло 3 изданія: 1838, 1839 и 1844 г. *По предложенію митрополита Филарета* конференція М. Дух. Ак. разсмотрѣла этотъ учебникъ, и 11 сент. 1837 г. коммиссія Духовныхъ училищъ присудила за него автору степень доктора богословскихъ наукъ.

2) Слово о пророчествахъ Ветхаго Завѣта (произнесено 5 іюля 1828 г. въ торж. собр. ун.).

3) Участвовалъ въ переводахъ Библіи съ *еврейскаго* на русскій языкъ.

4) Переводилъ для „Христіанскаго Чтенія" съ греческаго творенія Св. Отцевъ.

5) Нѣсколько поучительныхъ словъ произнесено въ унив. церкви.

П. М. Терновскій произносилъ слова также и при исполненіи требъ, напр. при погребеніяхъ. Такъ, при отпѣваніи Д. П. Голохвостова 31 декабря 1849 г. въ церкви Іоанна

[1]) О немъ см. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 193—194.

Богослова онъ произнесъ къ предстоявшимъ гробу въ память почившаго „поучительное и утѣшительное слово“ (Н. Барсуковъ, Ж. и т. П—на, т. X, стр. 549). При погребеніи проф. Алексѣя Матв. Филомаѳитскаго (Біогр. словарь, т. II, стр. 519) 25 янв. 1849 г. П. М. Терновскій тоже произнесъ „поучительное и утѣшительное слово“.

6) Къ этимъ трудамъ надобно прибавить еще статьи въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета“. Занимая въ юбилейномъ 1855 году богословскую и философскую каѳедры, П. М. Терновскій обязанъ былъ написать біографіи профессоровъ философіи и богословія. Нельзя не сказать, что эти работы были выполнены П. М. Терновскимъ чисто оффиціально, кое-какъ, небрежно; цитируетъ онъ, напр., такъ: „Московскія Вѣдомости“ 1813 года (!)—(въ біографіи Рейнгарда, т. II, стр. 329). Мнѣ пришлось не одинъ разъ перелистовать страницу за страницей 2 квартанта тогдашнихъ „Московскихъ Вѣдомостей“, чтобъ наконецъ отыскать около полустолбцевый некрологъ Рейнгарда, причемъ единственнымъ результатомъ оказалось—по сличеніи со „Словаремъ“, что П. М. почти дословно переписалъ этотъ некрологъ къ себѣ!

Ознакомимся съ трудами Петра Матѳіевича.

Богословіе Догматическое или пространное изложеніе ученія вѣры православныя каѳолическія восточныя церкви. Доктора богословія, протоіерея Петра Терновскаго, Императорскаго Московскаго Университета Профессора Богословія, Церковной Исторіи и Церковнаго Законовѣдѣнія.

Эпиграфъ: „Основанія инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ“ (1 Кор. III, 11). Москва Въ Университетской Типографіи. 1838 (у насъ подъ руками I изданіе). Печатать позволяется etc. ноября 19 дня 1837 г. Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Профессоръ Математики, Священникъ Петръ Делицинъ. Тит.+III—XI (сод.)+1—262 (текстъ)+1 нен. (Погрѣшности).

Планъ сочиненія. Сначала идутъ „Предварительныя понятія"—стр. 1—50. Далѣе слѣдуетъ самое Догматическое Богословіе, распадающееся на двѣ *части*: I) О Богѣ въ его существѣ—стр. 54—76 и II) О дѣлахъ Божіихъ въ отношеніи къ тварямъ, стр. 77—262. I *часть* раздѣляется на 3 *главы*: I)—О бытіи Божіемъ—стр. 54, II)—О существѣ Божіемъ и существенныхъ свойствахъ Божіихъ—стр. 65, III) О таинствѣ Пресвятыя Троицы—стр. 65. II *часть* дѣлится на 3 *отдѣленія*: I) О дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы, II) О спасеніи человѣка (дѣла Божіи въ царствѣ благодати), III) О дѣлахъ Божіихъ, относящихся къ царству славы. I) отдѣленіе дѣлится на 2 *члена*: I) О твореніи, II) О промыслѣ Божіемъ (стр. 107). I членъ дѣлится на 3 *главы*: I) О твореніи міра вообще—стр. 78, II) Объ ангелахъ—стр. 85, III) О сотвореніи человѣка—стр. 94. Отдѣленіе II дѣлится на 3 *члена*: I членъ—О грѣхопаденіи человѣка и слѣдствіяхъ онаго, стр. 108, членъ II—Объ искупленіи падшаго человѣка и III членъ—О усвоеніи человѣкамъ совершеннаго Іисусомъ Христомъ искупленія. Притомъ II членъ распадается еще на 3 *главы*: I) О вѣчномъ опредѣленіи Божіемъ о возстановленіи падшаго рода человѣческаго, стр. 115, II) О предуготовленіи человѣковъ къ принятію Искупителя, III) О искупленіи человѣка падшаго, какъ уже совершившемся чрезъ воплощеніе Сына Божія, стр. 134. Членъ же III распадается еще на 4 главы: I) О благодати Божіей, стр. 178, II) О вѣрѣ, стр. 190, III) О Словѣ Божіемъ, стр. 198, IV) О таинствахъ, стр. 204.—Отдѣленіе III дѣлится на 4 главы: I) О кончинѣ міра, стр. 241, II) О воскресеніи мертвыхъ, стр. 244, III) О второмъ и славномъ пришествіи Іисуса Христа и послѣднемъ судѣ, стр. 254 и IV) О жизни вѣчной, стр. 258.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета іюля 5-го дня 1828 года. М. Въ университетской Типографіи. 1828. (I). Слово о пророчествахъ ветхаго завѣта, произнесенное О. Профессоромъ Богословія и Церковной Исторіи, Священникомъ Петромъ Терновскимъ. Стр. 5—24. 4-°.

Пророчества, оправданныя событіями, составляютъ одно изъ основаній, на которыхъ утверждается Божественность нашей Религіи (стр. 5). Авторъ намѣренъ (6): I) объяснить понятіе пророчествъ, II) показать ихъ цѣль, III) объяснить причины ихъ невразумительности и IV) обратить вниманіе на способы, облегчающіе уразумѣніе оныхъ.

I) Пророчество (6) есть открытіе будущаго. Образъ откровенія и проникновенія въ тайну премудрости Божіей былъ либо непосредственный (черезъ Духа Св.), либо символическій. II) *Цѣлію* (9) пророчествъ было не что иное, какъ сохраненіе спасительной вѣры и питаніе утѣшительной надежды на Искупителя. III) Главною *причиною* (12) невразумительности пророчествъ должно положить возвышенность и величіе предмета, составляющаго ихъ содержаніе. Пророчества, относящіяся къ гражданскимъ обстоятельствамъ народа Іудейскаго, могутъ быть (13) невразумительны отъ недостаточнаго познанія Исторіи и древностей сего народа. IV) Но сія мрачность (13) пророчествъ и трудность ихъ разумѣнія не должны устрашать ищущихъ свѣта истины. Словомъ Спасителя „Испытайте писаній“ повелѣвается открывать и находить многоцѣнное сокровище—глубоко скрытый смыслъ пророчествъ. Руководствомъ къ сему могутъ служить черты лица или предмета, встрѣчающіяся въ пророчествѣ. Изъясненіе по указаніямъ, находимымъ въ самомъ пророчествѣ, должно подтверждаться свидѣтельствомъ І. Христа, Апостоловъ и Писаніями (14) Отцевъ Церкви, наипаче первыхъ вѣковъ христіанства. Пророчества, касающіяся внѣшняго состоянія Іудеевъ, должно изъяснять при помощи Исторіи. Свои правила интерпретаціи Терновъ-

скій прилагаетъ къ опыту (14) на видѣніи пророка Исаіи (гл. VI), въ которомъ 3 части: I) Видѣніе славы Божіей, II) Посвященіе Исаіи въ пророческое служеніе, III) Повелѣніе объявить нечестивымъ Судъ Божій. Переводные тексты приводятся параллельно по тексту LXX (перев. слав.) и по евр. (новорусск.). I) представляются вниманію 1) время, 2) образъ и 3) предметъ видѣнія (15). II) 1) чувства, возбужденныя въ душѣ пророка видѣніемъ, 2) посвященіе пророка (19). III) Посыланіе пророка и судъ Божій надъ Іудеями: 1) понятіе ожесточенія, 2) приложеніе его къ Іудеямъ, 3) продолженіе этого наказанія, и 4) заключеніе суда (22). Не считая своихъ указаній достаточными, авторъ (24) молитъ Бога (Онъ глаголалъ устами пророковъ, Онъ—и лучшій истолкователь ихъ глаголовъ) открыть умы и сердца всѣхъ ищущихъ истины разумѣть Писанія пророковъ.

П. М. Терновскій по выслуженіи въ 1857 г. 35 лѣтъ учебной службы вообще и 30 лѣтъ университетской профессорской службы вышелъ въ февралѣ 1858 г. въ отставку и сталъ настоятелемъ приходской Петро-Павловской, что̀ въ Новой Басманной, церкви, при которой и оставался до конца дней. Онъ былъ выбранъ Совѣтомъ Московскаго университета въ почетные члены и оставался дѣйствительнымъ членомъ конференціи Московской духовной академіи. На его мѣсто по каѳедрѣ богословія и философіи при Московскомъ университетѣ митрополитъ Филаретъ избралъ его предшественника по Петро-Павловскому приходу, протоіерея, впослѣдствіи протопресвитера Николая Александровича *Сергіевскаго*: такимъ образомъ П. М. и Н. А. помѣнялись мѣстами [1]). Сергіевскій пробылъ на этомъ приходѣ около 3 лѣтъ,—Терновскій болѣе 16 лѣтъ.

П. М. Терновскій скончался 1 сентября 1874 г. Его смерть вызвала некрологи: „Московскія Вѣдомости“, № 223, за 1874 г. суббота, 7 сентября (г. 119-й), стр. 4 (полныя 6 столбцовыя), ст. II; этотъ некрологъ былъ перепечатанъ въ газетахъ: „Московскія Епархіальныя Вѣдомости“. Изданіе Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Ректоръ священ. В. Рождественскій, цензоръ архимандритъ Амфилохій. Годъ VI, № 39 отъ 22 сентября 1874 г., воскресенье: извѣстія и

---

[1]) Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1893 г. М. 1893. Некрологи, стр. 233. Н. А. Сергіевскій былъ духовникомъ П. Я. Чаадаева, совершалъ его погребеніе и произносилъ надъ его гробомъ рѣчь (Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. XIV, 563—565).

замѣтки. Петръ Матвѣевичъ Терновскій (некрологъ), стр. 112, столбецъ II и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ (г. I), № 106, пятница, 13 сентября 1874 г., стр. 3, столб. I—¹/₄ II. Кромѣ того, краткія упоминанія о его смерти появились въ газет.: „Голосъ“, (г. 12) № 246 за 1874 г., пятница, 6(18) сент., стр. 3, (6-столбцовыя, полныя), ст. IV, 5¹/₂ строчекъ и „Гражданинъ“ за 1875 г. № 8—9, стр. 204—208 (некрологи за 1874 г.). *Суворинъ*, „Русскій Календарь“ за 1876 г., стр. 369—375, *Гоппе*, „Всеобщій календарь“ на 1875 г., стр. 35—60, некрологи за 1873—74 г. „Голосъ“ заимствовалъ свѣдѣнія изъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

Вотъ что сказано въ некрологѣ „Московскихъ Вѣдомостей“:

„Состоя профессоромъ университета, П. М. поучалъ и словомъ, и примѣромъ. Слушатели его постоянно видѣли въ немъ *образецъ любви къ ближнему*, [1]) заповѣданной Спасителемъ. Петръ Матвѣевичъ всегда готовъ былъ служить ближнему съ полнымъ самопожертвованіемъ.... Оставивъ службу при университетѣ, П. М. въ качествѣ настоятеля приходской церкви и благочиннаго съ примѣрнымъ христіанскимъ самопожертвованіемъ исполнялъ возложенныя на него обязанности, пока болѣзнь не лишила его средствъ продолжать служеніе церкви.

1 сентября послѣ продолжительной болѣзни П. М. скончался. 5 сентября вмѣстѣ съ паствой и родственниками усопшаго собрались въ Петропавловской церкви, чтобы отдать послѣдній долгъ, священнослужители, бывшіе товарищи, ученики и почитатели его. Литургія и отпѣваніе совершены соборне преосв. *Леонидомъ*, еп. Дмитровскимъ. Надъ гробомъ два священнослужителя произнесли поучительныя слова; они отдали должную дань справедливости—примѣрной жизни и высокимъ заслугамъ покойнаго. Тѣло предано землѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ“.

---

[1]) Ср. выше, стр. 25, 26, 27, 29, 30.

Леонидъ (въ мірѣ Левъ Васильевичъ *Краснопѣвковъ*, Петерб. дворянинъ, лейтенантъ флота) пост. въ 1838 г. въ Пет. дух. акад., въ 1840 г. перешелъ въ Московскую дух. акад., которую и окончилъ магистромъ въ 1842 г., постриженъ 23 сент. 1845 г., 23 апр. 1848 г. баккалавръ Моск. акад., 19 дек. 1849 г. ректоръ Вив. сем., 1 янв. 1850 г. архимандритъ, 4 апр. 1859 г. епископъ Дмитровскій, 15 мая 1876 г. архіепископъ Ярославскій, скончался 15 декабря 1876 г. (Списки архіереевъ, 1896 г., стр. 47, № 357).

Къ жизнеописанію Петра Матѳіевича Терновскаго прибавимъ еще біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ его коллегахъ, также занимавшихъ философско-богословскія каѳедры въ то переходное время, а именно, о Петербургскомъ профессорѣ *А. И. Райковскомъ*, Казанскомъ—*А. П. Владимірскомъ*, и Одесскомъ—Ришельевскаго лицея (нынѣ Новороссійскій университетъ), *М. К. Павловскомъ*.

Протоіерей, магистръ Андрей Ивановичъ Райковскій съ 1806 года обучался въ нижегородской духовной семинаріи, а въ 1817 г. поступилъ въ с. петербургскую дух. академію; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра, А. И. былъ опредѣленъ баккалавромъ при той же академіи по гражданской исторіи, и состоялъ въ этой должности 8 лѣтъ съ 20 іюля 1821 г. по 17 августа 1829 г.; притомъ съ 14 іюля 1824 г. по 12 мая 1826 г. исполнялъ еще должность библіотекаря. Произведенъ въ священники къ Пантелеймоновской церкви 17 апр. 1826 г., а 27 окт. 1827 г. перемѣщенъ къ Исакіевскому собору. Съ іюля 1826 г. по 13 дек. 1843 г. исполнялъ должность *увѣщателя* въ с. петербургскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и также—подсудимыхъ въ коммиссіи военнаго суда, при флотскихъ с.-петербургскихъ командахъ. Съ 1828 г. авг. 28—по 10 февр. 1836 г., т. е. въ теченіе $7^1/_2$ лѣтъ, проходилъ должность законоучителя въ морскомъ учебномъ экипажѣ. 26 февраля 1830 г. А. И. опредѣленъпрофессоромъ по каѳедрѣ богословія, церковной исторіи и

церковнаго законовѣдѣнія въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ впослѣдствіи преподавалъ также логику и опытную психологію; профессоромъ университета онъ оставался до 29 сент. 1856 г. А. И. Райковскій имѣлъ массу разнообразнѣйшихъ служебныхъ порученій. Августа 2-го 1839 г. онъ опредѣленъ дѣйствительнымъ членомъ конференціи с. петербургской дух. академіи, а съ 4 авг. 1841 г. по 10 авг. 1845 г. состоялъ членомъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета; въ 1842 г., 26 іюня назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ для преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ. По ходатайству министра народнаго просвѣщенія произведенъ въ санъ протоіерея 4 сент. 1842 г. Въ томъ же году, дек. 2 опредѣленъ членомъ с.-петербургской дух. консисторіи, а 23 марта 1843 г. перемѣщенъ протоіереемъ къ Смоленско-кладбищенской церкви. Совѣтомъ копенгагенскаго королевскаго общества древностей сѣверныхъ А. И. избранъ въ сочлены общества, 23 окт. 1843 г. Съ 1844 г. іюня 7 по 13 іюля 1856 г. былъ помощникомъ ректору академіи въ наблюденіи за преподаваніемъ закона Божія въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія. 22 ноября 1845 г. перемѣщенъ къ церкви св. Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, что̀ въ Моховой улицѣ, а 4 авг. 1848 г.—на мѣсто штатнаго протоіерея Казанскаго собора. Оставаясь членомъ консисторіи, съ 25 іюня 1848 г. исполнялъ должность благочиннаго, а съ 9 апр. 1854 г.—и депутата съ духовной стороны, по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ въ С.-Пб. палатѣ уголовнаго суда о лицахъ духовнаго вѣдомства. 24 августа 1859 г. опредѣленъ членомъ состоящаго при св. Синодѣ комитета для разсмотрѣнія соображеній губернскихъ комитетовъ западнаго края, касательно измѣненія положенія 1842 г. объ обезпеченіи содержаніемъ тамошняго сельскаго православнаго духовенства.—За отлично-

усердное исполненіе возложенныхъ на него должностей А. И. былъ награжденъ: 22 авг. 1830 г.—скуфьею, 13 февр. 1834 г.—камилавкою, 14 мая 1837 г.—наперснымъ крестомъ, 29 апр. 1840 г.—орд. св. Анны 3 ст., 25 апр. 1843 г.—орд. св. Анны 2 ст., 1 іюля 1849 г.—орденомъ св. Анны 2 степ., украшеннымъ Императорскою короною, и 14 апр. 1858 г.—орденомъ св. равноапостольнаго Владиміра 3-й ст. Имѣлъ бронзовый крестъ на владимірской, и медаль на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 г. Лѣтомъ 1860 г., протоіерей А. И. Райковскій для поправленія своего разстроеннаго здоровья ѣздилъ въ южные края, былъ въ Кіевѣ, но вскорѣ по возвращеніи въ С.-Петербургъ сильно занемогъ, и 29 окт. скончался—на 58 (?) году жизни. Отпѣваніе тѣла его совершено въ Казанскомъ соборѣ, 1 ноября 1860 г. преосв. Димитріемъ, архіепископомъ херсонскимъ, и преосв. Леонтіемъ, епископомъ ревельскимъ [1]).

Димитрій (въ мірѣ Климентъ *Муретовъ*) сынъ діак., род. въ с. Лучинскѣ, Пронск. у. Ряз. губ., уч. въ Ряз. сем. и Кіевск. акад. Постриженъ 11 сент. 1834 г., 7 окт. 1835 г. магистръ и баккалавръ Кіевской акад., 6 сент. 1837 г. проф., 14 февр. 1838 г. инсп. акад., 23 дек. 1850 г. епископъ Тульскій, 11 іюня 1857 г.—Херсонскій, 3 апр. 1860 г. архіеп., 2 окт. 1874 г. Ярославскій, 26 апр. 1876 г. Волынскій, 20 февр. 1882 г. вновь Херсонскій. Скончался 14 ноября 1883 г. (Списки архіереевъ, 1896 г., стр. 40, № 327).

Леонтій (въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ *Лебединскій*) род. 22 января 1822 г., сынъ свящ. Воронежской губ., учился въ Петерб. акад., окончилъ маг. въ 1847 г. Постриженъ 17 мая

---

[1]) «Странникъ», духовный учено-литературный журналъ, издаваемый священникомъ Василіемъ Гречулевичемъ. «Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ» 1861 г., годъ второй, янв., кн. I. СПБ. Отд. IV. Современная Хроника, Некрологъ, стр. 31—33.

1847 г., 20 марта 1851 г. инсп. Кіевск. сем., 28 янв. 1853 г. инспекторъ Кіевской академіи, 15 февр. 1853 г. архим., 17 мая 1859 г. ректор. СПБ. сем., 5 марта 1860 г. епископъ Ревельскій, 20 дек. 1863 г. Подольскій, 8 апр. 1873 г. архіепископ., 2 окт. 1874 г. Херсонскій, 16 ноября 1875 г. Холмскій, 15 мая 1883 г. членъ Св. Сунода, 17 ноября 1891 г. митрополитъ Московскій. Скончался 1 авг. 1893 г. (Списки архіереевъ, 1896 г., стр. 49, № 364).

Оффиціальный историкъ С.-Петербургскаго университета, В. В. Григорьевъ такъ выражается объ А. И. Райковскомъ (стр. 132; ср. стр. 111):

„Опредѣленный на каѳедру богословія въ февралѣ 1836 г., священникъ, впослѣдствіи протоіерей, магистръ богословія Райковскій (Андрей Ивановичъ), обучавшійся въ Нижегородской семинаріи, а потомъ въ 1821 г. кончившій курсъ ученія въ здѣшней духовной академіи, сталъ читать церковно-библейскую исторію по руководству митрополита *Филарета*, а богословіе догматическое и нравственное по собственнымъ запискамъ. Такъ продолжалъ онъ и въ слѣдующіе годы до 1842—43 г., когда въ руководство для церковной исторіи принялъ книгу архимандрита *Иннокентія*; съ 1847—48 года преподаваніе церковно-библейской исторіи замѣнилъ преподаваніемъ исторіи всероссійской церкви, по собст. запискамъ; съ 1850—51 г. въ изложеніи догматическаго богословія руководствовался книгою архимандрита *Антонія*. Сверхъ того, юристамъ IV курса читалъ онъ постоянно съ 1837—38 года церковное законовѣдѣніе, по собственнымъ запискамъ. Послѣ Павскаго и Бажанова, преподаваніе о. Райковскаго казалось сухимъ, холоднымъ, не соотвѣтствующимъ высотѣ университетской науки. Уволенъ онъ былъ изъ университета по прошенію, въ сентябрѣ 1856 года“.

Читалъ философію А. И. по собственнымъ запискамъ; уже по выходѣ въ отставку изъ университета, онъ издалъ свою „Логику“ (стр. 138 и прим. стр. 93).

„Догматическое богословіе и каноническое право первое время читалъ у насъ протоіерей *Баженовъ*, но вскорѣ замѣнилъ его *Райковскій*, тоже священникъ. Баженовъ, какъ извѣстно, поступилъ ко Двору и оставилъ по себѣ весьма пріятныя воспоминанія. Лекціи его посѣщались весьма многими студентами, даже и тѣми, для коихъ лекціи его не относились къ факультетскимъ занятіямъ.

Напротивъ того, Райковскій возбуждалъ жалобы студентовъ своими неумѣстными требованіями. Въ особенности онъ приводилъ въ отчаяніе своими вопросами, кои прямо не относились къ дѣлу; такъ, напр., онъ настойчиво требовалъ, чтобы студенты знали непремѣнно пунктъ за пунктомъ всѣ статьи вселенскихъ соборовъ, а также отдѣльно всѣ члены символа вѣры, хотя послѣдній предметъ прямо и не входилъ въ составъ экзамена. Напр., обращаясь къ студенту, онъ спрашивалъ:

„Скажите мнѣ 7-ой (или 9-ый) членъ символа вѣры?“

Студентъ, зная наизусть весь символъ вѣры, затруднялся сказать прямо и отдѣльно текстъ того или другого пункта символа вѣры. Райковскій, нисколько не стѣсняясь, ставилъ студенту неодобрительные баллы, и тотъ отходилъ отъ стола съ кислою физіономіею. Такихъ случаевъ было много, но есть всему конецъ.

Разъ въ числѣ ассистентовъ на экзаменѣ былъ профессоръ *Ивановскій* [1]). Райковскій по обыкновенію своему началъ

---

[1]) Игнатій Іакиновичъ Ивановскій занималъ каѳедру общенароднаго права и дипломатіи съ 1835 г.,—восп. Минской гимназіи и Виленскаго университета, былъ учителемъ Виленской гимназіи, усовершенствовался въ Московскомъ университетѣ, Дерптѣ (въ профессорскомъ институтѣ), гдѣ получилъ степень доктора права, и провелъ 3 года въ Берлинѣ, откуда возвратился въ Петербургъ въ 1835 г. (Григорьевъ, Петербургскій университетъ, стр. 153).

задавать вопросы студентамъ о символѣ вѣры въ разбивку. А затѣмъ, не получая отъ нихъ отвѣтовъ, награждалъ ихъ единицами.

„Позвольте“, произнесъ Ивановскій Райковскому, „скажите мнѣ, профессоръ, какая буква въ русскомъ алфавитѣ на 9-мъ мѣстѣ?“

Райковскій задумался и замялся.

—„А позвольте“, снова началъ Ивановскій, „на 17-мъ мѣстѣ какая буква?“

—„Право, не знаю“, отвѣчалъ Райковскій.

—„Какъ же Вы, профессоръ“, продолжалъ Ивановскій, „обвиняете студентовъ въ томъ, что они не знаютъ въ разбивку символа вѣры, и сами не знаете, на какомъ мѣстѣ стоятъ буквы русскаго алфавита“!

—„Что же Вы хотите этимъ сказать?“ заявилъ смущенный Райковскій.

—„А то“, продолжалъ Ивановскій, „что Ваши неодобрительные баллы студентамъ есть верхъ несправедливости, а потому прошу уничтожить сіи баллы и допустить студентовъ снова къ экзамену“.

Райновскій, краснѣя и досадуя, долженъ былъ согласиться съ Ивановскимъ. Случай этотъ, кажется, надолго отбилъ у него охоту озадачивать студентовъ спросомъ отдѣльныхъ пунктовъ символа вѣры.

Райковскій читалъ въ послѣднее время нравственное богословіе, *философію и логику*, но это былъ *наборъ безцвѣтныхъ фразъ*, нравоученій, сказанныхъ безъ всякой системы и толку.

Время это было гоненіе на науку вообще.

Съ Райковскимъ у насъ случилась разъ такая исторія: онъ какъ то на лекціи исчислялъ совершенства Господа Бога и опредѣлялъ величіе Его.

Вдругъ студентъ Павелъ *Зубовъ* встаетъ и произноситъ громогласно басомъ и съ паѳосомъ:

„По моему, Господь Богъ есть величайшій поэтъ, а мірозданіе Его есть величественная поэма!“

Услышавъ это, Райковскій поднялъ руки кверху и вскричалъ: „Боже, что я слышу?“ и за симъ стремительно бросился къ выходу изъ аудиторіи. Произошелъ конфузъ, разразившійся общимъ дружескимъ и продолжительнымъ смѣхомъ. Кажется, Райковскій жаловался, кому слѣдуетъ. Зубова призывали, и онъ по своему подтвердилъ правдивость своего опредѣленія о Богѣ. Такимъ образомъ жалоба Райковскаго осталась безъ послѣдствій“ [1]).

„Всѣ студенты поголовно относились съ нескрываемымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать съ пренебреженіемъ къ лекціямъ протоіерея *Райковскаго*, читавшаго церковно-библейскую исторію и догматическое и нравственное богословіе. Характеристика преподавательскихъ способностей Райковскаго, сдѣланная университетскимъ исторіографомъ, полагаю, не возбудитъ не въ комъ изъ его бывшихъ слушателей противорѣчія. „Послѣ *Павскаго* и *Баженова*“, говоритъ Григорьевъ, „преподаваніе о. Райковскаго казалось сухимъ, холоднымъ, не соотвѣтствующимъ высотѣ университетской науки.“ Понятно, что на лекціяхъ этого бездарнаго профессора обыкновенно присутствовало не болѣе 2—3 десятковъ слушателей, и то по большей части изъ казеннокоштныхъ студентовъ, находившихся подъ бдительнымъ контролемъ инспектора, тогда какъ посѣщеніе богословскихъ лекцій было обязательно для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ. Неуклюжая фигура и смѣшныя манеры Райковскаго подавали поводъ къ насмѣшкамъ. Лекціи свои онъ всегда начиналъ возгласомъ „братіе!“,

---

[1]) Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова съ 1816 г., стр. 459—460, «Русская Старина» за 1891 г., т. 70, май, ст. VII (гл. вторая, 1829—1840 г.).

причемъ закидывалъ назадъ голову, выставляя свою клинообразную бороду и глядя въ потолокъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, шалуновъ, впослѣдствіи извѣстный литераторъ, передъ приходомъ профессора имѣлъ обыкновеніе рисовать на классной доскѣ козлиную голову. Другой (полагаю, изъ семинаристовъ, ибо былъ очень искусенъ въ диспутѣ) разнообразилъ эти крайне скучныя лекціи, нерѣдко предлагая профессору очень наивные и щекотливые вопросы, ставившіе ученаго богослова въ тупикъ. Послѣ уничтоженія философской каѳедры въ 1850 году отцу Райковскому было поручено читать студентамъ *логику и психологію*. Воображаю, какой схоластикой угощалъ своихъ бѣдныхъ слушателей сей импровизованный философъ.

Такъ какъ большая часть студентовъ не посѣщала лекцій богословія, а тѣ изъ нихъ, которые не интересовались ими, не вели записокъ, то намъ на экзаменахъ приходилось бы очень плохо отъ взыскательнаго отца Райковскаго, если бы мы не прибѣгали къ разнымъ продѣлкамъ. Самый простой способъ обмануть экзаменатора, практиковавшійся не только у Райковскаго, но и у другихъ профессоровъ, состоялъ въ обмѣнѣ доставшагося студенту билета“ [1]).

Вл. Сорокинъ сообщаетъ: „священникъ Палисадовъ смѣнилъ престарѣлаго протоіерея Райковскаго. Мы были пріятно изумлены“ смѣной „этого *типичнаго* представителя *церковниковъ* стараго закала“ [2]).

„На пріемномъ экзаменѣ, *гроза* студентовъ, проф. богос-

---

[1]) Стр. 145—146. *А. Ч.* «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ. Воспоминанія бывшаго студента» въ «Русскомъ Архивѣ» за 1888 г. (ч. 26), кн. III, 9, ст. 4.

[2]) «Воспоминанія стараго студента» (1858—1861), стр. 617—647 въ «Русской Старинѣ» за 1888 г. (19 годъ), т. 60, декабрь, ст. 4, см. стр. 629.

ловія А. И. Райковскій, о которомъ я не разъ слыхивалъ прежде, встрѣтилъ меня въ весьма невзрачномъ видѣ: его ряса была замаслена, лицо красное и лоснилось; кромѣ того, въ произношеніи ясно проглядывали какое то заиканіе и непріятный, *гнусливый* тонъ. Своими манерами онъ рѣзко отличался отъ моего преподавателя Закона Божія, протоіерея П. Ѳ. Солярскаго; этими словами я нисколько не хочу сказать что-либо неподходящее къ памяти о. Райковскаго, слывшаго умнымъ человѣкомъ и отличавшагося своею діалектикою въ спорахъ съ раскольниками и сектантами; знаніемъ церковныхъ книгъ онъ обладалъ громаднымъ“ [1]).

„Ихъ (Райковскаго и Касторскаго) лекціи отличались непроходимою скукою. Собственно говоря, слушать ихъ не предстояло никакой надобности. Стоило лишь для лекцій перваго купить „Догматическое богословіе“ арх. Макарія (впослѣдствіи митрополита Московскаго) и записки литографированныя изъ теоретическаго богословія, продававшіяся у нашего швейцара Савельича руб. за 7 и 8,—и по этимъ двумъ пособіямъ легко можно было приготовиться къ экзамену изъ богословія. Но попечитель, бывая на лекціяхъ ежедневно, весьма строго слѣдилъ за посѣщеніемъ ихъ студентами, въ особенности новичками, а потому приходилось поневолѣ испытывать непреодолимую скуку, не ожидая себѣ никакой пользы“ [2]).

О духовно-цензурной дѣятельности А. И. Райковскаго сохранились слѣдующіе отзывы архіепископа Иннокентія (Борисова—въ письмѣ къ Макарію отъ 5 ноября 1847 г. изъ

---

[1]) Ѳ. Н. Устряловъ, Воспоминанія о СПБ-омъ университетѣ въ 1852—1856 годахъ, «Историческій Вѣстникъ», т. 16, г. V, 1884 г. іюнь, ст. IV, стр. 584.

[2]) Тамъ же, стр. 590.

Харькова [1]). „А я среди Страстной недѣли вздумалъ посмотрѣть на свои „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“. Сочиненіе немудреное, но могшее быть читаннымъ не безъ пользы. Когда-то, лѣтъ за пять (т. е. въ 1842 г.) я хотѣлъ его издать особенно и представилъ первую часть въ вашу цензуру. Но тогда она страдала vitio haeresificationis. Рукопись читать досталось о. Райковскому, человѣку очень ограниченному и всегда готовому плыть по вѣтру, откуда бы онъ ни вѣялъ. И вотъ онъ нашелъ нѣкоторыя мѣста якобы невѣрными истинѣ, тогда какъ онѣ всѣ есть у св. отцевъ. Книга притомъ была одобрена конференціею, а коммиссія училищъ за нее дала степень доктора, и бо́льшая ея часть напечатана въ „Христіанскомъ Чтеніи“, притомъ для изданія и изъ того все, что̀ было очень школьнаго, опущено въ рукописи. Какъ присовѣтуете? Не представить ли вновь? Нѣкоторыя выраженія еще можно вычеркнуть. Я бы прислалъ ее Вамъ—неоффиціально. Если бы оказалось, что можно пропустить, тогда она пошла бы ужъ въ цензуру. А для сличенія я прислалъ бы и вновь переписанную и улучшенную рукопись, и прежнюю съ отмѣтками Райковскаго. Посудите и и рѣшите, не затрудняяся, впрочемъ, много симъ дѣломъ, ибо я не гонюсь за симъ изданіемъ“....

Но и теперь хлопоты Иннокентія оставались безъ успѣха. Изъ Одессы „Иннокентій [2]) въ третій разъ занялся хлопотами объ изданіи своего давняго, обширнаго и знаменитаго труда „Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего Іисуса Христа“.—„Пересматривая недавно свою библіотеку“, писалъ онъ Макарію отъ 29 апрѣля 1855 г., „невольно наткнулся на три тома рукописи съ послѣдними днями земной жизни

---

[1]) Свящ. Т. Буткевичъ, Иннокентій Борисовъ, гл. V, стр. 308.

[2]) Тамъ же, гл. VI, стр. 378.

Спасителя, которая цѣлые десятки лѣтъ стоитъ безъ движенія съ тѣхъ поръ, какъ ей не посчастливилось въ вашей цензурѣ, благодаря усердію о. Райковскаго. Перевернувъ нѣсколько десятковъ листовъ въ рукописи, я нашелъ, что она при нѣкоторой перечисткѣ мыслей и выраженій, при нѣкоторыхъ небольшихъ пропускахъ и добавленіяхъ могла бы явиться въ свѣтъ. И вотъ это сдѣлано уже мною надъ первымъ томомъ. Остается узнать: можно ли прислать его въ вашу цензуру или къ Вамъ для сдачи его туда? Недоумѣніе рождается оттого, что эта рукопись уже была въ вашей цензурѣ и не пропущена ею. Благоволите посему преподать намъ наставленіе, которому мы послѣдуемъ неуклонно". На этотъ разъ хлопоты Иннокентія увѣнчались успѣхомъ: изданіе въ свѣтъ его прекраснаго произведенія было разрѣшено; но безпощадная смерть къ сожалѣнію, похитила автора раньше, чѣмъ оно вышло изъ подъ типографскаго станка".

Когда рѣшили преподаваніе философіи въ университетахъ передать богословамъ-священникамъ, то „Св. Сѵнодъ поручилъ правленіямъ духовныхъ академій составить программы для преподаванія логики и опытной психологіи въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а для разсмотрѣнія этихъ программъ учрежденъ былъ въ Петербургѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ присутствовавшаго въ Св. Сѵнодѣ преосвященнаго Николая, епископа Тамбовскаго и Шацкаго [1]), баккалавра СПБ-ой духовной ак. архимандрита Іоанна, протоіереевъ *Андрея Райковскаго*, Андрея Окунева, Михаила Богословскаго и профессора А. А. Фишера" [2]).

---

[1]) Николай (Доброхотовъ) въ 1827 г. магистръ Кіевской академіи, постриженъ въ 1828 г., ректоръ Петербургской академіи въ 1831 г. Съ 27 апр. 1871 епископъ Тамбовскій, уволенъ 7 апр. 1857 г. въ Трегуляевъ монастырь и скончался 21 октября 1864 г. Списки арх., 1896 г., стр. 35, № 301.

[2]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, стр. 27.

А. П. Владимірскій.

„Чрезвычайно важною мѣрою въ ходѣ образованія было упраздненіе отдѣльной каѳедры философіи въ университетахъ..... какбы въ знакъ того, что самая высокая философія имѣетъ свой источникъ въ Божественномъ откровеніи, и что всѣ мудрствованія умовъ, не проникнутыхъ и не направленныхъ чистою вѣрою, суетны и ведутъ скорѣе къ заблужденію, нежели къ познаніи „свѣта истины“. Курсъ философскаго преподаванія въ университетахъ ограниченъ логикою и психологіею. Для преподаванія же этихъ наукъ Св. Сунодъ далъ въ руководство программу, составленную въ Московской духовной академіи, и обязалъ, чтобы преподаватели по окончаніи каждаго годового курса представляли чрезъ епархіальное начальство на разсмотрѣніе Св. Сунода свои лекціи“...[1]). Вслѣдствіе этихъ преобразованій [2]) прежній преподаватель богословія въ университетѣ, настоятель Зилантовскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ и адъюнктъ философіи магистръ Буличъ были уволены за штатомъ; а чтеніе бо-

---

[1]) Отчетъ о состояніи Императорскаго Казанскаго университета въ 1850—51 акад. году, in 4°. Составленъ секретаремъ совѣта Александромъ Артемьевымъ, стр. 6.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

гословія, логики [1]) и психологіи—по избранію архіепископа Казанскаго [2]) возложено на священника Грузинской церкви магистра Александра Владимірскаго со званіемъ и всѣми правами ординарнаго профессора".

„Отчетъ о состояніи Казанскаго университета" за 1851—52 г. (составленный адъюнктомъ Н. Н. Буличемъ, in 4-°) подтверждаетъ (стр. 14), что преподав. богословія, архим. Гавріилъ уволенъ *за реформою*, а адъюнктъ Буличъ перемѣщенъ по каѳедрѣ русской словесности. Вновь опредѣленный профессоръ свящ. А. П. Владимірскій (стр. 21) составилъ уже „Курсъ опытной психологіи" по программѣ, одобренной Св. Сунодомъ, на разсмотрѣніе котораго и препровождено это сочиненіе".

„Отчетъ" за 1852—53 акад. годъ (составленный э. проф. Пахманомъ, in 8-°) сообщаетъ (стр. 13—14) „о наблюденіи за преподаваніемъ логики и психологіи: наблюденіе за преподаваніемъ логики и психологіи, такъ же, какъ и богословія, въ СПБ-омъ университетѣ и Главномъ педагогическомъ институтѣ, которымъ занимаются профессоры богословія, возложено Св. Сунодомъ на главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ СПБ—га и его окрестностей. Вслѣдствіе сего, г. министръ просилъ Св. Сунодъ о распространеніи сей мѣры и на университеты Московскій, Харьковскій, Казанскій, св. Владиміра и Ришельевскій лицей, гдѣ преподаваніе логики и психологіи возложено также на профессоровъ богословія. Согласно предположенію г. министра, наблюденіе за преподаваніемъ логики и психологіи возложено Св. Сунодомъ на главнаго наблюдателя

---

[1]) Л. Н. Майковъ въ своемъ некрологѣ Н. Н. Булича («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», за 1895 г.. т. 300, іюль, совр. лѣт., стр. 18) ошибается, полагая, что Н. Н. Буличъ былъ выбранъ на мѣсто архим. Гавріила (по каѳедрѣ философіи): они служили одновременно, но по разнымъ каѳедрамъ.

[2]) Извѣстнаго богослова, Григорія (Постникова).

за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Казани, ректора Казанской духовной академіи, архим. Парѳенія. О чемъ г. министръ увѣдомилъ г. попечителя каз. учеб. округа отъ 23 апрѣля 1851 г. за № 4029".

Парѳеній (въ мірѣ Петръ Тихоновичъ *Поповъ*), сынъ священ., урожд. Задонскаго уѣзда Воронежской губ., учился въ Кіевской акад., которую окончилъ въ 1835 г. магистромъ. 7 окт. 1835 г. проф. Орловской семинаріи, 13 окт. 1836 г. свящ. и 1 окт. 1840 г. протоіерей. Постриженъ 16 ноября 1841 г., инсп. той же сем. 24 окт. 1842, 6 дек. 1842 г. игуменъ Болтовскаго Оптина мон., 20 апр. 1844 г. ректоръ той же семин., 20 мая 1844 г.—архимандритъ, 22 окт. 1845 г. ректор. Харьков. сем., а съ 29 февр. 1852 г. ректор. Казанской акад. Епископомъ Томскимъ былъ съ 23 янв. 1854 г., 13 сент. 1860 г.—Иркутскій и 31 марта 1863 г.—архіепископъ. Скончался 21 янв. 1873 г. (Списки архіереевъ, изд. 1896 г., стр. 43, № 338).

Распредѣленіе университетскаго преподаванія А. П. Владимірскаго мы видимъ изъ „Обозрѣній преподаванія". За 1851 г.: А. П. читалъ студентамъ историко-филол. и юрид. факультета I курса—*церковно-библейскую исторію*—2 часа, а II курсу—*созерцательное богословіе* и III-му—*нравственное богословіе* по 1 ч. (стр. 3). Студентамъ общей и восточной словесности, математикамъ и юристамъ первыхъ трехъ курсовъ—*логику* по программѣ, утв. высшимъ начальствомъ, 1 ч., IV курсу юрид. факульт.—*каноническое право православной церкви* по программѣ, утвержд. высш. нач.,—1 ч. (стр. 18). Студентамъ I курса мед. въ I полуг.—*Законъ Божій* по *Антонію* и *Кочетову*—3 ч., во II полуг. церковную исторію по *Филарету* и *Иннокентію*—3 ч. (стр. 24). За 1853 г.: по утвержденной выс. начальствомъ програм. студентамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ I курса—*исторію библейскую* и *христіанской церкви* до раздѣленія ея на вост. и запад.—2 ч.,

II курсу—*исторію церкви* со времени раздѣленія церквей до нашихъ временъ 1 ч. и *созерцательное богословіе* 1 ч., а III-му курсу—*нравственное богословіе*—1 часъ (стр. 3). Студентамъ I и II к. разрядовъ общей и вост. слов., математ. и юрид. наукъ—*опытную психологію* по прогр., утв. выс. нач., 1 ч. (стр. 3—4).

Свѣдѣнія о дѣятельности и трудахъ А. П. Владимірскаго, и понынѣ еще благополучно здраствующаго, мы заимствуемъ изъ оффиціальныхъ источниковъ: *С. А. Терновскаго*, „Историч. записки о состояніи Каз. дух. Акад.“ (1870—1892), стр. 16—20 и брошюры проф. *А. А. Царевскаго*, „Пятидесятилѣтній юбилей протоіерея Александра Поликарповича Владимірскаго“. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, рано оставшись сиротою, А. П. провелъ дѣтство въ нуждѣ („Юбилей“, стр. 4). Притомъ онъ былъ очень слабаго здоровья, такъ что считался неизлѣчимо больнымъ и былъ *исцѣленъ* силою Божіею (тамъ же, стр. 15). Пройдя всю тяжкую школу старой бурсы, А. П. блестяще оканчиваетъ курсъ Печерскаго духовн. училища, Нижегородской семинаріи и въ 1842 г. отправляется въ только еще открывавшуюся Казанскую академію, которая даже не имѣла собственнаго пристанища и кочевала по квартирамъ. Здѣсь среди студентовъ этого перваго курса онъ быстро выдѣлился своими блестящими способностями (тамъ же, стр. 4).

А. П. Владимірскій окончилъ курсъ въ Казанской академіи въ 1846 году первымъ магистромъ перваго курса. Будучи оставленъ при академіи 10 октября того же года, А. П. состоялъ при ней преподавателемъ литургики, каноническаго права, библейской исторіи, греческаго и нѣмецкаго языковъ; за трудъ преподаванія 17 февраля 1849 года преподано ему благословеніе Св. Сѵнода. 2 ноября 1847 года назначенъ

былъ священникомъ къ Грузинской церкви г. Казани; съ 31 марта 1849 года состоялъ членомъ комитета для разсмотрѣнія катихизическихъ бесѣдъ; 30 сентября 1850 года онъ назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ богословія въ Казанскій Императорскій университетъ, при чемъ съ 16 янв. 1851 года былъ и настоятелемъ университетской церкви; А. П. Владимірскій состоялъ на службѣ въ университетѣ болѣе 20 лѣтъ, до 10 октября 1871 года. Съ 1858 года онъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а съ 1865 по 1871 гг. исправлялъ ту же должность; неоднократно также онъ исправлялъ должность ректора университета (въ 1861 г. съ 22 іюля по 5 авг. и съ 2 по 17 сент. и въ 1862 г. съ 20 іюля по 10 авг.); неоднократно былъ членомъ испытательнаго комитета при университетѣ (съ 1 янв. 1852 по 1864 гг. и съ 22 ноября 1867 г. по 1 авг. 1868 г.); за исполненіе этой обязанности дважды получалъ денежныя награды. А. П. исполнялъ и другія порученія: въ 1861 году былъ предсѣдателемъ экзаминаціонной коммисіи для пріема студентовъ въ университетъ; въ 1866 году былъ членомъ ревизіонной коммисіи для обревизованія казанскихъ гимназій; въ 1869 году былъ командированъ университетомъ въ Кіевъ для принесенія въ качествѣ представителя университета привѣтствія Кіевской духовной академіи въ день ея юбилея.—Состоя профессоромъ университета, А. П. въ то же время съ 1864 г. былъ членомъ конференціи въ казанской духовной академіи и исполнялъ различныя обязанности по епархіальному вѣдомству; съ 24 іюля 1852 г. до августа 1871 г. былъ благочиннымъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго вѣдомства, за что дважды Всемилостивѣйше изъявлено ему благоволеніе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы (3 іюня 1857 г. и 4 янв. 1864 г.). Съ 1867 г. до авг. 1871 г. состоялъ членомъ отъ духовенства въ Казанской духовной семинаріи; съ 4 окт. 1867 года состоялъ членомъ совѣта въ Братствѣ св. Гурія.

26 марта 1866 г. А. П. возведенъ въ санъ протоіерея. 30 іюля 1871 года онъ назначенъ былъ Св. Сунодомъ на должность ректора казанской духовной академіи съ правомъ дослужить въ университетѣ до срока на пенсію, т. е. до 10 окт. 1871 года, и съ увольненіемъ отъ всѣхъ другихъ должностей (Прот. акад. 1871 г. стр. 256): такъ, напр., въ сентябрѣ 1871 года онъ уволенъ былъ отъ должности благочиннаго въ училищѣ дѣвицъ духовнаго вѣдомства съ изъявленіемъ ему совершенной благодарности начальства за доброе вліяніе на училище (Прот. акад. 1871 г. стр. 317); а 22 сент. того же года уволенъ былъ и отъ должности члена правленія Казанской духовной семинаріи отъ духовенства, съ изъявленіемъ ему благодарности отъ правленія семинаріи за его четырехлѣтнее ревностное и полезное для семинаріи исполненіе обязанностей члена правленія семинаріи (Прот. акад. 1871 г. стр. 350—351).

10 октября того же года онъ оставилъ службу въ университетѣ, причемъ въ самый день оставленія имъ службы Совѣтъ университета вручилъ ему дипломъ на званіе почетнаго члена Казанскаго Императорскаго университета, которымъ избранъ былъ 28 сент. того же года, по представленію историко-филологическаго факультета и по общему желанію членовъ Совѣта, во вниманіе къ его ученымъ заслугамъ и пользѣ, принесенной имъ университету (Прот. акад. 1871 г. стр. 360). 12 апр. 1872 г. Высочайше разрѣшена ему пенсія за службу въ университетѣ въ количествѣ 1143 руб. 68 коп. въ годъ, съ 10 окт. 1871 года, сверхъ содержанія по званію ректора казанской духовной академіи (Прот. акад. 1872 г. стр. 101).

Протоіерей А. П. Владимірскій вступилъ въ должность ректора казанской духовной академіи 11 августа 1871 года (Прот. акад. 1872 г. стр. 257) и тогда же (съ 28 сент. 1871 г.) принялъ на себя преподаваніе основного богословія

въ званіи ординарнаго профессора (Прот. акад. 1871 г. стр. 303). Преподаваніе по каѳедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ А. П. продолжалъ и послѣ введенія академическаго устава 1884 года въ теченіе двухъ лѣтъ, до 1886 года, когда въ виду административныхъ обязанностей, усложнявшихся вслѣдствіе работъ по расширенію академическихъ зданій новыми пристройками, согласно 21 § академическаго устава, оставилъ занимаемую имъ каѳедру, удерживая за собою преподаваніе только одного отдѣла этой науки, введенія,—именно о божественности христіанской религіи (Прот. акад. 1886 г. стр. 207.).

Вступивъ въ должность ректора, А. П. исполнялъ еще обязанность помощника ректора по богословскому отдѣленію съ 1871 г. по 4 іюля 1879 г.: за восьмилѣтнее безмездное исполненіе этой обязанности выражена ему признательность Совѣта академіи (Прот. акад. 1879 г. стр. 138). А. П. Владимірскій состоялъ главнымъ редакторомъ академическаго журнала „Православный Собесѣдникъ“ съ 1871 г. и „Извѣстій по Казанской епархіи“ съ 1871 г. до января 1891 года. Былъ предсѣдателемъ коммисіи по объясненію неудобопонятныхъ словъ и выраженій въ русскомъ переводѣ пророческихъ книгъ св. Писанія Ветхаго Завѣта за все время существованія этой коммисіи съ 10 дек. 1876 г. по 18 февраля 1882 г. (Прот. акад. 1876 г. стр. 229; 1882 г. стр. 20) и дважды состоялъ предсѣдателемъ строительнаго комитета по расширенію академическихъ зданій съ 11 августа 1871 г. по 3 ноября 1873 года и съ 26 декабря 1886 года по 26 іюня 1889 года, предсѣдателемъ совѣта и почетнымъ членомъ въ обществѣ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ казанской академіи съ 1883 года, со времени открытія общества, также членомъ совѣта, а съ 1885 года и товарищемъ предсѣдателя въ Братствѣ св. Гурія. Съ 23 декабря 1887 года А. П. состоитъ почетнымъ членомъ московской духовной академіи.

Въ академическомъ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ помѣщены слѣдующіе литературные труды А. П. Владимірскаго за періодъ съ 1870 г.

Защита Моисеева Пятокнижія.—1870, I, 191 и 276; II, 13, 101, 181 и 279; III, 10, 215 и 315.

Слово въ великій пятокъ.—1872, I, 464.

Слова въ день Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. Изв. по Каз. епархіи за 1867 г. стр. 618.—Прав. Соб.—1871, III, 229; 1881, III. 362; 1885, III, 396.

Слово при погребеніи въ Бозѣ почившаго Архипастыря Казанскаго, Высокопреосвященнѣйшаго *Антонія* (см. некрологъ Высокопреосвященнаго въ Пр. Собесѣдникѣ за 1879 годъ, III, стр. 354—360).

Древность человѣка.—1872, I, 13.

Былъ ли ап. Іоаннъ въ Эфесѣ?—1872, III, 40 и 484.

Клинообразныя надписи въ отношеніи къ библейской ветхозавѣтной исторіи.—1876, III, 10.

Слово въ день св. Пасхи.—Изв. по Казанской епархіи за 1872 г.

Въ протоколахъ академіи помѣщены рецензіи его на сочиненія: *Е. Успенскаго* (представленное на соисканіе преміи митрополита Іосифа): „Христіанскіе апологеты первыхъ трехъ вѣковъ христіанства и главныя задачи ихъ апологій христіанъ противъ язычниковъ“ (Прот. акад. 1874 г. стр. 191—192); его же (представленное на степень магистра): „Христіанское умозрѣніе и человѣческій разумъ. Раціональное оправданіе сущности христіанскаго вѣроученія противъ раціоналистическихъ воззрѣній на него“ (Прот. 1881 г. стр. 155—158); П. Юнгерова (представленное на степень магистра): „Ученіе Ветхаго Завѣта о безсмертіи души и загробной жизни“ (1882 г., стр. 156—160).

Постъ ректора Академіи А. П. покинулъ въ 1895 г., а 10 окт. 1896 г. Казанская Академія праздновала пятидесяти-

лѣтіе ученой и учебной его дѣятельности. А. П. имѣетъ званіе члена духовно-учебнаго комитета при Св. Сунодѣ.

Его преподавательскую дѣятельность оффиціальный адресъ академіи („Юбилей“, стр. 23—24) характеризуетъ такъ: „Какъ учитель, профессоръ богословія, Ты честно, умѣло и талантливо сѣялъ святое сѣмя духовнаго просвѣщенія. Твои лекціи, всегда дышавшія непоколебимою силою религіознаго убѣжденія и проникнутыя благоговѣйнымъ христіанскимъ показаніемъ, произносившіяся притомъ съ захватывающимъ увлеченіемъ, производили на слушателей сильное и глубокое впечатлѣніе: онѣ западали не только въ умъ, но ложились и на сердце; онѣ не только освѣщали, но и согрѣвали душу— онѣ, конечно, никогда не забудутся слышавшими ихъ“....

„Но ничто не можетъ сравниться съ силою нравственнаго вліянія, какое производила на всѣхъ и на все въ Академіи Твоя свѣтлая симпатичная личность. Благодаря этому вліянію, Ты былъ не просто начальникъ и не только учитель, а незамѣнимый, дорогой воспитатель учившихся и служившихъ въ академіи“.... (Тамъ же, стр. 25).

М. К. Павловскій.

Свѣдѣнія заимствуемъ у *І. Михневича*, „Сороколѣтіе Ришельевскаго Лицея“, стр. 70—71 и *А. И. Маркевича*, „Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета. Историческая записка и академическіе акты“. Одесса, 1890, стр. 163—168.

Михаилъ Карповичъ Павловскій, сынъ протоіерея, дворянскаго происхожденія, родился въ 1810 г. въ Херсонской губерніи, воспитывался въ Кіевской духовной академіи при ректорѣ, знаменитомъ Иннокентіи Борисовѣ, позднѣе архим. Херсонскомъ и Таврическомъ, окончилъ курсъ 3 окт. 1833 г. магистромъ богословія, а 4-го октября 1833 г. уже былъ опредѣленъ законоучителемъ въ Ришельевскій лицей и въ декабрѣ 1835 г. рукоположенъ былъ: 25-го въ діаконы, а 26-го въ священники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. К. состоялъ съ 20 марта 1834 г. —25 ноября 1838 г. и д. законоуч. и наст. церкви при Од. институтѣ благ. дѣвицъ. Съ преобразованіемъ Лицея по уставу 1837 г. былъ утвержденъ учителемъ Закона Божія при Лицейской гимназіи 1 янв. 1838 г., а архим. *Порфирій Успенскій* того же числа проф. богословія, церковной исторіи и церковнаго права. По избранію совѣта того же года 26 авг. поручено П—му преподаваніе богословія студентамъ лицея, а 30 сент. онъ утвержденъ проф. богословія и наст. лицейской церкви; отъ должности же законоучителя гимназіи уволенъ по прошенію 10 сентября 1843 г. 9 мая 1839 г. М. К. возведенъ въ протоіереи.

Въ лицеѣ онъ преподавалъ богословіе до самаго преобразованія его въ университетъ; согласно Высочайшему повелѣнію 17 іюля 1850 г., въ теченіе 10 лѣтъ (1851—1861) преподавалъ еще *логику и опытную психологію*; кромѣ того, М. К. занимался преподаваніемъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Одессы (гимназіяхъ, институтѣ и друг.).

Еще въ бытность въ лицеѣ М. К. Павловскій выслужилъ 25-лѣтній и затѣмъ 30-лѣтній срокъ (4 октября 1858 и 1863 г.) и оставляемъ былъ на 5-лѣтія; въ теченіе 2-го пятилѣтія онъ сталъ профессоромъ университета и настоятелемъ университетской церкви. М. К. былъ и главнымъ наблюдателемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Одессы—съ 1849 г.

Въ 1868 г. окончилось М. К. Павловскому 35 лѣтъ службы; совѣтъ университета 24 сент. 1868 г. единогласно избралъ его профессоромъ богословія еще на 5 лѣтъ (благодарственное письмо М. К. Павловскому напеч. въ протоколѣ 7 октября 1868 г.), а съ 24 іюня 1870 г. онъ сталъ заслуженнымъ профессоромъ.

Сорокъ лѣтъ службы окончилось для проф. Павловскаго 4 октября 1873 г.; онъ не пожелалъ болѣе продолжать службу въ университетѣ и ушелъ, указавъ себѣ преемника. Но до утвержденія этого преемника М. К. Павловскій продолжалъ безвозмездно читать лекціи въ университетѣ и совершать богослуженіе въ университетской церкви—до 2 ноября 1873 г., когда онъ былъ назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ и настоятелемъ Одесскаго собора, и болѣе уже не имѣлъ времени трудиться для университета. Затѣмъ по духовному вѣдомству проф. Павловскій служилъ еще по 1878 годъ, болѣе всего посвящая себя заботамъ о сировоспитательномъ заведеніи при Одесскомъ женскомъ монастырѣ, въ коемъ онъ былъ съ 1848 г. членомъ, а съ 1868 г. предсѣдателемъ совѣта; онъ же помогъ преобразовать его въ епархіальное училище.

Оставивъ университетъ, проф. Павловскій не прерывалъ своихъ отношеній къ нему; въ 1874 г. онъ былъ причисленъ къ духовенству его храма, принималъ участіе въ богослуженіи, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, пользовался его библіотекою, въ которую пожертвовалъ въ 1889 г. 450 сочиненій.

Въ теченіе своей долгой служебной дѣятельности протоіерей Павловскій получилъ много наградъ, даже рѣдко даваемыхъ лицамъ его сана, какъ-то митру (1867 г.) и орденъ св. Владиміра 2-й степени (въ 1878 г.). М. К. Павловскій состоялъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

Исполнившееся 26 декабря 1885 г. пятидесятилѣтіе служенія М. К. Павловскаго въ священническомъ санѣ вызвало цѣлый рядъ овацій въ честь его со стороны многочисленныхъ его учениковъ, мѣстнаго духовенства, мѣстныхъ дѣятелей и университета. Совѣтъ послѣдняго 20 декабря, по предложенію проф. богословія Кудрявцева, единогласно избралъ М. К. Павловскаго почетнымъ членомъ новороссійскаго университета и поручилъ ректору С. П. Ярошенку, проф. Кудрявцеву и Войтковскому лично поздравить юбиляра. Полному описанію этого торжества посвящена особая брошюра: „Пятидесятилѣтіе священства заслуженнаго профессора и почетнаго члена Императорскаго Новороссійскаго университета, протоіерея Михаила Павловскаго“. Одесса, 1886 г. Здѣсь помѣщены всѣ многочисленные адресы, рѣчи (въ томъ числѣ и самого юбиляра), и очень любопытное письмо 1836 г. къ М. К. Павловскому архим. Иннокентія, впослѣдствіи архіеп. Херсонскаго.

Проф. Маркевичъ слушалъ М. К. Павловскаго [1]: „Предполагалось, что онъ излагаетъ студентамъ догматическое и нравственное богословіе, но это было не такъ. Я не могу иначе назвать лекцій проф. Павловскаго, какъ бесѣдами по

[1]) Маркевичъ, стр. 166—167.

важнѣйшимъ вопросамъ религіозно-нравственной жизни современной Россіи и западной Европы. Идя на лекцію проф. Павловскаго, слушатель никакъ не могъ себѣ представить, о чемъ онъ услышитъ рѣчь: можетъ быть, о вновь вышедшемъ романѣ Тургенева, или о только что учредившемся во Франціи благотворительномъ обществѣ; одного онъ могъ ожидать—что онъ прослушаетъ живую и интересную лекцію, чему не препятствовала и нѣкоторая несистематичность изложенія, овладѣвавшая профессоромъ во время его обычнаго на лекціяхъ увлеченія. Не только юные студенты, считавшіе обязанностью посѣщать всѣ лекціи, но и мы—старшіе заходили охотно на лекціи проф. Павловскаго, хотя онъ читалъ отъ 9-ти до 10 часовъ утра, что̀ для студентовъ, днемъ слушавшихъ лекціи и затѣмъ дававшихъ уроки, а съ вечера до поздней ночи занимавшихся, представляло значительное неудобство. По крайней мѣрѣ, я часто бывалъ на этихъ лекціяхъ и всегда получалъ отвѣтъ на какой-либо изъ интересовавшихъ меня вопросовъ; можетъ быть, не такой, который бы меня совершенно удавлетворилъ, но во всякомъ случаѣ такой, который заставлялъ меня снова и сильно думать по этому поводу, вступать въ споры отвлеченнаго характера съ товарищами, словомъ, будилъ, толкалъ мое религіозное сознаніе, о чемъ я теперь иначе не могу и вспомнить, какъ съ чувствомъ глубокой признательности къ своему наставнику.

Тотъ-же характеръ носилъ и экзаменъ у проф. Павловскаго. Назначенныя руководства изучены, конспекты составлены—все въ порядкѣ; выходитъ студентъ, совершенно подготовленный—ad hoc—и слушаетъ полчаса живую и страстную рѣчь экзаменатора, послѣ которой поставленная отмѣтка [разумѣется[!], всегда прекрасная(!)] является какою то неумѣстною, обидною прибавкою, профанирующею данный моментъ. Мало того, то же самое происходило и на исповѣди. Входишь въ алтарь, преклоняешь колѣна, исповѣдуешь грѣхи—и вмѣстѣ

съ отпущеніемъ ихъ получаешь нравственный урокъ, особенно глубоко дѣйствующій по своей обстановкѣ".

И какъ проповѣдникъ, проф. Павловскій былъ сильнымъ публицистомъ и пользовался въ Одессѣ большою популярностью: долговременное пребываніе его въ Одессѣ вмѣстѣ съ его огромнымъ тактомъ дѣлали его и вообще вліятельнымъ членомъ одесскаго общества. „Одесскій Вѣстникъ" за 1852 г. (№ 93) писалъ о проповѣдяхъ проф. Павловскаго: „Спѣшимъ извѣстить о выходѣ въ свѣтъ этой замѣчательной книги, давно нетерпѣливо ожиданной многочисленными почитателями ученаго и краснорѣчиваго ея автора.... Въ теченіе 20-ти лѣтняго своего священнослужительства въ Одессѣ онъ пріобрѣлъ здѣсь всеобщее уваженіе, какъ законоучитель и какъ проповѣдникъ. Почти при каждомъ богослуженіи онъ произносилъ и произноситъ приличное тому дню слово для объясненія текста евангельскаго; во всѣхъ почти важныхъ, или почему либо замѣчательныхъ для городской жизни событіяхъ слышится съ каѳедры церковной его слово, поучающее и умиляющее его слушателей. Въ каждомъ словѣ, въ каждой рѣчи его, коихъ собраніе нынѣ вышло въ свѣтъ—имѣютъ-ли они цѣлію объясненіе священнаго значенія праздничнаго дня, въ который были произнесены, относятся-ли къ событіямъ, важнымъ для города, или для учебнаго заведенія, гдѣ были сказаны, обращаетъ-ли въ нихъ вниманіе проповѣдникъ на радостное, или горестное событіе въ молящемся семействѣ—вездѣ вы встрѣтите мысль, надъ которою не можетъ не остановиться благочестивое вниманіе слушателя, или читателя, и эта мысль облечена всегда живымъ, часто увлекательнымъ словомъ, которое невольно заставитъ каждаго вникнуть въ нее, войти въ самого себя и не пройти мимо увѣщанія даровитаго проповѣдника".

Печатные труды проф. М. К. Павловскаго.

1) Его поученія до 1851 г. собраны и изданы подъ заглавіемъ: Слова и рѣчи протоіерея Михаила Павловскаго. Од. 1851 г. (360 стран.).

2) и 3) Отдѣльно напечатаны привѣтственныя рѣчи въ годичныхъ „Актахъ“ Ришельевскаго лицея за 1834 и 1835 г.

4) Рѣчь „О необходимости, какую чувствовалъ грекоримскій міръ въ Откровенной религіи“, въ „Актѣ“ 1838 г.

5) Въ Одесскомъ Вѣстникѣ и въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (съ 1860 г.) напечатано еще болѣе 60 рѣчей, сказанныхъ при началѣ и окончаніи ученія въ лицеѣ и университетѣ, освященіи церквей въ Одессѣ, открытіи различныхъ учрежденій (Херсонской духовной консисторіи, Херс. земск. банка, судебн. палаты, университетской обсерваторіи и др.) и вообще при различныхъ случаяхъ общественной и частной жизни.

Отдѣльными брошюрами изданы:

6) Бесѣды на молитву св. Ефрема Сирина,

7) Рѣчь при погребеніи въ Одессѣ архіеп. Иннокентія,

8) Рѣчь въ день тысячелѣтія кончины просвѣтителя славянъ св. Кирилла, сказанная въ университетской церкви 11 февр. 1869 г. (напечатана въ прилож. къ III т. Записокъ Новоросс. университета), и

9) Рѣчь при молитв. поминовеніи бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевича по случаю столѣтія со дня его рожденія, сказанная въ университетской церкви 2-го мая 1888 г. (Напеч. въ „Русск. Стар.“ 1888 г. № 12).

Подъ редакціей проф. Павловскаго напечатаны были въ „Херс. епарх. вѣдомостяхъ“, въ переводѣ съ французскаго, сочиненія:

1) Soirées de Carthage, ou dialogues entre un prêtre catholique, un mupliti et un cadi, par *Bourgade* (въ 1860 г.),

2) Les petites méditations sur les petites vertus, par l'abbé *Roberti* (въ 1863 г.),

3) Cours d'éloquence sacrée populaire, ou essai sur la manière de parler au peuple, par l'abbé Isidore *Mullois* (въ 1877 г.; вышло въ 1879 г. отдѣльною книгою).

4) Нѣсколько статей религіозно-нравственнаго содержанія изъ книги: Traité de la paix intérieure, par le R. P. de *Lombez*.

5) Отдѣльной брошюрою изданъ въ 1863 г. переводъ Les petites soeurs du pauvre.

6) въ „Херсонск. епарх. вѣд.“ 1875 г. напечатаны съ предисловіемъ проф. Павловскаго два письма Фотія, Константинопольскаго патріарха, писанныя въ утѣшеніе скорбящимъ.

Сверхъ того, во свое время М. К. составилъ курсъ лекцій по *психологіи*, *логикѣ*, нравственному богословію и церковной исторіи, согласно программъ, составленныхъ для преподаванія этихъ предметовъ въ лицеѣ св. Сунодомъ (Михневичъ, стр. 71).

Преемникомъ М. К. Павловскаго по каѳедрѣ богословія былъ *А. Н. Кудрявцевъ*.

II.

«Физическія» теоріи Д. М. Велланскаго.

„Физика“ считалась главнымъ трудомъ нашего медика и натурфилософа—шеллинговца Д. М. Велланскаго. Но прежде чѣмъ приступить къ изученію этихъ „физическихъ“ теорій, необходимо бросить взглядъ на ту своеобразную эпоху въ исторіи медицины, въ которую жилъ, воспитывался и дѣйствовалъ Велланскій, эпоху увлеченія медиковъ натурфилософіею Шеллинга. „Физика“ (философія) изъ устъ медика Велланскаго понятна лишь въ связи съ характеромъ всей эпохи.

Къ общей и принципіальной обработкѣ медицины съ точки зрѣнія натурфилософіи, къ развитію настоящей натурфилософской школы въ медицинѣ привело только появленіе Шеллинга [1]).

Высшая проблема всякой науки о природѣ состоитъ де въ развитіи перваго закона, изъ котораго можно бы „дедуцировать всѣ остальные законы“, т. е. высшая проблема естествовѣдѣнія та, чтобы „отыскать природу въ ея высшей простотѣ“. Такой законъ не можетъ имѣть своего высшаго обоснованія въ чувственномъ опытѣ; подобное обоснованіе можно пріобрѣсти лишь умозрѣніемъ на основаніи трансцендентальной философіи. Первоначально природа только дѣятельна, она подвержена вѣчному измѣненію; это измѣненіе и есть одно, что̀ въ

---

[1]) См. August Hirsch, Geschichte der medicinischen Wissenschaften in Deutschland (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, XXII B.). 1893, стр. 402.

природѣ пребываетъ и само остается безъ измѣненія. Для натурфилософа, желающаго конструировать природу изъ этой дѣятельности, природа *становится* (wird), но она не *есть* (ist nicht), т. е. философъ имѣетъ своею задачею показать, какимъ образомъ становленіе проявляется, уже какъ бытіе. Это становленіе или возникновеніе разсматривается, какъ развитіе во времени; но чтобы оно не свершалось съ такою безконечностью, за какою наблюдающій не успѣлъ бы услѣдить, это развитіе должно быть задерживаемо другимъ, противоположнымъ движеніемъ; при чемъ надобно предположить, что оба движенія не встрѣчаются непосредственно: а то бы они вѣдь взаимно уничтожились. Такимъ образомъ быстрота развитія станетъ конечною. Эта *двойственность* (Duplicität), съ которою данъ первый зародышъ міра безконечнаго въ конечности, и есть принципъ всего естествовѣдѣнія. Выраженіемъ природы, находящейся въ непрерывной дѣятельности (эволюціи и инволюціи), будетъ видимый міръ, являющійся въ пространствѣ. Онъ есть какбы внѣшній отпечатокъ природы: *настоящая* же суть послѣдней есть интеллигенція, воспроизводящая себя въ сознаніи. Въ сознаніи отражаются и дѣятельность природы, и продукты этой дѣятельности; поскольку духъ можетъ уловить и дѣятельность, и продуктъ въ ихъ особенности, онъ возвышается надъ природою и даетъ ей возникнуть. „Законы природы“, по словамъ Шеллинга, „должны быть показаны непосредственно въ сознаніи, какъ законы сознанія, и наоборотъ, эти послѣдніе нужно отыскать въ объективной природѣ, въ качествѣ законовъ природы... Наивысшее усовершенствованіе естественныхъ наукъ состояло бы поэтому въ совершенномъ одухотвореніи (Vergeistigung) всѣхъ законовъ природы въ законы воззрѣнія и мышленія. Феномены должны совершенно изчезнуть, и остаться одни лишь законы... Окончательною теоріею природы была бы лишь такая, въ силу которой вся природа разрѣшалась бы въ интеллигенцію“.

Богатый матеріалъ для этого умозрительнаго изслѣдованія природы заключался въ большихъ и важныхъ открытіяхъ въ области физики и химіи, какія были въ это время сдѣланы. Умозрительный естествовѣдъ, по мнѣнію Шеллинга, стремится помощью рефлексіи открыть въ покоющемся—движущееся, въ пребывающемъ — постоянно измѣняющееся, въ разъединенномъ—духовное, то, что̀ соединяетъ и творитъ всю природу. То, что̀ изъ природы исходитъ, какъ разъединенное, есть атомистика, то, что тождественно,—динамика: соединить и то, и другое—и есть задача умозрительнаго естествовѣдѣнія. Продуктъ дѣятельностей, вліяющихъ другъ на друга въ природѣ, есть *матерія*; ею наполняется пространство; это стремленіе въ наполненіи пространства сказывается, какъ *сцѣпленіе* (Kohäsion). Если бы всякая дѣятельность въ природѣ могла безпрепятственно слѣдовать этой наклонности (Tendenz), то получилось бы опредѣленное тѣло; но при взаимно противорѣчащихъ наклонностяхъ отдѣльныхъ дѣятельностей получается нѣчто безформенное (Gestaltloses), жидкое: этотъ флюидный принципъ въ природѣ является *теплотою*. Изъ стремленія каждой дѣятельности достигнуть индивидуализаціи, опредѣленной формы, получается въ результатѣ постоянная борьба между формою и безформеннымъ; этими постоянно мѣняющимися формами природа приближается къ идеалу соединенія, т. е. формы являются различными ступенями развитія одной и той же организаціи. Самою полною комбинаціей всѣхъ дѣятельностей будетъ—абсолютно-летучее, въ которомъ равновѣсіе нарушается наилегчайшимъ измѣненіемъ: такая декомпозиція сказывается въ *электричествѣ*, которое очень родственно теплотѣ. Природа стремится къ соединенію обѣихъ крайностей, къ созданію среднихъ продуктовъ; отсюда происходятъ самыя разнообразныя образы, изъ которыхъ каждый есть *ступень развитія предшествующаго;* въ этомъ *прогрессѣ* отъ *низшаго къ высшему* природа старается

приблизиться къ *идеальному образу*. Весь органическій (живой) міръ показываетъ, какъ природа, начиная съ самыхъ низшихъ существъ и подымаясь съ одной ступени на другую, спѣшитъ къ неизбѣжной точкѣ раздѣленія и изъ сформированнаго опять производитъ новое соединеніе; такимъ образомъ индивиды для природы суть лишь средства для воспроизведенія рода, и исполнивши это свое назначеніе, они подпадаютъ разрушенію. Организація есть то общее, что происходитъ изъ конфликта различныхъ дѣятельностей; выраженіе этихъ дѣятельностей въ явленіи оказывается функціею организма, а разнообразіе функцій предполагаетъ собою разнообразіе органовъ. Способность организма быть возбуждаемымъ къ дѣятельности покоится на *рецептивности* (Rezeptivität), чувствительности его ко всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, воздѣйствующимъ на организацію, къ *возбудителямъ* (Reize). Процессъ жизни есть процессъ возбужденія (Erregung); индивидуальная же дѣятельность пробуждается только внѣшнимъ міромъ; послѣдній можетъ быть либо неорганическимъ, противнымъ органической дѣятельности, либо онъ можетъ имѣть происхожденіе, общее съ органическимъ продуктомъ. Въ столкновеніи дѣятельностей до безразличія (Indifferenz) (но не до тождества) данъ уже зародышъ новаго различія (Differenz). Выраженіе постояннаго безразличія въ пространствѣ есть *тяжесть*; изъ понятія тяжести слѣдуетъ понятіе *тяготѣнія* (Gravitation), а съ тяжестью дана уже тенденція къ внутреннему воспріниманію (Intussuszeption), къ *химическому процессу*. Чтобы послѣдній могъ свершиться, надобенъ одинъ принципъ внѣ его, который долженъ быть неземнымъ (ausserirdisch) и, подобно тяжести, исходить изъ солнца: такая дѣятельность солнца есть *свѣтъ*. Дѣйствительно, интуссусцепція происходитъ чрезъ посредство *кислорода*; то, что окажется отрицательнымъ по отношенію къ кислороду, окажется отрицательнымъ и къ свѣту. *Электричество* есть не что иное, какъ феноменъ еще

не прекращенной *дуальности* (положительнаго и отрицательнаго принципа); поэтому электричество и процессъ горѣнія содержатъ условія другъ для друга. Подобно тяжести и свѣту, изъ солнца проникъ въ органическій міръ еще одинъ отрицательный принципъ, сенсибильность (Sensibilität), источникъ органической жизни, условіе для рецептивности организма, послѣдній физическій феноменъ, за предѣлами котораго природа существуетъ только, какъ субъектъ. Нарушенія равновѣсія въ противоположности, на которой покоится сенсибильность, проступаютъ, какъ стяженіе и растяженіе (Kontraction und Expansion), т. е. какъ *раздражимость* (Irritabilität). Послѣдняя есть всегда только внутренній моментъ; наряду съ нимъ требуется еще внѣшній, продуктивный—для того, чтобы раздражимость перешла въ образовательный позывъ (Bildungstrieb); надобна воспроизводительность (Reproduction) въ видѣ питанія, роста и размноженія. Эти три силы: репродуктивная, раздражимость и сенсибильность въ опытѣ являются въ качествѣ трехъ міровъ. Первый міръ есть царство растеній (чистая репродукція). Черви показываютъ борьбу между репродукціею и ирритабильностью, насѣкомыя представляютъ ирритабильность. На амфибіяхъ и рыбахъ мы познаёмъ борьбу между ирритабильностью и сенсибильностью; птицы приближаются къ высшей ступени—къ сенсибильности, каковая составляетъ собою отличительную примѣту млекопитающихъ. Весь органическій міръ правится, собственно, одною силой, сенсибильностью, потому что ирритабильность есть лишь отрицательная сторона сенсибильности, а репродукція—отрицаніе ирритабильности; обѣ послѣднія суть лишь видоизмѣненія одной силы, сенсибильности, которая сама опять есть выраженіе двойственности (Duplizität) въ изначально тождественной природѣ. Сенсибильности въ органическомъ мірѣ соотвѣтствуетъ въ природѣ *магнетизмъ*; три главныхъ процесса въ природѣ: *электричество*, *химизмъ* и *магнетизмъ* являются въ органи-

ческомъ мірѣ, какъ воспроизводительная сила, сенсибильность и ирритабильность. Итакъ природа организуется все болѣе и болѣе въ тѣсныхъ предѣлахъ; дѣятельность, какъ въ органическомъ, такъ и въ неорганическомъ мірахъ изначально зависила отъ одинаковыхъ условій; жизнь есть лишь высшая потенція того, что̀ повидимому мертво; надъ обоими, и надъ живымъ, и надъ смертнымъ, въ качествѣ ихъ общаго источника, правитъ организующій *міровой духъ*.

Эти теоріи Шеллинга изложены въ его Entwurf eines Systems der Naturphilosophie (1799), въ его Einleitung zu dem Entwurfe eines Systems der Naturphilosophie, 1799, въ System des transcendentalen Idealismus, 1800, въ Aphorismen zur Einleitung in die Naturphilosophie, въ Aphorismen über die Naturphilosophie, въ Vorläufige Bezeichnung des Standpunktes der Medicin nach den Grundsätzen der Naturphilosophie. Послѣднія три статьи появились въ Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft, издававшихся самимъ Шеллингомъ вмѣстѣ съ Маркусомъ. Ср. Hirsch, стр. 402—406.

Хотя Шеллингъ заслуживаетъ признанія, какъ глубокій и геніальный изслѣдователь, но эти поэтическія думы не могли имѣть полезнаго вліянія на естествовѣдѣніе и медицину. Шеллингъ попытался дать, исходя изъ философской точки зрѣнія, общую картину всей природы, развить взаимоотношеніе всѣхъ ея явленій, доказать одинаковое господство законовъ природы во всѣхъ тѣлахъ, характеризовать всѣ тѣла въ природѣ, какъ вышедшія изъ одного пункта и какъ прогрессирующій рядъ все высшихъ и высшихъ фазъ развитія матеріи; Шеллингъ хотѣлъ разсматривать міръ, какъ органическое цѣлое, и изъ абсолютнаго тождества объектовъ желалъ достигнуть до понятія окончательнаго (totalen) безразличія, какое интуиція видитъ въ Божественномъ Всецѣломъ (All). Но при этихъ широкихъ планахъ Шеллингъ совсѣмъ ошибался относительно объема современнаго ему знанія природы. Притомъ

онъ черпалъ свои воззрѣнія не изъ основательнаго пользованія опытнымъ матеріаломъ, а наоборотъ, влагалъ въ послѣдній свои идеи. Поэтому набросанная имъ міровая система оказалась безплоднымъ схематисмомъ съ безсодержательными понятіями и несчастными аналогіями; отсюда естествовѣды не могли извлечь для своихъ наукъ ничего, кромѣ пустыхъ, но многообѣщающихъ фразъ.

И при всемъ этомъ натурфилософія Шеллинга болѣе, чѣмъ на два десятилѣтія, очаровала самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ того времени; натурфилософскій духъ болѣе или менѣе ясно проглядываетъ почти въ каждой тогдашней медицинской книжкѣ. Это удивительное явленіе нужно разсматривать, какъ отголосокъ романтики, того культурнаго періода, какой тогда Германія переживала. Какъ говорятъ объ эмпирическомъ, догматическомъ, мистическомъ періодахъ исторіи медицины, такъ можно указать и на этотъ періодъ—*романтическій* [1]).

Въ первыя четыре десятилѣтія прошедшаго столѣтія не было почти ни одного нѣмецкаго университета, который не былъ бы затронутъ натурфилософіею. Кромѣ лекцій, распространенію новаго ученія способствовало и появленіе періодическихъ медицинскихъ органовъ, напр., издаваемые Маркусомъ и Шеллингомъ Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft, 3 тома, 1806—1808, Маркуса Ephemeriden der Heilkunde, 8 томовъ, 1811—1814, Dömmling'a и Horsch'a Archiv für Theorie der Heilkunde, 1 томъ, 1803, и первые 12 годовъ Horn'a Archiv für medicinische Erfahrung (съ 1801 года). Книжный рынокъ былъ заваленъ громадною натурфилософско-медицинскою литературой. Хотя большинство этихъ сочиненій нынѣ не имѣютъ никакого научнаго значенія и даже

---

[1]) Hirsch, стр. 408.

неудобочитаемы, но ради исторической справедливости необходимо различить между натурфилософами-медиками нѣсколько категорій, смотря по тому, оставались ли они лишь при своихъ теоріяхъ, или пытались извлечь изъ нихъ практическіе выводы, или же, наконецъ, отчасти и доставили почтенныя работы положительнаго, опытно-научнаго характера.

Прежде всего нужно отмѣтить рядъ выдающихся ученыхъ, кои вышли изъ натурфилософской школы, но подвергнувшись легкому ея вліянію, отказались отъ нея и обратились къ болѣе раціональнымъ методамъ. Къ такимъ относятся знаменитый Карлъ Фридрихъ *Kielmeyer* (1765—1844), проф. въ Тюбингенѣ, учитель Кювье, Игнацъ *Döllinger* (1770—1841), Іог. Христіанъ *Reil* (1759—1813), Филиппъ Францъ фонъ *Walther*, Карлъ Фридрихъ *Heusinger* (1792—1883), Карлъ Фридрихъ *Burdach* (1776—1847).

Другой разрядъ умѣренныхъ поклонниковъ Шеллинга образуютъ тѣ, кто, въ большей или меньшей степени признавая его теоріи, независимо отъ нихъ стяжалъ себѣ заслуги обработкою отдѣльныхъ областей естествовѣдѣнія и медицины опытнымъ путемъ. Таковы Георгъ Августъ *Goldfuss* (1782—1848), Фр. Ферд. *Runge* (1795—1867), открывшій кофеинъ вмѣстѣ съ Pelletier, Карлъ Густавъ *Carus* (1779—1868), знаменитый анатомъ Эмиль *Huschke* (1797—1858), Эрнстъ *Bartels* (1778—1838), Ферд. *Nasse*.

Въ качествѣ натурфилософовъ чистой воды нужно назвать Іог. Іозефа *Dömmling*'а, прежняго противника Шеллинга, потомъ—его безусловнаго послѣдователя, Адальберта Фр. *Markus'a*, Лоренца Окена и Георга *Кизера* [1]).

Натурфилософія ставила себѣ задачею и цѣлью на основаніи выводимыхъ ею общихъ законовъ природы объяснить какъ жизненныя явленія въ здоровомъ и больномъ организмѣ,

[1]) О Кизерѣ см. «Философія въ Россіи», т. III, стр. 16—19.

такъ и процессы выздоровленія, все равно: происходятъ ли они естественнымъ путемъ, или вызываются врачебнымъ искусствомъ. Натурфилософія не хотѣла отыскать новые пути, новую методу леченія, она стремилась только по своему перетолковать успѣхи исцѣленія, а потому осталась безъ вліянія на практическую сторону медицины. Вредъ для медицины, причиненный натурфилософіею, состоялъ въ томъ, что медицина перестала быть опытною наукою: изслѣдованіе отъ постели больного и изъ секціонной камеры было перенесено на письменный столъ; литературныя способности врачей исчерпывались безплодными умствованіями; медицинское преподаваніе ухудшилось, потому что профессора видѣли свое назначеніе въ томъ, чтобы головы студентовъ набивать натурфилософскими фразами. Но если критикъ этого періода въ исторіи медицины можетъ произнести надъ нимъ только уничтожительный приговоръ, то историкъ всетаки обязанъ указать, что это направленіе выросло не изъ прихоти нѣсколькихъ геніальныхъ идеологовъ: оно было плодомъ своего времени и служило выраженіемъ теченію мысли, которому подчинился не только медицинскій міръ, но и почти всѣ вообще мыслящіе современники; хотя и нельзя безъ сожалѣнія отзываться объ этой эпохѣ, когда медицина находилась въ узахъ натурфилософіи, но съ другой стороны нельзя не признать, что идеальный полетъ натурфилософіи не остался безъ живительнаго вліянія на ходъ развитія медицинской науки. Геніальное понятіе Шеллинга и его ученыхъ послѣдователей объ *всеединствѣ* (All-Einheit) природы поставило медицину въ болѣе тѣсное, чѣмъ прежде, соприкосновеніе съ естественными науками, зоологіею и ботаникой. Наряду съ пустыми мудрствованіями проскальзывали и геніальныя идеи, оказывавшіяся плодотворными гипотезами для обработки научнаго матеріала—особенно въ теоріи развитія. Добрая доля истины лежитъ въ словахъ самого Шеллинга: „Какъ только пытаются изучать предметы

природы въ ихъ раздѣльности (Trennung), такъ мы и видимъ, что наука подвергается запустѣнію въ обширныхъ областяхъ (in weiten Räumen veröden)". А одинъ изъ знаменитѣйшихъ гистологовъ и эмбріологовъ—*Reichert* заявляетъ: „Помянуть нынче добромъ натурфилософію, пожалуй, значитъ навлечь на себя анаѳему. Но исторія должна быть справедлива: она не можетъ замолчать, что философія, ставящая во главу общую, постоянно дѣющую абсолютную продуктивность природы, находилась въ безусловномъ противорѣчіи съ ученіемъ, которое съ первымъ днемъ творенія уничтожало всякую продуктивность въ органической природѣ".

Съ началомъ четвертаго десятилѣтія нашего вѣка за немногими исключеніями оканчивается владычество германской натурфилософіи въ естествовѣдѣніи и медицинѣ. Начался новый періодъ въ исторіи медицины, знаменующійся блестящимъ развитіемъ анатоміи и физіологіи [1]).

---

[1]) См. Hirsch, стр. 417—419.

Д. М. Велланскій особенно уважалъ среди профессоровъ академіи Петра *Франка* [1]), который, правда, былъ представителемъ медицины не натурфилософской, а строго эмпирической. Изъ-за этого уваженія Д. М. даже потерялъ любовь и благорасположеніе новаго президента академіи и преемника П. Франка—баронета Як. Вас. *Виллié* („Философія въ Россіи“, т. II, стр. 81).

Велланскій не согласился участвовать въ интригахъ Виллié противъ Петра Франка. Разлюбивши Велланскаго, Виллié не щадилъ и его натурфилософіи, смѣялся надъ всей этою школою и, несомнѣнно, сильно мѣшалъ пропагандѣ Велланскаго.

Кромѣ философовъ школы—самого Шеллинга, Окена и Стеффенса, въ сочиненіяхъ Велланскаго, какъ отмѣчено иностраннымъ критикомъ *Ф. Вейссе* („Фил. въ Р.“, т. III, стр. 14), сказалось вліяніе медика той же школы *Рейля*. Къ Рейлю надобно прибавить еще Филиппа Франца *Вальтера*, тоже медика шеллинговой школы, по учебнику котораго Велланскій преподавалъ съ 1819—1822 г. частную физіологію, выдавая записки („Философія въ Россіи“, т. II, стр. 65).

Біографическій очеркъ Стеффенса былъ представленъ нами въ этюдѣ о Велланскомъ, который помѣщенъ въ книгѣ „Литература и Просвѣщеніе въ Россіи“, т. II (стр. 104—109). Теперь предлагаемъ жизнеописанія названныхъ: П. Франка, Рейля и Вальтера.

---

[1]) Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 110, прим.

Johann Peter *Frank*, сынъ небогатаго купца, родился 19 марта 1745 г. въ Rotalben вблизи Zweibrücken, учился въ Rastatt и Bockenheim, студировалъ съ 1761 г. философію годъ въ Мецѣ, потомъ въ Pont à Mousson и въ 1763 г. здѣсь же получилъ степень доктора философіи. Родители предназначали его въ богословы, но онъ настоялъ на своемъ желаніи изучать медицину и поступилъ въ Гейдельбергскій унив. Въ 1765 г. онъ перешелъ въ Страсбургъ, но черезъ годъ вернулся обратно и въ Гейдельбергѣ защищалъ диссертацію De cunis infantum, сочиненную подъ praesidium проф. *Gattenhof*'а. Затѣмъ Франкъ поѣхалъ было на родину—практиковать, но скоро перешелъ въ Bitsch, французскій городъ, вслѣдствіе чего ему пришлось пересдавать экзаменъ во французскомъ университетѣ въ Pont à Mousson. Черезъ 2 года онъ переселился въ Баденъ-Баденъ, а еще черезъ 2 года, въ 1769 г. онъ перешелъ въ Rastatt гарнизоннымъ и городскимъ врачемъ. Въ 1772 г. его пригласилъ шпейерскій князь-епископъ городскимъ и земскимъ физикомъ въ Bruchsal; онъ же скоро назначилъ Франка своимъ лейбъ-медикомъ. Здѣсь Франкъ читалъ анатомическія и хирургическія лекціи фельдшерамъ (Wundärzte) и основалъ институтъ для обученія повивальныхъ бабокъ, при которомъ преподавалъ девять лѣтъ. Въ 1779 г. появилось главное его сочиненіе Medicinische Polizey, начатое имъ вскорѣ послѣ экзамена, сначала I томъ, II—въ 1780 г. и III—въ 1783 г. Въ 1784 г. Франкъ былъ назначенъ профессоромъ медицинской клиники въ Гёттин-

генѣ. Не перенося тамошняго климота, онъ въ 1786 г. перешелъ въ Павію на мѣсто клинициста *Tissot* [1]), гдѣ былъ избранъ директоромъ госпиталя, протофизикомъ и генеральнымъ директоромъ медицинской части въ Ломбардіи; здѣсь онъ выказалъ чрезвычайную дѣятельность, издалъ 4-й томъ „Медицинской Полиціи“, инспектировалъ и самъ читалъ лекціи, привлекая своею извѣстностью въ Павію многочисленныхъ слушателей; по порученію правительства онъ составилъ для университетовъ новый учебный планъ и съ 1788 г. имѣлъ общій надзоръ надъ всѣми больницами Ломбардіи и герцогства Мантуи. Въ 1792 г. онъ выпустилъ I томъ своей Epitome, знаменитаго сочиненія, охватывавшаго всѣ современныя клиническія познанія. Въ 1795 г. Франка пригласили въ Вѣну директоромъ общей больницы и клиническимъ профессоромъ съ необычайно высокимъ по тогдашнему времени жалованьемъ въ 5000 гульденовъ. Кромѣ того, ему поручили реформу военно-санитарнаго дѣла. И здѣсь онъ много потрудился. Онъ улучшилъ неудовлетворительное состояніе клиническихъ заведеній, прекраснымъ образомъ передѣлалъ администрацію больницы, основалъ музей патолого-анатомическій и ввелъ при университетѣ преподаваніе патологической анатоміи, порученное особому прозектору. Его лекціи, ясныя, поучительныя и занимательныя, привлекали въ Вѣну не только студентовъ, но и многихъ заграничныхъ врачей. Кромѣ того, онъ неутомимо практиковалъ. Въ 1804 г. Петръ Франкъ покидаетъ Вѣну и переходитъ въ *Вильну* профессоромъ клиники вмѣстѣ со своимъ сыномъ *Іосифомъ*, поступившимъ туда же профессоромъ патологіи. П. Франкъ имѣлъ въ Вѣнѣ много враговъ и среди завистливыхъ коллегъ, и среди духовенства (потому что въ своей „Полиціи“ онъ высказался противъ цѣлибата). Но не

[1]) Біографію Симона Андре Тиссо см. въ нашемъ трудѣ «Философія въ Россіи», т. III, стр. 251—252.

только преслѣдованія враговъ [1]) заставили его бросить мѣсто въ Вѣнѣ; предполагаютъ, что Франкъ вообще любилъ мѣнять мѣста, то на одномъ, то на другомъ основаніи; въ его характерѣ находятъ черту нѣкотораго непостоянства и безпокойства. Черезъ 10 мѣсяцевъ Франкъ переходитъ изъ Вильны въ *Петербургъ*.

Здѣсь Императоръ Александръ I назначилъ его своимъ лейбъ-медикомъ и профессоромъ при Медико-Хирургической Академіи. По болѣзни онъ чрезъ $2^1/_2$ г. выходитъ въ отставку и съ русскимъ пансіономъ въ 3000 р. возвращается въ 1808 г. въ Вѣну. Въ 1809 г. онъ лѣчилъ Наполеона, который хотѣлъ было пригласить его въ Парижъ своимъ лейбъ-медикомъ. Но интриги, политическія событія, а быть можетъ, и личное нежеланіе самого Петра Франка помѣшали этому состояться. Франкъ переѣхалъ въ Фрейбургъ, гдѣ жила его замужняя дочь, но по смерти ея въ 1811 г. возвратился въ Вѣну. Здѣсь онъ проводилъ время въ обработкѣ своихъ Epitome и Med. Pol. и, преимущественно, въ громадной консультативной практикѣ въ высшихъ слояхъ общества. Онъ умеръ 24 апрѣля 1821 г. По мнѣнію Макса Саломона, Петръ Франкъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ врачей всѣхъ временъ. Онъ былъ практикъ, представитель научной эмпиріи, чрезвычайно трезвый наблюдатель, вполнѣ знакомый съ медициною, какъ съ наукой и какъ съ искусствомъ, любившій свое дѣло; онъ зналъ гибельность (для медицины и паціентовъ) всякихъ односторонникъ теоретическихъ системъ и полагалъ излеченіе отъ болѣзни болѣе важнымъ, чѣмъ софистическія гипотезы о сущности болѣзней вообще. Всѣ эти достоинства сказались въ классической книгѣ, Epitome, которая до сихъ поръ еще можетъ привлекать вниманіе врачей. Только въ

[1]) Его обвиняли, напр., въ повышеніи % смертности въ больницѣ, происходившемъ будто бы отъ его терпимаго отношенія къ Броуновой методѣ лѣченія.

одномъ случаѣ онъ измѣнилъ (правда, теоретически) своему принципу презрѣнія къ догматической медицинѣ; именно въ предисловіи къ сочиненію своего сына Іосифа, бывшаго тогда горячимъ броуніанцемъ, Ratio instituti clinici Ticinensis, 1797, онъ, влекомый отцовскою любовью (amore paterno erga nos ducto, какъ пишетъ сынъ) очень мягко отнесся къ Броунову направленію. „Медицинская Полиція“ тоже относится къ лучшимъ сочиненіямъ въ своей области и послужила основаніемъ для послѣдующихъ изысканій. Франкъ первый пытался обособить эту науку отъ судебной медицины, съ которою она была связана. Къ недостаткамъ сочиненія относится неразграниченность частной и общественной гигіены, а также абсолютно-бюрократическій принципъ, приписывающій полиціи неограниченную власть.

Въ „Исторіи Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи“ за сто лѣтъ. 1798—1898. Составлена коммиссіею по порученію конференціи Академіи подъ редакціею проф. Ивановскаго, проф. *Г. Скорпченко* (періодъ I. 1798—1808) посвящаетъ Петру Франку цѣлыя V и VI главы. На стр. 70 дается такая его характеристика: „Франкъ былъ болѣзненный, раздражительный человѣкъ. Онъ избѣгалъ непріятностей и не способенъ былъ отстаивать свои убѣжденія съ мужествомъ борца. Несчастливъ тотъ, у кого нѣтъ любви къ отечеству. У такого гражданина отсутствуютъ задачи, которыя заставили бы забыть собственныя личныя горести и страданія; нѣтъ благороднаго негодованія при видѣ зла, нѣтъ и сладостнаго утѣшенія въ томъ, что внесъ частицу въ сокровищницу общаго блага въ своемъ отечествѣ. Подобный человѣкъ одинокъ въ обществѣ; въ послѣднемъ видитъ главнымъ образомъ дурныя стороны и изъ-за нихъ бѣжитъ въ другую страну, но и тамъ не находитъ успокоенія. Такимъ несчастливцемъ былъ Франкъ. Всю жизнь онъ блуждаетъ изъ государства въ государство, чего то ищетъ, отъ чего то спа-

сается. Сначала онъ странствуетъ по Германіи, оттуда бѣжитъ въ Италію, оттуда въ Австрію, оттуда въ Россію, оттуда онъ намѣревался переселиться во Францію къ Наполеону I, но помѣшали „придворныя интриги". Если бы послѣдняя его мечта осуществилась, то во время войны 1812 года онъ получалъ бы жалованье во Франціи, а пенсію изъ Россіи".... „Изъ Россіи онъ уѣхалъ (гл. V, стр. 69) обратно въ Вѣну (sic), въ теченіе 13 лѣтъ имѣлъ тамъ богатую практику, но съ нѣмецкою аккуратностью принималъ русскую пенсію. Не дешево обошлись Россіи академическій уставъ и докторъ Франкъ"....

Изъ большого числа его трудовъ самыми важными являются, какъ сказано: System einer vollständigen medicinischen Polizey (6 томовъ, 1779—1819 in 8).

De curandis hominum morbis *epitome*, praelectionibus academicis dicata (6 томовъ, 1792—1821).

Delectus opusculorum medicorum antehac in Germaniae diversis academiis editorum (12 т. 1785—1792).

Opuscula medici argumenti antehac seorsim edita, nunc collecta (Lpz, 1790).

Interpretationes clinicae observationum selectarum (Tüb. и Stuttg., 1812).

Opuscula posthuma, a Josepho filio nunc primum edita (Wien, 1824).

Біографія, написанная самимъ Франкомъ, вышла въ Вѣнѣ въ 1802 г.

См. въ Geschichte der deutschen Medicin von *Heinrich Rohlfs*, 2 Abth., Stuttg., 1880, in 8-°, стр. 127 и слѣд., также *Max Salomon*, Geschichte der Glycosurie von Hippocrates bis zum Anfange des XIX. Jahrh., Lpz, 1871, стр. 85 и слѣд. и его же статья въ Biogr. Lex. Hirsch'a, подъ ред. Gurtl'я, т. II, 1885, стр. 426—429. *Германъ*, Johann Peter Frank, Харьковъ 1895. *Puschmann*, Die Medicin in Wien während der letzten 100 Jahre. Wien, 1884., p. 117—136.

Іоганнъ Христіанъ *Reil* родился въ Rhaude въ Ostfriesland 28 февр. 1759 г., учился съ 1779 г. въ Гёттингенѣ и Халле, получилъ въ Халле степень доктора мед. въ 1782 г. по защитѣ диссертаціи Tractatus de polycholia, практиковалъ нѣсколько лѣтъ въ родномъ городѣ, потомъ габилитировался въ приватъ-доценты въ Халле, въ 1787 г. тамъ же получилъ экстраординарнаго проф., въ 1788 г. занялъ мѣсто ординарнаго проф. и директора клиники по смерти *Goldhagen*'а. Въ 1789 г. онъ сдѣлался въ Халле еще городскимъ физикомъ. Своимъ отличнымъ преподаваніемъ онъ значительно увеличилъ число студентовъ въ университетѣ. Знаменитость Рейля такъ росла, что въ 1810 г. ему поручили каѳедру клинической медицины въ новоустроенномъ университетѣ въ Берлинѣ. Во время войны 1813 г. онъ завѣдывалъ военными госпиталями лѣваго берега Лабы, но самъ захворалъ тифомъ и умеръ въ Халле 22 ноября 1813 г.

Рейль обладалъ большими талантами и разностороннимъ образованіемъ. Онъ былъ главнымъ представителемъ „виталисма“ въ Германіи. Свое ученіе о „жизненной силѣ“ онъ изложилъ въ знаменитомъ трудѣ Ueber die Lebenskraft въ I томѣ, 1796 г.—въ издаваемомъ имъ журналѣ Archiv für die Physiologie въ 12 томахъ (1796—1815), равно и въ другихъ, позднѣйшихъ сочиненіяхъ, преимущественно, въ 5-ти томномъ сочин. Ueber die Erkenntniss und Cur der Fieber (Halle u. Brl., 1799—1815; III изд. 1820—1828). Рейль всегда стремился сдѣлать свои теоріи пригодными и у постели больного;

сближеніемъ терапіи съ физіологіею онъ пытался дать первой научную основу.

Замѣчательны и анатомическія работы Рейля, напр., образцовыя изслѣдованія о строеніи мозга и нервовъ: Exercitationum anatomicarum fasc. I de structura nervorum. Halle, 1796, и въ статьяхъ своего „Архива". Еще выдаются Memorabilia clinico-practica, fasc. III, Halle, 1790—1793 гг., Diss. de irritabilitatis notione, natura et morbis (Ib. 1793), Entwurf einer allgemeinen Pathologie (2 Bde, Ib., 1815—16), Entwurf einer allg. Therapie (Ib. 1816). Послѣднія два посмертныя сочиненія носятъ чисто натурфилософскій характеръ. Большія заслуги стяжалъ Рейль и на поприщѣ психіатріи. Съ его любовью къ анатоміи мозга и симпатіями къ ученію *Галля* соединялись тоже занятія душевными болѣзнями. Въ классическомъ сочиненіи Rhapsodien über die Anwendung der psychischen Curmethode auf Geisteszerrüttungen, Halle, 1803, онъ далъ описаніе жалкаго состоянія нѣмецкихъ домовъ для умалишенныхъ и своими теоріями содѣйствовалъ новому подъему психіатріи. Онъ настаивалъ на необходимости также и физическаго лѣченія умопомѣшанныхъ. Его старанія объ основаніи психіатрическихъ институтовъ въ Халле и Берлинѣ, къ сожалѣнію, остались безуспѣшными.

О Рейлѣ имѣется монографія Heinr. *Steffens*, J. C. Reil, eine Denkschrift, Halle, 1815. См. еще Biogr. méd. VI, стр. 564., Dict. hist., III, стр. 793 и статью Pagel'я въ Biogr. Lex., т. IV, стр. 694—695.

Филиппъ Францъ фонъ *Walther* род. 3 января 1782 г. въ Burweiler въ Rheinpfalz, 15 лѣтъ поступилъ въ 1797 г. въ Гейдельбергскій университетъ изучать медицину и продолжалъ свои занятія въ Вѣнѣ подъ руководствомъ славнаго *Петра Франка*[1]) и офтальмолога *Beer'a*. Въ 1803 г. онъ былъ промовированъ въ *Landshut'*ѣ въ доктора медицины и 21 года назначенъ медицинскимъ совѣтникомъ, ординарнымъ профессоромъ и старшимъ хирургомъ (Oberwundarzt) при госпиталѣ въ Бамбергѣ. Послѣ путешествія въ Парижъ онъ въ 1804 г. былъ назначенъ проф. физіологіи, а потомъ и хирургіи въ Ландсхутѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ преподаватель и практикъ-хирургъ, такъ что къ нему въ Ландсхутъ стали съѣзжаться больные даже изъ-заграницы. Въ 1811 г. онъ былъ выбранъ товарищами въ Rector magnificus. Онъ отклонялъ приглашенія въ Галле и Гейдельбергъ, но въ 1818 г. переѣхалъ въ университетъ въ Боннъ. Здѣсь его дѣятельность достигла своего расцвѣта, и онъ занялъ первое мѣсто между современными нѣмецкими хирургами-окулистами (эти каѳедры въ то время еще не раздѣлялись). Результаты своихъ опытовъ и леченій онъ излагалъ въ видѣ статей въ журналѣ Journal für Chirurgie und Augenheilkunde, который онъ издавалъ съ 1820 г. вмѣстѣ съ *v. Graefe*. Въ 1830 г., когда университетъ былъ изъ Landshut перенесенъ въ Мюн-

---

[1]) См. выше, стр. 83–89.

хенъ, король *Людвигъ I.* пригласилъ его обратно (изъ Бонна) съ возведеніемъ въ тайные совѣтники и лейбъ-медики. Въ Мюнхенѣ онъ на ряду съ физіологомъ Игнацомъ *Doellinger* былъ самымъ замѣчательнымъ профессоромъ медицинскаго факультета. Его лекціи по обоимъ предметамъ и клиника привлекали въ университетъ массу даже заграничныхъ слушателей. Но различныя непріятности въ общей больницѣ заставили его въ 1836 г. отказаться отъ клиники и остаться при однихъ теоретическихъ лекціяхъ, которыя онъ продолжалъ до самой смерти 29 декабря 1849 г., послѣдовавшей отъ тифа.

Благодаря своей внушительной наружности, особенному спокойствію и опредѣленности, Вальтеръ легко пріобрѣталъ у постели больного непререкаемый авторитетъ. Ясныя и точныя лекціи не только обогащали слушателей знаніями, но и одушевляли ихъ на собственныя работы. Его писательская дѣятельность имѣла въ первыя десятилѣтія нашего вѣка рѣшительное вліяніе на развитіе медицины, особливо хирургіи и офтальмологіи.

Въ хирургіи онъ былъ реформаторомъ. Онъ старался придать ей научный характеръ, связать ее съ общею медициной, использовать для нея успѣхи анатоміи и физіологіи и прекратить хозяйничанье полуобразованнаго фельдшерскаго персонала; такъ онъ ратовалъ за закрытіе въ Баваріи низшихъ медицинскихъ школъ. Непремѣннымъ же условіемъ прогресса въ медицинѣ онъ считалъ возможно широкое *философское* и естественнонаучное образованіе, какимъ обладалъ самъ. Будучи еще въ началѣ своей карьеры въ Бамбергѣ, онъ тѣсно подружился со своимъ коллегою *Шеллингомъ* и сдѣлался горячимъ послѣдователемъ натурфилософіи, что̀ сказалось и на той книгѣ (среди другихъ его раннихъ трудовъ), которую избралъ въ качествѣ учебника нашъ шеллинговецъ Д. М. Велланскій:

Physiologie des Menschen mit durchgängiger Rücksicht

auf die vergleichende Physiologie der Thiere, 2 Bde, Landshut, 1806—1808.

Работы Вальтера именно его философскимъ занятіямъ обязаны *логичностью*, связностью, характеризующими его стиль, ясностью, съ какою онъ излагаетъ факты и наблюденія. Но при всей наклонности къ умозрѣнію онъ никогда не отрицалъ необходимости индуктивной методы. Его вѣрность эмпиріи сказывается въ предисловіи къ Neue Darstellungen aus der *Gall*'schen Hirn-und Schädellehre, München, 1804, также въ статьяхъ въ Jahrb. der Med. *Маркуса* и *Шеллинга*: Historische Umrisse von Frankreichs naturwissenschaftl. Cultur in näher Beziehung auf Med. u. Chir. (Bd. I. Heft. I., 1806) и Darstellung des *Bichat*'schen Systems, als erste Fortsetzung der historischen Umrisse von Frankreichs naturwissenschaftlicher Cultur (ib. 1807, Bd. II.).

Свѣтлыя и плодотворныя мысли по частной патологіи и терапіи высказаны въ Abhandlungen aus dem Gebiete der practischen Medicin, besonders der Chirurgie und Augenheilkunde (Bd. I, Landshut, 1810), Von der Heilkraft der Natur (Jahrbb. der Medicinal—Wissenschaft, III, 1808), Ueber die Heilkraft der Arzneien (Ephemeriden der Heilk. v. *A. F. Marcus*, IV, 1812), Mittel gegen die indische Cholera (Journal f. Chir. u Augenheilk., XVI, 1831), Ideen zu einer Aetiologie der Krankheit (ib., XXI), Aphorismen. 4 Centurien (ib., XXI, XXII, XXV, 1837; XXVI, 1838), Fragmente über das Fieber (Allg. Zeitung für Chir., innere Heilk. u. ihre Hilfswissenschaften, 1843). Хирургическіе труды Вальтера: System der Chirurgie (Bd. I, Brl, 1833; 2. Aufl. Carlsruhe u. Freiburg, 1843), Die Lehre von den Augenkrankheiten (Bd. III u. IV, 1848), Uebersichten der Krankheitsfälle im chirurgischen Klinikum zu Landshut vom Jahr 1812—1818 (Salzburger med.—chir. Ztg. 1812, II, 1813, I, 1814, II, 1815, II, 1816, II, 1817, I, 1818, IV). За время пребыванія въ Боннѣ: Ueber die schwam-

migen Auswüchse auf der harten Hirnhaut (Journ. für Ch. u. A-de v. Graefe u. Walther, 1820, I), Ueber die steinigen Concretionen der Thränenflüssigkeit (Ib.), Ueber die Harnsteine, ihre Entstehung und Classification (Ib.), Ueber die wahre Natur der Lymphgeschwülste (Ib.), Ueber die contagiöse Augenentzündung am Niederrhein, besonders in der Arbeitsanstalt *Brauweiler*, in ihrem Zusammenhange mit der egyptischen Ophtalmologie betrachtet (Ib., 1821, II), Wiedereinheilung der bei Trepanation ausgebohrten Knochenscheibe (Ib., II), Mit gutem Erfolg verrichtete Unterbindung der Schilddrüsenschlagader bei einer Struma aneurysmatica (Ib.), Ueber einen bisher noch nicht beschriebenen Bildungsfehler der Regenbogenhaut nebst Bemerkungen über angeborene Missbildungen überhaupt (Ib.), Ueber die Krankheiten des Ciliarnervensystems im menschlichen Auge (Ib., 1822, III), Ueber die Verrenkung der Halswirbel nach eigenen Beobachtungen, Ueber die Balggeschwülste (Ib., 1823, IV), Ueber Verhärtung, Scirrhus, harten u. weichen Krebs, Medullar-Sarcom, Blutschwamm, Telangiectasie und Aneurysma per anastomosin (Ib., V), Neue, bereits am Lebenden erprobte Methode, den Oberschenkel zu amputiren (Ib., 1824, VI), Ueber die Behandlung der Paraphimosis und die Behandlung der Phimosis (Ib., 1825, VII), Ueber Wiederanheilung einer ganz abgetrennter Nase (Ib.), Ueber das Alterthum der Knochenkrankheiten (Ib., VIII), Ueber Speichelsteine (Ib.,) Heilung einer cariösen weissen Kniegeschwulst durch den äusserlichen Gebrauch des Sublimats (Ib.), Ectropium anguli externi, eine neue Augenkrankheit und die Tarsoraphie, eine neue Augenoperation (Ib., 1826, IX), Ueber die topische Behandlung und über den Verband der eiternden Wunden, der Abscesse, Geschwüre und Fisteln (Ib.), Ueber die Exarticulation der Finger mit ihren Mittelhandbeinen aus den Handwurzelgelenken (Ib., 1819, III), Reisebemerkungen aus London (München, 1831, XV), Ueber

die Trepanation nach Kopfverletzungen (Ib. XVI, XVII), Ueber das Knochenbistouri, ein von Herrn *B. Heine* neu erfundenes Werkzeug (Ib., 1832, XVIII), Ein Fall von Aushungerung (Ib., XXI), Ueber Herniotomie als Mittel zur radicalen Heilung der Brüche (Ib., 1838, XXVI), Ueber Amaurose nach Superciliarverletzungen (Ib., 1840, XXIX), Ueber Pathologie und Therapie der Amaurose (Ib., 1841, XXX), Rede zum Andenken an Dr. Ignaz *Döllinger*, gehalten am 25. Aug. 1841 in d. K. bayer. Acad. der Wissenschaften in München (M., 1841, 4°), Ueber das Verhältniss der Med. zur Chirurgie und die Duplicität im ärztlichen Stande, eine historische Untersuchung mit dem Endresultate für die betreffende Staatseinrichtung (Carlsruhe u. Freiburg, 1841), Ueber klinische Lehranstalten in städt. Krankenhäusern, eine Principienfrage zugleich in höherer Beziehung auf ihre gegenseitigen Verhältnisse in München (Freiburg, 1846).

Вальтеръ былъ, по мнѣнію біографа, не только великій ученый, но и благородный, гуманный человѣкъ и образцовый коллега. Интересы своего сословія въ смыслѣ освобожденія его отъ нѣкоторыхъ стѣсненій онъ защищалъ повсюду: и въ сенатѣ Мюнхенскаго университета, и какъ депутатъ послѣдняго на профессорскомъ конгрессѣ въ Іенѣ 1848 года, и на реформномъ конгрессѣ баварскихъ врачей 1848 г. въ Мюнхенѣ. Сорокалѣтній его юбилей былъ почтенъ адресомъ отъ Мюнхенскаго общества врачей; оно же 4 января 1882 г. торжественно отпраздновало столѣтній юбилей его рожденія, причемъ рѣчь была произнесена профессоромъ *Нуссбаумомъ*.

Свѣденія о Вальтерѣ имѣются у *Callisen* (XX, 370 и XXIII, 214), въ Deutsche Medicin im 19. Jahrhundert. Eine Festgabe въ честь 40-лѣтняго юбилея Вальтера 23 мая 1843, München, 4°, въ рѣчахъ *Nussbaum*'а 1882 г., *Ringseis*'а Gedenkrede въ

Мюнхенской академіи, 1851 г.; Alois *Martin*, v. Walther's Leben und Wirken въ v. W—s und v. *Ammon's* Jour. f. Chir. u. Augenheilk., B. IX, Heft. V, Franz *Seitz* рѣчь на могилѣ В—ра, пом., какъ некрологъ, въ Prof. v. *Lang*'s akad. Monatsschrift, Jahrg. 1850 и его же, Seitz'a статья въ Biogr. Lex. Hirsch'a, т. VI, стр. 186—188.

Къ обработкѣ и изданію своей „Физики“ Д. М. Велланскій готовился довольно долго: она появилась только въ 1831 г., т. е. 26 лѣтъ спустя послѣ его возвращенія изъ-заграницы. Выходу въ свѣтъ оригинальнаго труда предшествовало появленіе переводовъ и обработки *Окена*: въ 1816 г. Д. М. выпустилъ переводъ „О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента“, а еще въ 1815 г. вышли выборки: „Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествознанія“.[1]) Передъ появленіемъ самой книги Д. М. излагалъ содержаніе и главныя мысли „Физики“ въ 1830 г. въ видѣ курса публичныхъ лекцій, для которыхъ былъ написанъ и напечатанъ особый „Конспектъ главныхъ содержаній общей физики“, который былъ еще воспроизведенъ въ „Сынѣ Отечества“ [2]). Въ томъ же журналѣ появилась предварительно и глава изъ „Физики“—„Солнце“ (съ строгимъ соблюденіемъ своеобразной орѳографіи автора). Наконецъ для нагляднаго ознакомленія со своею книгой Д. М. уже послѣ ея выхода помѣстилъ въ томъ же „Сынѣ Отечества“ у Греча и Булгарина „Краткое извлеченіе“ изъ своей „Физики“, т. е. подробнѣйшій конспектъ, заключающій полный пересказъ содержанія книги и даже выдержки изъ самого текста, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ ея §§ и мѣстъ.

---

[1]) «Философія въ Россіи», т. II, стр. 78—79.

[2]) См. тамъ же.

Первымъ абрисомъ „Физики“, гдѣ намѣчены уже почти всѣ ея существенныя черты, является, какъ я уже указывалъ, статья Велланскаго отъ 1814 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ Вл. Измайлова „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ“, которая полемизируетъ противъ механическихъ теорій знаменитаго астронома Петербургской Академіи Наукъ Фридриха (Ѳедора) *Шуберта*. Эта статья подробно изложена мною въ этюдѣ о Д. М. Велланскомъ—въ книгѣ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи“, т. II, стр. 123—129.

Теперь приступаемъ къ подробному изложенію „Физики“ Д. М. Велланскаго. Ея полное заглавіе таково:

„Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра—составляющая первую половину энциклопедіи физическихъ познаній“. Сочиненіе Даніила Велланскаго (его званія). Съ четырьмя гравированными таблицами. СПБ. 1831. 8-^{0}. Титулъ и посвященіе (2 листка) ненумерованы. „Предисловіе“ I—IV стр. „Оглавленіе содержанія“ 2 стр. нен. Текстъ 900 стр., опечатки 2 ненум. стр. „Имена господъ пренумерантовъ по времени ихъ подписки“ 6 нен. стр. Книга отпечатана въ типографіи И. Глазунова. Ценсоръ Николай Щегловъ.

Ради большей справедливости по отношенію къ автору мы въ своемъ изложеніи будемъ по возможности строго придерживаться схемъ, выработанныхъ имъ самимъ, т. е. упомянутаго „Краткаго извлеченія“ и „Конспекта“.

Эпиграфъ для „Физики“ взятъ изъ Стеффенса: Das wissenschaftliche Bestreben aller Naturforschung geht dahin, in der Relativität der Form des Einzelnen die Absolutheit des Wesens zu erkennen..... Und der Zweck aller Naturwissenschaft ist, den trügerischen Schein der endlichen Anschauung, durch welchen ein jedes Einzelnes von dem Ganzen versch-

lungen wird, so, dass weder das Einzelne, noch das Ganze irgend eine Realität hat, aufzuheben.

Посвященіе тройное: „Посвящается любителямъ Физическихъ Наукъ, какъ полезнѣйшихъ занятій ума человѣческаго, ведущихъ явственнымъ путемъ къ образованію и просвѣщенію онаго! Посвящается Славяно-Россіянамъ, дражайшимъ соотечественникамъ и соревнователямъ моимъ, подвизающимся на темномъ, зыбкомъ и тѣсномъ поприщѣ Ученаго Свѣта! Посвящается благомыслящимъ, правдолюбивымъ, великодушнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, кои ясное *философическое знаніе*, и положительную истину *умозрительной критики* предпочитаютъ мрачному невѣдѣнію горделиваго *профанизма*, и пышному ничтожеству кичливаго скептицизма!“

Сочиненіе академика и профессора Велланскаго подъ заглавіемъ: *Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и зиждущихъ началахъ неорганическаго міра*, состоитъ изъ четырехъ отдѣленій, заключающихъ въ себѣ четыре физическихъ изслѣдованія: *геософическое, стихіологическое, космологическое и геологическое.*

Въ *геософическомъ* изслѣдованіи [1]) содержатся положенія о возможной сущности природы, служащія основаніемъ познанію дѣйствительныхъ ея формъ. Эти положенія суть результаты отвлеченнѣйшихъ метафизическихъ сужденій и требуютъ абстрактныхъ размышленій: предметъ ихъ есть безпредѣльное и вѣчное начало природы, не подлежащее чувственнымъ изысканіямъ въ мѣстномъ ограниченіи и временномъ прехожденіи. Въ § 9 авторъ говоритъ [2]): „Кромѣ единственнаго, всесущественнаго Зиждителя Природы, нѣтъ ничего, по себѣ существующаго. Видимый міръ, будучи образованіемъ безпредѣльной его сущности въ опредѣленныхъ видахъ, имѣетъ только значеніе свое по образуемому имъ началу, которое, составляя возможность дѣйствительныхъ существъ, не ограничивается оными, и въ безпредѣльности своей, содержится ко всему ограниченному и преходящему, какъ существенное къ ничтожному“.

---

[1]) Стр. 1—39.

[2]) Стр. 4.

То же положеніе излагается подробно въ слѣдующихъ §§ двоякимъ способомъ: демонстративнымъ, или „математическимъ“, и дискурсивнымъ, или логическимъ.

Въ § 25 сказано [1]): „Происхожденіе и состояніе видимаго міра сообразны невидимой его сущности, которой идея есть тройственная: какъ единое всесущественное; какъ самосвѣдѣніе онаго, или представленіе самого себя самому же себѣ; и какъ единство представляющаго съ представляемымъ. Таковая идея въ возможности ея составляетъ всесущественность, вѣчность и безпредѣльность, а въ дѣйствительномъ образованіи, оказывается вещественнымъ міромъ, преходящимъ во времени и ограниченнымъ въ пространствѣ“. „По силѣ существеннаго единства представляющаго субъекта съ представляемымъ объектомъ, все, находящееся въ природѣ, дѣйствуетъ и пребываетъ; но по значенію самопознательнаго образованія сущности, одинъ міръ произошелъ въ качествѣ *субъективнаго дѣйствія*, а другой въ *свойствѣ объективнаго бытія*; и первый состоитъ изъ одушевленныхъ существъ, а послѣдній изъ бездушныхъ веществъ. Какъ время съ пространствомъ нераздѣльны, такъ дѣятельность съ вещественностью совмѣстны; и къ существованію каждой вещи принадлежитъ та и другая — только одушевленная вещь существуетъ преимущественно въ дѣятельности, а бездушная пребываетъ собственно въ матеріальности“. „Изъ бездушныхъ веществъ состоитъ неорганическій міръ, а одушевленныя существа составляютъ органическія царства природы“ [2]).

Во *второмъ отдѣленіи* [3]) представлена *стихіологія*, излагающая основныя вещества, или стихіи міра. Эѳиръ, призна-

---

[1]) Стр. 13.

[2]) Стр. 14—15, §§ 28—29.

[3]) Стр. 40—147.

ваемый древними и новыми физиками, есть всеобщій элементъ матеріи; его существованіе доказывается какъ чувственными опытами, такъ и умственнымъ изслѣдованіемъ вещественнаго міра: всѣ виды послѣдняго должны образоваться изъ эѳира, поддерживаться его вліяніемъ въ особенности ихъ бытія, и, по конечномъ ихъ разрушеніи, превращаться въ эѳиръ, откуда произошли (§ 70) [1]).

Въ абсолютномъ началѣ природы идеальное единосущно съ матеріяльнымъ. Эѳиръ, составляющій вещественную сторону возможной идеи существованія, имѣетъ и дѣятельное свойство, безъ котораго онъ не могъ бы оказываться матеріяльнымъ, наполнять вселенную и превращаться во всѣ виды міра. Какъ нуль не содержитъ въ себѣ никакихъ чиселъ, а точка не составляетъ начертываемаго пространства; такъ эѳиръ, въ бездѣйственномъ его состояніи, не есть настоящая матерія, которая бы занимала извѣстное мѣсто, и различалась по своему положенію въ немъ. Для составленія пространства, точка изъ ея единства должна раздѣлиться на центръ и окружность, а это происходитъ только благодаря центро-периферическому движенію, которое приводитъ центръ въ окружное положеніе, и производитъ сферу, образующую цѣлое пространство. Бездѣйственный эѳиръ имѣетъ равное значеніе съ безпредѣльною точкой и приводится дѣятельностію въ опредѣленный видъ, который есть тяжесть (gravitas). А тяжесть—собственное начало эѳирной вещественности, находящейся внѣ центральнаго ея положенія; стремясь туда, она является въ видѣ ощутительной и взвѣшиваемой матеріи (§ 76) [2]).

Начало всякой опредѣленной матеріи есть безпредѣльный эѳиръ, составляющій вещественную форму идеальной сущно-

---

[1]) Стр. 42—43.

[2]) Стр. 47—48.

сти; онъ оказывается матеріею, которая содержится къ эѳиру такъ, какъ время къ вѣчности, а пространство къ безпредѣльности; то есть матерія, время и пространство существуютъ только по отношенію ихъ къ представляемымъ ими началамъ; а безъ этихъ началъ онѣ однѣ по себѣ совершенно ничтожны (§ 77) [1]).

Эѳиръ образуется въ извѣстную матерію соотвѣтственно представленію безпредѣльности въ ограниченномъ пространствѣ, и вѣчности въ преходящемъ времени. Образовавшійся эѳиръ различается по центральному, периферическому и радіальному содержанію въ занимаемой имъ сферѣ. Дѣйствуя въ этой сферѣ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ моментѣ времени, эфиръ не остается одинакимъ, но переходитъ безпрестанно изъ одного положенія въ другое,—на чемъ основывается измѣненіе и превращеніе всѣхъ веществъ природы.

Будучи одной сущности съ пространствомъ и временемъ, эѳиръ настолько же оказывается вещественнымъ, занимающимъ извѣстное пространство въ опредѣленномъ времени; вещественность эѳира столь нераздѣльна съ его дѣятельностію, что онъ является ощутительнымъ только въ дѣятельномъ состояніи.—Опредѣленные виды эѳира сообразны формамъ представляемой имъ сущности: по свойству дѣйствительнаго времени онъ является свѣтомъ; въ качествѣ настоящаго пространства оказывается теплотою, а въ собственной вещественности знаменуется тяжестію. Но свѣтъ, теплота и производящее ихъ вещество составляютъ огонь. Огонь же есть общій и начальный видъ эѳира, превращающагося во всѣ особыя вещи горѣніемъ (§ 79) [2]).

Чувственное понятіе о свѣтѣ и цвѣтахъ, представляемое физиками въ *оптикѣ*, *катоптрикѣ и діоптрикѣ*, воздѣлан-

---

[1]) Стр. 48.
[2]) Стр. 50—51.

ныхъ болѣе всѣхъ Ньютономъ, Велланскій разбираетъ критически: онъ признаётъ неосновательными и весьма поверхностными, какъ Ньютонову теорію свѣта, по которой свѣтъ— тончайшая матерія, истекающая отъ солнца на планету, такъ и Эйлерово мнѣніе, выводящее свѣтъ отъ сотрясательнаго движенія въ эѳирѣ, сообщаемаго ему потрясаемымъ солнцемъ. Д. М. Велланскій считаетъ обѣ теоріи слабыми гипотезами, не могущими выдержать и самой легкой критики! Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Ѳеоретическое показаніе свѣта и цвѣтовъ*, доказывается невещественность ихъ. Здѣсь свѣтъ признается формою идеальнаго дѣйствія, произведшаго матеріальный міръ. Въ § 111-мъ сказано: „Познаніе свѣта сопряжено съ познаніемъ происхожденія и состоянія всего міра; ибо свѣтъ есть внѣшній видъ внутренней силы, произведшей всяческая въ отдѣльной особенности. Начальное дѣйствіе міротворенія, коимъ изъ безпредѣльной и вѣчной идеи Творческаго могущества произведены ограниченныя и временныя существа, есть свѣтъ, одушевляющій всѣ виды жизненнаго образованія, и который не токмо не состоитъ изъ вещественныхъ атомовъ, но паче противоположенъ вещественности, какъ душевная дѣятельность тѣлесному пребыванію“. [1])

Общій міръ, какъ произведеніе самопознательнаго процесса абсолютной сущности природы состоитъ въ трехъ видахъ: свѣтъ, матеріяльность и органическая жизнь, которые изъявляютъ субъективную, объективную и единосущную принадлежность самосвѣдѣнія. Единственная сущность природы въ свойствѣ взирающаго субъекта является свѣтомъ: въ качествѣ разсматриваемаго объекта она же оказывается матеріею, а въ начальномъ безразличіи свѣта съ матеріею, представляется организмомъ.

Цвѣта происходятъ съ превращеніемъ эѳира въ опредѣленную матерію, имѣющую собственный цвѣтъ, тѣмъ отличи-

[1]) Стр. 100—101.

тельнѣйшій, чѣмъ матерія менѣе прозрачна. Прозрачность тѣлъ зависитъ отъ эѳирнаго въ нихъ напряженія (оказывающагося свѣтомъ), а непрозрачность причиняется остановленіемъ этого напряженія, отъ чего происходитъ тьма. Значитъ, цвѣта суть совмѣстное произведеніе свѣта со тьмою, происходящихъ въ матеріи.

Призматическіе цвѣты, которые Ньютонъ считаетъ вещественными частями бѣлаго свѣта, суть не что иное, какъ извѣстное содержаніе прохожденія и остановленія свѣта въ призмѣ: тѣ самыя явленія, по которымъ Ньютонъ заключилъ о матеріяльномъ содержаніи цвѣтовъ, показываютъ невещественность ихъ (§ 123). [1])

Тяжесть, какъ начало вещественнаго бытія въ пространствѣ, противоположна свѣту, составляющему идеальное дѣйствіе въ времени. Свѣтъ, будучи идеальнаго свойства, а тяжесть реальнаго качества, содержатся въ общемъ неорганическомъ мірѣ такъ, какъ мысленное, духовное существо—и тѣлесный составъ въ человѣческомъ организмѣ.

Свѣтъ есть дѣйствіе, происходящее во времени, а тяжесть составляетъ бытіе, заключающееся въ пространствѣ: каждая вещь производится совокупнымъ вліяніемъ обоихъ явленій,—только въ относительномъ преимуществѣ того, либо другого: однѣ вещи свойственны свѣту, а другія принадлежатъ тяжести (§ 131). [2])

Всякое вещество подлежитъ тяжести, изъявляемой собственнымъ вѣсомъ каждой матеріи. Матерія, какъ бы тонка и летуча ни была, должна имѣть удѣльный свой вѣсъ, по коему можно взвѣшивать ее сравнительно съ другими. Такъ называемыхъ невзвѣшиваемыхъ веществъ (imponderabilia) въ

---

[1]) Стр. 123.

[2]) Стр. 141.

природѣ не существуетъ: они принимаются только физиками для объясненія явленій, состоящихъ будто бы изъ несмѣтно-тонкихъ атомовъ, если признать таковыми: свѣтъ, теплоту, электричество, магнитизмъ, галванизмъ и жизненный процессъ организма. Но хотя указанныя явленія оказываются въ извѣстныхъ веществахъ, однако сами по себѣ они не матеріяльны, а составляютъ опредѣленные виды динамическаго процесса всеобщей жизни, которая ими обнаруживается со стороны идеальной дѣятельности. Таковыя явленія, происходя въ извѣстномъ пространствѣ, не занимаютъ его, проницаютъ находящіяся тамъ вещества, и сами суть проницаемы,—а это противно матеріяльному свойству, по которому каждый атомъ матеріи, занимая свое мѣсто, не пущаетъ (sic) на него другой атомъ: общая непроницаемость веществъ есть одно и то же съ ихъ тяжестію (§ 129). [1])

Система міра есть совокупность пространства съ временемъ, движенія съ покоемъ, идеальной возможности съ реальною дѣйствительностію,—гдѣ свѣтъ и тяжесть, будучи раздѣльны и соединены, какъ взирающій субъектъ и разсматриваемый объектъ самопознательной сущности, производятъ всѣ вещества и существа природы, въ частномъ положеніи и общемъ содержаніи зиждимыхъ ими системъ. Каждая планета устроена собственною тяжестію, по которой она, будучи особенною, принадлежитъ къ одной солнечной системѣ—такъ, какъ всякое земное тѣло по своей тяжести входитъ въ общій одинакій составъ земли. Напротивъ того, свѣтъ, произведшій различныя планеты общей системы, въ каждой планетѣ производитъ особенность и различіе веществъ, ее составляющихъ. Но центръ планетной тяжести находится въ солнцѣ, гдѣ въ соединеніи со свѣтомъ она составляетъ центральную органи-

---

[1]) Стр. 138

зацію системы міра; сообразно этой организаціи, планета тяготѣетъ къ солнцу и получаетъ отъ него свѣтъ, образующій жизненныя на ней происшествія (§ 134). [1])

Отдѣленіе третье [2]) содержитъ въ себѣ *космологію*, показывающую солнечную систему, въ *космографическомъ* и *генеологическомъ* изложеніи.

Космографія небесныхъ тѣлъ солнечной системы представлена по наблюдательнымъ изслѣдованіямъ прежнихъ и новѣйшихъ астрономовъ, особенно *Гершеля* и *Шрётера*. Но генеологическое изложеніе Велланскій составилъ изъ своего теоретическаго понятія о свѣтѣ и тяжести. Въ § 135-мъ онъ говоритъ: „Коперниковы положенія были основаніемъ истинной астрономіи, воздѣланной особливо Галилеемъ, Кеплеромъ, Ньютономъ, а въ послѣдствіи Лапласомъ и многими другими, которые опредѣлили движеніе, притяженіе и разстояніе общемірныхъ сферъ солнечной системы, по механико-математическимъ законамъ. Но понятіе о происхожденіи, образованіи и жизненномъ содержаніи міровъ не было развито въ ихъ время, а родилось отъ теоріи свѣта и тяжести, произведенной Шеллингомъ въ умозрительныхъ его изслѣдованіяхъ природы: и настоящая космологія есть собственное произведеніе новой натуральной философіи германцевъ“ [3]).

Солнечная система небесныхъ тѣлъ [4]) произошла и пребываетъ не по внѣшнимъ, механическимъ отношеніямъ веществъ, но по внутреннимъ, динамическимъ происшествіямъ образующейся изъ нихъ всеобщей жизни природы. Математическая точность и неизмѣняемая правильность небеснаго механизма суть послѣдствіе динамизма многихъ особыхъ сферъ; динамизмъ устроилъ сферы въ одну общую систему, которая не составлена по внѣшнему стеченію посторонныхъ толщъ, но произ-

---

[1]) Стр. 147.
[2]) Стр. 148—344.
[3]) Стр. 150—151.
[4]) Стр. 308, § 165.

ведена внутреннимъ развитіемъ цѣлаго существа въ частныя формы; происхожденіе солнечной системы, какъ большого міра (macrocosmus), должно быть подобно образованію растительнаго и животнаго организма, какъ малаго міра (microcosmus).

Разстояніе планетъ [1]) отъ солнца и эксцентрація ихъ вокругъ послѣдняго не соотвѣтствуетъ величинѣ ихъ толщъ; слѣдовательно, они должны зависѣть не отъ количественнаго содержанія, но отъ качественнаго устроенія каждой планеты. При взаимномъ отношеніи планетъ, какъ различныхъ частей одной цѣлой системы, этимъ же качественнымъ устройствомъ должно производиться склоненіе планетъ на своихъ эклиптикахъ къ солнечному экватору и помѣшательство (perturbatio) въ эксцентраціи.

Освѣщеніе планетъ солнцемъ соразмѣрно ихъ разстоянію отъ него. Ближайшія планеты подвержены бо́льшему вліянію свѣта, нежели отдаленнѣйшія, кои подлежатъ болѣе тяжести; поэтому первыя сходствуютъ съ животными, а послѣднія съ растеніями въ органическомъ мірѣ. Солнце, заключающее въ себѣ совмѣстное положеніе тяжести и свѣта, есть центральная цѣлость планетъ; онѣ же составляютъ периферическія части солнца, кои по своему содержанію къ свѣту и тяжести, какъ противоположнымъ началамъ всемірной жизни, суть либо центральнаго свойства, либо периферическаго качества. Планеты нижней области имѣютъ центральное его свойство, сообразно равномѣрнѣйшему на нихъ вліянію солнечнаго свѣта и тяжести: сообразно этому свойству, онѣ находятся ближе къ солнцу. Периферическое качество планетъ верхней области соотвѣтствуетъ отдаленію ихъ отъ центра, къ которому привлекаются онѣ съ меньшею силою, ибо преимущественное значеніе въ нихъ имѣетъ собственная ихъ тяжесть. Свѣтъ, образующій преходящее въ вѣчномъ, составляетъ начало жизни

[1]) Стр. 310.

животной, а тяжесть, представляющая безпредѣльное въ ограниченномъ, производитъ организацію растеній: поэтому то нижнія планеты, по преимуществу въ нихъ свѣта, сообразны животнымъ, а верхнія по преобладанію тяжести соотвѣтственны растеніямъ; и солнечная система въ ея цѣлости равна общему организму земной сферы, состоящему изъ растеній и животныхъ (§ 165). [1])

Небесныя тѣла [2]) должны имѣть начало своего происхожденія, степени развитія, періоды измѣненія и конецъ собственнаго пребыванія.—Эти обстоятельства составляютъ важнѣйшую проблему космологіи, не только не рѣшенную ни въ одной изъ ея частей, но не признаваемую даже за предметъ возможнаго познанія натуры, хотя въ миѳологическихъ преданіяхъ древнѣйшихъ и послѣдовавшихъ народовъ о нихъ упоминается положительно,—хотя къ рѣшенію этой проблемы подаютъ возможность астрономическія свѣдѣнія, геологическія открытія и физіологическія понятія нашего времени.

Небесныя периферическія тѣла должны произойти отъ центральнаго, развитіемъ центра въ периферію, какъ безпредѣльнаго въ ограниченномъ (что̀ знаменуется тяжестію въ пространствѣ), и образованіемъ периферіи въ центръ, какъ конечнаго въ безконечномъ, которое изъявляется свѣтомъ во времени. Растенія развиваются изъ растеній, и животныя рождаются отъ животныхъ, превращеніемъ рода въ видъ, и прехожденіемъ вида въ родъ. Ими въ органическомъ мірѣ безпредѣльное является ограниченнымъ, а временное пребываетъ вѣчнымъ. Роды остаются во всегдашнемъ существованіи, а виды рождаются и умираютъ; но какъ отъ родовъ происходятъ виды, такъ видами поддерживаются роды: ихъ взаимная зависимость равна содержанію периферіи и центра

---

[1]) Стр. 311—312.

[2]) Стр. 314.

въ солнечной системѣ.—Солнце, заключающее въ себѣ центръ всемірной тяжести и содержащее источникъ общаго свѣта его системы, равно роду, а планеты сообразны видамъ органическихъ существъ: какъ виды организмомъ произраждаются отъ ихъ рода, такъ и планеты должны произойти отъ солнца, которому принадлежатъ онѣ въ системѣ міра (§ 166) [1]).

Образованіе солнечной системы показывается устроеніемъ земной планеты [2]). Четыре ея стихіи сообразны четыремъ родамъ небесныхъ тѣлъ: огонь соотвѣтствуетъ солнцу, вода—планетѣ, земля—спутнику, а воздухъ—кометѣ. Происхожденіе [3]) небесныхъ тѣлъ солнечной системы должно быть подобно ихъ нынѣшнему состоянію и содержанію въ ней. Всѣ планеты, спутники и кометы должны произойти отъ солнца—какъ периферическое множество отъ центральнаго единства—но въ извѣстномъ порядкѣ, а онъ сходенъ съ тѣмъ закономъ, по которому виды организмовъ происходятъ отъ ихъ рода. Организмъ, какъ внутренній индивидуальный міръ, существенно равенъ внѣшнему универсальному: поэтому то космическое произрожденіе (genesis mundi) должно сходствовать съ органическимъ. Солнце, представляющее цѣлый родъ, должно имѣть также свое начало и образоваться вмѣстѣ съ другими сферами своей системы, составляющими его частные виды. Но какъ родъ содержится въ видѣ, такъ и солнце могло быть планетою, имѣющею значеніе вида; образованіе солнечной системы совершается превращеніемъ планеты въ солнце, а спутниковъ ея въ планеты; послѣднія однако получаются изъ спутниковъ, преобразованныхъ въ кометы.

Спутникъ, привязанный къ своей планетѣ, не могъ присоединиться къ ней извнѣ, но долженъ произойти изъ массы ея сферы.

---

[1]) Стр. 315.
[2]) Стр. 320, § 167.
[3]) Стр. 321—322.

Происхожденіе спутниковъ отъ планеты показывается явственно въ Сатурновомъ кольцѣ, которое есть зародышъ спутника, остановившійся въ начальной формѣ своего образованія. Кольцо образовалось изъ Сатурновой атмосферы: ея гасообразная матерія сгустилась въ твердый составъ силою, дѣйствовавшею противоположно планетному шару, во всей его окружности; однако напряженіе центро-периферическаго дѣйствія было здѣсь неравное: отъ этого кольцо имѣетъ неравномѣрную ширину и не одинакую поверхность во всей его объятности.

Спутникъ, зависящій отъ планеты, растетъ, подобно младенцу, привязанному къ матери, питающей его грудью; по большему образованію массы онъ имѣетъ менѣе движенія; ибо луна, въ прохожденіи всего ея пути около земли, оборачивается только одинъ разъ на своей оси. Но какъ младенецъ по окончаніи отроческаго возраста приходитъ въ юношескій, такъ и спутникъ [1]) долженъ переходить въ другую эпоху существованія, гдѣ онъ становится болѣе независимъ отъ своей планеты: получивъ бо́льшую силу собственной дѣятельности, спутникъ отторгается отъ своей планеты и стремится въ чужую систему міра, будучи привлекаемъ ея солнцемъ, въ которомъ онъ находитъ тогда второй центръ своего тяготѣнія. Въ эту эпоху спутникъ дѣлается кометою, тяготѣющею ко двумъ центрамъ ея тяжести,—центрамъ, находящимся притомъ въ двухъ различныхъ системахъ міровъ: одинъ центръ остается въ планетѣ спутника, превратившагося въ комету, а другой пребываетъ въ центральномъ тѣлѣ чужой системы.

Поэтому комета, устремляясь попеременно отъ одного центра къ другому, протекаетъ на длинной эллипсѣ вокругъ двухъ отдаленнѣйшихъ фокусовъ; для одного прохожденія цѣлаго пути, при скорѣйшемъ своемъ движеніи комета требуетъ нѣсколько столѣтій нашего времени,—что́ явствуетъ

[1]) Стр. 325.

изъ наблюденій ученыхъ надъ возвращающимися кометами: ихъ теченіе опредѣлено было по положенію ихъ путей, и вторичное появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ предсказано съ точностію.

Въ развитіи человѣческаго организма [1]) за юношескимъ возрастомъ слѣдуетъ мужескій, когда плототворная, раздражительная и чувствительная дѣятельности жизни находятся въ равновѣсіи,—въ младенческомъ же преимуществуетъ первая, въ юношескомъ преобладаетъ вторая. Подобнымъ образомъ небесное тѣло имѣетъ три степени развитія, совершающагося въ эпохѣ спутника, кометы и планеты; какъ спутникъ превратился въ комету, такъ комета преобразуется въ планету.

Превращеніе спутника въ комету, а кометы въ планету воспослѣдовало съ измѣненіемъ содержанія въ нихъ неорганической жизни къ органической и растительной къ животной. Въ спутникѣ преимуществуетъ образованіе неорганической массы, а растительная и животная жизнь остается въ качествѣ непрозябшаго сѣмени и неразвившагося зародыша. Въ кометѣ растительная жизнь должна имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ животною и неорганическою, что̀ показываетъ электрическое состояніе кометной атмосферы, и свидѣтельствуютъ ископаемые угли въ нашей землѣ, какъ остатокъ перегорѣвшихъ растеній, прозябавшихъ на кометѣ въ чрезвычайномъ обиліи [2]). По преобладанію животной жизни комета содѣлалась планетою; на ней животная организація достигла высочайшей степени въ совершеннѣйшемъ организмѣ, который составляетъ центръ органическаго міра, равнозначительный центру системы неорганическихъ небесныхъ тѣлъ. Безпредѣльное бытіе въ пространствѣ представляется центральною

---

[1]) Стр. 326.

[2]) Чрезвычайно любопытная гипотеза!

тяжестью солнца, привлекающею всѣ сферы его системы, а вѣчное дѣйствіе во времени изъявляется солнечнымъ свѣтомъ, сіяющимъ отъ центра на всю периферію.

Совершеннѣйшій организмъ планеты есть такое же образованіе свѣта и тяжести, но въ обратномъ видѣ: свѣтъ представляется въ немъ внутреннею мыслію, какъ душевнымъ существомъ, а тяжесть — наружнымъ составомъ, какъ тѣлеснымъ веществомъ разумнаго творенія!

Планета, сопровождаемая многими спутниками, должна взойти на степень солнца,—когда ея спутники, превратившіеся въ кометы, сдѣлаются планетами. Бывшая планета преобразовавшихся спутниковъ, занимая по прежнему между ними центръ, составляетъ тогда солнце новой системы; вокругъ послѣдняго обращаются новопроисшедшія планеты и получаютъ отъ него свой свѣтъ. Поэтому небесныя периферическія тѣла солнечной системы содержатся къ центральному, какъ части къ цѣлому, или какъ виды къ роду; они столько же зависѣли отъ него въ начальномъ происхожденіи, сколько относятся къ нему въ нынѣшнемъ ихъ состояніи (§ 167). [1])

Количество и качество планетъ верхней и нижней области должны основываться на извѣстныхъ законахъ космическаго образованія; по нимъ образовалась также и земная планета. Солнце равнозначительно огню, какъ всемірной стихіи, а планеты произошли въ качествѣ земныхъ элементовъ: земли, воды и воздуха; имъ сообразны онѣ по содержанію ихъ къ солнцу, опредѣляющему положеніе каждой планеты и теченіе ея вокругъ центра общей системы. Собственнѣйшій видъ земного элемента есть металлъ, какъ произведеніе магнитизма, который дѣйствуетъ по силѣ тяжести, составляющей одинаковое въ различномъ. Поэтому центральное ядро земного шара должно состоять изъ металлическаго

---

[1]) Стр. 328.

вещества, превратившагося на поверхностномъ слоѣ нашего шара въ различныя ископаемыя: земли, соли и горючія тѣла; ископаемыя содержатся къ металламъ такъ, какъ прочіе элементы къ огню, отъ котораго они произошли.

Металлъ [1]) представляетъ цѣлость вещества, которая произведена магнитизмомъ, дѣйствующимъ въ совмѣстіи съ электризмомъ; металлы бываютъ двоякаго качества: центральнаго, принадлежащаго собственно магнитизму, и периферическаго, относящагося къ электризму. Благородные металлы, отличающіеся своимъ блескомъ, вѣсомъ, тяжестью и неразрушаемостью въ огнѣ и отъ кислотъ, суть центральнаго происхожденія, зависящаго отъ одной тяжести, а всѣ прочіе, удобоизмѣняемые, подлежатъ периферическому вліянію свѣта. Благородныхъ металловъ находится только четыре, соотвѣтственно четыремъ странамъ земли: востоку и западу, сѣверу и югу, коимъ соотвѣтствуютъ: золото, серебро, платина и ртуть; всѣ они противоположны одни другимъ по своимъ качествамъ, произведеннымъ электрическою и магнитною полярностью вещественнаго образованія, въ центральномъ положеніи составляемой ими сферы.

Планеты въ солнечной системѣ суть то же самое, что ископаемыя тѣла въ земной планетѣ; четыремъ классамъ ископаемаго царства: металламъ, землямъ, солямъ и горючимъ тѣламъ—сообразны четыре рода планетъ, устроенныхъ тѣми же дѣйствіями магнитнаго, электрическаго и химическаго процесса, коими произведены опредѣленныя вещества земли изъ неопредѣлительныхъ ея элементовъ. Меркурій, Венера, Земля и Марсъ однозначительны съ платиною, золотомъ, серебромъ и ртутью. Четыре планетоиды должны быть равнокачественны четыремъ видамъ земель: кремнистой, известковой, талковой и баритовой. Юпитеръ долженъ имѣть свойство, подобное качеству среднихъ солей земли, а Сатурнъ и Уранъ, столь

[1]) Стр. 330.

плодовитые отдѣлившимися изъ нихъ массами, показываютъ сходство съ горючими ископаемыми, произведенными растительною организаціею.

Планеты различаются по ихъ разстоянію отъ солнца, по величинѣ ихъ толщъ, по издаваемому ими свѣту, по эксцентраціи, или уклоненію ихъ на своемъ пути около солнца, по направленію ихъ экватора къ солнцу, или положенію планеты на ея эклиптикѣ, и по числу сопряженныхъ съ ними отдѣльныхъ массъ. Такое различіе планетъ основывается на особливомъ ихъ устроеніи, составляющемъ собственное качество каждой; отъ него же зависитъ опредѣленное содержаніе планеты къ солнцу, касательно ея разстоянія, положенія и кругообращенія: равно какъ и взаимное отношеніе къ другимъ планетамъ въ общей связи цѣлой системы міра. Но качественное различіе происходитъ отъ количественнаго содержанія силъ, производящихъ матерію, изъ коихъ двѣ суть магнитной, а двѣ электрической дѣятельности.—И какъ всѣ вещества земного міра состоятъ только изъ четырехъ химическихъ началъ, соединенныхъ между собою въ различной пропорціи, отчего происходитъ и качественная ихъ особенность, такъ и всѣ планеты устроены четырьмя полярными силами магнитизма и электризма; количественное ихъ содержаніе произвело различное качество планетъ, образовавшихся въ преимуществѣ либо положительнаго, либо отрицательнаго полюса магнитной и электрической дѣятельности. А такъ какъ планеты суть общемірныя сферы, составляющія отдѣльные міры, то каждая планета, будучи совершеннаго вещественнаго образованія, различается отъ другихъ по бо̀льшему или меньшему перевѣсу полярныхъ силъ динамическаго въ ней процесса, по которому безпредѣльное представляется въ ограниченномъ, и конечное образуется въ безконечномъ,—какъ единое центральное въ множественномъ периферическомъ, и

множественное периферическое въ единомъ центральномъ (§ 168). [1])

Въ *отдѣленіи четвертомъ* [2]) заключается *геологія*, излагающая вещественныя качества и дѣятельныя свойства земной планеты.

Геологія [3]) изслѣдуетъ землю во внѣшнихъ ея качествахъ и внутреннихъ свойствахъ; она имѣетъ собственными предметами механику, принадлежащую вещественной формѣ, и динамику, относящуюся къ дѣятельному состоянію неорганическаго міра. Механизмъ состоитъ въ наружномъ отношеніи веществъ, по которому однѣ вещи приводятся въ разностороннее движеніе другими, дѣйствующими на нихъ извнѣ; причемъ можетъ измѣняться только внѣшнее очертаніе соприкасающихся орудій. Дѣйствіе вещей, производящее перемѣну во внутреннемъ ихъ составѣ—каково, напримѣръ, горѣніе, химическое раствореніе и проч.—есть динамизмъ, относящійся къ качественному содержанію матеріи; механизмъ же основывается на количествѣ, вѣсѣ, крѣпости и фигурѣ веществъ [4]).

Въ изслѣдованіи механическихъ предметовъ изложены законы паденія и механизма твердыхъ тѣлъ, движеніе маятника и вліяніе луны на землю, зависящія отъ земной тяжести [5]). Потомъ представлено вкратцѣ физическое ученіе о капельныхъ жидкостяхъ, раздѣляемое обыкновенно на Гидростатику, Гидродинамику и Гидравлику; изъ нихъ первая изслѣдуетъ равновѣсіе жидкостей и употребленіе ихъ при взаимномъ ихъ содержаніи и въ отношеніи къ твердымъ тѣламъ; во второй излагаются законы жидкостей, и происходящія оттуда ихъ дѣйствія, а третья показываетъ способы, коими вода приводитъ другія тѣла въ движеніе и противодѣйствуетъ ихъ силамъ

---

[1]) Стр. 331—332.
[2]) Стр. 345—900.
[3]) Стр. 347, § 169.
[4]) Стр. 346; «и фигурѣ»—«Кр. Извлеченіе», стр. 236.
[5]) §§ 170—176.

силою собственной тяжести. Водяные пары, дымъ, воздухъ и прочіе гасы по ихъ упругости и безсвязію дѣйствуютъ другимъ образомъ, нежели вода; но сила механическаго ихъ дѣйствія зависитъ отъ тяжести, свойственной имъ такъ же, какъ и капельнымъ жидкостямъ (§ 178) [1]).

Динамика представлена во всей подробности: изслѣдованіе динамическихъ предметовъ, относящееся къ Геологіи, составляетъ бо́льшую половину всего сочиненія. По общему динамизму [2]) произошли цѣлыя сферы міровъ, образовавшіяся въ собственномъ ихъ качествѣ и отдѣльномъ положеніи. Но частнымъ динамизмомъ каждая сфера образовалась въ многоразличные виды своей системы; всѣ неорганическія вещества земной планеты суть произведеніе динамизма, какъ жизненной ея дѣятельности, подлежащей опытнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ.

Видимый міръ есть представленіе невидимаго, какъ внѣшняя форма внутренней сущности: въ матеріальномъ составѣ, какъ произведеніи дѣятельныхъ силъ, нельзя найти зиждущаго начала веществъ, которое есть одно и то же съ началомъ мысленныхъ способностей человѣка. Абсолютное Начало міра, представляющееся вещественною Природою во внѣшней формѣ, отражается духомъ человѣческимъ во внутренней его сущности; а о послѣдней понятіе можно только имѣть изъ изслѣдованія идеальнаго духа, односущнаго съ вещественною Природою.

Важнѣйшимъ изъ естественныхъ познаній Велланскій считаетъ понятіе о сущности матеріи, составляющей для философовъ всѣхъ временъ труднѣйшую задачу; не рѣшили они ея съ ясною точностію, хотя отъ ея рѣшенія зависитъ все значеніе философской системы. Обыкновенная физика зани-

---

[1]) Стр. 372.

[2]) Стр. 396.

мается изслѣдованіемъ количественнаго и качественнаго содержанія готовой уже матеріи, не имѣя никакого понятія о начальномъ ея происхожденіи и существованіи; атомистика составляетъ господствующую секту, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ физиковъ (§ 184) [1]).

Кантово понятіе о матеріи, по мнѣнію автора, поверхностное,—заключается въ одной области чувственныхъ свѣдѣній разума; разумъ понимаетъ матерію, какъ произведеніе силъ, кои сами не подлежатъ изслѣдованію внѣшнихъ чувствъ, и будучи *трансцендентальнаго* свойства, могутъ только быть разсматриваемы въ умозрительной области познанія. Экспансивная и контрактивная силы, произведшія матерію, составляютъ предметъ идеальнаго воззрѣнія, состоящаго не въ произвольномъ размышленіи и воображеніи частно-испытующаго разума, но въ необходимомъ заключеніи всеобъемлющаго ума, гдѣ идеальное съ реальнымъ, или возможное съ дѣйствительнымъ, представляются въ начальной ихъ одинаксти (§ 185) [2]).

Познаніе сущности матеріи, однозначительной съ сущностью духа человѣческаго, выведенное Фридрихомъ Шеллингомъ, Д. М. Велланскій признаётъ основательнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ свѣдѣній этого рода, представленныхъ до нынѣшняго времени. Въ понятіи и изложеніи физическихъ предметовъ Велланскій руководствовался идеями Шеллинга, „которыя онъ проникнулъ во всей ихъ глубинѣ, и сдѣлалъ орудіями умственныхъ своихъ дѣяній“.

Въ § 186-мъ авторъ говоритъ: „Матерія, составляющая видимый міръ, есть произведеніе одной и той же невидимой сущности пребывающаго объекта и мыслящаго субъекта, а посему настоящее познаніе матеріи основывается на понятіи объективной вещи и субъективной мысли—какъ понимаемой

---

[1]) Стр. 397—398.

[2]) Стр. 400—401.

Природы и понимающаго духа—въ начальной ихъ одинакости; гдѣ мыслящій духъ, разсматривая вещественную природу, познаетъ въ оной самого себя,—и таковое познаніе есть умозрительное. Въ обыкновенномъ разсматриваніи Природы, по чувственнымъ понятіямъ разума, изслѣдывающая мысль раздѣлена отъ изслѣдуемой вещи: и первая считается только возможнымъ способомъ, а послѣдняя дѣйствительнымъ предметомъ изслѣдованія.—Здѣсь предметъ состоитъ изъ дѣйствительнаго множества опредѣляемыхъ вещей, противоположнаго возможному единству опредѣляющей мысли, которыя содержатся между собою, какъ ограниченность вещественнаго бытія къ безпредѣльности идеальнаго дѣйствія. Но въ умозрительномъ познаніи, понимающая мысль разсматривается въ единосущности съ понимаемою вещію, представляемой умомъ; посему познаніе сіе есть собственное умозрѣніе—гдѣ умъ разсматриваетъ самого себя.

Наблюденія и опыты изслѣдываютъ только ощутительный видъ вещей, пребывающихъ въ ограниченномъ пространствѣ, и дѣйствующихъ въ преходящемъ времени; но вѣчная и безпредѣльная сущность міра не подлежитъ изысканіямъ внѣшнихъ чувствъ, коими Опытная Физика пріобрѣтаетъ свѣдѣнія объ однѣхъ *потенціяхъ* вещественнаго образованія и дѣятельнаго происшествія. Абсолютность натуры, состоящая въ начальномъ единствѣ существа съ формою, какъ идеальнаго съ реальнымъ, открыта умственному воззрѣнію Философіи, разсматривающей возможныя идеи дѣйствительныхъ видовъ; если Физика разбираетъ одни способы преходящихъ и измѣняемыхъ явленій, то Философія показываетъ самые источники существованія въ вѣчно-постоянныхъ идеяхъ вещественнаго образованія, периферическихъ лучахъ центральнаго свѣта Абсолютной Сущности!“ [1])

---

[1]) Стр. 408—409.

Всемірная сфера, составляющая Вселенную, общія солнечныя системы и частные міры планетъ, образуются въ каждомъ веществѣ,—какъ бы оно мелко и тонко ни было, ибо малѣйшій атомъ заключаетъ въ себѣ цѣлое образованіе матеріи, которая состоитъ въ одинакости пространства съ временемъ, какъ идеальныхъ отвлеченій вещественнаго міра [1]).

Какъ въ цѣлой природѣ, такъ и въ каждомъ существѣ и веществѣ,—находится поэтому безпредѣльное съ ограниченнымъ, конечное съ безконечнымъ, и единственное начало ихъ,—только въ преимущественномъ, или въ подчиненномъ значеніи какого-либо изъ видовъ образованія, составляющихъ потенцію субъекта, объекта и единства обоихъ. Не только каждая особая вещь, но и каждый атомъ матеріи пребываетъ по содержанію въ немъ всѣхъ образовательныхъ *потенцій*: субъективной, объективной и абсолютной, соединенныхъ въ идеѣ всякаго особаго существованія; совершенное познаніе вещи есть то, которое разсматриваетъ ее въ формальной потенціи и существенной идеѣ, какъ ограниченное и безпредѣльное, конечное и безконечное явленіе абсолютнаго (§ 187) [2]).

Природа, производимая самосвѣдѣніемъ абсолютной сущности, оказывается подъ видомъ познаваемаго объекта и познающаго субъекта; каждый изъ нихъ представляетъ одно и то же, только въ особой *потенціи* образованія; и тяжесть есть объективное, а свѣтъ субъективное явленіе абсолютнаго. Тяжесть, какъ единственное, недѣлимое существо всей Природы, есть субстратъ всего вещественнаго бытія, по которому во всякой особенной вещи находится цѣлость общаго содержанія. Но свѣтъ представляетъ начало идеальной дѣятельности, производящей безконечныя формы веществъ, по которому всякое особое водворено въ общемъ существованіи міра. По силѣ тяжести всякая вещь утверждается въ мѣстномъ покоѣ

---

[1]) Стр. 411.
[2]) Стр. 414.

бытія, а свѣтомъ приводится во временное движеніе дѣйствія. Такъ какъ тяжесть составляетъ дѣйствительное пребываніе безпредѣльнаго въ ограниченномъ, а свѣтъ изъявляетъ возможнымъ безконечное дѣйствіе въ конечныхъ происшествіяхъ, то тяжесть есть реальное, а свѣтъ идеальное начало Природы, существующей „по онымъ“ въ безпредѣльномъ пространствѣ и вѣчномъ времени [1]).

Все происшествіе общаго міра совершается дѣйствіемъ свѣта, пребываніемъ тяжести и сношеніемъ одного съ другимъ, по существенному единству обоихъ; это составляетъ тройственную форму идеальнаго самосвѣдѣнія абсолютной сущности: какъ познающій субъектъ, познаваемый объектъ и одинакость обоихъ, коими творится, состоитъ и преходитъ цѣлая сфера вещественнаго міра, каждая часть ея, и малѣйшій атомъ вещества. Эти способы міротворенія суть: *электризмъ, магнитизмъ* и *химизмъ*, составляющіе *динамизмъ* или жизненный процессъ неорганическихъ веществъ земной планеты; этими способами вещества производятся, удерживаются въ извѣстномъ состояніи и превращаются въ другіе виды бытія (§ 188) [2]).

Описавъ различныя электрическія явленія, производимыя опытомъ и натурою [3]), Велланскій представилъ теорію электризма, излагающую значеніе его, вовсе другимъ образомъ, нежели какъ понимаютъ электричество въ обыкновенной физикѣ. Вопреки общему мнѣнію физиковъ, принимающихъ электрическую матерію, Д. М. не признаётъ ея, а всѣ электрическія явленія считаетъ дѣятельнымъ состояніемъ тѣлъ, каковое въ неопредѣлительномъ эѳирѣ обнаруживается подъ видомъ свѣта, а въ опредѣленной матеріи оказывается электричествомъ. Человѣкъ мыслитъ мозгомъ, а зритъ глазомъ;

---

[1]) Стр. 415.
[2]) Стр. 419.
[3]) §§ 189—218, стр. 420—590.

однако же мысль не есть мозгъ, и зрѣніе различается отъ глаза, какъ дѣйствіе отъ своего органа. Электричество есть дѣятельность, происходящая въ матеріи; они содержатся между собою, какъ предметъ, измѣняемый въ пространствѣ, къ происшествію, измѣняющему предметъ во времени. Поэтому атомистическое понятіе объ электричествѣ неосновательно въ своихъ началахъ и превратно; настоящая теорія электризма можетъ произойти только отъ познанія Природы въ динамическомъ или дѣятельномъ ея состояніи (§ 205). [1])

Вещественность производится дѣятельностію, а дѣятельность происходитъ въ вещественности; значитъ, одна безъ другой быть не могутъ: всякое вещество имѣетъ свое дѣйствіе,—равно какъ и всякому дѣйствію свойственъ особливый вещественный органъ. Дѣятельное состояніе матеріи, по которому образуется она въ одной окружности сферическаго устроенія, есть электризмъ, содержащійся къ магнитизму и химизму такъ, какъ плоскость къ линіи и массивной объятности.

Круговая плоскость производится расторженіемъ линій, составляемыхъ сцѣпленіемъ точекъ, коими единственный центръ выходитъ въ множественную периферію образующейся сферы. Посему электризмъ есть центропериферическое дѣйствіе, приводящее центральную одинакость въ периферическую разность экспансивнымъ и контрактивнымъ стремленіемъ; послѣднее оказывается въ видѣ положительнаго и отрицательнаго электричества; на немъ же основывается теченіе планетъ вокругъ солнца, и поворотъ ихъ на своей оси [2]).

Непримѣтнѣйшій атомъ матеріи произведенъ тою же центропериферическою силою, которою цѣлая система міра устроена и удерживается въ собственномъ видѣ существова-

---

[1]) Стр. 511.

[2]) Стр. 512.

нія. Образовательная сила, производящая изъ неопредѣленнаго опредѣлительное, должна быть субъективнаго и объективнаго качества,—какъ опредѣляющій субъектъ и опредѣляемый объектъ; субъектъ и объектъ суть противоположныя формы одной и той же сущности образующагося вещества, равнозначительныя положительному и отрицательному дѣйствію мысленной операціи самопознательнаго духа. Сила вещественнаго образованія, дѣйствующая во внѣшнемъ направленіи, есть положительное электричество, устремленное къ произведенію безпредѣльной периферіи; но противоположная дѣятельность, обращенная во внутрь—для устроенія опредѣлительнаго центра, составляетъ электричество отрицательное: поэтому первое оказывается въ экспансивномъ, а второе въ контрактивномъ видѣ дѣятельнаго явленія.

Положительное электричество содержится къ отрицательному, какъ периферическое движеніе времени къ центральному покою пространства; такъ какъ матерія состоитъ въ единствѣ времени съ пространствомъ, то оба электричества, производящія матерію, одно безъ другого такъ же не дѣйствительны, какъ центръ безъ периферіи—и периферія безъ центра не составляютъ круга [1]).

Положительное электричество дѣйствуетъ только въ противоположности съ отрицательнымъ, а отрицательное съ положительнымъ. Тамъ, гдѣ такой противоположности не находится, нѣтъ никакого электрическаго дѣйствія (§ 206) [2]).

Электризмъ есть образовательный процессъ свѣта, приводящій различныя формы матеріи въ одинакую сущность: сущность эта въ объективной ея безпредѣльности образуется положительнымъ, а въ субъективной ограниченности производится отрицательнымъ электричествомъ. Оба вида электри-

---

[1]) Стр. 514.

[2]) Стр. 514. Въ «Краткомъ Извлеченіи», стр. 271—здѣсь опечатка: показанъ не 206, а 209 §.

чества не состоятъ изъ какого либо жидкаго вещества; одни физики различаютъ ихъ лишь по количественному содержанію, какъ болѣе = + или менѣе = — одной и той же матеріи, другіе физики считаютъ ихъ разнокачественными. Электрической матеріи нѣтъ въ Природѣ; ощутительное и разительное электричество есть не мнимая жидкость, перебѣгающая изъ одного тѣла въ другое, а дѣятельная сила, производящая и измѣняющая матерію во внѣшнемъ измѣреніи ея состава. Во всѣхъ тѣлахъ происходитъ электричество; и всякая матерія, произведенная электричествомъ, есть органъ его дѣйствія; послѣднее въ одномъ тѣлѣ оказывается положительнымъ, а въ другомъ—отрицательнымъ [1]).

Электричество есть дѣятельное состояніе вещей, основанное на противоположности двухъ силъ, теряющихся въ начальное ихъ единство; изъ этого единства при стеченіи разнокачественныхъ веществъ происходятъ онѣ съ новою дѣятельностію. Электризація [2]) состоитъ во взаимномъ напряженіи двухъ тѣлъ, имѣющихъ противоположныя формы внутренняго ихъ состава; собственная дѣятельность одного тѣла производится въ другомъ, противоположномъ ему, такъ, что экспансивное дѣйствіе положительнаго происходитъ въ отрицательномъ, а контрактивная сила отрицательнаго дѣйствуетъ въ положительномъ тѣлѣ. Чѣмъ противоположность формъ электризируемыхъ тѣлъ—больше, тѣмъ сильнѣе электризація ихъ; при весьма малой противоположности, электрическое дѣйствіе непримѣтно и открывается только посредствомъ электроскоповъ. Слабое напряженіе въ электризированныхъ тѣлахъ оказывается притяженіемъ и отторженіемъ приближенныхъ къ нимъ легкихъ вещицъ, а сильное издаетъ электрическія искры и причиняетъ въ живомъ тѣлѣ удары и сотрясенія.

---

[1]) Стр. 516—517, § 207.

[2]) Стр. 519, § 208.

Электрическое дѣйствіе состоитъ въ усиліи къ приведенію разнокачественныхъ формъ вещественнаго состава въ одинакое качество. Но формы бываютъ двоякаго образованія, общаго или неопредѣлительнаго, произведеннаго положительнымъ, и частнаго или опредѣленнаго, устроеннаго отрицательнымъ электричествомъ; поэтому при электризаціи тѣлъ, экспансивная форма матеріальной сферы приводится въ контрактивную (какъ общая периферическая въ частную центральную), а контрактивная въ экспансивную (какъ частная центральная въ общую периферическую). Подобное приведеніе формъ изъ ихъ различія въ одинакость не всегда бываетъ дѣйствительнымъ; въ такомъ случаѣ электрическое дѣйствіе происходитъ въ вещественномъ органѣ, какъ одно напряженіе къ измѣненію его состава, который остается притомъ въ своей цѣлости [1]).

Всѣ электрическія явленія производятся дѣятельными силами. Въ § 210-мъ сказано: „Электризація тѣлъ производится не сообщеніемъ электричества отъ одного тѣла другому; но общій способъ электризированія состоитъ въ раздѣленіи силъ электрической дѣятельности въ тѣлахъ. Изъ натираемаго стекляннаго кружка электрической машины входитъ въ кондукторъ положительное электричество, которое однако не выходитъ изъ кондуктора подъ видомъ искры, но соединяется въ ономъ съ отрицательнымъ электричествомъ, отъ котораго положительное, соединенное прежде съ онымъ, отдѣлившись, показывается, какъ электрическая искра, вырывающаяся изъ кондуктора. Таковое соединеніе и раздѣленіе противоположныхъ напряженій электрической дѣятельности, въ единообразнѣйшемъ металлическомъ составѣ, происходитъ съ несмѣтною скоростью; ибо провожденіе электричества въ металлахъ не есть [2])

---

[1]) Стр. 520.

[2]) Въ «Краткомъ извлеченіи», стр. 275: «есть не».

прохожденіе какой либо матеріи, а возбужденіе дѣятельнаго напряженія, происходящаго въ одно мгновеніе во всей метальной массѣ—какой бы величины и длины проводникъ ни былъ“ [1]).

Въ тѣлахъ совершеннѣйшаго металлическаго свойства, электричество проводится наилучше, благодаря наиболѣе равномѣрнѣйшему содержанію противоположныхъ силъ покоящейся въ нихъ дѣятельности, которая при электризаціи возбуждается. По мѣрѣ различія тѣлесной массы отъ металлическаго состава, одна изъ электрическихъ силъ преимуществуетъ надъ другою. Въ тѣлахъ, образовавшихся по преимуществу положительной дѣятельности, контрактивная сила подчинена экспансивной; но въ тѣлахъ, произведенныхъ болѣе отрицательною дѣятельностью, экспансивная угнетена контрактивною; тогда обѣ силы не могутъ раздѣляться съ равнымъ напряженіемъ и дѣйствовать свободно. Дѣятельныя силы въ различныхъ тѣлахъ содержатся различно, и по большему или меньшему преимуществу положительнаго, либо отрицательнаго образованія—и электричество задерживается въ нихъ болѣе или менѣе. Тѣла, въ которыхъ экспансивная или контрактивная сила недѣйствительна, суть лучшіе изолаторы электричества; они наиболѣе различествуютъ въ составѣ своемъ отъ металловъ. Сургучъ и стекло изолируютъ электричество по одностороннему устроенію ихъ состава, причемъ въ сургучѣ онъ произведенъ положительною, а въ стеклѣ отрицательною силою образовательнаго процесса. Полярныя произведенія этого процесса суть сѣра и алмазъ, образовавшіеся въ крайнемъ преимуществѣ экспансивной и контрактивной дѣятельности [2]).

Искры, выходящія изъ кондукторовъ машины съ особеннымъ трескомъ и шумомъ, не составляютъ электрической ма-

---

[1]) Стр. 537.

[2]) Стр. 538.

теріи, но происходятъ отъ горѣнія воздуха, разлагаемаго свободнымъ электрическимъ напряженіемъ, простирающимся внѣ кондуктора. Это разложеніе воздушныхъ частей производитъ фосфорный запахъ, дѣйствующій на обоняніе [1]).

Притягиваніе, отталкиваніе и сцѣпленіе легкихъ вещицъ съ электризируемымъ тѣломъ, чувствованіе паутины вблизи натираемаго цилиндра, ударъ въ суставахъ членовъ, трескъ электрическихъ искръ и фосфорный запахъ, производятся движеніемъ воздуха, напрягаемаго и разлагаемаго экспансивнымъ и контрактивнымъ дѣйствіемъ, которое исходитъ отъ электризируемыхъ тѣлъ. Свѣтъ есть явленіе стремительнѣйшаго стеченія положительнаго электричества съ отрицательнымъ; послѣднее въ преимуществѣ своемъ оказывается свѣтомъ, а вещественный органъ свѣта есть кислотворъ, составляющій отрицательный полюсъ электрической дѣятельности: имъ производится горѣніе (§ 211) [2]).

Магнитизмъ есть также дѣятельное состояніе матеріи, какъ и электризмъ; эти оба вида динамическаго процесса различаются по происхожденію и явленію: магнитизмъ составляетъ процессъ устраивающей тяжести, а электризмъ есть дѣйствіе производящаго свѣта: ими опредѣляются существо и форма абсолютной жизни въ зиждимомъ и разрушаемомъ ими вещественномъ мірѣ [3]). Приведши опыты и наблюденія надъ магнитными явленіями [4]), Велланскій говоритъ: „сущность магнитизма сокрыта столь глубоко, что поверхностными испытаніями никогда отыскана быть не можетъ“ [5]). Понятіе о магнитизмѣ, представленное Шеллингомъ, онъ считаетъ основательнѣйшимъ и удовлетворительнѣйшимъ.

Происхожденіе вещественной природы совершается по тремъ категоріямъ: водвореніемъ безконечнаго въ конечное,

---

[1]) Стр. 543, § 211.
[2]) Стр. 550.
[3]) Стр. 615, § 224.
[4]) §§ 219—222, стр. 591—609.
[5]) Стр. 609, § 223.

или единаго во множественное; прехожденіемъ конечнаго въ безконечное, или множественнаго въ единое, и представленіемъ существенной одинакости оныхъ:—[1]) первою категоріею образуется дѣятельное время въ пребывающемъ пространствѣ, второю производится пространство во времени, а третьею зиждется матерія, составляющая одинакость времени съ пространствомъ; по тремъ *дименсіямъ* пространства: длинѣ, ширинѣ и толщинѣ матерія устроивается магнитизмомъ, электризмомъ и химизмомъ, дѣйствующими экпансивною и контрактивною силою (см. § 225, 226 и 227) [2]).

Линія, [3]) состоящая изъ трехъ точекъ, различныхъ по преимуществу и равновѣсію экспансивной и контрактивной силы представляется въ магнитѣ дѣйствительнымъ ея происшествіемъ. Два полюса магнита, оказывающіеся на обоихъ его концахъ противоположными направленіями, производятся дѣятельностью двухъ силъ: экспансивная составляетъ положительное +, а контрактивная отрицательное дѣйствіе—магнита. Въ магнитѣ есть еще такое мѣсто, гдѣ обѣ силы, будучи въ разновѣсіи, не оказываются никакимъ дѣйствіемъ. Это мѣсто, означаемое нулемъ, есть индиферентивная точка, которую называютъ экваторомъ магнита. Отсюда идетъ, въ постепенномъ усиліи къ одному полюсу положительное, а къ другому—отрицательное дѣйствіе, достигающія въ самыхъ полюсахъ наибольшей ихъ силы. Линія составляется сцѣпленіемъ точекъ; дѣятельное состояніе сцѣпленія есть магнитизмъ, производящій матерію въ одну длину, какъ первую дименсію устроенія толщи.

Магнитизмъ [4]) есть образовательная дѣятельность, производящая когезію матеріи. Такъ какъ постоянный видъ вещей

---

[1]) Стр. 615—616.
[2]) Стр. 615—630.
[3]) Стр. 631.
[4]) Стр. 633.

зависитъ отъ когезіи начальныхъ атомовъ, то крѣпость вещественнаго состава есть произведеніе магнитной категоріи; равно какъ и магнитное дѣйствіе оказывается явственнымъ только въ металлахъ, имѣющихъ сильнѣйшую когезію. Желѣзо дѣлается магнитомъ по качеству его когезіи, которая произведена равномѣрнымъ усиліемъ экспансивной и контрактивной дѣятельности, возбуждаемой въ немъ внѣшними обстоятельствами. Твердость тѣлъ зависитъ отъ сцѣпленія составныхъ началъ, произведеннаго магнитизмомъ; желѣзо, какъ собственно магнитный металлъ, превосходитъ всѣ металлы твердостью своего состава (§ 228).

Въ каждой раздробленной части магнита [1]) заключается все его содержаніе; поэтому всякое тѣло—частный магнитъ; все различіе тѣлъ зависитъ отъ мѣста, занимаемаго ими въ составѣ цѣлой планеты, какъ общаго магнита. Два разнокачественныя тѣла содержатся между собою, какъ противоположныя стороны магнита. По такому содержанію нѣтъ никакого тѣла, которое бы находилось въ отдѣльной своей особенности безъ всякаго отношенія къ другому. Всякое тѣло по силѣ представляемой имъ тяжести удерживаетъ свое бытіе; но по когезіи, содѣлывающей особую его цѣлость въ общемъ существованіи вещей, оно стремится къ соединенію съ другими тѣлами для составленія совершеннаго магнита, гдѣ многія частныя вещества сопряжены въ одно цѣлое, благодаря ихъ полярному сцѣпленію.

Электрическое соотношеніе между тѣлами и химическое сродство основываются на магнитномъ ихъ качествѣ; это качество зависитъ отъ разнополярной когезіи ихъ состава, по которому одни тѣла имѣютъ положительное, а другія отрицательное свойство электричества. Разложеніе и соединеніе тѣлъ въ химическомъ процессѣ есть не что иное, какъ от-

---

[1]) Стр. 641.

торженіе одноименныхъ, и притяженіе разноименныхъ полюсовъ магнита. Поэтому всякое особое тѣло есть частный магнитъ, подобный общему земному; только благодаря своей однополярности, оно не оказываетъ явленій, свойственныхъ настоящему магниту, который въ когезіонной линіи образовательнаго процесса занимая средину, удерживаетъ обѣ полярныя силы въ дѣятельномъ ихъ напряженіи.

Магнитная стрѣлка есть совершенная модель цѣлаго земного магнита. Всѣ ея явленія показываютъ состояніе земли, касательно образовательнаго процесса въ ней самой, содержанія и положенія ея къ солнцу и къ другимъ планетамъ. Но дѣйствіе стрѣлки зависитъ отъ непосредственнаго вліянія на нее земного магнита, который содержится къ ней, какъ одинъ большой магнитъ къ другому малому (§ 230) [1]).

Магнитизмъ и электризмъ [2]) суть моменты дѣйствительнаго происшествія Природы, сообразные пространству и времени, какъ формамъ возможнаго существованія міра. Магнитный процессъ образуетъ время въ пространствѣ, какъ дѣйствіе въ бытіи, а электрическій производитъ пространство во времени, какъ бытіе въ дѣйствіи. Первымъ устраивается линейная длина, вторымъ поверхностная ширина вещественнаго состава, производимаго ими въ измѣреніяхъ пространства. Въ обоихъ процессахъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ же силы; но въ магнитномъ силы экспансивная и контрактивная, будучи соединены, напрягаются къ раздѣленію, а въ электрическомъ процессѣ онѣ же, находясь раздѣленными, стремятся къ соединенію. Потому электрическія дѣйствія противоположны магнитнымъ.

Постоянная ось Земли [3]) съ ея полюсами устроена магнитизмомъ, а кругообращательный экваторъ произведенъ элек-

---

[1]) Стр. 642.

[2]) Стр. 646, § 232.

[3]) Стр. 647.

тризмомъ. Въ силу этого Земля пребываетъ спокойною въ занимаемомъ ею пространствѣ и движется притомъ во времени. Полюсы натуральнаго и искусственнаго магнита имѣютъ свойство полюсовъ земной оси, т. е. магнитъ направляется однимъ концомъ къ сѣверу, а другимъ къ югу.

Но электрическіе полюсы, оказывающіеся положительнымъ и отрицательнымъ дѣйствіемъ электризируемыхъ тѣлъ, сообразны полюсамъ экватора. Положительное, или экспансивное электричество однокачественно съ западомъ, а отрицательное, или контрактивное равнозначительно съ востокомъ. Сѣверный и южный полюсъ земли остаются въ одномъ положеніи, а восточная и западная сторона перемѣняются безпрестанно при ея оборотѣ. Такимъ же образомъ магнитъ дѣйствуетъ безостановочно, а электрическое дѣйствіе происходитъ только въ соприкосновеніи и разнятіи электризируемыхъ тѣлъ. Произведеніе магнитизма должно быть опредѣлительно и постоянно въ его составѣ, утверждаемомъ когезіею, а электризмъ, расторгающій когезію, долженъ производить вещество безсвязнаго—состава, вещество, по своей неопредѣлительности подверженное всегдашнему измѣненію (§ 232) [1]).

Динамическій процессъ [2]) состоитъ изъ трехъ категорій: магнитной, электрической и химической: каждая изъ нихъ по совмѣстному ихъ содержанію одна безъ другой происходить не можетъ. Но такъ какъ [3]) тройственность динамическихъ формъ основана на образованіи общаго въ особомъ, особаго въ общемъ и существенной одинакости обоихъ, то въ каждой категоріи динамическаго процесса находятся всѣ формы образованія: только магнитизмъ представляетъ ихъ въ одинакомъ субстратѣ, электризмъ въ двухъ различныхъ, и химизмъ въ одной цѣлости одинакаго съ различнымъ.

---

[1]) Стр. 648. Въ «Извлеченіи», стр. 283 опечатка: §. 22.
[2]) Стр. 660.
[3]) Стр. 661.

Магнитизмъ и электризмъ, какъ частныя принадлежности динамическаго процесса, оказываясь въ магнитныхъ и электрическихъ тѣлахъ дѣйствительными, не производятъ въ нихъ никакой качественной перемѣны.

Но химизмъ, составляющій цѣлость процесса, измѣняетъ внутреннее строеніе тѣлъ, превращая ихъ изъ одного качества въ другое. Въ магнитизмѣ, по относительной его одинакости, оба дѣятеля: положительный и отрицательный содержатся въ одномъ и томъ же тѣлѣ.

По различію, производимому электризмомъ, положительная и отрицательная сила его дѣйствуютъ въ двухъ раздѣльныхъ тѣлахъ; магнитизмъ (представляющій—безпредѣльный субъектъ въ ограниченномъ объектѣ, какъ время въ пространствѣ) и электризмъ (образующій—конечный объектъ въ безконечномъ субъектѣ, какъ пространство во времени) суть одностороннія дѣйствія, стекающіяся въ химизмѣ въ общую цѣлость производимаго ими вещества (§ 235) [1]).

Общія формы [2]) бытія и дѣйствія земной планеты суть полюсы магнитнаго и электрическаго процесса. Поэтому въ каждой особой вещи находятся принадлежности всѣхъ четырехъ странъ Свѣта, въ каждомъ дѣятельномъ происшествіи содержатся всѣ четыре эпохи времени. Слѣдовательно, какъ общія, такъ и частныя произведенія земли различаются только по собственнымъ видамъ образовательной полярности. Какъ цѣлая планета состоитъ изъ четырехъ странъ пребыванія ея въ пространствѣ, и дѣйствуетъ въ теченіе четырехъ эпохъ времени, такъ каждое особенное вещество можетъ образоваться въ четыре экстрема: конечнаго или безконечнаго значенія, подъ перевѣсомъ конечнаго, либо тѣхъ же экспонентовъ, но подъ преимуществомъ безконечнаго. Въ динамиче-

---

[1]) Стр. 662.

[2]) Стр. 668.

скомъ процессѣ перевѣсъ конечнаго оказывается контрактивною, а преимущество безконечнаго—экспансивною силою: обѣ силы могутъ происходить въ собственномъ значеніи конечнаго и безконечнаго образованія.

Органъ [1]) контрактивнаго дѣйствія въ магнитной линіи, которое происходитъ въ перевѣсѣ конечнаго надъ безконечнымъ, есть угольное вещество; его чистѣйшій видъ составляетъ *алмазъ*, твердѣйшее изъ всѣхъ тѣлъ земныхъ. Ископаемыя тѣла угольнаго качества находятся въ наибольшемъ количествѣ въ сѣверномъ полушаріи земли,—и угольное вещество представляетъ сѣверный полюсъ, столь возвышенный по контрактивному его устроенію; значитъ, оно есть собственный земной элементъ. Экспансивное дѣйствіе магнитизма, происходящее въ преимуществѣ безконечнаго надъ конечнымъ, представляется вещественно *селитретворомъ*; онъ составляетъ наибольшую часть атмосфернаго воздуха, и есть воздушный элементъ, противоположный земному, какъ экспансивное контрактивному; значитъ, селитретворъ принадлежитъ южному полюсу земного шара.

Контрактивная дѣятельность [2]) электричества происходитъ въ кислотворѣ, представляющемъ преимущественное конечное въ значеніи безконечнаго. Поэтому кислотворъ, будучи неопредѣлителенъ въ своемъ видѣ, приводитъ всѣ земныя тѣла въ извѣстныя направленія дѣятельнаго состоянія. Въ экваторѣ, какъ дѣйствующемъ электрическомъ кругѣ, кислотворъ представляетъ движимый восточный пунктъ земли и есть настоящій элементъ огня. Водотворъ есть органъ экспансивной силы положительнаго электричества, противодѣйствующей всѣмъ опредѣлительнымъ направленіямъ и представляющій западный движимый пунктъ въ электрическомъ кругѣ экватора; такъ

[1]) Стр. 669.

[2]) Стр. 670.

какъ онъ служитъ основаніемъ воды, то принадлежитъ водяному элементу (§ 237).

Во всякомъ химическомъ процессѣ дѣйствуютъ всѣ четыре полюса магнитизма и электризма; различіе двухъ тѣлъ, приводимыхъ въ одинакое качество, показываетъ степень противосторонняго уклоненія, или усилія восточно-западнаго принципа. Приведеніе [1]) различныхъ тѣлъ въ однокачественность совершается взаимною перемѣною ихъ когезіи; при чемъ экспансивное тѣло контрагируется, а контрактивное экспансируется. Химическое дѣйствіе либо соединяетъ однородныя тѣла, представляющія раздѣльные полюсы магнита (что составляетъ неутрализацію ихъ), либо электрическою силою производитъ въ разнородныхъ тѣлахъ горѣніе и плавленіе: тѣла эти, разлагаясь, приходятъ изъ большаго различія въ однокачественный видъ. Химическій процессъ состоитъ изъ магнитнаго и электрическаго; поэтому производимая при немъ перемѣна тѣлъ совершается подъ преимущественнымъ вліяніемъ магнитизма, либо электризма (§ 239) [2]).

Такъ какъ матерія [3]) произведена противоположными силами электризма и магнитизма, дѣйствующими въ химизмѣ, то качественное различіе ея зависитъ отъ количественнаго содержанія производительныхъ силъ магнитной и электрической категоріи. Качества тѣлъ, подверженныя чувственнымъ испытаніямъ, основываются на бо́льшемъ или меньшемъ усиліи какого-либо изъ четырехъ полюсовъ образовательныхъ дѣйствій; кромѣ степеней этихъ силъ, мы ничего въ тѣлахъ чувствовать не можемъ. Однородными тѣлами считаются вещества, имѣющія одинакое содержаніе произведшихъ эти тѣла силъ, а въ разнородныхъ тѣлахъ образовательныя силы находятся въ противоположномъ содержаніи.

---

[1]) Стр. 678.
[2]) Стр. 679.
[3]) Стр. 682.

Химическое дѣйствіе [1]) между двумя тѣлами происходитъ, когда силы каждаго тѣла, расторгаясь изъ прежней ихъ связи, вступаютъ въ новое соединеніе. А поэтому химическій процессъ имѣетъ столько различныхъ видовъ, сколько находится разныхъ средствъ къ измѣненію силъ въ тѣлѣ, подвергаемомъ химическому дѣйствію. Главныя средства суть жидкости, которыя, внѣдряясь въ плотныя тѣла, расторгаютъ связь ихъ частицъ; а кислоты растворяютъ и металлы по приведеніи ихъ въ известь. Химическое произведеніе есть среднее содержаніе силъ, приведенныхъ искусствомъ во взаимную ихъ дѣятельность, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ равновѣсіе или преобладаніе одной силы надъ другою, теряющеюся въ вещественномъ произведеніи. Тѣла, измѣняемыя химическимъ дѣйствіемъ, теряютъ прежнія свои качества и получаютъ другія, такъ что одно тѣло, происшедшее изъ двухъ, соединенныхъ химическимъ образомъ, различается совершенно отъ обоихъ: водотворъ и кислотворъ соединяются въ воду, а кислота и щелочь въ среднюю соль (§ 240).

Гальванизмъ [2]) есть взаимное дѣйствіе металла съ водою, производящее землю и воздухъ; оно усиливается тѣлами, возбуждающими въ металлѣ электрическое напряженіе [3]). Поэтому простая гальваническая цѣпь и состоитъ изъ двухъ электризующихъ себя металловъ и разлагаемой ими воды; а примѣшенная къ нимъ кислота, растворяя металлы, возбуждаетъ въ нихъ электричество. Цинкъ, погруженный въ кислоту, оксидируется въ известь, какъ землю, а вода, разлагаясь при томъ, превращается въ гасъ и дѣлается воздухомъ; но превращеніе происходитъ несравненно сильнѣе и скорѣе, когда цинкъ соприкасается съ золотомъ (§ 246).

---

[1]) Стр. 683.
[2]) §§ 245—249, стр. 711—753.
[3]) Стр. 723.

Въ простой гальванической цѣпи, состоящей изъ цинка, мѣди и окисленной воды, оба соприкасающіеся металла дѣлаются электрическими: внѣшняя поверхность цинка электризирована положительно, а мѣдь на внѣшней своей поверхности имѣетъ отрицательное электричество. Вода разлагается, или вѣрнѣе сказать, поляризируется обоими металлами въ кислотворъ и водотворъ; изъ нихъ первый стремится къ положительно-электризированному цинку, а второй привлекается отрицательнымъ электричествомъ мѣди. Но взаимное притяженіе или сродство тѣлъ основывается на существенной одинакости ихъ, представляемой формальнымъ различіемъ; поэтому кислотворъ, стремящійся къ цинку, и водотворъ, привлекаемый къ мѣди, должны быть одинакой сущности и противоположныхъ качествъ съ ними: т. е. кислотворъ долженъ быть отрицательнаго, а водотворъ положительнаго электричества; съ цинкомъ и мѣдью они соединяются химическимъ образомъ [1]).

До открытія гальванизма, электрическій и химическій процессъ считались отдѣльными, и совершенно различными дѣйствіями Природы: между ними не знали существенной взаимности.—Гальванизмъ [2]) показываетъ, что химическій процессъ состоитъ изъ электрическаго и магнитнаго, которые, будучи между собою противоположены, заключаютъ и въ себѣ собственныя противоположности; химическій процессъ совершается двумя полюсами электрической, и двумя магнитной дѣятельности. Значитъ, химизмъ долженъ быть двоякій: электрическій, котораго дѣйствительный органъ есть вода, и магнитный, имѣющій субстратами своего дѣйствія металлы. Электрическое [3]) дѣйствіе безъ химическаго, равно какъ и хи-

---

[1]) Стр. 724.

[2]) Стр. 726.

[3]) Стр. 725.

мическое безъ электрическаго, происходить не могутъ: и какъ въ одномъ, кажущемся электрическомъ дѣйствіи сокрыто химическое, такъ въ обыкновенномъ химическомъ процессѣ содержатся электрическій; оба они въ гальванизмѣ происходятъ въ равномѣрной дѣятельности (§ 246).

Какъ въ гальванизмѣ [1]), или электро-химизмѣ электризмъ происходитъ вмѣстѣ съ химизмомъ, такъ въ электро-магнитизмѣ электрическое дѣйствіе оказывается совокупно съ магнитнымъ; настоящая теорія магнитизма и гальванизма началась только съ открытіемъ электро-магнитныхъ явленій. Электромагнитизмъ, открытый *Эрстедомъ*, есть то же самое, что̀ и гальванизмъ; только электро-магнитный и электро-химическій процессъ находятся въ нихъ въ обратномъ положеніи: такъ что магнитное дѣйствіе въ гальванизмѣ сокрыто внутрь, а химическое обращено къ наружи; но въ электро-магнитизмѣ, химическое происходитъ внутри, а магнитное снаружи (§ 250).

Гальваническая [2]) цѣпь заключаетъ въ себѣ все содержаніе жизненнаго происшествія земной планеты, существующей по химическому, электрическому и магнитному ея дѣйствію. Химическимъ процессомъ образуются земныя вещества, и всѣ органическія тѣла приводятся въ общій составъ земли. Электризмъ состоитъ въ экспансивной и контрактивной дѣятельности, производящей качественное движеніе преобразуемыхъ ими веществъ. Но магнитизмъ есть первоначальная противоположность вещественнаго происхожденія, въ которую стекаются всѣ противоположности динамическаго процесса, оказывающіяся различными движеніями, коихъ цѣль находится въ безпредѣльности вселенныя (§ 255).

Теплоту, считаемую обыкновенно за особливую, невзвѣшиваемую матерію, Д. М. Велланскій признаётъ опредѣлен-

---

[1]) Стр. 755.
[2]) Стр. 775—776.

нымъ видомъ дѣятельнаго состоянія тѣлъ: нѣтъ никакой теплотворной матеріи въ Природѣ. Въ § 261-мъ онъ говоритъ, соединительное и раздѣлительное дѣйствіе, оказывающееся положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, является въ происшествіяхъ теплоты растяженіемъ и сокращеніемъ, какъ внѣшними видами общаго и особаго состоянія внутренней дѣятельности веществъ [1])... Теплота, представляющая единство субъективнаго образованія съ объективнымъ, какъ особаго съ общимъ, оказывается во всѣхъ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ, всѣми степенями количественнаго содержанія. При качественномъ измѣненіи неорганическихъ веществъ, теплота показываетъ степень химическаго въ нихъ дѣйствія, которое состоитъ въ уравненіи электрическаго напряженія съ магнитнымъ усиліемъ [2]).

Теплота, [3]) какъ и электричество, зависитъ отъ противоположности дѣятельныхъ происшествій общаго и частнаго содержанія вещей. Но теплота равномѣрной *температуры* есть уничтоженіе различія особой дѣятельности съ общею, составляющаго стужу и разгорячение; а электричество состоитъ въ противоположности двухъ тѣлъ, изъ которыхъ одно дѣйствуетъ положительно, а другое отрицательно. Поэтому электричество и теплота сообразны въ своихъ явленіяхъ; электрическій процессъ усиливается теплотою; высшая степень теплоты производится также электрическимъ дѣйствіемъ. Рыхлыя тѣла суть *изолаторы* электричества и худые проводники теплоты, по раздѣльному устроенію ихъ *атомовъ*, дѣйствующихъ порознь. Но металлы проводятъ какъ электричество, такъ и теплоту, всего лучше, хотя первое проходитъ въ нихъ съ несмѣтною скоростью, а послѣдняя требуетъ нѣ-

---

[1]) Стр. 796.

[2]) Стр. 797. «Извлеченіе» не даетъ точной цитаты, а лишь пересказъ.

[3]) Стр. 805—806.

сколько времени для своего прохожденія. Причина этого несходства между электричествомъ и теплотою состоитъ въ томъ, что электричество возбуждается взаимнымъ напряженіемъ двухъ тѣлъ, дѣйствующихъ въ отдѣльномъ ихъ положеніи, а теплота происходитъ при соотношеніи частнаго дѣйствія какой-либо вещи къ общему дѣятельному состоянію всѣхъ веществъ, окружающихъ ее (§ 262).

Такъ какъ матерія [1]) представляетъ существенное единство пространства съ временемъ, знаменующихъ возможныя его формы, изъявляемыя тяжестію и свѣтомъ (какъ дѣйствительными видами физическаго существованія), то теплота, показывающая взаимное соотношеніе свѣта и тяжести въ произведенномъ ими веществѣ, свойственна всякому виду матеріяльнаго образованія. Каждое органическое тѣло имѣетъ собственную *температуру*; она обозначаетъ степень растительной его жизни, состоящую въ содержаніи свѣта съ тяжестію, какъ субъективной и объективной принадлежности жизненныхъ происшествій. Но организмъ представляетъ внутреннюю одинакость дѣятельности съ матеріяльностію, гдѣ вещественный составъ имѣетъ дѣятельное качество, а дѣйствіе оказывается матеріяльнымъ произведеніемъ (какъ покой въ движеніи и движеніе въ покоѣ). Поэтому *температура* всякаго организма, какъ цѣлаго индивидуальнаго міра, при нормальномъ его состояніи, остается неизмѣняема. Напротивъ того, неорганическая вещь, будучи только внѣшнею частію общаго мірозданія, дѣйствуетъ и пребываетъ не сама по себѣ, но въ соотношеніи съ другими веществами, оказывающемся ея *температурою*, которая, при всякомъ измѣненіи взаимнаго ихъ содержанія, измѣняется (§ 264).

По пребыванію Земли въ качествѣ неорганической толщи и въ свойствѣ растительной и животной организаціи—

---

[1]) Стр. 811—812.

температура ея измѣняется, сообразно измѣненію внутренняго устроенія и внѣшняго отношенія планеты къ солнцу. Каждая страна Земли имѣетъ свою температуру, измѣняемую по теченію ея вокругъ солнца; съ солнцемъ дѣйствуетъ она внѣшнимъ динамическимъ процессомъ, и внутреннею органическою силою. Земля содержится къ солнцу динамическимъ и органическимъ образомъ; а солнце дѣйствуетъ на Землю посредствомъ внутренней ея возбуждаемости, подлежащей вліянію солнца, съ которымъ находится она въ непрерывномъ внѣшнемъ напряженіи (§ 265) [1]).

Земля [2]), какъ членъ солнечной системы, произошла и образовалась не одна по себѣ и не механическимъ образомъ, но совмѣстно съ другими планетами, и въ живомъ содержаніи къ солнцу; его безпрерывнымъ вліяніемъ утверждается она въ общемъ бытіи и удерживается въ собственной цѣлости. По троякому [3]) содержанію свѣта съ тяжестію, какъ жизненныхъ началъ вещественнаго міра, Земля образовалась въ трехъ видахъ: неорганическомъ, растительномъ и животномъ; собственныя ихъ происшествія совершились въ три эпохи существованія земли: *лунную, кометную и планетную. Неорганическое образованіе* Земли происходитъ отъ преимущественнаго внѣшняго соотношенія свѣта съ тяжестію, *растительное* зависитъ отъ внутренняго стеченія, а *животное* основывается на ихъ абсолютномъ соединеніи. Неорганическія вещества и органическія существа произведены магнитнымъ и электрическимъ дѣйствіемъ въ различномъ содержаніи ихъ полюсовъ; послѣдніе представляются *кислотворомъ, водотворомъ, угольнымъ веществомъ и азотомъ*, какъ элементами химическаго процесса, которыхъ различное содержаніе составляетъ различ-

---

[1]) Стр. 818.

[2]) Стр. 831.

[3]) Стр. 832.

ный способъ динамическаго происшествія и органическаго образованія.

Такъ какъ всѣ три категоріи *динамическаго процесса: магнитная, электрическая и химическая*, происходятъ совокупно, то производимыя ими неорганическія вещества земной планеты образуются совмѣстно—[1]) только въ большей или меньшей степени совершенства, по различной силѣ дѣйствій. При развитіи Земли, всѣ образовательныя дѣйствія не происходили въ равной мѣрѣ; различные періоды развитія должны зависѣть отъ попеременнаго возвышенія и пониженія одной полярной дѣятельности предъ другою. Начальное образованіе вещественнаго міра есть представленіе времени въ пространствѣ, какъ безпредѣльнаго центра въ ограниченной периферіи общемірной сферы; сфера произошла изъ абсолютнаго соединенія *положительнаго объекта* съ *отрицательнымъ субъектомъ*, представляемыхъ магнитными полюсами металла, который есть собственное произведеніе магнитизма, представляющее свѣтъ въ тяжести. Но представленіе пространства во времени, какъ ограниченной периферіи въ безпредѣльномъ центрѣ, совершается *электризмомъ*, произведшимъ воду; вода образуетъ тяжесть во свѣтѣ; изъ нихъ первая оказывается положительнымъ, а второй отрицательнымъ полюсомъ электрической дѣятельности; и *вода* такъ противоположена *металлу*, какъ *субъективное объективному*. Въ вещественномъ образованіи, *электризмъ* содержится къ *магнитизму* такъ, какъ въ мысленномъ происшествіи *сосвѣдѣніе* къ *самоощущенію*, которыя одно безъ другаго дѣйствительными быть не могутъ. Посему оба, и *вода*, и *металлъ* равно суть начальныя вещества земли; всѣ неорганическія и органическія тѣла земли произошли изъ соединенія металла съ водою (§ 266).

---

[1]) Стр. 833—834.

Всѣ металлы [1]), какъ опредѣленныя вещества, произведены магнитнымъ процессомъ тяжести, возбуждаемой электрическою дѣятельностію свѣта. Поэтому въ центрѣ Земли, при спокойномъ состояніи *магнитизма*, не возбуждаемаго *электризмомъ*, нѣтъ никакого опредѣлительнаго вида металловъ, хотя вся масса должна быть металлическая, составляющая *субстратъ общаго земнаго* магнита; частные виды послѣдняго суть различные металлы, образующіеся въ земной поверхности. Система металловъ представляетъ цѣлый земной магнитъ въ раздѣльныхъ его частяхъ, кои суть металлы трехъ различныхъ родовъ—соотвѣтственно тремъ пунктамъ магнита: положительному, отрицательному и неутральному. Магнитизмъ оказывается въ такихъ металлахъ, гдѣ положительное и отрицательное его дѣйствіе, будучи равносильными, противуборствуютъ одно другому. Всего болѣе происходитъ это въ желѣзѣ, принадлежащемъ *контрактивному полюсу металлической системы*.

Благородные металлы, представляющіе центръ земли, сообразный *индифферентивному пункту магнита*, не оказываютъ въ себѣ никакого магнитнаго дѣйствія, въ силу совершеннаго соединенія въ нихъ периферическаго образованія съ центральнымъ. Въ простыхъ металлахъ, происшедшихъ внѣ центральной области металлической системы, магнитизмъ является на отрицательной ея сторонѣ, на которой преобладаетъ усиліе контрактивной дѣятельности въ металлахъ; они—крѣпчайшей когезіи, какъ напр., *желѣзо*, *никель* и *кобольтъ*, гдѣ магнитное дѣйствіе происходитъ съ равною силою экспансивнаго стремленія и контрактивнаго напряженія. Во всѣхъ другихъ металлахъ, на обѣихъ сторонахъ ихъ системы, магнитизма не оказывается—по сильному перевѣсу экспансивной дѣятельности надъ контрактивною, либо контрактивной надъ экспансивною.

---

[1]) Стр. 841.

Но такъ какъ магнитные металлы имѣютъ крѣпчайшую связь состава, то магнитизмъ находится въ явномъ отношеніи къ ней, и съ уничтоженіемъ магнитныхъ явленій въ металлахъ, ослаблена ихъ когезія (§ 267) [1]).

Металлъ и вода [2]) суть начальныя вещества земли, изъ которыхъ произошли всѣ ископаемыя неорганическія тѣла, и образовались растительные и животные организмы. Все развитіе земного міра состоитъ въ превращеніи металла и воды, взаимнымъ разложеніемъ и ихъ соединеніемъ.

Вода и металлъ [3]) суть одной сущности, но противуположныхъ видовъ вещественнаго образованія: поэтому и качества ихъ противоположны. Металлы имѣютъ наибольшую тяжесть, а вода касательно удѣльнаго ея вѣса занимаетъ средину между тяжелѣйшими и легчайшими тѣлами. Металлъ непроницаемъ для свѣта, а чистая вода совершенно прозрачна. Атомы воды, подобно металлическимъ атомамъ, находятся въ совершеннѣйшемъ соединеніи, но притомъ раздѣлены такъ, какъ въ рыхломъ составѣ тѣлъ; а поэтому вода содержится къ электричеству, какъ тѣла проводящія и задерживающія его; вода теплоту столько же проводитъ, сколько задерживаетъ, нагрѣваясь и охлаждаясь до извѣстной только степени. Металлы, особливо благородные, трудно подвергаются химическому измѣненію; будучи измѣнены, они легко приходятъ въ собственную, чистую форму ихъ состава. Но вода безпрестанно измѣняетъ видъ свой, дѣлаясь то воздухообразною, то твердою. Она входитъ въ смѣшеніе со всѣми неорганическими тѣлами; кромѣ металловъ въ чистомъ ихъ состояніи, нѣтъ никакого тѣла, гдѣ бы не содержалась вода, которая столько же нужна для составленія гасовъ, сколько необходима для образованія

---

[1]) Стр. 842.

[2]) Стр. 851.

[3]) Стр. 852—853.

твердыхъ кристалловъ. Какъ вода внѣдряется во всѣ тѣла, такъ и всѣ тѣла теряются въ воду: растворяясь въ ней непосредственно, либо посредственно, они приходятъ въ жидкость воды (§ 269).

Ископаемыя тѣла, составляющія земную поверхность, не первоначальны, но произошли отъ простѣйшаго вещества, составляющаго центральное ядро земли. Это ядро [1]) должно быть металлическаго качества, такъ какъ оно есть органъ *земного магнитизма*, по коему земной шаръ, какъ большой всемірный магнитъ, содержится съ другими небесными тѣлами въ *солнечной системѣ міра*. Центральное вещество земли по недоступной глубинѣ его мѣстопребыванія не поддается опытному изслѣдованію въ собственномъ своемъ качествѣ, а испытывается только въ преобразованныхъ его видахъ, составляющихъ различныя массы горъ. Горы, воздымающіяся на поверхности земной, суть огромные кристаллы, произведенные электромагнитнымъ дѣйствіемъ, по взаимному разложенію и соединенію металла и воды, изъ коихъ съ одной стороны образовались твердыя земляныя вещества, а съ другой произошелъ упруго-жидкій воздухъ. Такъ какъ въ горахъ содержится произведеніе дѣятельнаго состоянія предшедшихъ *эпохъ земли*; то онѣ служатъ намъ *архивомъ*, изъ котораго мы можемъ извлекать свѣдѣнія о вещественныхъ формахъ и дѣйствительныхъ способахъ начальнаго развитія земной планеты.

Первозданными горами называются горы, состоящія изъ твердѣйшихъ кристаллическихъ *массъ* [2]), образовавшихся въ непрерывной формѣ, и въ которыхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ *окаменѣлостей*. Такія горы вообще суть высочайшія и простираются въ длиннѣйшіе хребты, прерванные провалами и глубокими долинами. Онѣ возвышаются надъ всѣми позд-

[1]) Стр. 857—858, § 270.

[2]) Стр. 859—860. «Извлеченіе» называетъ эти горы «первоначальными».

нѣйшими горами. Будучи покрыты въ глубинѣ позднѣйшими горами, онѣ составляютъ общее ихъ основаніе. Надъ первоначальными горами лежатъ *послѣдовательныя*, состоящія также изъ твердѣйшихъ массъ, бо́льшею частью, кристаллическихъ, но гдѣ находятся уже слѣды разрушенія, и встрѣчаются *окаменѣлости*, хотя очень рѣдко. *Послѣдовательныя горы* покрываются *флецовыми*, состоящими изъ горизонтальныхъ слоевъ извести, песчаныхъ камней, гипса, поваренной соли, каменныхъ углей; въ нихъ содержится множество растительныхъ и животныхъ окаменѣлостей. Поверхностныя горы, именуемыя *наносными*, состоятъ изъ песка, глины и рыхлыхъ камней, расположенныхъ въ слои позднѣйшаго происхожденія [1]).

Положеніе разнокачественныхъ *массъ* [2]) во всѣхъ горахъ, какъ старѣйшаго, такъ и новѣйшаго происхожденія, перемѣшано весьма различнымъ образомъ. Но сравнивъ ихъ между собою, можно привести ихъ въ нѣкоторые разряды, показывающіе правильный ходъ, отъ первыхъ до послѣднихъ *эпохъ* образованія массъ; онѣ бываютъ троякаго рода: *шиферная*, *известковая* и *порфирная*. Къ *шиферному роду* принадлежитъ кремнистая и глинистая земля, образовавшаяся въ зернистыхъ и слоистыхъ массахъ, происшедшихъ попеременно однѣ за другими [3]). *Известковая земля* различается большимъ единообразіемъ ея состава [4]) и во всѣхъ эпохахъ горнаго образованія подвержена малому только измѣненію наружнаго вида. *Порфирная порода* [5]) ископаемыхъ, хотя позднѣйшаго происхожденія, нежели *глинистая* и *известковая*, однако не содер-

---

[1]) Стр. 862; «Извлеченіе», стр. 336.

[2]) Стр. 862—863.

[3]) Стр. 863, § 271.

[4]) Стр. 871, § 272.

[5]) Стр. 884, § 274.

жить въ себѣ никакого слѣда растительныхъ и животныхъ окаменѣлостей и состоитъ наиболѣе изъ кристалловъ полеваго шпата.

Три рода различныхъ видовъ ископаемаго царства: *шиферный*, *известковый* и *порфирный*, соотвѣтственны тремъ формамъ дѣятельнаго состоянія общей жизни земной планеты: *растительной*, *животной* и *неорганическо-массивной*. Растительное образованіе горъ началось *гранитомъ*, а оканчивается *торфомъ*. Начальный видъ извести, произведенной дѣятельностію животной организаціи, есть тонко-кристаллическій мраморъ, а окончательный составляетъ рыхлая известь, происходящая изъ *кораллов*. Но порфирный родъ ископаемыхъ веществъ начался *сіенитомъ* и продолжается образованіемъ *воздушныхъ камней* [1]).

Температура и составныя части *минеральныхъ водъ* производятся галваническимъ процессомъ, зависящимъ отъ устроенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся *минеральные источники*. Глинистыя, песчаныя и известковыя *массы*, расположенныя попеременно слоями, составляютъ *натуральную галваническую цѣпь*, дѣйствующую тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше противоположность массъ, и чѣмъ въ большемъ количествѣ онѣ скоплены. Въ такой *заключенной цѣпи* горная вода, проницающая нижніе слои, воздымается вверхъ, гдѣ соединяется съ водою, протекающею между верхними слоями; послѣдніе, возбуждаясь водою къ сильнѣйшему напряженію съ нижними, производятъ составныя части *минеральныхъ источниковъ*, тѣмъ въ большемъ количествѣ и различнѣйшемъ качествѣ, чѣмъ сильнѣе напрягаются и чѣмъ болѣе сложны дѣйствующіе члены. Члены такой цѣпи, составляющіе части всей страны, находясь между собою

[1]) Стр. 892.

въ безпрерывномъ напряженіи, производятъ неистощимые *ключи минеральныхъ водъ*, одинакаго содержанія и равной температуры, которые не измѣняются, покуда строеніе горъ остается въ своей цѣлости [1]).

[1]) Стр. 898, § 275.

О распространеніи своихъ доктринъ Велланскій заботился и устнымъ путемъ—чтеніемъ лекцій, и печатно. Прежде выхода въ свѣтъ самой „Физики“ появился „Конспектъ главныхъ содержаній общей физики“. СПБ., 1830, стр. 16 in 8°. Конспектъ (безъ соблюденія ореографіи автора) былъ помѣщенъ—съ указаніемъ на объявленіе № 2 „Сѣверной Пчелы“ въ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ на 1831 г., т. 17, № I, отд. III, физика, стр. 37—49. Нынѣ этотъ конспектъ воспроизведенъ въ книгѣ *Н. П. Колюпанова*, „Біографія А. И. Кошелева“, т. I, кн. II, стр. 434—438, подъ заглавіемъ „Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ, въ 1830 г.“ На этотъ „Конспектъ“ „Московскій Телеграфъ“ за 1831 г., ч. 37, № 2, январь, отдѣлъ „Современная библіографія“, „Русская литература“, стр. 259—262, помѣстилъ весьма сочувственную рецензію, главныя мѣста которой мы приведемъ здѣсь:

„Вотъ новость, радующая каждаго (стр. 259), кому дороги успѣхи просвѣщенія отечественнаго! Отъ кого болѣе можно было ожидать намъ курса физики, какъ не отъ Д. М. Велланскаго, столь извѣстнаго своими знаніями и неуклоннымъ послѣдованіемъ истинной философіи. Въ упомянутомъ курсѣ Г. Велланскій конечно соединитъ многолѣтніе опыты свои, плоды обширнаго чтенія, и тѣ высокія истины, которыя открыты приложеніемъ новѣйшей философіи къ физическимъ знаніямъ, истины, столь мало еще у насъ знакомыя. Смѣло

сказать можемъ, что Конспектъ Г-на Велланскаго на нѣсколькихъ страницахъ содержитъ въ себѣ гораздо болѣе, нежели найдете въ иныхъ многотомныхъ курсахъ физики, донынѣ у насъ изданныхъ". Далѣе изложено содержаніе „Конспекта", причемъ замѣчено:

„Отъ сихъ то *простыхъ* и *понятныхъ* истинъ, оправдываемыхъ умозрѣніемъ и опытомъ, Авторъ обращается къ космологіи, разсматривая солнце, планеты, спутниковъ ихъ и кометы" (стр. 261). Заключается рецензія такъ: „Мы опасаемся, что краткость нашей выписки, о предметахъ столь обширныхъ, можетъ сдѣлать положенія, на коихъ основанъ Курсъ общей физики г. Велланскаго, темными. Но съ другой стороны мы хотѣли указать на совершенно новые для эмпириковъ взгляды его на науку. Люди, знакомые съ истинами философіи новѣйшей, и люди, совершенно чуждые оныхъ, конечно, подтвердятъ изъявляемое нами желаніе, чтобы сочиненіе Д. М. Велланскаго явилось въ скорѣйшемъ времени, для чести Автора и отечества" (стр. 262).

О близкомъ выходѣ „Физики" въ свѣтъ оповѣщали вкратцѣ тотъ же „Московскій Телеграфъ" за 1831 г., ч. 38, мартъ, № 6, Смѣсь, стр. 290—291 и „Московскій Вѣстникъ" за 1830 г., ч. II, № VIII, „Литературныя Новости", стр. 397, гдѣ сказано: „Сочиненіе обнимаетъ всю природу, и слѣдовательно, физикѣ дано другое значеніе, а не то, въ которомъ она обыкновенно принимается. Говорятъ, что философъ-натуралистъ нашъ намѣренъ здѣсь начала принимаемой имъ теоріи приложить къ самымъ частнымъ явленіямъ и развить подробно. Любопытно увидѣть, какъ исполнитъ онъ сіе предпріятіе".

Наконецъ, „Московскій Телеграфъ" помѣстилъ даже одну главу изъ „Физики" въ части 40 за 1831 г., августъ, № 15, стр. 321—334, „Солнце".

Здѣсь соблюдено правописаніе автора (нѣсколько отличающееся отъ тогдашняго общепринятаго), что̀ редакція оговорила въ особомъ примѣчаніи. Въ „Телеграфѣ“ помѣщены §§ 136 и 137 изъ „Физики“, занимающіе въ ней стр. 152—163.

Независимо отъ того, самъ авторъ составилъ еще „Краткое извлеченіе изъ физики академика Велланскаго“, которое помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ за 1832 г., т. 28, XXIV, отд. III, физика, стр. 212—243, XXV, отд. II, физика, стр. 268—295 и XXVI, отд. II, физика, стр. 349—358.

По выходѣ въ свѣтъ „Физики“ въ послѣднихъ числахъ октября 1831 г. Велланскій, не встрѣчая ученой критики своего сочиненія, рѣшился сдѣлать „Вызовъ“ (въ № 133 „Сѣверной Пчелы“ за 1832 г.) россійскому ученому свѣту и предлагалъ вступить съ нимъ въ истолковательную полемику о слѣдующихъ статьяхъ: свѣтѣ, тяжести, теплотѣ, магнетизмѣ, электризмѣ, химизмѣ и гальванизмѣ. Условія диспута были таковы: если оппонентъ разрушитъ конструкцію Велланскаго и на ея мѣсто предложитъ теорію болѣе основательную, то Велланскій обязывался принять его ученіе самъ и, кромѣ того, заплатить *премію* въ 1000 р. ассигнаціями. Если же Велланскій докажетъ неосновательность оппозиціи, или теорія противника не будетъ выведена изъ философскихъ началъ, то Велланскій получалъ съ полемизатора половину преміи, т. е. 500 руб.

„Московскій Телеграфъ“ за 1832 г., ч. 44, № 6, мартъ, Смѣсь, стр. 303—305, воспроизвелъ этотъ вызовъ и прибавилъ отъ себя: „Любопытно наблюдать, какое дѣйствіе произведетъ столь оригинальное объявленіе? Довольно хорошо зная нашъ ученый и литературный міръ, мы могли бы предсказать автору, что—но до времени удержимся отъ этого“.

„Вызовъ“ помѣщенъ и въ нашей книгѣ: „Философія въ Россіи“, т. II, стр. 229—230. Никакихъ послѣдствій (сколько мы знаемъ) вызовъ не имѣлъ.

За то ожидаемая критика появилась таки—въ анонимной книгѣ „Разборъ физики г. Велланскаго опытной, наблюдательной и умозрительной и другихъ новѣйшихъ авторовъ, учиненный 1834 года". Часть первая, СПБ. 1834, ненумер. 8 стр. (титулъ, оглавленіе—даже и II части, *не вышедшей* въ свѣтъ,—4 стр., предисловіе 2 стр.)+текста 127 стр., на особомъ листкѣ опечатки, вкравшіяся въ *нѣкоторые* (?) экземпляры. Въ началѣ книги гравир. таблица съ стихотворною подписью: „Взглядъ на величіе, устройство Мірозданья Мысль смертныхъ цѣпенитъ, волнуетъ грудь—сердца. О! недостоинъ тотъ и наименованья, Кто въ немъ непознаетъ величія Творца".

Неизвѣстный авторъ объясняетъ въ „Предисловіи" появленіе своей книги слѣдующимъ образомъ: тщетно ожидая въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы кто-нибудь изъ мыслящихъ ученыхъ оцѣнилъ „Физику" Велланскаго по существу предмета, авторъ осмѣлился самъ учинить разборъ—не въ намѣреніи оспаривать предложенія извѣстнаго въ Ученомъ свѣтѣ мужа, или съ нимъ состязаться; но единственно по сходству ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ „нашимъ мнѣніемъ" и чрезъ то для поддержанія Теоріи объ Эфирѣ, отвергаемой нынѣ столь несправедливо. Но онъ готовъ охотно согласиться и съ противниками ея, если кто, кромѣ всемірнаго Эфира и его повсюднаго дѣйствія въ Природѣ, укажетъ въ ней существующаго иного Дѣятеля,—явственно поименовавъ его, не такъ, какъ по нынѣ почитаются дѣйствующими силами однѣ только ихъ дѣйствія безъ показанія ихъ Источника или Начала.— Авторъ имѣлъ уже готовую и вторую часть, но остановился изданіемъ ея до возвращенія, если можно будетъ, издержекъ, употребленныхъ на напечатаніе первой части.—Цензирована книга въ СПБургѣ 15 марта 1834 г. Цензоромъ А. Крыловымъ.

Книжка разсуждаетъ объ эфирѣ (стр. 9), о безпрестан-

ной измѣняемости его (17), о притягательной и отталкивательной силѣ (19)—по стремленію эфира къ твердымъ тѣламъ (20) и къ огню (22). Далѣе слѣдуетъ „Видъ или картина общаго движенія Эфира во Вселенной“ (25); причина притяженія привѣшенной тяжести подлѣ горы, большихъ тѣлъ меньшими и даже равныхъ равными. Далѣе авторъ разсуждаетъ о вліяніи притяженія на жидкія тѣла (30);—причина сліянія капли въ общую массу, сдавленія капли воды и округлыхъ ея сторонъ, стоянія воды въ сосудѣ при краяхъ выше, а въ срединѣ ниже, и напротивъ—ртути при краяхъ ниже, а въ срединѣ выше, причина сцѣпленія воды въ сосудѣ и въ каплѣ и сферическаго ея состава; затѣмъ слѣдуетъ о приливѣ и отливѣ морскихъ водъ (42:—причина этого явленія, такъ же великихъ перемѣнъ на Юпитерѣ, всемірнаго потопа, превращенія въ 1832 г. зимы и лѣта въ угрюмую осень; можетъ ли комета когда либо столкнуться съ земнымъ шаромъ?) и о тяготѣніи, тяжести и вѣсѣ (62;—причина, почему Луна удерживается въ своей сферѣ, почему она обращена къ Землѣ всегда одною стороною, почему планеты не повинуются сему закону?). Потомъ авторъ трактуетъ о различіи вѣса и паденія тѣлъ на экваторѣ и у полюсовъ (81), о различномъ движеніи земного шара зимою и лѣтомъ (84), о силахъ экспансивной и контрактивной (86;—почему онѣ неправильно названы основными силами въ природѣ?) и изъясняетъ, какія въ природѣ находятся настоящія основныя силы. Это—силы *импульсивная* (117), устремляющаяся ко всему вещественному, и *репульсивная*, отталкивательная. Онѣ появились вмѣстѣ съ появленіемъ зародыша вещества тѣлъ. „По сходству Физики г. Павлова съ Физикою г. Велланскаго (118) и *какъ бы заимствованному изъ нея подражанію*“ необходимо было сдѣлать имъ обозрѣніе вмѣстѣ. „Должно отдать (1) справедливость глубокимъ познаніямъ г. Велланскаго. Труды и способы, какими онъ старался

раскрыть таинство Природы и вникалъ во всѣ изгибы и оттѣнки ея, заслуживаютъ удивленіе, какъ по созерцанію имъ оныхъ, такъ и по новости мыслей и образу изложенія ихъ, особливо въ умозрительномъ отношеніи, можно сказать, отлично остроумномъ и любопытномъ". Теоріи Велланскаго вкратцѣ изложены на стр. 1—4. Однако, „принятые Велланскимъ „въ руководство" магнитизмъ, электризмъ (9), химизмъ, Динамическій процессъ, какъ мы надѣемся доказать, суть въ природѣ не что иное, какъ дѣйствія *механическія*". Впрочемъ, (118) и основныя, постоянно въ мірѣ дѣйствующія силы, и случайныя, по мнѣнію автора, произошли отъ всемірнаго Эфира— сего краеугольнаго въ природѣ начала; а онъ—отъ всемогущаго слова „да будетъ"! Авторъ неоднократно цитируетъ *Ньютона*, астронома *Шуберта*, *Паррота*, *Перевощикова*, *Окена* и т. д. (О Шубертѣ см. нашъ трудъ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи", т. II, стр. 117—129).

Часть вторая должна была содержать *разборъ* статей о свѣтѣ, образованіи вещества и міровъ, о составленіи солнечной системы по образу организма растительнаго и животнаго, о происхожденіи и пребываніи солнечной системы небесныхъ тѣлъ не по внѣшнимъ механическимъ отношеніямъ вещества, но по внутреннимъ динамическимъ происшествіямъ, о превращеніи спутниковъ въ кометы, кометъ въ планеты, планетъ въ Солнце, о шарообразной формѣ міровъ и коловратномъ ихъ движеніи, о Солнцѣ, Юпитерѣ, Сатурнѣ, Ураніѣ и пр., о фотосферахъ на Солнцѣ и Юпитерѣ, о кольцѣ Сатурна, о спутникахъ Урана, о безводіи Луны, и что она зимою болѣе кажется ясною, нежели лѣтомъ, о планетоидахъ (почему онѣ не притягиваются Юпитеромъ), о кометахъ по всѣмъ къ нимъ отношеніямъ, о химизмѣ, электризмѣ, магнитизмѣ, о теплотѣ и стужѣ.

Едва ли не всѣхъ теплѣе отнесся къ „Физикѣ" Велланскаго Н. А. Полевой. Выше мы уже показали его усилія про-

пагандировать ее въ своемъ журналѣ „Московскій Телеграфъ“. Посредникомъ сближенія Полевого съ Велланскимъ былъ поклонникъ послѣдняго Николай Ивановичъ *Розановъ* (о немъ см. „Философія въ Россіи“, т. II, стр. 244—255), который передалъ въ Москвѣ Полевому 18 напечатанныхъ листовъ „Физики“ еще до выхода ея въ свѣтъ. Вскорѣ представился Н. А. Полевому и случай досконально изучать эту „Физику“. Когда послѣ смѣлой критики на драму Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“ Полевой сидѣлъ въ ожиданіи расправы подъ арестомъ на квартирѣ у Л. В. Дуббельта (или у генерала А. Н. Потапова?), то онъ въ утѣшеніе себѣ просилъ только послать купить для него книгу—„толстѣйшую физику Велланскаго“. Еще въ Москвѣ онъ хотѣлъ ее купить, хотя не могъ бы такъ скоро избрать время одолѣть такую книгу; вдругъ очутившись среди полнаго досуга, онъ вздумалъ занять его трудною работою читать Велланскаго. И самъ Н. А. Полевой отзывался о „Физикѣ“ съ восторгомъ, говоря, что единственно чтеніе этого творенія способствовало ему легко перенести нежданную опалу.... (Тамъ же, стр. 254—255).

Отъ печальнаго воспоминанія о сидѣніи и наказаніи критика Н. А. Полевого обратимся къ игривому беллетристу О. И. Сенковскому, который въ своей повѣсти „Большой выходъ у Сатаны“ тоже удостоилъ Велланскаго своеобразнаго отзыва. „Кушая свой кофе, Сатана бросалъ безпокойный взоръ на залу и на присутствующихъ (Собраніе сочиненій Сенковскаго (барона Брамбеуса), т. I, стр. 392). Что то такое безпокоило его зрѣніе. Вдругъ посмотрѣвъ вверхъ, онъ увидѣлъ въ потолкѣ расщелину, чрезъ которую пробивались послѣдніе лучи заходящаго на землѣ солнца. Онъ тотчасъ угадалъ причину боли глазъ своихъ и вскричалъ:

— „Гдѣ архитекторъ?... Гдѣ архитекторъ?... Позовите ко мнѣ этого вора“.

Длинный, блѣдный, сухощавый проклятый пробился сквозь толпу и предсталъ предъ его нечистою силой".

Онъ (тамъ же, стр. 394) запросилъ невѣроятную сумму на починку.

„Сатана сморщился, призадумался, почесалъ голову и сказалъ: „Нѣтъ денегъ! Теперь время трудное, холерное"...

Онъ протянулъ руку къ бочкѣ: всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ. Онъ вытащилъ изъ нея двѣ толстыя книги: *Умозрительную физику Велланскаго* и *Курсъ умозрительной Философіи Шеллинга*; раскрылъ ихъ, разсмотрѣлъ, опять закрылъ, и вдругъ швырнулъ ими въ лобъ архитектору, сказавъ: „На!... возьми эти двѣ книги и заклеи ими расщелину въ потолкѣ: *чрезъ эти умозрѣнія никакой свѣтъ не пробьется*".

Мѣтко брошенныя книги пролетѣли сквозь пустую голову тѣни бывшаго архитектора, точно такъ же, какъ пролетаетъ полный курсъ университетскаго ученія сквозь порожнія головы иныхъ баричей, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда—и упали позади его на полъ. Архитекторъ улыбнулся, поклонился, поднялъ *глубокомудрыя* сочиненія, и пошелъ заклеивать ими потолокъ" (тамъ же, стр. 395).

III.

Къ исторіи философскихъ кружковъ.

Умственное движеніе въ Россіи XIX в. подготовлялось и развивалось въ многочисленныхъ кружкахъ. Особенно важную роль въ исторіи русской мысли сыграли московскіе кружки 20—40 годовъ. Въ этихъ дружескихъ кружкахъ горячо усваивались и вырабатывались совокупными усиліями философскія знанія и идеи. Но несмотря на выдающееся историческое значеніе этихъ московскихъ кружковъ, они далеко не могутъ еще быть названы окончательно изученными и охарактеризованными.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи указанныхъ кружковъ нужно считать мемуары и воспоминанія лицъ, принимавшихъ въ ихъ дѣятельности большее или меньшее значеніе. Мы приводимъ ниже взятыя изъ такихъ мемуаровъ свѣденія о четырехъ философскихъ кружкахъ въ Москвѣ съ 20—40 годовъ. *А. И. Кошелевъ* сохранилъ воспоминанія о кружкѣ *Дм. Веневитинова*, *К. С. Аксаковъ*—о кружкѣ *Станкевича*, *Ю. Ѳ. Самаринъ*—о кружкѣ философствовавшихъ славянофиловъ, а *Н. П. Колюпановъ*—о философскомъ кружкѣ Нѣмчинова.

А. И. Кошелевъ („Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы), съ семью приложеніями, 1884,

стр. 11—12, глава II, 1825 г.“) разсказываетъ, какъ онъ сблизился съ Дм. Веневитиновымъ и его товарищами - сослуживцами по „Архиву“ („архивными юношами“): „Въ Архивъ (Иностранныхъ дѣлъ—подъ начальство А. Ѳ. Малиновскаго) почти одновременно поступили (вмѣстѣ съ *А. И. Кошелевымъ*), кромѣ *Ив. Кирѣевскаго*, *Дм. и Алекс. Веневитиновы*, *Титовъ*, *Шевыревъ*, *Мельгуновъ*, *С. Мальцовъ*, *Соболевскій*, двое *кн. Мещерскихъ*, *кн. Трубецкій*, *Озеровъ* и другіе хорошо образованные московскіе юноши. Служба наша главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцовъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединились въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не разсказывать своего плана для продолженія. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни—по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ „блестящей“ московской молодежи, и званіе „архивнаго юноши“ сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина.

Въ это же время составилось у насъ два общества: одно —литературное, а другое—философское. Первое, подъ предсѣдательствомъ переводчика „Георгикъ“ *С. Е. Раича* (Амфитеатрова) собиралось сперва въ домѣ Муравьева (на Большой Дмитровкѣ, гдѣ помѣщалось Муравьевское военное учебное заведеніе, и гдѣ впослѣдствіи были училище проф. Павлова, дворянскій клубъ и лицей гг. Каткова и Леонтьева), а потомъ на квартирѣ сенатора Рахманова, при сынѣ котораго

Раичъ былъ воспитателемъ. Членами этого общества были *Ѳ. И. Тютчевъ*, *Н. В. Путята*, *кн. В. Ѳ. Одоевскій*, *В. П. Титовъ*, *С. П. Шевыревъ*, *М. П. Погодинъ*, *Ознобишинъ*, *Томашевскій*, *Алекс. С. Норовъ*, *Андр. Н. Муравьевъ* и многіе другіе. Наши засѣданія были очень живы, и нѣкоторыя изъ нихъ даже блестящи и удостаивались присутствія всѣми любимаго и уважаемаго московскаго генералъ-губернатора кн. *Д. В. Голицина*, *Ив. Ив. Дмитріева* и другихъ знаменитостей. Тутъ изящная словесность стояла на первомъ планѣ: философія, исторія и другія науки только украдкой, отъ времени до времени осмѣливались подавать свой голосъ. Мнѣ удалось тамъ прочесть нѣкоторые переводы изъ Ѳукидида и Платона и отрывки изъ исторіи Петра I, которою тогда я съ любовію занимался.

Другое общество было особенно замѣчательно: оно собиралось *тайно*, и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: кн. *Одоевскій*, *Ив. Кирѣевскій*, *Дм. Веневитиновъ*, *Рожалинъ* и я. Тутъ господствовала нѣмецкая философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гёрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ нѣмецкихъ любомудровъ. Начала, на которыхъ должны быть основаны всякія человѣческія знанія, составляли преимущественный предметъ нашихъ бесѣдъ; христіанское ученіе казалось намъ пригоднымъ только для народныхъ массъ, а не для насъ-любомудровъ. Мы особенно высоко цѣнили Спинозу, и его творенія мы считали много выше Евангелія и другихъ Священныхъ Писаній.—Мы собирались у кн. Одоевскаго въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова въ Газетномъ Переулкѣ). Онъ предсѣдательствовалъ, а Д. Веневитиновъ всего болѣе говорилъ и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14 декабря 1825 г., когда мы сочли необходи-

мымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣніе полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ послѣ этого несчастнаго числа кн. Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества любомудрія"....

Скоро въ этотъ мирный кружокъ ворвалась политика....

„Очень положительно и ясно сохранились въ моей памяти жалобы на слабость Императора Александра I въ его отношеніяхъ къ Меттерниху и Аракчееву. И старики, и люди зрѣлаго возраста, и въ особенности молодежь—словомъ, чуть чуть не всѣ безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-лѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата Мих. Мих. *Нарышкина*; это было въ февралѣ или мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: *Рылѣевъ*, кн. *Оболенскій*, *Пущинъ* и нѣкоторые другіе, впослѣдствіи сосланные въ Сибирь. Рылѣевъ читалъ свои патріотическія думы, а всѣ свободно говорили о необходимости—d'en finir avec ce gouvernement. Этотъ вечеръ произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе; и я на другой же день утромъ сообщилъ все слышанное Ив. Кирѣевскому, и съ нимъ вмѣстѣ мы отправились къ Дм. Веневитинову, у котораго жилъ тогда Рожалинъ, только что окончившій университетскій курсъ со степенью кандидата. Много мы въ этотъ день толковали о политикѣ и о томъ, что необходимо произвести въ Россіи перемѣну въ образѣ правленія. Вслѣдствіе этого мы съ особенною жадностію налегли на сочиненія *Бенжамена Констана*, *Рое-Коллара* и другихъ французскихъ политическихъ писате-

лей; *и на время нѣмецкая философія сошла у насъ съ перваго плана*“ [1])....

„Хотя въ Москвѣ [2]) все было тихо и скромно, однако, многіе, и мы въ томъ числѣ были крайне озабочены и взволнованы. Извѣстія изъ Петербурга получались самыя странныя и одно другому противорѣчущія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то разсказывали, что открытъ огромный заговоръ, что 2-я армія (тогда армія состояла изъ двухъ отдѣловъ, одинъ находился подъ начальствомъ графа *Остенъ-Сакена*, а другой—гр. *Витгенштейна*) не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ хочетъ провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, нѣмецкіе философы, *забыли Шеллинга и комп.*, ѣздили всякій день въ манежъ и фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и такимъ образомъ готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали“.

„Мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступалъ великій 1789 годъ [3])....

„Вскорѣ начали въ Москвѣ по ночамъ хватать нѣкоторыхъ лицъ и отправлять ихъ въ Петербургъ“ [4])....„Это навело всюду и на всѣхъ такой ужасъ, что почти всякій ожидалъ быть схваченнымъ и отправленнымъ въ Петербургъ. Разсказы изъ Петербурга о томъ, кого тамъ брали и сажали

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

[2]) Стр. 15.

[3]) Стр. 14.

[4]) Стр. 15.

въ крѣпость, какъ содержали и допрашивали арестованныхъ и пр., еще болѣе увеличивали всеобщую тревогу“ [1])....

„Мы, молодежь, менѣе страдали, чѣмъ волновались, и даже почти желали быть взятыми и тѣмъ стяжать и извѣстность, и мученическій вѣнецъ. Эти событія насъ, между собою знакомыхъ, чрезвычайно сблизили и, быть можетъ, укрѣпили ту дружбу, которая связывала Веневитиновыхъ, Одоевскаго, Кирѣевскаго, Рожалина, Титова, Шевырева и меня“ [2]).

„Начальникъ нашъ, Малиновскій получилъ приказаніе изъ Петербурга по случаю предстоящей коронаціи никого не увольнять въ отпускъ. Слѣдовательно, приходилось намъ (на лѣтніе каникулы) жить въ Москвѣ, и мы положили ознакомиться съ московскими окрестностями. Вслѣдствіе этого нашего рѣшенія мы постепенно посѣтили пѣшкомъ всѣ приближныя мѣстности Бѣлокаменной, и какъ всѣ прогулки совершены были нами вмѣстѣ, то онѣ также сильно содѣйствовали къ скрѣпленію нашей дружбы. Я вспоминаю о нихъ съ особеннымъ чувствомъ и знаю, что я имъ весьма многимъ обязанъ“ [3]).

Вскорѣ послѣ этого философскій кружокъ почти въ полномъ составѣ переѣхалъ на службу въ Петербургъ.

„Въ Петербургѣ я былъ не одинъ изъ москвичей. Кн. Одоевскій еще прежде меня переѣхалъ въ Петербургъ, женился на *О. С. Ланской* и поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, а именно въ комитетъ иностранной цензуры. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ къ намъ Д. В. Веневитиновъ и опредѣленъ былъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ по департаменту внутреннихъ сношеній.

---

[1]) Стр. 16.

[2]) Стр. 17.

[3]) Стр. 18.

Не замедлилъ переѣздомъ въ Петербургъ и В. П. Титовъ. Мы всѣ часто видѣлись и собирались у кн. Одоевскаго. Главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ была *уже не философія, а наша служба* съ ея разными смѣшными и грустными принадлежностями. Впрочемъ, *иногда* вспоминали старину, *пускались въ философскія* пренія и этимъ нѣсколько себя оживляли.

Вскорѣ мы были поражены большимъ горемъ. Д. Веневитиновъ при самомъ пріѣздѣ изъ Москвы былъ вытребованъ или взятъ въ III отдѣленіе Собственной канцеляріи и тамъ продержанъ двое или трое сутокъ. [1]) Это его ужасно поразило, и онъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сдѣланнымъ ему допросомъ. Онъ не любилъ объ этомъ говорить; но видно было: что то тяжелое лежало у него на душѣ. Въ мартѣ онъ занемогъ тифозною горячкою; около двухъ недѣль былъ боленъ, и 15 марта онъ скончался. Эта смерть насъ ужасно поразила. Мы отпѣли его у Николы Морского, и тѣло его отправили въ Москву.

Во время болѣзни Д. Веневитинова, за которымъ и днемъ, и ночью мы ухаживали, я близко сошелся съ *А. С. Хомяковымъ*, съ которымъ я прежде былъ только знакомъ. Съ этого времени мы стали часто видѣться, и тутъ начало той дружбы, которую прервала только кончина незабвеннаго Алексѣя Степановича“ [2]).

Кромѣ Дм. В. Веневитинова, вскорѣ умеръ и другой юноша—Рожалинъ. Кошелева и Ив. Кирѣевскаго А. С. Хомяковъ уже привлекъ въ другой, имъ преимущественно образованный кружокъ—славянофильскій.

---

[1]) См. «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. I, стр. 42—43.

[2]) Стр. 21—22 (глава III, 1826—1830 гг.).

Въ „Матеріалахъ для біографіи И. В. Кирѣевскаго“ А. И. Кошелевъ упоминаетъ о „кружкѣ любомудрія“ кратко [1]):

„Рядомъ съ возникновеніемъ дѣятельности чисто литературной въ Москвѣ стала возникать въ это время новая умственная дѣятельность подъ вліяніемъ философіи Шеллинга. Въ 1821 г. проф. М. Г. Павловъ по возвращеніи изъ-за границы читалъ въ университетѣ и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. Впечатлѣніе его лекцій было сильное и плодоносное, возбудившее въ тогдашнемъ поколѣніи москвичей сочувствіе къ философіи германской. Однимъ изъ первыхъ ея поборниковъ явился тогда питомецъ Московскаго университета, князь *В. Ѳ. Одоевскій*, собиравшій у себя небольшой кругъ молодыхъ литераторовъ во имя *„Любомудрія“*, и съ 1824 г. издававшій свою 4-хъ книжную „Мнемозину“, въ началѣ которой была помѣщена прекрасная статья его учителя Павлова о способахъ изслѣдованія природы [2]). Къ этому кругу принадлежалъ Кирѣевскій съ своими архивными сослуживцами, между которыми самою блестящею и любимою надеждою былъ Д. Веневитиновъ, „рожденный для философіи еще болѣе, чѣмъ для поэзіи“ (слова И. В. Кирѣевскаго), но по несчастію, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертью“.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Т. I, изданный А. И. Кошелевымъ. «Матеріалы для біографіи», стр. 8—9.

[2]) Эта статья изложена у меня: см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 138—148. Въ «Мнемозинѣ» она помѣщена не въ начальной I, а въ послѣдней—IV книжкѣ.

О кружкѣ *Н. В. Станкевича*, незабвенномъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, одинъ изъ его бывшихъ членовъ, *К. С. Аксаковъ* приводитъ слѣдующія любопытныя подробности въ своемъ „Воспоминаніи студентства“ (1832—1835), „День“ за 1862 г., сентября 29, № 39 и отъ 6 окт., № 40, Общій отдѣлъ.

„Еще будучи на первомъ курсѣ, познакомился я черезъ *Дмитрія Топорнина* съ Станкевичемъ, бывшимъ на II курсѣ. Когда-нибудь надѣюсь написать все, что̀ знаю объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, но теперь я удерживаюсь воспоминаніемъ собственно студенческой жизни. У С-ча собирались каждый день дружные съ нимъ студенты его курса и, кромѣ ихъ, вышедшіе прежде нѣкоторые его товарищи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ *Ключниковъ*; въ первый разъ также видѣлъ я тамъ *Петрова* (санскритолога) и *Бѣлинскаго*. Кружокъ Станкевича былъ замѣчательное явленіе въ умственной исторіи нашего общества. Но здѣсь объ немъ я упомяну также мелькомъ, надѣясь написать когда-нибудь сколько можно подробнѣе исторію этого кружка въ теченіи цѣлыхъ 7 лѣтъ. Въ этомъ кружкѣ выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,—воззрѣніе, большею частію, отрицательное. Искусственность Россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на вся-

кую фразу и эффектъ; и то, и другое высказалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей. Какъ всегда бываетъ, отрицаніе лжи доводило и здѣсь до односторонности; но надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападеніе на претензію, иногда даже и тамъ, гдѣ ея не было, не переходило само въ претензію, какъ это часто бываетъ, и какъ это было въ другихъ кружкахъ. Одностороннѣе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще со многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ.

Мое отношеніе и мое мѣсто въ этомъ кружкѣ принадлежитъ къ исторіи самого кружка, и потому до этого я здѣсь не касаюсь.—Второй курсъ въ противоположность нашему первому былъ богатъ людьми болѣе или менѣе замѣчательными. *Станкевичъ*, *Строевъ*, *Красовъ*, *Бодянскій*, *Ефремовъ*, *Толмачевъ* принадлежали къ этому курсу.

Кружокъ Станкевича, въ который, какъ сказалъ я, входили и другіе молодые люди, отличался самостоятельностью мнѣнія, свободною отъ всякаго авторитета; позднѣе, эта свобода перешла въ буйное отрицаніе авторитета, выразившееся въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго, слѣдовательно, перестала быть свободою, а напротивъ стала отрицательнымъ рабствомъ. Но тогда это было не такъ. Односторонность и несправедливость были и тогда, происходя, какъ невольное

слѣдствіе, отъ излишества стремленія, но это не было разъ принятою оппозиціею, которая есть дѣло—вовсе немудреное. Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина, ни пирушекъ, которыя, если случались, то очень рѣдко,—и что всего замѣчательнѣе, кружокъ этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фрондёрства, ни либеральничанья, боясь, вѣроятно, той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало; мысль же о какихъ-нибудь кольцахъ, тайныхъ обществахъ и проч. была ему смѣшна, какъ жалкая комедія. Очевидно, что этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Это стремленіе, осуществляясь иногда односторонно, было само въ себѣ справедливо и есть явленіе вполнѣ русское. Насмѣшливость и иногда горькая шутка часто звучали въ этихъ студенческихъ бесѣдахъ. Такой кружокъ не могъ быть увлеченъ никакимъ авторитетомъ. Опредѣляя этотъ кружокъ, я опредѣляю всего болѣе Станкевича, именемъ котораго по справедливости называю кружокъ; стройное существо его духа удерживало его друзей отъ того легкаго рабскаго отрицанія, къ которому человѣкъ такъ охотно бѣжитъ отъ свободы, и когда Станкевичъ уѣхалъ заграницу,—быстро развилась въ друзьяхъ его вся ложь односторонности, и кружокъ представилъ обыкновенное явленіе крайней исключительности. Станкевичъ самъ былъ человѣкъ совершенно простой, безъ претензіи, и даже нѣсколько боявшійся претензіи, человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума; главный интересъ его была чистая мысль. Не бывши собственно діалектикомъ, онъ въ спорахъ такъ строго, логически и ясно говорилъ, что самые щегольскіе діалектики, какъ *Надеждинъ* и *Бакунинъ*, должны были ему уступать. Въ существѣ его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное зна-

ченіе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободною любовью, безъ всякаго чувства зависимости. Скажу еще, что Бакунинъ не доходилъ при Станкевичѣ до крайнихъ безжизненныхъ и бездушныхъ выводовъ мысли, а Бѣлинскій еще воздерживалъ при немъ свои буйныя хулы. Хотя значеніе церкви не раскрылось еще Станкевичу, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда его заграницу, но церковь и еще семья были для него святыней, на которую онъ не позволялъ при себѣ кидаться. Станкевичъ былъ нѣжный сынъ.—Кружокъ Станкевича продолжался и по выходѣ его и друзей его изъ университета; онъ имѣлъ свой ходъ и свое значеніе въ обществѣ. Послѣ него уже пошли эти безобразныя выходки. Но несмотря на всю стройность своего нравственнаго существа, на стремленіе къ свѣту мысли, истинной свободѣ духа, равно чуждой рабства и бунта, Станкевичъ не сталъ, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда заграницу, на желанную высоту, и свобода вѣры, кажется, не была имъ достигнута.

Я увлекся; но этотъ кружокъ есть явленіе, вполнѣ принадлежащее Москвѣ и ея университету, возникшее въ ту эпоху, когда дикое буйство студенческой жизни, о которомъ доносятся отдаленныя преданія,—миновало, и когда замѣнялось оно стройною свободою мысли, еще не подавляемой форменностью“ [1])…..

„На вечерахъ у Станкевича выпивалось страшное количество чаю, и съѣдалось страшное количество хлѣба.—Станкевичъ любилъ и зналъ музыку. Иногда мы пѣвали всѣмъ хоромъ; общею студентскою нашею пѣснью были стихи *Хомякова* изъ его трагедіи *Ермакъ*: „За туманною горою“ и пр.—Станке-

[1]) № 39, стр. 4, столбецъ III—стр. 5, столбецъ II.

вичъ былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды, както днемъ на своей квартирѣ передразнивалъ онъ Каченовскаго, и въ это самое время *Каченовскій* проѣхалъ мимо, по улицѣ.— „Вотъ тебѣ разъ!“ сказалъ Станкевичъ, „не видалъ ли онъ?“— „Ничего, братецъ“, сказалъ Бодянскій, „онъ подумалъ, что зеркало стояло!“—Въ тѣ года только что появлялись творенія *Гоголя*... какъ дѣйствовали они тогда на все юношество и въ особенности на кружокъ Станкевича! Во время нашего студенства вышло *Новоселье*, альманахъ; тамъ была повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ поссорился“ и т. д. Помню я то впечатлѣніе, какое она произвела. Что̀ можетъ равняться радостному сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣхъ! какъ само постепенное появленіе изданій геніальнаго художника оживляло, двигало общество! Радъ я, что испыталъ и видѣлъ все это. Станкевичъ цѣнилъ очень вѣрно и тонко художественность Гоголя, особенно въ бездѣлицахъ.—Вскорѣ послѣ выхода его и моего изъ университета Станкевичъ досталъ както въ рукописи *Коляску* Гоголя, вскорѣ потомъ напечатанную въ „Современникѣ“. У Станкевича былъ я и Бѣлинскій; мы приготовились слушать, заранѣе уже полные удовольствія. Станкевичъ прочелъ первыя строки.... и вдругъ нами овладѣлъ смѣхъ, смѣхъ несказанный; всѣ мы трое смѣялись, и долго смѣхъ не унимался. Мы смѣялись не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшного, но отъ того внутренняго веселія и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя. Наконецъ смѣхъ нашъ прекратился, и мы прочли съ величайшимъ удовольствіемъ этотъ маленькій отрывокъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ созданіяхъ Гоголя,—и полнота, и совершенство искусства.—Станкевичъ читалъ очень хорошо; онъ любилъ и комическую сторону жизни и часто смѣшилъ товарищей своими шутками“ [1]).

[1]) № 40, стр. 4, столбецъ II—III.

О содержаніи философскихъ преній въ кружкѣ славянофиловъ сообщаетъ весьма любопытныя детали *Ю. Ѳ. Самаринъ* въ своемъ сочиненіи „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“, письмо 4-е отцу Мартынову, „Сочиненія“, т. VI, стр. 238—240.

„Въ 1840-хъ годахъ пріѣхалъ въ Москву, послѣ долговременнаго пребыванія въ Парижѣ одинъ изъ вашихъ собратьевъ, Іезуитъ изъ Русскихъ, притомъ Москвичъ, принадлежащій къ одной изъ лучшихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, одинъ изъ тѣхъ, которыми, по вашимъ словамъ, гордится Россія. Разумѣется, онъ перешелъ въ латинство и вступилъ въ Іезуитскій Орденъ тайно; никто въ Россіи объ этомъ не зналъ, кромѣ одного изъ его друзей и товарищей его дѣтства.

Онъ ѣхалъ домой съ намѣреніемъ ощупать почву, узнать настроеніе разныхъ сословій и, по возможности, связать опять порванныя нити латинской пропаганды. Покойный Чаадаевъ, принадлежавшій по своему направленію къ школѣ графа Местра, обрадовался подкрѣпленію и ввелъ вашего собрата въ общество Московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ то время оно распадалось на два кружка, такъ называемыхъ западниковъ и такъ называемыхъ славянофиловъ. Первый и многочисленнѣйшій группировался около новоприбывшихъ изъ-заграницы профессоровъ Московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время, въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, правой

стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ вырабатывалось мало по малу воззрѣніе православно-русское, впослѣдствіи выразившееся въ трудахъ, вамъ вѣроятно извѣстныхъ. Представителями его были Хомяковъ и Кирѣевскіе—(припоминая эти давнопрошедшія времена, я какъ будто брожу по кладбищу).

Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ обоюдномъ уваженіи. При тогдашнихъ условіяхъ, полемика печатная была немыслима и, какъ въ эпоху предшествовавшую изобрѣтенію книгопечатанія, ее замѣняли послѣдовательные и далеко не безплодные словесные диспуты. Споры вертѣлись около слѣдующихъ темъ: возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ Seyn, черезъ Nichts, къ Werden и къ Daseyn? Иными словами, что̀ правитъ міромъ: свободно-творящая воля, или законъ необходимости?

Далѣе—какъ относится Православная церковь къ латинству и протестантству: какъ первобытная среда начальнаго безразличія, изъ которой, путемъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, вышли другія высшія формы религіознаго міросозерцанія, или какъ вѣчно пребывающая и неповрежденная полнота Откровенія, подчинившагося въ западномъ мірѣ латино-германскимъ представленіямъ и вслѣдствіе этого раздвоившагося на противоположные полюсы? Наконецъ: въ чемъ заключается разница между русскимъ и западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? Предстоитъ ли Русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только

внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія? Какъ отвѣчали на эти вопросы такъ называемые западники и какъ отвѣчали на нихъ такъ называемые славянофилы, объяснять нѣтъ надобности.

Въ Rue des postes № 18 вѣроятно покажется страннымъ, что люди русскіе могли, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, интересоваться подобными темами; еще невѣроятнѣе покажется, что люди неглупые могли такъ долго жить, и жить умственною жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ это несомнѣнно. Я заявляю фактъ, заявляю его печатно, въ такое время, когда еще живы нѣкоторые изъ тогдашнихъ дѣятелей и смѣло ссылаюсь на ихъ свидѣтельство.

О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей Московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпохи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами.

Вашъ собратъ принятъ былъ въ такъ называемый славянофильскій кружокъ съ полнымъ радушіемъ. Таить было нечего, и никому бы въ голову не пришло остерегаться. Къ тому же, его общительный характеръ и живость располагали въ его пользу и нравились всѣмъ. Онъ придирался къ Православной церкви, о которой не имѣлъ малѣйшаго понятія, сыпалъ на право и на лѣво выдержками изъ сочиненій гр. Местра и отца Розавена, проповѣдывалъ свое Парижское латинство новѣйшаго покроя открыто, свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и, разумѣется, безъ всякаго успѣха. Не ему было тягаться съ Хомяковымъ. Скоро онъ это понялъ и уѣхалъ

обратно въ Парижъ, не успѣвъ даже роздать какихъ-то навезенныхъ имъ чудотворныхъ медалей. Тамъ огласился его переходъ въ латинство, и сношенія его съ Москвою прервались; по крайней мѣрѣ, Москва потеряла его изъ виду".

Наконецъ, Нилъ Петровичъ *Колюпановъ* въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ прошлаго“ („Русское Обозрѣніе“ за 1895 г., апрѣль, ст. I, стр. 532—533) разсказываетъ о почти совершенно неизвѣстномъ философскомъ кружкѣ *Нѣмчинова* (молодого студента, рано умершаго).

„Кромѣ кружка Юрьева, я примыкалъ еще къ другому, собиравшемуся около очень даровитаго, но умершаго вскорѣ послѣ окончанія курса студента, Н. А. Нѣмчинова. Это былъ кружокъ совершенно иного рода, философско-эстетическій; къ нему примыкали А. Н. Островскій и Эдельсонъ, а царилъ въ немъ А. А. Григорьевъ. Григорьевъ тогда только что выступилъ на литературное поприще и былъ гегельянцемъ самой чистой воды; поэтому говорилъ такъ мудрено, что я половины не понималъ. Этого было достаточно, чтобы всѣ непосвященные считали его за кладезь мудрости. А. Н. Островскій служилъ тогда въ Коммерческомъ судѣ и писалъ своего „Банкрота“. Я помню, какъ, бывало, на вечерахъ у Нѣмчинова онъ читалъ еще не совсѣмъ отдѣланныя, отрывочныя сцены изъ своей комедіи, и критическимъ ихъ разборомъ занимались Григорьевъ и Эдельсонъ. Островскій рѣдко соглашался; истинный художникъ всегда лучше самого тонкаго критика самъ знаетъ мѣру и тонъ въ своихъ произведеніяхъ. „Банкротъ“ кончался не такъ, какъ теперь: квартальный въ концѣ пьесы приходилъ къ Подхалюзину, бралъ взятку и спокойно уходилъ; это было и эффектнѣе, и естественнѣе, но этого ужъ никакъ цензура не пропустила.

Кружокъ этотъ имѣлъ совершенно иной тонъ, нежели кружокъ, гдѣ главенствовалъ Юрьевъ: то былъ кружокъ чисто-литературный. Нѣмчиновскій кружокъ былъ *философскій*, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ соціализма, но также теоретическаго и не стремящагося къ осуществленію; кружокъ этотъ впослѣдствіи выступилъ ненадолго на литературное поприще, въ качествѣ молодой редакціи „Москвитянина“. Въ философскомъ смыслѣ кружокъ принадлежалъ къ числу завзятыхъ гегельянцевъ и не шелъ дальше; расколъ между приверженцами Гегеля, давно уже обнаружившійся въ Германіи, еще не дошелъ сюда, и о Фейербахѣ не имѣли никакого понятія. Соціальное броженіе, которое происходило во Франціи, отразилось въ Петербургѣ, но до Москвы оно доходило только рикошетомъ, и то въ самой слабой степени, насколько оно отражалось въ „Отечественныхъ Запискахъ“ той эпохи. Я помню, что изрѣдка мы толковали объ этомъ вопросѣ, и намъ знакомы были имена Конта и Фурье, но никому изъ насъ еще не приходила въ голову возможность перенести это мечтаніе на почву дѣйствительности. Я помню, что я даже прочелъ тогда Фурье, и что онъ сдѣлалъ на меня глубокое впечатлѣніе; легко увлекающійся, я сейчасъ же принялся за пропаганду, но не возбудилъ никакого интереса: слушатели иронизировали надъ этою теоріей, которая казалась имъ построенною на облакахъ. Провинціальная жизнь убила этотъ ростокъ, какъ весьма многое вплоть до „возврата къ умственнымъ занятіямъ“, какъ это удачно и вѣрно назвалъ А. И. Кошелевъ. Такой „возвратъ“ былъ въ ту или другую эпоху у всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которыхъ окончательно не засасывала тина обыденной жизни и восточная лѣнь, влекущая къ національному халату. Но поэтому именно я мало слѣдилъ за „Современникомъ“ шестидесятыхъ годовъ и его редакцію не признавалъ своими учителями“.

Приложенія.

Къ стр. 19.

Мы привели выше собранныя нами свѣдѣнія о двухъ представителяхъ богословско-философской каѳедры въ Московскомъ университетѣ: архимандрита Иннокентія (Платонова) и замѣнившаго его П. М. Терновскаго. Предшественникъ Иннокентія, тоже, повидимому, подобно ему, удаленный изъ университета, о. Григорій Рогаля-Левитскій былъ любопытная личность. Пользуясь случаемъ, скажемъ и о немъ, что̀ знаемъ.

Григорій Александровичъ *Левитскій*, первый, кто занялъ каѳедру богословія въ Московскомъ университетѣ послѣ учрежденія таковыхъ каѳедръ (1817—1820) при россійскихъ университетахъ по представленію министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицина,—былъ малороссъ, сынъ свящ.; окончивъ въ 1808 г. курсъ Кіевской духовной академіи, онъ поступилъ еще въ СПБ-скую, гдѣ проходилъ „высшій курсъ наукъ богословскихъ, философскихъ, словесныхъ и историческихъ, языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго“. Въ 1814 г. окончилъ курсъ и здѣсь со степенью магистра четвертымъ по списку I курса [1]) и опредѣленъ баккалав-

[1]) И. Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 374 и 441.

ромъ богословскихъ наукъ въ Московскую духовную Академію и членомъ цензурнаго при ней комитета.

О службѣ и дѣятельности Левитскаго при Академіи есть свѣдѣнія въ книгѣ *С. Смирнова*, Исторія Московской духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870), М. 1879: Левитскій преподавалъ въ Академіи 1 годъ съ 1817 г. (стр. 384—385). При открытіи Академіи 1 октября 1814 г. баккалавръ богословскихъ наукъ магистръ Григорій Левитскій произнесъ (стр. 10 и 128) слово: „О свойствѣ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго“; слово напечатано въ „Сочиненіяхъ на случай открытія Московской духовной Академіи“, М. 1815 (ср. „Московскія Вѣдомости“ за 1814 г., № 82).

Въ той же книгѣ сообщается и содержаніе лекцій Г. А. Левитскаго.

„Чтеніе по классу нравственнаго богословія первый открылъ въ академіи баккалавръ Г. А. Левицкій, который началъ читать лекціи по сему предмету съ 6 сентября 1817 года. Такимъ образомъ курсъ нравственнаго богословія продолжался одинъ годъ. Такъ было и въ слѣдующій годъ.—Въ расположеніи плана лекцій Левицкій слѣдовалъ конспекту, данному коммиссіею духовныхъ училищъ, именно раздѣлилъ ученіе на 3 части, положивъ въ основаніе дѣленія понятія о подлежащемъ, о предметѣ и образѣ нравственнаго дѣйствованія. Первая часть называется богословскою иѳикою (Ethica), въ которой рѣшаются четыре вопроса: 1) о состояніи человѣка естественнаго или невозрожденнаго, 2) о состояніи человѣка духовнаго или возрожденнаго, 3) о средствахъ жизни духовной, 4) о способѣ испытанія духовъ. Вторая часть—божественное правовѣденіе (Jurisprudentia divina), въ которой послѣ раскрытія понятій о семъ правѣ говорится объ общихъ и частныхъ обязанностяхъ человѣка возрожденнаго по отношенію къ Богу, ближнему и самому себѣ. Въ III части, на-

зываемой христіанское благоразуміе, разсматриваются обязанности христіанина пещись о назиданіи церкви и въ частности обязанности пастырей церкви. Въ пособіе при изученіи нравственнаго богословія, кромѣ отцовъ и учителей церкви, въ особенности Макарія Египетскаго и Августина, Левицкій рекомендуетъ Ѳому Кемпійскаго, Арндта, Гурнбекка (Hoornbeckius) и сочиненіе неизвѣстнаго автора, напечатанное въ 1701 г. на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Исторія возрожденныхъ". При составленіи своихъ лекцій Левицкій руководствовался не мало системою *Буддея* (Institutiones Theologiae moralis, Lips. 1727)". С. Смирновъ излагалъ лекціи Левицкаго по 2 экз.—прот. Шиллегодскаго и прот. Потапова (тамъ же, стр. 23—24 и прим.).

Первыми членами цензурнаго комитета при Академіи съ 9 янв. 1815 г.—были назначены баккалавры: архимандритъ Никаноръ, іеромонахъ Гермогенъ Сперанскій и Григорій Левицкій. На мѣсто двухъ послѣднихъ въ 1818 г. избраны два новые члена: Кутневичъ и Тяжеловъ [1]).

„Каѳедра богословія въ университетѣ была присоединена къ этико-политическому отдѣленію: первый занялъ ее священникъ Григорій Левитскій и началъ преподаваніе *священной и церковной исторіи* по руководству преосвященнаго *Филарета*; далѣе преподавалъ *богословіе догматическое* по руководству преосв. *Иренея Фалковскаго* и *нравственное богословіе* по руководству славнаго нѣмецкаго богослова *Шуберта*; съ $182^4/_5$ Левитскаго замѣнилъ архимандритъ *Иннокентій Платоновъ* и преподавалъ догматическое и нравственное богословіе по руководству епископа *Ѳеофилакта Горскаго*, а церковную исторію по книгамъ преосв. *Филарета* и *Иннокентія*" (С. П. Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, стр. 442—443).

---

[1]) Стр. 97—98.

Въ 1818 г. Л. назначенъ священникомъ Московской Покровской, что̀ въ Левшинѣ, церкви, а въ 1819 г. въ Московскій университетъ проф. богословія и церковной исторіи съ жалованьемъ по 1200 р. асс. 5 іюля 1823 г. въ торжественномъ собраніи университета говорилъ на русскомъ языкѣ слово „О свойствахъ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго“ (то же самое). Въ 1824 г. оставилъ каѳедру „*по трудности соединять* службу въ университетѣ съ обязанностями приходскаго священника“ [1]). Скончался въ 1830 г.

Истинную причину удаленія Левитскаго раскрываетъ намъ *Н. Н. Мурзакевичъ*, говоря въ своей „Автобіографіи“, что въ Московскомъ университетѣ въ 1823 г. завязалось дѣло изъ-за богослова Шуберта (см. выше, стр. 32—33 и примѣчаніе), того же самаго, противъ котораго предупреждалъ митрополитъ Филаретъ позднѣе. Это дѣло кончилось удаленіемъ профессора священника Григорія Левитскаго [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ о. Левитскаго и его преподаваніи даютъ любопытныя свѣдѣнія „Воспоминанія“ *Ф. Л. Ляликова*: „*Рогала—Левицкій*. Священникъ отъ Покрова въ Лѣвшинѣ на каѳедрѣ богословія, благообразный и кроткій, объяснялъ пріятно, но былъ подверженъ запою. Уже по пріѣздѣ сюда изъ [illegible], [illegible] у Покрова въ Лѣвшинѣ у обѣдни, замѣтилъ изъ [illegible] старости дьячка и спросилъ его о священникѣ Левицкомъ. Онъ отвѣчалъ имъ, что былъ дьячкомъ и при немъ, что Левицкій не могъ отстать отъ своей гибельной страсти и скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ“ [3]).

---

[1]) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Моск. универ. т. I, стр. 452—453 (ст. П. М. Терновскаго).

[2]) «Записки», стр. 636—637 въ «Русской Старинѣ», т. 54, за 1887 г., (г. 18), іюнь.

[3]) Ф. Л. Ляликовъ, Студенческія воспоминанія (1818—1822), «Русскій Архивъ» за 1875 г., III, 11, ст. 10, стр. 383—384. Ляликовъ слушалъ у Левицкаго лекціи.

Заподозрѣнный въ богословскомъ вольномысліи и подверженный россійской слабости, бѣдный о. Левитскій, лишившись каѳедры, очевидно, не сумѣлъ удержаться на наклонной плоскости....

Къ стр. 38.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій имѣлъ нѣкоторыя основанія добиваться каѳедры философіи. Онъ много занимался и философіею, и патристикою, и самъ немало мыслилъ о философскихъ матеріяхъ. Относительно его философскихъ штудій мы въ „Матеріалахъ“ для его біографіи, собранныхъ *А. И. Кошелевымъ* (при I томѣ имъ же изданныхъ сочиненій И. В. Кирѣевскаго, стр. 7—8 и примѣчаніе) находимъ слѣдующее:

„Еще въ Долбинѣ началъ И. В. Кирѣевскій читать философическія сочиненія, и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецій, но они не оставили вреднаго впечатлѣнія на его отроческой душѣ. *А. А. Елагинъ* (вотчимъ бр. Кирѣевскихъ), въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума“ онъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ, въ 1819 г. черезъ Велланскаго познакомился съ сочиненіями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ, и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философическія способности И. В. Кирѣевскаго были ярки въ этомъ почти что отроческомъ возрастѣ; прежніе литературные разговоры во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ не рѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философическихъ; и когда Елагины для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей переселились въ Москву, молодой

Кирѣевскій явился въ кругу своихъ сверстниковъ знакомымъ со многими положеніями германской философіи.

Въ Москвѣ (1822) И. В. началъ учиться по латыни и по гречески и выучился, сколько требовалось тогда для экзамена (недостаточность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ И. В. почувствовалъ гораздо позднѣе, и въ сороковыхъ годахъ, черезъ 20 лѣтъ снова сталъ учиться по латыни и по гречески и выучился хорошо, такъ что могъ въ подлинникѣ читать классиковъ и св. Отцовъ), бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго университета; *слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова*, и выучился по англійски".

„Въ 1821 г. проф. М. Г. Павловъ по возвращеніи изъ за границы читалъ въ университетѣ и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ лекціи о природѣ. *Впечатлѣніе его лекцій было сильное и плодоносное*, возбудившее въ тогдашнемъ поколѣніи москвичей сочувствіе къ философіи германской" (тамъ же, стр. 8—9).

Любопытно, что въ числѣ учителей И. В. Кирѣевскаго мы находимъ Гельвеція! Мы знаемъ, что увлеченіе Гельвеціемъ и внимательное изученіе его главнаго труда ставится въ вину А. Н. Радищеву и даже служитъ поводомъ къ обвиненію его въ атеизмѣ и матеріализмѣ [1]). И. В. Кирѣевскаго конечно, никто не сочтетъ безбожникомъ, а между тѣмъ и онъ увлекался въ свое время Гельвеціемъ, и не только его формально-логическою *отчетливостью*, на которой Радищевъ и его молодые товарищи съ Ѳ. В. Ушаковымъ во главѣ „мыслить научалися".

---

[1]) Опроверженію этого нелѣпаго мнѣнія, распространеннаго преимущественно А. С. Пушкинымъ, мы посвятили стр. 216—226 III тома нашего труда «Философія въ Россіи». Ср. тамъ же, стр. 75—76.

Въ 1830 г. вотъ что писалъ И. В. Кирѣевскій А. И. Кошелеву: „О Гельвеціи, я думаю, и самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь, но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только *отчетливымъ*, яснымъ, простонародно-убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, не смотря на проповѣданіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ неточнымъ словомъ потому, что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція“ („Матеріалы для біографіи“, стр. 7, примѣчаніе).

„Ревностно желая быть полезнымъ дѣлу просвѣщенія въ Россіи, Кирѣевскій, сознавая свои силы, не могъ удовлетвориться дѣятельностью (почетнаго) смотрителя уѣзднаго (Бѣлевскаго) училища. Въ сороковыхъ годахъ въ Московскомъ университетѣ каѳедра философіи, ограниченная тогда одною логикою, оставалась безъ преподавателя. Ив. Вас. искалъ этой каѳедры; по этому случаю была имъ написана: „Записка о преподаваніи логики“, представленная имъ попечителю Московскаго университета графу Строганову.—Университетская каѳедра была бы конечно для него самымъ лучшимъ поприщемъ; здѣсь вполнѣ могли бы раскрыться способности его, которыми такъ богато одарила его природа. Все, что̀ писалъ Кирѣевскій, носитъ въ себѣ несомнѣнный признакъ даровитости; но даровитость эта еще ярче отражалась въ его разговорахъ. Кирѣевскій былъ увлекательно краснорѣчивъ, и говорилъ гораздо лучше, нежели писалъ; и конечно, силою своего таланта плодоносно и благотворно дѣйствовалъ бы на умы молодого поколѣнія. Къ сожалѣнію, намѣреніе его не могло исполниться. Кажется, что *память о „Европейцѣ“* и *оффиціальная неблагонадежность* тяготѣли надъ нимъ и за-

граждали ему путь къ каѳедрѣ, хотя мысли, высказанныя въ „Европейцѣ“, сдѣлались почти что ходячими въ русской литературѣ и давно перестали считаться опасными („Матеріалы“, стр. 91—92).

Общую характеристику И. В. Кирѣевскаго, какъ мыслителя, А. И. Кошелевъ даетъ еще въ своихъ „Запискахъ“: (Гл. VIII, 1849—1850), стр. 73.

„Вторымъ (послѣ А. С. Хомякова) дѣятелемъ въ нашемъ кружкѣ былъ Ив. Вас. Кирѣевскій. Онъ былъ очень уменъ и даровитъ; но самобытности и самостоятельности было въ немъ мало, и онъ легко увлекался то въ ту, то въ другую сторону. Онъ перебывалъ локкистомъ, спинозистомъ, кантистомъ, шеллингистомъ, даже гегельянцемъ; онъ доходилъ въ своемъ невѣріи даже до отрицанія необходимости существованія Бога; а впослѣдствіи онъ сдѣлался не только православнымъ, но даже приверженцемъ „Добротолюбія“. Съ Хомяковымъ у Кирѣевскаго были всегдашніе нескончаемые споры: сперва Кирѣевскій находилъ, что Хомяковъ черезчуръ церковенъ, что онъ недостаточно цѣнилъ европейскую цивилизацію, и что онъ хотѣлъ насъ нарядить въ зипуны и обуть въ лапти; впослѣдствіи Кирѣевскій упрекалъ Хомякова въ излишнемъ раціонализмѣ и въ недостаткѣ чувства въ дѣлахъ вѣры. Пренія эти были чрезвычайно полезны какъ для нихъ самихъ, такъ и для насъ, болѣе или менѣе принимавшихъ въ нихъ участіе. Эти бесѣды продолжались далеко за полночь и часто прекращались только утромъ, когда уже разсвѣтало. Оба они другъ друга высоко цѣнили, глубоко уважали и горячо любили. Дѣятельность И. В. Кирѣевскаго по разработкѣ съ православной точки зрѣнія разныхъ *философскихъ* вопросовъ была весьма полезна и значительна. Его послѣднія статьи, помѣщенныя въ „Русской Бесѣдѣ“, явили въ немъ высокаго и глубокаго русскаго мыслителя, равно чуждаго какъ ограниченности и сухости раціоналиста, такъ и мечтательности, и туманности мистика“.

На эти упреки Кирѣевскаго Хомякову въ раціонализмѣ и намекаетъ, повидимому, стихотвореніе Хомякова „Къ И. В. Кирѣевскому“ отъ 1848 г. (Стихотворенія А. С. Хомякова, изд. II, 1868 г., стр. 96, № XLVIII):

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли Эмпирей“.

Распусти жъ свой парусъ бѣлый—
Лебединое крыло,—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ *тебѣ, нашъ путникъ смѣлый*,
Солнце *новое* взошло!

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость—волямъ утомленнымъ,
Пищу—алчущимъ сердцамъ!

Присоединимъ еще отзывы о А. С. Хомяковѣ и И. В Кирѣевскомъ—Константина Карловича *Зедергольма* (отца Климента):

„Въ лѣтописи Оптинской сказано, что И. В. Кирѣевскій привлекъ К. К. Зедергольма къ Оптиной пустыни. Онъ говорилъ молодому человѣку такъ: „Если Вы хотите узнать основательно духъ христіанства, то необходимо познакомиться съ монашествомъ; а въ этомъ отношеніи лучше

Оптиной пустыни трудно найти". Имѣніе Кирѣевскаго было въ Тихвинскомъ уѣздѣ, не очень далеко отъ Оптиной пустыни, и изъ біографіи его извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Кирѣевскій часто ѣздилъ въ этотъ монастырь для бесѣды съ духовниками. Онъ и похороненъ въ Оптиной, рядомъ съ братомъ своимъ Петромъ.

Зедергольмъ еще юношей, въ Москвѣ былъ знакомъ, повидимому, со многими знаменитостями литературы и науки русской. У Кирѣевскаго онъ былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ. Уже будучи монахомъ, онъ часто вспоминалъ объ Иванѣ Васильевичѣ и говорилъ мнѣ, что, хотя всѣ славянофилы того времени были люди, конечно, православные по убѣжденіямъ, но ни у одного изъ нихъ онъ не находилъ столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувствъ, какъ у Кирѣевскаго. „Хомяковъ", говорилъ мнѣ Зедергольмъ, „былъ холоднѣе; онъ, разумѣется, былъ человѣкъ тоже искренне-православный, но его діалектика, его страсть къ словопреніямъ увлекала его до того, что онъ вступалъ въ споры и съ людьми православными иногда о самыхъ существенныхъ вопросахъ, противорѣчилъ и впадалъ въ нѣкоторыя уклоненія. Разговаривалъ онъ съ безбожникомъ или съ иновѣрцемъ,—онъ былъ вполнѣ православный; но начиналъ онъ бесѣдовать съ православнымъ,—и какъ только тотъ сказалъ ему раза два: „да, да",—Хомякову уже становилось скучно, и ему хотѣлось сказать: „нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ такъ!"—Кирѣевскій же былъ весь душа и любовь" (К. Н. Леонтьевъ, Отецъ Климентъ, „Русскій Вѣстникъ", т. 144, за 1879 г., ноябрь, ст. I, стр. 8).

Безъ пониманія представлено дѣло у Валерія Лясковскаго („Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ", гл. VII, стр. 92):

„Въ частности Ивану Васильевичу не удалось получить профессуры по философіи, о которой онъ одно время мечталъ;

но конечно съ внѣшней стороны отказъ былъ вполнѣ основателенъ, такъ какъ Кирѣевскій не имѣлъ ученой степени". Въ то время отнюдь еще не смотрѣли на ученыхъ такъ бюрократически-формально и вовсе не ставили полученіе каѳедръ въ зависимость исключительно лишь отъ дипломовъ. Никто изъ указанныхъ нами претендентовъ: ни Авсеневъ, ни Саввaитовъ, ни И. М. Терновскій, избранный графомъ Строгановымъ, не имѣлъ диплома за философію. Не имѣлъ его и магистръ-филологъ М. Н. Катковъ, занимавшій впослѣдствіи каѳедру философіи (въ званіи адъюнкта).

Анонимная статья „Русскаго Архива" за 1894 г., кн. II, 7, стр. 325—343, „Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій (подписана ***) также сообщаетъ нѣсколько фактовъ касательно философскихъ занятій И. В. Кирѣевскаго.

Еще въ 1828 г. И. В. сообщалъ своему другу А. И. Кошелеву (стр. 330) о своихъ многочисленныхъ литературныхъ „прожектахъ"—въ томъ числѣ онъ собирается писать „О философіи въ Россіи". Послѣ неудачнаго сватовства въ 1830 г. И. В. поѣхалъ заграницу и слушалъ лекціи въ университетѣ—сначала въ Берлинѣ (334), между прочимъ, и по философіи. Правда, онъ предпочиталъ географа Риттера философу Гегелю, потому что послѣдній „говорилъ несносно, кашлялъ почти на каждомъ словѣ, съѣдалъ половину звуковъ и дрожащимъ, плаксивымъ голосомъ едва договаривалъ послѣднюю". Впослѣдствіи И. В. помирился „съ его гнуснымъ образомъ преподаванія", и боясь, что Гегель скоро умретъ,—и тогда уже не будетъ возможности узнать, что онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ, сталъ посѣщать его лекціи. Онъ

даже познакомился съ нимъ лично, бывалъ у него, и Гегель произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе... Еще посѣщалъ онъ лекціи Шлейермахера и съ удовольствіемъ: „Сердечныя убѣжденія образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ, и между тѣмъ, какъ первыя развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. отцовъ и Евангелія, вторыя росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII в. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе напоминаютъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни „Іисусу и Богородицѣ“. Въ Мюнхенѣ (335) И. В. слушалъ Шеллинга, а натуральную исторію и физіологію у Окена. Съ Шеллингомъ И. В. познакомился лично, послѣдовательно посѣщалъ и записывалъ его лекціи... Онъ пишетъ: „Мы здѣсь плывемъ на кораблѣ вокругъ свѣта, не входя въ гавани, по морю безъ бурь и отъ нечего дѣлать—читаемъ Шеллинга, Окена и пр.“ Онъ пересталъ записывать лекціи Шеллинга, находя, что духъ ихъ интереснѣе буквальности. Къ тому же оказывалось, что Шеллингъ прочелъ немного новаго сверхъ того, что уже было извѣстно И. В—чу. П. Б. въ примѣчаніи сообщаетъ о младшемъ братѣ И. В—ча, Петрѣ Вас., оставившемъ занятія философіею, что,—„по преданію“, Шеллингъ цѣнилъ его еще выше, нежели Ив. В—ча, „но это былъ человѣкъ замкнутый въ себѣ и вовсе не изъявительный“.

Послѣ запрещенія „Московскаго Сборника“ (гдѣ было помѣщено въ I т. „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“) И. В. Кирѣевскій опять пересталъ писать для печати и поселился въ своемъ Долбинѣ. „Литературныя занятія мои“, писалъ онъ своему другу Кошелеву въ октябрѣ 1852 г., „ограничиваются кое-какимъ чтеніемъ,—и то новаго читаю мало, а старое охотнѣе, мо-

жетъ быть, отъ того, что самъ состарѣлся. Однако же не теряю намѣренія написать, *когда можно будетъ писать, курсъ философіи*. Теперь, кажется, настоящая пора для Россіи сказать свое слово о философіи, показать имъ, *еретикамъ*, что истина науки только въ истинѣ православія. Впрочемъ, и то правда, что эти заботы о судьбѣ человѣческаго разума можно предоставить Хозяину, Который знаетъ, когда и кого послать на Свое дѣло“.....

Работая для предположеннаго трактата о философіи, онъ тщательно изучалъ въ подлинникахъ писанія св. отцевъ... Прошло четыре года со времени послѣдняго огорченія, испытаннаго Кирѣевскимъ на литературномъ поприщѣ. Наступило новое царствованіе, и на Руси повѣяло новою жизнью. Прежнія притѣснительныя мѣры были отмѣнены, и кружокъ друзей Кирѣевскаго рѣшилъ издавать журналъ. Это была „Русская Бесѣда“. Кирѣевскій немедленно принялся за работу, и въ II книжкѣ появилась статья его: „О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи“. Это была первая половина трактата, которымъ И. В. занимался послѣднее время,—часть *критическая*. Вторая половина, гдѣ должно было быть изложеніе началъ собственной системы Кирѣевскаго, осталась ненаписанною, такъ какъ въ той же книжкѣ, гдѣ была помѣщена эта статья, читатели встрѣтили уже „Рѣчь (прот. Ѳ. Сидонскаго) при отпѣваніи И. В. Кирѣевскаго“ (340—342 passim).

Къ стр. 152-ой.

Упоминаемая нами книга „Разборъ Физики г. Велланскаго“ вызвала рецензію О. И. Сенковскаго („Библіотека для чтенія“, за 1834 г., т. IV, отдѣлъ VI, Литературная Лѣтопись, стр. 7—12—перепечатана въ „Собраніи сочиненій“, т. IX, стр. 327—333), гдѣ авторъ попутно задѣлъ и самого Велланскаго.

Наши чувства (328), по мнѣнію Сенковскаго, не сообщаютъ намъ ничего дѣйствительнаго, ничего того, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть въ природѣ, но только условные ея знаки, кажущіяся формы. Въ какой же опасности для истины, волшебства и иллюзіи должна обрѣтаться сама̀я наша опытная физика, не говоря уже о томъ, чего стоитъ наведенія умозрительной? Свѣтъ, теплота, электричество, магнитность и *покойный* гальванизмъ, очевидно,—только явленія какого то дѣятеля, простыя свойства одной общей, особенной силы, которая до сихъ поръ непостижима. Но умы уже не далеко отъ великаго и важнаго открытія: нужны терпѣніе и неутомимость въ изслѣдованіяхъ. *Есть* однакожъ *люди*, которымъ никакъ не хочется ожидать дальнѣйшихъ слѣдствій опыта,—люди *нетерпѣливые*, любопытные, *самонадѣянные*, желающіе (329) непремѣнно *опередить факты*, *перепрыгнуть* черезъ постепенное ихъ развитіе и добиться *начала вещей* помощью *одного воображенія*. Не торопитесь (330), почтенные *Умозри-*

тели: слава Богу, мы еще далеки отъ дня представленія свѣта, еще все впереди, все измѣнится и переработается тысячу разъ. Конецъ всего человѣческаго знанія не можетъ быть иной, какъ точное узнаніе первой причины причинъ и того образа, какимъ создала она міръ. Этимъ знаніемъ долженъ заключиться періодъ человѣчества; но мы еще слишкомъ далеки отъ этого и не въ правѣ дѣлать положительной науки изъ *темныхъ и обманчивыхъ* мечтаній нашихъ о предметѣ, объясненіе котораго будетъ написано на послѣдней страницѣ нашихъ изысканій. Спрашиваемъ: чего будетъ стоить вся *Оконова* система о происхожденіи міра, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ новые опыты низвергнутъ одну изъ главныхъ дѣйствующихъ его силъ— магнитизмъ. Умозрѣнія въ физикѣ, мечтательность въ наукѣ опытной, принужденной бороться съ безчисленными обманами, происходящими отъ самаго устройства нашихъ чувствъ, были бы только достойны смѣха и сожалѣнія, если бы они не останавливали успѣховъ науки, вскружая головы, отклоняя ихъ отъ наблюденія къ постройкѣ *мыльныхъ вселенныхъ* (331). *Не мечтать* слѣдуетъ въ физикѣ, разлегшись на диванѣ съ трубкою, *блаженною сподвижницей умозрѣній*, но трудиться въ лабораторіи. По воззрѣніямъ г. Окена, магнитизмъ есть тяжесть въ свѣтѣ, а по нашему, *умозрѣніе есть лѣнь въ тяжести.*—Затѣмъ Сенковскій приводитъ часть изложенія „Физики“ Велланскаго, сдѣланнаго анонимнымъ авторомъ „Разбора“ на стр. 2—$^1/_2$3 (объ образованіи планетъ нашей системы) и сопровождаетъ выписку такимъ введеніемъ: „Послушайте, Бога ради, какъ, съ какою *догматическою умѣренностью* одинъ почтенный ученикъ этого знаменитаго міростроителя (Окена) описываетъ образованіе вселенной; читая эти строки, слышишь, кажется, *Гезіода, поющаго* свою Θеогонію“.—„Подумаешь, право (332), что авторъ *самъ былъ* при созданіи міра, или, по крайней мѣрѣ, *правилъ имъ временно* въ баснословные вѣки“.... „мы бы готовы

сказать, что это листокъ, вырванный изъ Космогоніи *Зороастра*, который безъ чиновъ предписываетъ персамъ вѣрить, что созданный свѣтъ произошелъ такъ, а не иначе,—а кто не вѣритъ, *того на костеръ*!"

Обращаясь къ автору „Разбора", Сенковскій отдаетъ справедливость его намѣренію: „желаніе доискаться истины похвально даже и тогда, когда онъ ее преслѣдуетъ по пути, ведущему въ противную сторону. Сочинитель успѣлъ обнаружить довольно ощутительнымъ образомъ *нѣсколько противорѣчій* въ главныхъ положеніяхъ творенія, которому „чинитъ" онъ „разбирательство", но онъ (333) тоже изъ *умозрителей*, и на мѣстѣ однѣхъ ипотезъ старается только водворять другія. Онъ *большой обожатель эвира* и всего эвирнаго". Сенковскій не одобряетъ его желанія наименовать высшее начало (ср. выше, стр. 152): „Въ томъ то и бѣда, что непремѣнно хочется знать начало! не торопитесь, сударь: вамъ наименуютъ *онаго* дѣятеля,—не вамъ, такъ внуку вашего правнука. Всему своя очередь. Только до этого дѣятеля путь черезъ опыты, а не черезъ умозрѣнія, которыя *отъ великаго Будды до Окена* ровно ничего не доказали".

Вмѣсто томительнаго и почти всегда *неудачнаго* опроверженія положеній своего противника, авторъ „Разбора" долженъ былъ бы прямо посовѣтовать Велланскому изложить всѣ ипотезы окенистовъ только исторически, представить читателю ихъ съ благоразумнымъ сомнѣніемъ, а не выдавать за неопровержимыя истины.

Еще разъ возвращается къ Д. М. Велланскому О. И. Сенковскій въ „Фантастическихъ путешествіяхъ барона Брамбеуса" (1833 г. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 222—225), IV. „Путешествіе сентиментальное на гору Этну". Баронъ Брамбеусъ столкнутъ въ жерло Этны и проваливается въ „свѣтъ вверхъ ногами или свѣтъ дномъ къ свѣту или, сказать яснѣе,

нашъ свѣтъ на изнанку“ (224). „Чтобы получить точное понятіе о моемъ приключеніи, надобно прибѣгнуть къ пособію „Умозрительной Физики“ г. академика *Велланскаго*, и постигнуть, *какимъ образомъ* и *изъ чего* составилась земля въ то время, когда ея не было на свѣтѣ“ (222). Затѣмъ Сенковскій пародируетъ космогеническія объясненія Велланскаго. „Вотъ изволите видѣть: магнитизмъ положительный, сочетаясь съ отрицательнымъ, произвелъ золото, или начало мужеское, и серебро, то есть начало женское, которыя безпрестанно тяготятъ другъ *на* (sic) друга; а какъ благородные металлы представляютъ свѣтъ въ тяжести, какъ субъектъ въ объектѣ, и суть равны водѣ, изъявляющей субъективную тяжесть въ объективномъ *недоумѣніи*, и какъ, съ другой стороны, магнитизмъ образуетъ тяжесть въ свѣтѣ, какъ безпредѣльное идеальное въ ограниченномъ реальномъ, коихъ обратный способъ явленія совершаетъ электризмъ, то, отъ соединенія всѣхъ этихъ предметовъ въ субъективномъ *безпорядкѣ*, произошли когезивная линія и хаосъ (зри „Умозр. Физику“, стр. 649, 651 и многія другія)—и *вотъ почему наша земля въ серединѣ пуста*!... Это чрезвычайно-ясно. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ называемый земной шаръ есть настоящій пузырь, составленный изъ плотной скорлупы, которая имѣетъ не болѣе 10 или 15-ти верстъ толщины, и внутри надутый вѣтромъ, т. е. попросту воздухомъ“ (222—223)... „И такъ случилось, что въ то самое время, какъ въ честь покойнику дѣлала (губернаторша подземная) высокія антрша, я нечаянно высунулся сквозь паркетъ изъ погреба въ залу. Все это весьма понятно тѣмъ, которые учились „*Умозрительной Физикѣ*“ (225).

Ср. выше, стр. 155—156. О враждебномъ отношеніи Сенковскаго къ Шеллингу (по поводу его переписки съ П. Я. Чаадаевымъ) см. въ моемъ сочиненіи „Философія въ Россіи“, т. IV, стр. 8—9. Несомнѣнно, что презрительное и глумливое

отношеніе писателя, столь вліятельнаго и популярнаго въ тридцатые годы, какъ Сенковскій, было одною изъ причинъ неудачи послѣднихъ произведеній Д. М. Велланскаго въ обществѣ.

Къ стр. 74—83.

Въ дополненіе къ очерку натурфилософскихъ воззрѣній Шеллинга приведемъ еще краткій обзоръ главнѣйшихъ ученій его послѣдователя Окена, столь сильно повліявшаго на нашего Д. М. Велланскаго.

Окенъ[1]) занимаетъ между нѣмецкими натурфилософами чистой воды первое мѣсто, какъ ученый весьма талантливый, высокообразованный и остроумный. Онъ былъ самый вѣрный изъ послѣдователей Шеллинга, но не раздѣлялъ, впрочемъ, его богословскихъ воззрѣній. Онъ принималъ ученіе пантеизма и доказывалъ, что вселенная произошла отъ „позиціи Бога". Первоматеріи было сообщено движеніе, въ силу котораго она развивается все выше и выше; наконецъ, въ человѣкѣ, одаренномъ разумомъ, она достигаетъ высшей степени развитія и становится полною объективностью Бога. Дедуцировать эту внутреннюю связь между разнообразными продуктами и явленіями природы, установить общую ея систему, провести доказательство развитія отъ низшаго къ высшему—вотъ задача, надъ разрѣшеніемъ которой старался Окенъ. Онъ пытался дать мыслямъ Шеллинга дальнѣйшую разработку, но избралъ са-

---

[1]) Самыя важныя его работы по натурфилософіи: Die Zeugung, 1805, Abriss des Systems der Biologie, 1805, Über das Universum, 1805 и Lehrbuch der Naturphilosophie, 3 тома, 1809—11. Ср. Hirsch, стр. 413—415.

мостоятельный путь, идя по которому онъ далеко обогналъ Шеллинга, именно въ силу своего несравненно лучшаго и болѣе обширнаго естественно-научнаго образованія. Результаты изысканій Окена въ области естественныхъ наукъ, особенно эмбріологіи признаны учеными и въ частности великимъ *К. Э. Бэромъ*. Изученіе исторіи развитія, по мнѣнію Окена, должно начинать съ разсмотрѣнія простѣйшихъ организмовъ, „ибо тамъ должно находиться основаніе всяческаго оплодотворенія (Begattung), гдѣ вовсе нѣтъ его". Первоматерія есть точкообразная (punctförmige), слизистая масса, образующаяся изъ оппозиціи твердаго и жидкаго; по образу планетъ она имѣетъ сферическій видъ, т. е. форму пузырька. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ еще теоріи клѣтки, и Окенъ не видалъ самъ этихъ „пузырьковъ", которые были для него только метафизическимъ постулятомъ. Изъ первоматеріи развивается вся живая природа, образуясь изъ гніенія (Fäulniss) органическихъ веществъ; на эти же вещества потомъ разлагаются опять растительныя и животныя тѣла при распаденіи. Вотъ оборотъ природы: произведеніе инфузорій изъ гніенія тѣлъ, выше организованныхъ,— потенціированіе инфузорій въ эти высшія тѣла,—распаденіе послѣднихъ опять въ инфузоріи. Такимъ образомъ избѣгается generatio aequivoca, т. е. образованіе органическихъ веществъ изъ неорганическихъ, и процессъ броженія оказывается не химическимъ, а органическимъ. Земля скрываетъ въ себѣ опредѣленное количество органической массы; точно такъ же она имѣетъ въ себѣ и нѣкоторое количество органическихъ веществъ (инфузорій, растеній, животныхъ), которое всегда остается себѣ равнымъ. Все находится въ постоянной смѣнѣ, а смѣна (Wechsel) эта есть просто переходъ органическаго вещества одного растительнаго или животнаго организма въ другой. Первое образованіе изъ инфузорій приводитъ къ самымъ низшимъ растеніямъ, эти, разлагаясь,—къ болѣе высшимъ растеніямъ, послѣднія ведутъ къ животнымъ; и здѣсь имѣетъ

мѣсто возвышеніе отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ. Ни одна инфузорія непосредственно не можетъ превратиться въ животное; весь живой міръ образуетъ рядъ органическихъ существъ, восходящій къ высшему развитію.

Геніальныя мысли Окена, къ сожалѣнію, часто затемнялись массою немотивированныхъ предположеній, произвольнымъ и неудачнымъ приложеніемъ аналогій между физическими, химическими и органическими процессами, смѣлыми гипотезами, почерпаемыми изъ его богатой фантазіи. Кромѣ своихъ положительныхъ и фактическихъ изслѣдованій, Окенъ имѣлъ сильное вліяніе на современниковъ даже этими натурфилософскими идеями, которыя онъ высказывалъ въ видѣ догадокъ,—болѣе поэтически, чѣмъ научно. Основанный имъ энциклопедическій журналъ Isis много способствовалъ распространенію въ обществѣ естественно-научныхъ свѣдѣній.

Первымъ плодомъ ученій Окена въ Россіи было изложеніе ихъ, сдѣланное Д. М. Велланскимъ въ диссертаціи его на степень доктора медицины. Эту диссертацію постигла необычная судьба, о которой мы въ „Исторіи Военно-медицинской Академіи“, стр. 150—151, читаемъ слѣдующее:

„Диссертація Велланскаго De reformatione theoriae medicinae et physicae auspicio philosophiae naturalis ineunte въ виду ея нѣсколько страннаго содержанія дала поводъ къ продолжительнымъ пререканіямъ между Медицинскимъ Совѣтомъ и конференціею Академіи.

Упомянутое сочиненіе Велланскаго представляло собою опытъ преобразованія медицины на началахъ натурфилософскихъ ученій. Презрительные отзывы автора о врачахъ и ученыхъ, не раздѣляющихъ его воззрѣній, вызвали, конечно, неодобреніе со стороны цензоровъ, но Медицинскій Совѣтъ, принимая во вниманіе, что никому нельзя запретить защищать парадоксы, что авторъ, впервые въ Россіи изложивъ систему Шеллинга, хотя и не имѣющую никакого значенія для медицины, выка-

залъ похвальныя способности, далъ разрѣшеніе на защиту этой диссертаціи. Велланскій представилъ ее въ конференцію съ просьбой удостоить его званія доктора медицины и философіи. Академія, ссылаясь на то, что ей не предоставлено права возводить въ званіе доктора философіи, что въ диссертаціи находятся выраженія не только для всего ученаго круга, но и для нѣкоторыхъ націй весьма обидныя и т. п., возвратила ее медицинскому совѣту съ просьбою о новомъ разсмотрѣніи. Совѣтъ, соглашаясь съ высказанными замѣчаніями, всетаки полагалъ возможнымъ допустить защиту, если авторъ передѣлаетъ нѣкоторыя мѣста своего сочиненія, а конференція разошлетъ предъ диспутомъ программу, „въ которой слѣдуетъ ей оправдаться предъ ученымъ свѣтомъ," а сочинителя „можно совершенно спокойно оставить въ его *бредняхъ*". Новое возраженіе со стороны конференціи: она не имѣетъ права и не обязана заставлять сочинителя передѣлывать его трудъ, да онъ и не послушаетъ ее; что же касается до предлагаемой программы, то конференція предпочитаетъ лучше не принимать участія въ защитѣ диссертаціи, которая есть дерзкая сатира, могущая нанести Академіи порицаніе не только внутри нашего отечества, но внѣ его, чѣмъ оправдываться чрезъ программы въ допущеніи такой диссертаціи къ диспуту. Эти препирательства были прекращены распоряженіемъ министра о допущеніи защиты, каковая состоялась 1 февраля 1808 г., и Велланскій былъ признанъ докторомъ медицины".

Н. И. Розановъ („Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ", „Русскій Вѣстникъ" за 1867 г., т. 72, стр. 118) сообщаетъ еще о той же книгѣ: „диссертація напечатана, оглашена; назначено время диспута въ конференціи академіи. Наступаетъ день, профессоры собираются, но возражать на диссертацію никто не явился. Назначаютъ вторично срокъ для диспута,—и онъ прошелъ, какъ первый: оспаривать диспутанта никто не выступалъ. Въ третій разъ назначенъ диспутъ, и тоже не

нашлось желающихъ оппонировать: никто—по новости натуральной системы не могъ судить о ней. Конференція представила обо всемъ этомъ начальству. Велланскій отъ себя вошелъ съ прошеніемъ, ходатайствуя о предоставленіи ему каѳедры въ академіи. Такъ какъ диссертація прошла безъ возраженій, то конференція получила разрѣшеніе допустить Велланскаго къ чтенію лекцій, и вмѣстѣ съ тѣмъ дана ему степень доктора".

„Физика" Д. М. Велланскаго получила свое завершеніе въ его „Физіологіи." Мы приведемъ здѣсь ея краткое содержаніе.

Основное начертаніе общей и частной физіологіи, или физики органическаго міра, сочиненное Академикомъ и заслуженнымъ Профессоромъ Императорской Санктпетербургской медико-хирургической академіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Даніиломъ Велланскимъ. Для руководства къ преподаванію физіологическихъ лекцій. Санктпетербургъ. Въ Гуттенберговой типографіи. 1836.

I. Умозрительное познаніе неорганической природы. II. Ѳеорія органическаго міра. Растительный организмъ. Животный организмъ.

I. Зоологія.

1. Зоогенія, показывающая строеніе животнаго организма.
2. Зоономія, излагающая дѣйствіе животнаго организма.
3. Зоогнозія, изслѣдывающая животное царство, какъ одинъ общій организмъ, въ частныхъ его видахъ.

II. Антропологія.

A. Чувственная сторона соматической сферы организма человѣческаго. Ощущеніе. Слухъ. Зрѣніе. B. Психическая сфера существа человѣческаго. 1. Чувственная сторона психической сферы: a. Воображеніе и память. b. Душерасположеніе. c. Фантазія. 2. Познательная сторона: a. Понятіе. b. Сужденіе. c. Заключеніе. 3. Желательная сторона: a. Побужденіе. b. Вожделѣніе. c. Воля. Образованіе психической сферы, отъ начальнаго развитія до окончательнаго совершенства оной. Развитіе, дѣятельность и существо духа. Образованіе воли. Душерасположеніе, образуемое духомъ и волею. Склонность или расположеніе къ какимъ-либо занятіямъ, и способности человѣка. Расположеніе къ наукамъ. Расположеніе къ искусствамъ. Физіономическіе признаки расположенія. Темпераменты, разсматриваемые по содержанію человѣка къ неорганическому и органическому міру и въ собственномъ значеніи существа человѣческаго. Сообразіе темпераментовъ съ элементами общаго міра и собственное качество оныхъ. Отличительные признаки темпераментовъ. Одинакость души человѣческой съ сущностію Природы, и уклоненіе оной отъ начальнаго вида ея образованія. Значеніе и свойство мужескаго и женскаго пола. Племена рода человѣческаго, разсматриваемыя по ихъ происхожденію и раздѣленію, различію и сходству, въ общемъ содержаніи, особомъ положеніи и въ отношеніи оныхъ къ внѣшней природѣ. Умозрительное понятіе о происхожденіи человѣка и образованіи различныхъ племенъ. Возрасты человѣческіе. Смерть и безсмертіе человѣка.

Насколько точка зрѣнія нынѣшней физіологіи отличается отъ физіологіи натурфилософской, можно судить по статьѣ *А. М. Левина* въ „Врачѣ“ за 1895 г. Послѣдній такъ характеризуетъ труды Д. М. Велланскаго и произноситъ такое о немъ сужденіе.

„Шеллингіанецъ-біологъ не нуждается въ сложной и кропотливой работѣ. Для него всякій фактъ вполнѣ достаточно объясненъ, разъ подмѣчено подобіе его другимъ фактамъ. Подобіе это можетъ иногда основываться на какой-нибудь поверхностной и случайной чертѣ сходства, и тѣмъ не менѣе научное соотношеніе этихъ двухъ фактовъ считается вполнѣ выясненнымъ.

Итакъ умозрѣніе и аналогія—вотъ тѣ два пути, которыми Вел. надѣется достигнуть „высшаго истиннаго познанія органической природы и существа человѣческаго“. Умозрѣніе говоритъ ему, что вся природа, какъ орг., такъ и неорг., одушевлена всеобщей жизнью“ (789, II).

„Разработка внутреннихъ подобій животнаго организма составляетъ главное содержаніе „Физіологіи“ Велланскаго.

Если при разборѣ строенія животнаго организма полетъ фантазіи Велланскаго еще до нѣкоторой степени сдерживается и направляется положительными данными описательной анатоміи, то въ ученіяхъ объ отправленіяхъ животныхъ органовъ скудный запасъ извѣстныхъ въ его время физіологическихъ данныхъ не препятствуетъ ему предаваться *настоящему неистовству* подобій. Рядъ произвольныхъ утвержденій, фантас-

тическая игра понятіями „гальванизмъ“, „полярность“, „оксидація“, „гидрогенація“ и т. п. производятъ тяжелое впечатлѣніе“ (790, II).

„Во всякомъ случаѣ всеобщее уваженіе образованнѣйшихъ людей его времени показываетъ какъ нельзя лучше, что въ лицѣ Велланскаго медицинская наука приняла свою долю участія въ общемъ умственномъ движеніи эпохи, откликнулась въ предѣлахъ своей области на духовные запросы времени. Въ этомъ и заключается историческая роль Велланскаго и его мѣсто въ исторіи русской медицины“ (791, II) [1]).

[1]) Д. М. Велланскій и шеллингизмъ въ русской медицинѣ начала XIX вѣка», «Врачъ» за 1895 г., т. XVI, второе полугодіе, № 28.

Поправки и дополненія.

Къ стр. 4, прим. 2: „Графъ Строгановъ... могъ дѣйствовать въ управленіи *университетомъ и учебнымъ* округомъ вполнѣ самостоятельно“....

Къ стр. 98 тома IV: В. В. Григорьевъ въ Исторіи Петербургскаго университета, кажется, смѣшалъ Н. Д. Курляндцева, проф. *Одесскаго* Ришельевскаго лицея, съ Павломъ Курляндцевымъ, канд. Петербургскаго университета, синологомъ. Отзывъ объ этомъ Павлѣ Курляндцевѣ, служившемъ потомъ при миссіи въ Пекинѣ, давалъ О. И. Сенковскій; этотъ отзывъ приведенъ въ статьѣ *П. Савельева*, „О жизни и трудахъ О. И. Сенковскаго“ при I томѣ „Собранія сочиненій“, 1858, стр. XLIV—XLVI. „Юноша, подававшій такія прекрасныя надежды, къ сожалѣнію, вскорѣ унесъ въ могилу столько дарованій, обѣщавшихъ новую славу русской наукѣ“ (XLVI).

Къ стр. 13 сего V тома: У Н. П. Барсукова, т. XIV, стр. 218—219 (изъ письма К. Д. Кавелина Погодину отъ 1 дек. 1856 г.):

„Словомъ, говорятъ, въ Министерствѣ (Народнаго Просвѣщенія) вытаскиваютъ послѣдніе камни, набросанные Ши-

ринскими, и возстановляютъ положеніе дѣлъ при Уваровѣ. Отдѣляется въ Петербургѣ каѳедра философіи и ввѣряется отличному молодому священнику, учившемуся въ Германіи“ (І. Л. Янышеву).

Къ стр. 73. Біографія А. Н. Кудрявцева помѣщена у *А. В. Смирнова*, „Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность“. Владиміръ, 1896, вып. I, стр. 12—18.

Къ стр. 8. О. Павелъ *Алексѣевъ* окончилъ курсъ въ Петербургской духовной Академіи 11-мъ магистромъ XVII-го курса (въ 1848 г.—см. И. Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной Академіи, стр. 375 и 453), былъ ректоромъ рижскаго духовнаго училища; когда въ 1850 г. при Дерптскомъ университетѣ учреждена была каѳедра богословія и философіи (для правосл.), то и былъ назначенъ на нее дерптскій соборный протоіерей П. Алексѣевъ (на мѣсто законоучителя при университетѣ, о. Ѳеодора Березскаго); преподавалъ философію о. Алексѣевъ съ 1850—1860 г. по собственнымъ запискамъ. Въ 1860 г. его освободили отъ преподаванія философіи, „которое его чрезвычайно обременяло“ (см. „Обзоръ дѣятельности Императорскаго Дерптскаго университета. На память о 1802—1865 годахъ“. Д. 1866, стр. 168—169).

О П. М. Терновскомъ еще свѣдѣнія:

„Котляревскій окончилъ курсъ въ 1857 г., но *со степенью дѣйствительнаго студента.* Причиною полученія только этой низшей степени были, кажется, затрудненія, которыя встрѣтились на экзаменѣ изъ богословія или философіи (у Терновскаго). Впослѣдствіи онъ держалъ кандидатскій экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ". (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. IV, очеркъ біографіи, сост. А. Н. Пыпинымъ, стр. XVI).

„Наканунѣ похоронъ (Грановскаго) прислали Шевыреву два ругательныхъ безъименныхъ письма, требуя, чтобы онъ не говорилъ рѣчи надъ покойнымъ, хотя Шевыревъ и не думалъ говорить; прислали также безъименное письмо *университетскому священнику* передъ самою обѣднею, тоже требуя, чтобы не говорилъ рѣчи при гробѣ" (Н. П. Барсуковъ, Ж. и тр. Погодина, т. XIV, стр. 192—изъ письма И. Д. Бѣляева А. Н. Попову).

„На отпѣваніе (бывшаго министра графа С. С. Уварова) пріѣхала Великая Княгиня Елена Павловна и нѣкоторые изъ случившихся (въ Москвѣ) придворныхъ; отпѣвалъ самъ митрополитъ, а слово сказывалъ *П. М. Терновскій*, профессоръ богословія".

(Сборникъ Общества любителей россійской словесности за 1891 г., стр. 134. „Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго", сентября 9-го дня, пятница, 1855 г.).

„Однообразно тянулась жизнь наша въ стѣнахъ университета. Къ 9 часамъ утра мы собирались въ нашу аудиторію слушать *монотонныя*, *безсодержательныя* лекціи безцвѣтныхъ профессоровъ нашихъ: Побѣдоносцева, Гастева, Оболенскаго, Геринга, Кубарева, Малова, Василевскаго, *протоіерея Терновскаго*. Въ 2 часа пополудни мы расходились по домамъ.

Профессора другихъ факультетовъ и высшихъ курсовъ, какъ Погорѣльскій, Перевощиковъ, Давыдовъ, Павловъ, были тогдашнія знаменитости, а доктора Лодеръ, Мудровъ, Мухинъ, какъ искуснѣйшіе врачи, пожинали заслуженные лавры по своей части; но мы ихъ не знали, потому что медицинскій факультетъ стоялъ отъ насъ особнякомъ, и мы не имѣли съ нимъ ничего общаго!“ Однако, экзамены были строгіе. „*Нравственное и догматическое богословіе*, а также греческій и латинскій языки подкосили насъ“ (П. Ѳ. Вистенгофъ, Изъ моихъ воспоминаній, II, стр. 336 и 337; „Историческій Вѣстникъ“, г. V, за 1884 г., т. XVI, май).

„Упомяну еще о проф. богословія, священникѣ *Терновскомъ*. Это былъ не то, что „добрый батюшка“, а настоящій строгій профессоръ.

Слушаніе его лекцій, не знаю, почему, было обязательно для студентовъ юридическаго факультета во весь трехгодичный курсъ. Для прочихъ факультетовъ положено было слушать его только первый годъ. Одинъ годъ онъ читалъ догматическое, а другой—нравственное богословіе. Мнѣ пришлось прослушать послѣднее. Онъ читалъ скоро и много: въ часъ начитаетъ листовъ 6 писанныхъ, а кончая,—дастъ программу прочитаннаго. На слѣдующей лекціи онъ вызоветъ кого-нибудь пересказать прочитанное въ прошлый разъ. Этого боялись и прятались за спины товарищей, чтобъ онъ не вызвалъ. Отмѣт-

камъ его придавался особый вѣсъ. Получившій у него единицу не переводился на слѣдующій курсъ. Его подробныя, ученыя и сухія лекціи какъ то мало вязались съ жизнью. Онѣ выучивались къ экзамену и потомъ забывались". (И. А. Гончаровъ, полное собраніе сочиненій, т. IX (1889 г.), стр. 39—40, „Воспоминанія, I, Въ университетѣ").

А. А. Фетъ сообщаетъ („Ранніе годы моей жизни", М. 1893): „Начались экзамены. Получить у священника протоіерея Терновскаго хорошій баллъ было *отличной* рекомендаціей, а я еще по милости Новосельскихъ семинаристовъ былъ весьма силенъ въ катихизисѣ и получилъ 5" (гл. XVI, стр 133). „Съ наступленіемъ Великаго поста все бросилось готовиться къ переходнымъ экзаменамъ. Принялся и я усердно за богословіе П. М. Терновскаго. Досталъ я себѣ также и *усыпительныя лекціи* его брата, Ив. М—ча, читавшаго *логику*. При моемъ исконномъ знакомствѣ съ катихизисомъ, мнѣ нетрудно было подготовиться изъ догматическаго богословія, и я отвѣчалъ на 4; но если бы меня спросили изъ исторіи церкви, то я бы не отвѣтилъ даже на единицу. Послѣ счастливаго экзамена по богословію я въ присутствіи проф. латинской словесности Крюкова, читавшаго, начиная со II курса, экзаменовался изъ логики и къ несчастію вынулъ всѣ три билета изъ второй половины лекцій, которой не успѣлъ прочитать. Услыхавъ на третьемъ билетѣ мое: „и на этотъ не могу отвѣтить", онъ сказалъ: „а меня Ваша четверка сильно интересуетъ, и я желалъ бы, чтобы Вы перешли на II курсъ. Не можете ли чего-либо отвѣтить по *собственному* соображенію?" И когда я понесъ невообразимый *вздоръ*, экзаменаторы переглянулись—и тѣмъ не менѣе поставили мнѣ тройку!" (тамъ же, гл. XIX, стр. 162). А между тѣмъ славный впослѣдствіе поэтъ Фетъ (Шеншинъ) не былъ лишенъ философскихъ способностей, какъ это выказалъ онъ въ поздніе годы своей жизни.

Къ стр. 46—56.

Р. С. (Ростиславовъ), „Петербургская духовная Академія до графа Протасова. Воспоминанія“ („Вѣстникъ Европы“ за 1872 г., г. VII, т. V, сентябрь, ст. V, стр. 168—170) сообщаетъ весьма любопытныя подробности о родномъ братѣ А. И. Райковскаго Степанѣ Ивановичѣ Райковскомъ, профессорѣ математики при Петербургской дух. академіи и авторѣ семинарскаго учебника по геометріи (1827 г.). Заимствуемъ одинъ разсказъ (стр. 168—169): „А. И., родной его братъ, сталъ выговаривать ему за то, что онъ никогда къ нему не приходитъ.— „Вѣдь тебя дома никогда не захватишь“, сказалъ оригиналъ.— „Да вотъ приходи въ первый день Пасхи (разговоръ происходилъ на страстной недѣлѣ) къ обѣду; я буду дома, вмѣстѣ пообѣдаемъ“. Наступила Пасха; оригиналъ въ самомъ началѣ утренней службы отправился къ своему брату, и когда кухарка отперла ему дверь, спросилъ: „А что, братъ дома?“— „Помилуйте, С. И.,“ отвѣчала кухарка, „да теперь всѣ въ церкви у заутрени.“—„Ну вотъ“, заговорилъ чудакъ, „я вѣдь говорилъ, что его дома никогда не застанешь. Вѣдь вотъ звалъ обѣдать, а самъ ушелъ въ церковь!“ Сказавши это, отправился въ Академію и, разумѣется, къ обѣду не явился“.

Вышли отдѣльными изданіями и находятся въ продажѣ:

1. Философія и литература. Сборникъ статей (1888—1898). Томъ I. Казань, 1898 (172 стр.). Цѣна 1 р. 20 к.

2. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1894 (VIII + 248 стр.). Цѣна 2 р.

3. Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Юрьевъ, 1895 (8 ненум.+82 стр.). Цѣна 75 к.

4. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897 (100 стр.). Цѣна 80 к.

5. О самосознаніи. Актовая рѣчь. Каз., 1898 (42 стр.). Цѣна 25 к.

6. Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань, 1898 (51 стр.). Цѣна 35 коп.

7. О понятіи бытія. Казань, 1898 (76 стр.). Цѣна 50 к.

8. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896 (16 стр.). Цѣна 20 к.

9. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы съ библіографическими примѣчаніями. Издалъ (переработалъ и дополнилъ) Евгеній Бобровъ. Дерптъ, 1892 (75 стр.). Цѣна 60 к.

10. Срѣмецъ. Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ. (Переводъ Евгенія Боброва по заказу съ рукописи) СПБ. 1894 (105 стр.) Цѣна 1 р.

11. Г. Тейхмюллеръ. Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1895 (VIII + 200 стр.). Цѣна 1½ р.

12. Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1894 (VIII+100 стр.). Цѣна 1 р.

13. Рецензія на «Свое Слово» А. А. Козлова, № 5. Казань, 1899. (16 стр.). Цѣна 10 к.

14. Философскій элементъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи Казань, 1900. (20 стран.). Цѣна 15 коп.

15. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. (VIII + 216 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р.

16—19. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I. Казань, 1899 (IV+48 стр.) Цѣна 30 к. Вып. II. Казань, 1899 (VIII+253 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. III. Казань. 1900 (VIII+256 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. IV. Казань. 1901. (VIII+264). Цѣна 1 руб. 70 коп.

20. Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1898 г. съ приложеніемъ двухъ разсужденій: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусство и христіанство. Казань, 1900 (32 стр.). Цѣна 25 к.

Выписывающіе непосредственно отъ автора-издателя (Казань, университетъ, профессору Евгенію Александровичу Боброву) пользуются уступкой съ нарицательной цѣны.